АЛТАЙСКІЕ ИНОРОДЦЫ.

СБОРНИКЪ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ и ИЗСЛѢДОВАНІЙ

АЛТАЙСКАГО МИССІОНЕРА,

ПРОТОІЕРЕЯ

В. И. Вербицкаго,

изданный Этнографическимъ Отдѣломъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ,

подъ редакціей

А. А. Ивановскаго.

МОСКВА.
Высочайше утв. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Петровка, домъ Левенсонъ.
1893.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи 1893 года 8-го іюня.

Президентъ Общества, Ординарный Профессоръ **Д. Анучинъ**.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, 12-го марта 1891 года, нижеподписавшійся внесъ предложеніе объ изданіи отдѣльнымъ сборникомъ этнографическихъ статей и изслѣдованій покойнаго алтайскаго миссіонера, протоіерея В. И. Вербицкаго, мотивировавъ свое предложеніе, во-первыхъ, тѣмъ, что подобный сборникъ, составленный изъ статей, разбросанныхъ по различнымъ, часто мало доступнымъ, изданіямъ, будетъ имѣть важное научное значеніе, заключая въ себѣ пока единственное столь подробное и разностороннее описаніе быта алтайцевъ, какое сдѣлано покойнымъ о. Вербицкимъ, а вовторыхъ, и тѣмъ, что изданіемъ этого сборника достойнымъ образомъ почтится память неутомимаго труженика—этнографа, всю свою жизнь посвятившаго безкорыстному служенію наукѣ. Отдѣлъ отнесся очень сочувственно къ означенному предложенію и въ томъ-же своемъ засѣданіи сдѣлалъ постановленіе объ изданіи этого сборника, поручивъ нижеподписавшемуся какъ редактированіе сборника, такъ и составленіе біографіи о. Вербицкаго. Не имѣя необходимыхъ средствъ на изданіе сборника, Отдѣлъ постановилъ открыть предварительную подписку на него, назначивъ цѣну послѣднему въ 2 руб., о чемъ затѣмъ и было объявлено въ издаваемомъ Отдѣломъ журналѣ „Этнографическое Обозрѣніе", 1891 г., кн. VIII. Вскорѣ-же послѣ этого отъ одного лица (въ Москвѣ), пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, Этнографическій Отдѣлъ съ глубокою благодарностью получилъ на изданіе сборника 300 рублей. Сослуживцы покойнаго протоіерея, алтайскіе миссіонеры, узнавъ о предполагаемомъ изданіи, также оказали посильную матеріальную поддержку и сдѣлали предварительные взно-

сы. Послѣдніе получены: отъ Начальника миссій Томской епархіи, Бійскаго Епископа Владиміра (5 руб.) игумена Иннокентія (3 руб.), іеромонаха Иннокентія, А. Ѳ. Капелькина, С. А. Петрова (3 руб.), священниковъ: П. Бенедиктова, С. Борисова (3 руб.), С. Ивановскаго (4 руб.), В. Ландышева, І. Никифорова (3 руб.), І. Никольскаго, Г. Оттыгашева, Т. Петрова (5 руб.), В. Постникова (3 руб.), С. Постникова, В. Россова (4 руб. за 2 экз.), К. Соколова, В. Тозыякова, М. Турбина (10 руб. за 4 экз.) и І. Штыгашева (3 руб.). Предварительные взносы получены также отъ слѣдующихъ лицъ: Президента Общества Любителей Естествознанія, проф. Д. Н. Анучина, Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла, проф. Вс. Ѳ. Миллера, товарища предсѣдателя того-же Отдѣла В. М. Михайловскаго, секретаря Отдѣла Н. А. Янчука, проф. Н. Ѳ. Сумцова, А. М. Головачева, прот. Арс. Ивановскаго, А. А. Ивановскаго, И. С. Ландышева (3 руб.), Е. А. Ляцкаго, книжнаго магазина Михайлова и Макушина въ Томскѣ (10 руб. за 5 экз.) и Харьковской общественной библіотеки.

Матеріаломъ при составленіи біографическаго очерка служили: некрологъ о. Вербицкаго, помѣщенный въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ (1891 г., кн. VIII), двѣ статьи игумена Владиміра Синьковскаго и священника Василія Постникова въ „Томскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“, 1891 г., № 9, письма покойнаго къ протоіерею Арсенію Ивановскому и двѣ замѣтки, предоставленныя въ распоряженіе редакціи гг. Головачевымъ и Вольскимъ.

Доставленіемъ прилагаемаго къ сборнику портрета о. Вербицкаго редакція обязана художнику М. С. Вольскому, лично знавшему покойнаго миссіонера. Портретъ сдѣланъ г. Вольскимъ съ фотографическаго снимка, снятаго съ о. Вербицкаго А. М. Головачевымъ въ Чамалѣ въ 1890 г., т. е. въ годъ его смерти.

Весь доходъ отъ продажи сборника, по постановленію Этнографическаго Отдѣла, будетъ употребленъ на изданіе новыхъ матеріаловъ или изслѣдованій по этнографіи сибирскихъ инородцевъ.

Ал. Ивановскій.

Алтайскій миссіонеръ, протоіерей

В. И. Вербицкій.

(† 1890 года 12-го октября).

Алтайскій миссіонеръ, протоіерей Василій Ивановичъ Вербицкій.

Жизнь покойнаго алтайскаго миссіонера, протоіерея В. И. Вербицкаго служитъ высоко-поучительнымъ примѣромъ того, что можетъ сдѣлать въ глухомъ, заброшенномъ углу человѣкъ, ищущій дѣятельности и желающій принести посильную пользу какъ окружающимъ его, такъ и наукѣ. Сынъ дьячка Нижегородской епархіи, В. И. Вербицкій, по окончаніи курса наукъ въ Нижегородской семинаріи, занялъ сначала мѣсто учителя, но вскорѣ-же оставилъ его, поѣхалъ въ Сибирь и здѣсь, 12-го января 1853 года опредѣленный на службу въ Алтайскую духовную миссію и 17-го іюля 1854 г. рукоположенный въ Томскѣ во священника, всю свою жизнь (около 37 лѣтъ) посвятилъ миссіонерской дѣятельности на Алтаѣ, неутомимо трудясь въ то-же время по изученію мѣстнаго инородческаго населенія. Прослужить 37 лѣтъ въ Алтайской миссіи,—говоритъ игуменъ (нынѣ епископъ) Владиміръ [1],—въ особенности въ первые годы нищенскаго матеріальнаго ея существованія, когда она не имѣла никакихъ средствъ, когда она питалась, большею частью, тѣми крохами, которыя собирались по домамъ москвичей цѣлый вѣкъ свой хлопотавшимъ о миссіи, незабвеннымъ протоіереемъ Николаемъ Лавровымъ, когда Алтай представлялъ во всѣхъ отношеніяхъ несравненно больше трудностей и для миссіонерскаго на немъ дѣланія и для жизни дѣлателей,—поступить на Алтай въ такую пору и затѣмъ прослужить на немъ 37 лѣтъ, мы едва-ли ошибемся, если назовемъ такое служеніе подвигомъ. О трудностяхъ миссіонерской жизни самъ покойный протоіерей писалъ однажды слѣдующее: „Дѣлать одно дѣло, дѣлать его не годъ, не два, а цѣлыхъ три десятка лѣтъ—требуетъ отъ человѣка постоянства и особенной любви къ избранному дѣлу. При благопріятныхъ условіяхъ всякое дѣло становится легкимъ и даже пріятнымъ. Не таково дѣло миссіонерское: это—война безъ перемирія. Какъ въ военное время солдатамъ нѣтъ возможности пользоваться разными удоб-

[1] „Томскія Епарх. Вѣд.“, 1891 г. № 9.

ствами, такъ и миссіонеру объ удобствахъ помышлять не приходится. Ѣдетъ онъ и весною и осенью, и лѣтомъ и зимою, и въ вёдро и въ ненастье, не въ какомъ-либо крытомъ экипажѣ, а на сѣдлѣ, будучи подверженъ всѣмъ преложеніямъ воздушнымъ. При ясной погодѣ, лѣтомъ, ѣзда безопасна. А во время дождей? Намокнетъ путникъ до костей, а тутъ надо карабкаться на перевалъ, гдѣ отъ страшныхъ ударовъ грома на глазахъ валятся разбитыя деревья и конь отъ страха падаетъ на колѣна; затѣмъ надо спускаться внизъ, по страшной крутизнѣ. Подниматься въ гору не такъ страшно,—не упадешь; спускаться же, тутъ-то и жди непріятности. При малѣйшемъ невѣрномъ шагѣ лошади путникъ обыкновенно падаетъ. Хорошо, если только выпачкается въ грязи, а часто бываетъ и хуже. Можно изувѣчиться, или, въ лучшемъ случаѣ, ушибиться, что нерѣдко случается".

„Весною и осенью весь мокрый, дрожащій отъ холода миссіонеръ жаждетъ, гдѣ бы отогрѣться и обсушиться. Въ этомъ положеніи разстояніе дѣлается, т. е. представляется, необыкновенно большимъ. Наконецъ жилье человѣческое—юрта. Лучше нѣтъ и негдѣ искать помѣщенія. Надо обсушиться. Приходится снять съ себя все мокрое и сушить на огнѣ. Благо тому, у кого есть запасная одежда. Большеюже частію бываетъ такъ: пока одежда сушится, путникъ облекается въ хозяйскія одежды. Тутъ извѣстныя насѣкомыя съ жадностью бросаются на гостя".

„Во время поѣздокъ, и обѣдъ, и ужинъ, утренній и вечерній чай составляетъ одно кушанье: кирпичный чай съ сухарями и—сухари съ чаемъ".

„Ночлегъ: обсушившись и согрѣвшись горячимъ чаемъ, насидѣвшись до изнеможенія въ бесѣдѣ съ хозяевами, миссіонеръ кладетъ свое сѣдло въ головы, стелетъ потникъ изъ-подъ сѣдла и одѣвается высушенными одеждами. Утомленіе беретъ свое: путникъ засыпаетъ. Онъ не чувствуетъ, какъ кусаютъ его разныя насѣкомыя, не слышитъ отвратительной вони отъ развѣшенныхъ конскихъ кожъ, не замѣчаетъ сосѣдства собакъ, телятъ и ягнятъ, не слышитъ, какъ стучитъ надъ головою дождь, завываетъ вѣтеръ или стонетъ страшный буранъ".

„Такъ ночуютъ миссіонеры, пока они еще молоды, крѣпки. Старики-же, съ надломленнымъ, изношеннымъ здоровьемъ, сверхъ вышесказанныхъ неудобствъ, чувствуютъ въ ненастную погоду еще болѣе непріятностей: и голова болитъ, и кости ноютъ, и холодъ, и насѣкомыя спать не даютъ. И длинна, длинна бываетъ осенняя ночь!"

„Ходитъ миссіонеръ изъ юрты въ юрту, или собираетъ алтайцевъ куда-либо въ одно мѣсто, чтобы предложить имъ слово спасенія. Если слушаютъ со вниманіемъ, миссіонеръ доволенъ. Большеюже частію слушаютъ плохо, разсѣянно, или прерываютъ рѣчь проповѣдника разными неподходящими разсказами, вопросами или шумомъ. Вотъ и скорбь на душѣ".

Плохой отдыхъ ждетъ миссіонера и дома: „Пріѣзжаетъ миссіонеръ домой и не смѣетъ разсчитывать на отдыхъ: и съ дѣломъ и съ бездѣльемъ, постоянно приходятъ къ нему инородцы. Одинъ зоветъ исповѣдывать больнаго, другой проситъ лекарства, третій жалуется, что у него увезли остожье. Приходятъ мужъ съ женою, оба плачутъ, другъ на друга жалуются. Приходитъ старикъ, весь въ синявицахъ, съ жалобою, что некрещенные родственники, желая выжить его изъ своего улуса, пригнали на его пашню 300 лошадей, весь хлѣбъ вытоптали, а его самого избили до полу смерти и обѣщались убить, если онъ не уѣдетъ отъ нихъ. Является татаринъ, проситъ пособить его брату, въ пьяномъ видѣ упавшему въ кипящій котелъ и получившему большіе обжоги. Тотъ проситъ хлѣба, другой—корову, третій—денегъ на сѣмена. Тутъ приносятъ дѣтей для крещенія, просятъ о повѣнчаніи, спрашиваютъ, можно-ли такому-то жениться на такой-то. А тутъ приходиться ѣхать, иногда верстъ за 50, для напутствованія больныхъ. А тутъ, смотришь, за время поѣздокъ на столѣ лежатъ бумаги, на которыя нужно отвѣчать немедленно. Надо писать исповѣдныя росписи, метрики, вести разные журналы. Надо о школахъ позаботиться. Если есть желающіе креститься, нужно ихъ приготовить къ крещенію, позаботиться и о бѣльѣ для крещающихся, а затѣмъ и о водвореніи ихъ послѣ крещенія. Тутъ слышишь, что изъявившіе желаніе креститься колеблются,—надо ихъ поддержать; тамъ—крещенные въ жизни своей начинаютъ являть недобрыя стороны,—нужно ихъ вразумить".

Несмотря на такую тяжелую жизнь, неразрывно связанную съ миссіонерскою дѣятельностью, жизнь, полную труда и лишеній, нравственныхъ мукъ и физическихъ испытаній, покойный миссіонеръ горячо, беззавѣтно любилъ свой Алтай, всего себя отдавъ разъ избранному дѣлу, съ любовью велъ это дѣло, ни разу не отступалъ съ того тернистаго пути, по которому шелъ, и успѣлъ столько принести пользы и дорогому для него Алтаю и наукѣ, что, умирая, съ спокойной совѣстью могъ сказать: „feci quod potui". Память объ о. Вербицкомъ, какъ миссіонерѣ, надо надѣяться, никогда не изгладится среди членовъ Алтайской миссіи. Въ глубоко-прочувствованныхъ статьяхъ сослуживцевъ о. Вербицкаго, епископа Владиміра (Синьковскаго) и свящ. В. Постникова, посвященныхъ памяти покойнаго протоіерея, миссіонерская дѣятельность послѣдняго обрисовывается такою, которая можетъ служить образцомъ для другихъ миссіонеровъ. „Алтайская миссія въ лицѣ покойнаго протоіерея В. И. Вербицкаго потеряла опытнаго, многополезнаго труженика, отдавшаго всѣ свои душевныя и тѣлесныя силы Алтаю, а миссіонеры—дорогаго совѣтника, искренняго друга, любимаго и любящаго брата,"—пишетъ епископъ Владиміръ. „Стараго миссіонерскаго закала, прежняго воспитанія и образованія, миссіонеры дорогой нашей Алтайской миссіи одинъ за другимъ ста-

ли сходить со сцены,“—такъ начинаетъ свои воспоминанія объ о. Вербицкомъ свящ. Постниковъ,—„списокъ покойныхъ дѣятелей нашей миссіи удлинняется: не такъ давно онъ увеличился смертію незабвеннаго о. протоіерея Вербицкаго.“ „Такіе люди, какъ покойный, — продолжаетъ авторъ,—рѣдки, и потому справедливость требуетъ, когда смерть отнимаетъ ихъ у насъ, воздать должное ихъ памяти, принести имъ дань, хоть слабую, но которая свидѣтельствовала-бы о нашей любви и уваженію къ покойному“. Затѣмъ авторъ такъ характеризуетъ о. Вербицкаго: „О. протоіерей былъ простъ, прямодушенъ и всѣхъ привлекалъ къ себѣ своимъ обращеніемъ. Кузнецкіе татары такъ любили, уважали и довѣряли покойному, что всѣ зайсанскія печати всѣхъ черневыхъ Кузнецкихъ зайсановъ хранились у о. протоіерея до самаго его выѣзда изъ Кузнецкаго округа. Пользуясь такимъ расположеніемъ къ себѣ народа, о. протоіерей больше всѣхъ миссіонеровъ окрестилъ инородцевъ (болѣе 2 тысячъ) [1]).

Къ подчиненнымъ о. протоіерей былъ не начальникомъ, а старшимъ братомъ, а къ меньшей братіи—самымъ нѣжнымъ отцомъ. Его, какъ начальника, не боялись, а любили и изъ любви къ нему не дозволяли себѣ предосудительныхъ поступковъ, чтобы не огорчить любимаго старца.

У покойнаго не было секретовъ; душа его была для всѣхъ открыта. Братій по духу о. Василій любилъ болѣе, чѣмъ братій по плоти. Это знаютъ всѣ служащіе въ миссіи [2]).

Жизнь онъ велъ самую простую. Вина не пилъ болѣе двухъ рюмокъ, чай пилъ по одному только стакану, столъ имѣлъ простой. Постоянно занятый чтеніемъ или письмомъ, онъ о пищѣ, кажется, менѣе всего заботился. Я къ нему заѣхалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Чамалъ. И что же?—протоіерей жилъ въ палаткѣ.

— Мы, братъ, здѣсь кочуемъ, здоровьемъ запасаемся, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Давай съ радости чай пить.

Чай по походному, съ сухарями, ужинъ состоялся изъ одной просяной кашицы.

Человѣкъ больной долженъ бы усилить питаніе; но о. Василій объ этомъ точно позабылъ.

Я коснулся тѣхъ сторонъ характера о. Василія, которыя были открыты для всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ сношеніе,—заканчиваетъ о.

---

[1]) По словамъ епископа Владиміра, о. Вербицкимъ, за все время его миссіонерской дѣятельности, было обращено въ христіанство 2117 язычниковъ.

[2]) Всѣ свои сбереженія покойный оставилъ, по духовному завѣщанію, исключительно миссіонерамъ, миссіонерскимъ церквамъ, миссіонерскому монастырю и пріюту. На неоднократное предложеніе двухъ миссіонеровъ, попеременно находившихся при больномъ въ послѣдніе дни его жизни, удѣлить что-либо въ пользу его родныхъ, живущихъ въ Россіи, о. протоіерей отвѣчалъ: „У меня нѣтъ родныхъ, роднѣе васъ миссіонеровъ“.

Постниковъ,—„но какъ будутъ хранить о немъ память тѣ, которые были почтены его дружбой! Они будутъ помнить, что дружба эта была постоянна и безкорыстна, что она выражалась не словами только, но и самымъ дѣломъ. Друзья его никогда не забудутъ его радушія, привѣтливости, бесѣды, полной одушевленія, разнообразной, богатой меткими наблюденіями, анекдотами, остротами, юморомъ, бесѣды, показывающей въ немъ плѣнительную доброту сердца.“

Съ честью выполняя свою миссіонерскую дѣятельность, покойный о. Вербицкій все время, свободное отъ прямыхъ служебныхъ обязанностей (а его было такъ немного), посвящалъ этнографическимъ изслѣдованіямъ, занятію пчеловодствомъ, ботаникой и метеорологическимъ наблюденіямъ.

О. Вербицкій, мало того, что первый ввелъ въ Алтаѣ (въ Кузнецкомъ округѣ) пчеловодство, но и поставилъ веденіе его на вполнѣ раціональную почву. Какъ опытнаго и раціональнаго пчеловода, о. Вербицкаго знали не только всѣ пчеловоды въ Сибири, но и весьма многіе въ Европейской Россіи, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя письма пчеловодовъ, просившихъ у него указаній и совѣтовъ. По справедливому замѣчанію доктора Л—скаго, „Алтай потерялъ въ немъ свѣточъ раціональнаго пчеловодства, а печатный органъ послѣдняго—дѣльнаго и свѣдущаго указателя“.

Изученію флоры Алтая покойный протоіерей также посвятилъ много лѣтъ своей жизни, ведя постоянную переписку съ извѣстнымъ ботаникомъ Анненковымъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ помогавшимъ о. Вербицкому въ изученіи ботаники. О. Вербицкій, въ свою очередь, посылалъ ему всѣ свои ботаническія наблюденія и замѣтки, и большая часть ихъ вошла въ ботаническій словарь Анненкова.

Но особенно плодотворны и цѣнны для науки были труды о. Вербицкаго въ области лингвистики и этнографіи. Съ самаго начала своего поступленія въ миссію, о. Вербицкій, прекрасно сознавая, что безъ знанія языка мѣстныхъ инородцовъ немыслимы ни успѣшная среди нихъ миссіонерская дѣятельность, ни столь тѣсно связанная съ нею для каждаго миссіонера дѣятельность въ области этнографіи, горячо принялся за изученіе алтайскаго языка. Результатомъ этого изученія явилась сначала его „Краткая грамматика алтайскаго языка“, а потомъ, по накопленіи достаточнаго матеріала, собиравшагося непрерывно въ продолженіи 30-ти слишкомъ лѣтъ, онъ даритъ этнографію капитальнымъ лингвистическимъ трудомъ, обнимающимъ около 500 страницъ, подъ заглавіемъ: „Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка“. Насколько цѣненъ этотъ трудъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующій о немъ отзывъ преосвященнаго начальника миссій, извѣстнаго знатока алтайскаго языка: „Алтайско-аладагскій и русскій словарь составляетъ цѣнный вкладъ въ отечественную библіотеку тюркской литературы и—честь Алтайской мис-

сіи. Онъ есть плодъ многолѣтнихъ трудовъ ветерана миссіонерской
службы, не безъизвѣстнаго для мѣстныхъ печатныхъ органовъ по
многимъ этнографическимъ и другимъ статьямъ. Послѣ словаря г. Бу-
дагова, словарь протоіерея Вербицкаго имѣетъ право занять первое
мѣсто по капитальности труда и добросовѣстности его исполненія.“
Рядомъ съ собираніемъ лексикологическаго матеріала у о. Вербицка-
го шло и всестороннее изученіе быта алтайскихъ инородцевъ. Въ мно-
гочисленныхъ статьяхъ о. Вербицкаго, печатавшихся по разнымъ изда-
ніямъ (въ „Вѣстникѣ Имп. Русск. Географ. Общества“, „Православ-
номъ Обозрѣніи“, „Душеполезномъ Чтеніи“, „Томскихъ Губ. Вѣд.“,
„Томск. Епарх. Вѣд.“, „Памятныхъ книжкахъ Томской губ.“, „Восточ-
номъ Обозрѣніи“ и въ приложеніи къ нему—„Литератур. Сборникѣ“) и
составившихъ настоящій сборникъ, этнографія впервые обогатилась
цѣнными для нея свѣдѣніями о кочевникахъ Алтая. О важности ихъ
для энтографіи можетъ судитъ каждый по изданному сборнику, въ
который не вошли только „Краткая грамматика алтайскаго языка“ и
„Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка“, какъ
вышедшія отдѣльными книгами.

За свое сотрудничество ученымъ Обществамъ о. Вербицкій былъ
избранъ: дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Общества
Акклиматизаціи животныхъ и растеній, членомъ — сотрудникомъ За-
падно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества и дѣйствитель-
нымъ членомъ Томскаго статистическаго комитета. Въ послѣдніе го-
ды своей жизни покойный состоялъ помощникомъ начальника миссій
Томской епархіи.

Скончался протоіерей В. И. Вербицкій 1890 года 12-го октября,
на 63-мъ году отъ рожденія, въ Улалинскомъ станѣ Алтайской ду-
ховной миссіи. По объясненію доктора Л—скаго, съ которымъ покой-
ный велъ переписку о своей болѣзни, послѣдняя явилась слѣдствi-
емъ многолѣтнихъ, сопряженныхъ съ различными трудностями, опа-
сностями и лишеніями, поѣздокъ по Алтаю на верховой лошади. Объ-
ясненіе это будетъ вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что
въ теченіи 37-лѣтней миссіонерской своей службы о. Вербицкій изъ-
ѣздилъ 36,000 верстъ верхомъ и притомъ, большею частью, по такой
сырой мѣстности, какова Кузнецкая чернь.

Труды протоіерея В. И. Вербицкаго:

1) Краткая грамматика алтайскаго языка, подъ редакціей Н. И. Ильминскаго. Казань. 1869 г.

2) Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка. Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. Казань. 1884 г. IV + 494 in 8°.

3) Замѣтки кочеваго алтайца. «Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.», 1858 г., кн. XI, стр. 77—109.

4) Записки миссіонера Кузнецкаго отдѣленія Алтайской духовной миссіи. «Православное Обозрѣніе» 1863 — 1869 гг., «Душеполезное Чтеніе», 1861 г., IX, стр. 75—98, и «Томскія Губ. Вѣд.», 1875 г., №№ 15, 17, 18, 22, 23, 25, 28—33.

5) Алтайцы. Содержаніе: топографія Алтая и его естественныя произведенія; происхожденіе алтайскихъ инородцевъ и раздѣленіе ихъ на племена: 1) алт. калмыки, 2) калмыки-двоеданцы, 3) телеуты и 4) черневые татары; наружный видъ алтайцевъ; одежда и обувь; жилища; пища и питье; языкъ; вѣрованія; преданія: 1) о сотвореніи міра; 2) обширность мірозданія; 3) о происхожденіи Эрлика и другихъ разумныхъ существъ; 4) ссылка Эрлика, его нападенія на человѣка; виновность человѣка и осужденіе (**1**); 5) міръ Эрлика; брань Мангдышіре съ нимъ и его силою; низверженіе Эрлика и слугъ его съ неба на землю и съ земли въ преисподнюю (**2**); 6) о всемірномъ потопѣ (**3**); 7) происхожденіе шаманства; раздѣленіе языковъ и опредѣленіе безграмотства (**4**); 8) о Тенгере—Тедыгечі—небозаключителѣ (**5**); 9) Тенгере—Тедыгечі въ царствованіе Шаржаалты 2-го; 10) кончина вѣка съ ея признаками (**6**); историческія, богатырскія и др. преданія: 1) о подданствѣ Россіи телеутовъ (**7**); 2) о подданствѣ Россіи телеутовъ-скедамовъ; 3) о междоусобной войнѣ Амыр-Санаги съ Чаган-Нараттаномъ; 4) происхожденіе народа «туургутъ» и о подданствѣ Россіи алтайскихъ калмыковъ; 5) о Телецкомъ озерѣ (**8**); 6) Мрасскій порогъ (**9**); 7) богатыри рѣки Катуни; 8) богатырь горы Катуни (**10**); 9) гора Катунь; 10) Мустагъ, Карабуръ и Кізей; 11) Азра-дашь (**11**); 12) Туралыгъ; 13) китайскій богатырь Садагай (**12**); 14) Тахпах-ажігы; 15) миѳъ о происхожденіи верблюда и осла (**13**); 16) Алтайская чудь; 17) происхожденіе сёока мундусовъ и теолессовъ; 18) участь грамотности алтайцевъ (**14**); нравы, обычаи, обряды и примѣты; лѣченіе болѣзней; пѣсни: 1) о разореніи Алтая; 2) тюремная пѣсня алтайскаго батыря Канзы (**15**); 3) бородастый Тень-бегей; 4) плачъ о потерѣ мужа; 5) жалобы влюбленнаго; 6) похвала супругѣ; 7) разлука съ супругою; 8) грустныя чувства на чужбинѣ; 9) признательность къ родителямъ; 10) безполезность имѣнія по смерти; 11) жалобы на одиночество; 12 воспоминаніе товарищества; 13) воспоминаніе о родныхъ и знакомыхъ; 14) ожиданіе роднаго; 15) плачъ о потерѣ сына; 16) о дружелюбіи и согласіи; 17) нужда въ пѣсенникѣ; 18) надежда сироты; 19) желанія родителей; 20) разлука съ дочерью; 21) сотраданіе къ птицамъ пернатымъ; 22) Орадый и Урей и 7 пѣсенъ безъ названій; пословицы; загадки. «Томскія Губ. Вѣд.» 1869 г. №№ 30 — 33, 35, 37 — 42, 44 — 47, 49—51, и 1870 г. №№ 1—5, 7—13, 16-19. Преданія, за названіемъ которыхъ стоятъ цифры въ скобкахъ, были напечатаны ранѣе въ тѣхъ-же «Томскихъ Губ. Вѣд.», именно: **1**—1859 г., № 29; **2**—1859 г., № 45; **3**—1865 г., № 6 (см. также статью о. Вербицкаго: «Какъ мы отыскивали Ноевъ ковчегъ» въ «Восточномъ Обозрѣніи» 1882 г., № 30); **4**—1865 г., №№ 17 и 18; **5** — 1865 г., № 31; **6**—1860 г., № 30; **7**—1858 г., № 29; **8**—1860 г., № 37; **9**—1862 г., № 37; **10**—1862 г., № 24; **11**—1861 г., № 27; **12**—1859 г., № 45; **13**—1861 г., № 32; **14**—1865 г., № 18; **15**—1864 г., № 9.

6) Кочевья инородцевъ Кузнецкаго округа по рр. Томи, Мрасѣ и Кондомѣ. «Памятная книжка Томской губ. на 1871 г.», изд. Томскаго статист. комитета.

7) Очеркъ дѣятельности Алтайской духовной миссіи по случаю пятидесятилѣтняго ея юбилею (1830 — 1880 г.). «Памятная книжка Томской губ. 1885 г.», изд. Томскаго статист. комитета. Томскъ, 1885 г., стр. 142—221.

8) Краткія свѣдѣнія объ Алтайской дух. миссіи, извлеченныя изъ рапорта помощника начальника миссій Томской епархіи, протоіерея Вербицкаго, представленнаго имъ его преосвященству, преосвященнѣйшему Исаакію при обозрѣніи епархіи (происхожденіе алтайскихъ инородцевъ, раздѣленіе ихъ и подданство Россіи, ихъ языкъ, вѣрованія, шаманство, жертвоприношенія, нравы, обычаи и обряды). «Томскія Епарх. Вѣд.», 1886 г., №№ 19—22.

9) Міросозерцаніе и народное творчество сибирскихъ инородческихъ племенъ (этнографич. матеріалы): Алтайскія горы по легендамъ инородцевъ: 1) Абакан, 2) Шанчилык,

3) Кізей, 4) Туралыг, 5) Садагай-гая, 6) Кылан, 7) Мазарак, 8) Кызыл-гая, 9) Улуг-таг, 10) Курт-як таш., 11) Катун, 12) Ак-гая, 13) Патно-гаизы, 14) Манак, 15) Ог-аттыг таш., 16) Казырган и Кедере-даг; 17) Унзас-каябажы. «Литературный Сборникъ», изд. редакціи «Восточнаго Обозрѣнія». Спб. 1885 г., стр. 337—351.

10) Сказка у алтайскихъ инородцевъ: происхожденіе богатырей; предсказанія о рожденіи ихъ; опасности, которымъ подвергаются они во чревѣ матерей своихъ; рожденіе ихъ большею частію отъ престарѣлыхъ родителей; нареченіе имени; ростъ богатырей и дѣтская сила; богатыр. сѣдло; богатыр. вооруженіе; богатыр. сила, богатыр. ѣзда; богатыр. битвы. «Томскія Губ. Вѣд.» 1882 г. №№ 33, 44, 45 и 1883 г. №№ 8, 14—16.

11) Памятники наказанной вѣтренности и ослушанія (преданія алтайцевъ о богатыряхъ, обратившихся потомъ въ горы: Абаганъ, Мустагъ и Азрадэшь). «Томскія Губ. Вѣд.», 1861 г., № 27.

12) Алтайскій богатырь Ольгудэкъ (преданіе черневыхъ татаръ). «Томскія Губ. Вѣд.», 1868 г. № 2.

13) Люди, превратившіеся въ звѣрей и птицъ (изъ естественной исторіи алтайцевъ): медвѣдь, кукушка, иволга, глухарь и карастель. «Том. Г. В.», 1869 г., № 39.

14) Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, собранные В. В. Радловымъ (Спб., 1866 г.). «Томскія Г. В.», 1874 г., №№ 13, 18, 19, 21 и 22.

15) Мустагъ, Карабуръ, Кізей и Туралыгъ (легенды кузнецкихъ татаръ объ образованіи этихъ горъ). «Томск. Губ. В.», 1865 г., № 1.

16) Тюрунъ—Музыкай; легенды алтайцевъ о происхожденіи разноцвѣтныхъ камней и насѣкомыхъ. «Томск. Г. В.», 1863 г. № 27.

17) Замѣчанія на статью объ Алтаѣ: «Татарскія пѣсни», Н. Ананьина, въ «Томск. Губ. В.», 1859 г., № 2 (приведена легенда о сотвореніи міра). «Томск. Губ. В.», 1859 г., № 13.

18) Первая пища человѣка по изгнаніи его изъ «арувнь-сюдюнь»; вражда съ животными; происхожденіе огня, супружества и смерти (по сказанію алтайскихъ инородцевъ). «Томскія Губ В.», 1860 г., № 38.

19) Понятія алтайскихъ инородцевъ душѣ. «Том. Г. В.», 1860 г., № 5.

20) Названіе мѣсяцевъ у черневыхъ инородцевъ Кузнецкаго окр.: 1) по весеннему равноденствію, 2) по продолжительности дня, 3) по созрѣваемости хлѣба, 4) по метеорологическимъ свойствамъ, и 5) по занятіямъ, свойственнымъ извѣстному мѣсяцу. «Томскія Губ. В.», 1864 г., № 3.

21) Сеоки (кость, родъ, поколѣніе) алтайцевъ. «Томск. Г. В.», 1865 г., № 42.

22) Алтайская береза (о почитаніи ея у алтайскихъ калмыковъ и кузнецкихъ татаръ). «Томск. Г. В.», 1859 г., № 5.

23) Питье въ Алтаѣ (вода, чегэнь, кумысъ и арака). «Том. Г. В.», 1861 г., № 14.

24) Младенческая корзинка (люлька) у алтайскихъ инородцевъ. «Томск. Г. В.», 1863 г., № 49.

25) «Сагыры» (приготовленіе кожъ на Алтаѣ). «Томск. Г. В.», 1864 г., № 29.

26) Пятьсотъ областныхъ словъ, употребляемыхъ при-алтайскими крестьянами. «Томскія Губ. Вѣд.», 1858 г., № 30, 1862 г. №№ 7, 16, 48, 49 и 1863 г. № 26.

27) Предразсудки и суевѣрія при-алтайскихъ крестьянъ: 1) въ религіозномъ отношеніи, 2) въ домашнемъ хозяйствѣ и 3) въ лѣченіи болѣзней. «Томск. Губ. В.», 1863 г., № 12.

28) Русская парная баня. «Томск. Г. В.», 1862 г. № 40.

Алтайскіе инородцы.

Топографія Алтая и его естественныя произведенія.

За нѣсколько сотъ верстъ по дорогѣ отъ г. Томска къ г. Бійску, Алтайскія горы поражаютъ наблюдателя своимъ видомъ. Непривычный глазъ затрудняется отличать ихъ отъ густыхъ, синихъ облаковъ. Но вотъ онѣ близятся, облачный видъ исчезаетъ; видно, что это цѣпь высочайшихъ горъ, даже замѣтны на нихъ и признаки растительной жизни. Теперь всякій скажетъ, что это горы. Но далеко ли онѣ? Житель долинъ, привыкшій нагляднымъ образомъ опредѣлять разстояніе между предметами, мало еще ошибется, если скажетъ, вмѣсто дѣйствительныхъ 100 верстъ, 50 кажущихся. Такъ горы обманчиво сокращаютъ разстояніе.

Алтай Томской губерніи граничитъ къ сѣверу верховьями рр. Усы и Томи, къ югу—хребтомъ Хомунскимъ и Китайскими караулами: Чингистай, Урылъ, Усун-Табаты, Чиндагатуй, Укукъ, Финдаръ, Табаты и Суокъ; къ востоку—озеромъ Джулукуль и границею Енисейской губерніи; къ западу—бѣлками: Коксинскими, Чарышскими, Ануйскими и р. Песчаной.

По всему этому пространству раскинулся величественный Алтай своими хребтами и отрослями, отъ сѣвера на югъ приблизительно на 1000 верстъ, а отъ востока къ западу на 700. Южная часть этого пространства, по лѣвую сторону р. Катуни и по правую—отъ устья р. Сюмулты до Телецкаго озера, по преимуществу называется здѣсь Алтаемъ и отличается высотою каменистыхъ горъ разныхъ формъ и очертаній: тутъ виднѣются и огромные зубцы, и стѣновидные утесы изъ сплошнаго камня, заостренные въ треугольникъ, и синія скалы аспидоподобныхъ плитъ съ гнѣздами голубей и убѣжищемъ змѣй, и отдѣльно возвышающіяся круглыя сопки. Но надъ всѣми этими горами царятъ Катунскіе столбы (бѣлки), на подобіе сахарныхъ головъ, возвышающіеся и исчезающіе въ синевѣ небесъ. Звѣроловы увѣряютъ, что съ каждымъ годомъ на этихъ столбахъ наростаетъ новый слой льда и доказываютъ эту гипотезу глубочайшей трещиной ледяного свойства на одномъ изъ нихъ. Сѣверная часть Алтая отличается топями и болотами между болѣе отлогихъ горъ, покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ, и изо-

билуетъ дикими, непроходимыми трущобами. Эта часть собственно называется чернью.

Алтайскія горы перерѣзаны рѣками, рѣчками и ручьями, которые то смиренно омываютъ подошвы горъ, то съ шумомъ стремятся по самымъ хребтамъ ихъ и пѣнятся въ водопадахъ. Замѣчательныя рѣки: Катунь (госпожа), Бія (*бій*—господинъ), которыя въ соединеніи составляютъ Обь, Чалушманъ, Башкоусъ, Абаканъ, Томь съ дѣтьми своими: сыномъ Мрасомъ и дочерью Кондомою, Чуя. Изъ озеръ болѣе другихъ замѣчательно Телецкое, которое находится въ сѣверной части Алтая, въ длину простирается на 75 верстъ; самая большая ширина его 6 верстъ, а малая — около 400 саж., глубина простирается до 135 саж. Волна его возвышается на $2^1/_2$ саж.; замерзаетъ въ исходѣ ноября, но только сѣверная часть, а южная замерзаетъ очень рѣдко (лѣтъ чрезъ 20), вскрывается въ началѣ марта. Русскіе нашли Телецкое озеро въ 1632 г., подъ предводительствомъ боярскаго сына Петра Собанскаго.—Алтайскія рѣки быстры, такъ какъ большею частью падаютъ съ горъ, каменисты и обильны рыбою. Здѣсь водятся: осетръ и стерлядь (въ Катуни), нельма, ускучь, харіузъ, таймень, щука, окунь, налимъ, язь, сорога, усачь (въ Чуѣ), ершъ, чебакъ и въ большомъ количествѣ сельдь (въ Телецкомъ озерѣ). Въ озерахъ: карась, линь и много піявокъ. Быстрота здѣшнихъ рѣкъ препятствуетъ скорому ихъ замерзанію. Самый процессъ замерзанія совершается здѣсь иначе, чѣмъ въ Россіи. Къ камнямъ, проникнутымъ холодомъ, вода начинаетъ примерзать, отчего образуется на нихъ ледовитая кора. Но этотъ покровъ постоянно отбивается волнами, всплываетъ наверхъ и большими массами несется по теченію, какъ въ Россіи, взломанный весною, ледъ и называется здѣсь *шугою*. Наконецъ, шуга, сцѣпляясь болѣе и болѣе, пристаетъ къ берегамъ и превращается въ настоящій ледъ.

Въ 15 верстахъ отъ верховьевъ р. Катуни къ югу замѣчательны два цѣлительные ключа: горячій и холодный. Оба, на языкѣ алтайцевъ, называются *Аржан* и весьма извѣстны по своей цѣлебной силѣ.

Бѣлки начинаютъ таять въ іюнѣ мѣсяцѣ и дѣлаютъ необыкновенный переворотъ, особенно въ южной части Алтая: тогда не только рѣки, но ручьи и потоки выходятъ изъ границъ и разливаются на большія пространства. Этотъ лѣтній разливъ рѣкъ бываетъ часто болѣе весенняго.

Горы Алтая покрыты деревьями: кедромъ *(меш, кузукагаш)* сосною *(карагай)*, пихтою *(чіб)*, березою *(каін)*, осиною *(опсак)*, черемухою *(тімырыт, тедра, ю бут, немырт)*, рябиною (пеле), *(сюйгэ)*, липою (въ Кузнецкой черни по р. Мигашу), ольхою *(шіх-агаш*, близъ Телецкаго озера и въ верховьяхъ р. Мрасы), тополемъ *(терек)*, елью *(тыгень)*, осокорью ветлою, вербою *(тал)*, бояркою (толоно); кустарниками: калиною *(шанжагаш)*, жимолостью (ітьбурду), малиною *(агаш-тіілек, агаш-тістеги)*, смородиною черною *(каранат, боро-нот)*, — красною *(кызылнат)*, бузиною *(эмегэнь-сеок, зють-г іагжі)*, волчьимъ лыкомъ *(озлай терезе)*, облѣпихою *(Hippophäe rhamnoides* при рѣкахъ), акаціею (большою и малою *шахпын)*, тавалгою, ежевикою *(тінгат)* шиповникомъ *(теэнек)*, крушиною *(узют-тімырыды, абшак-немюрты)*, вересомъ *(аржан-элен)*, тальникомъ разныхъ видовъ *(сары-тал, кара-тал, ак-тал, куа-тал, эчкы-тал, кырчін-тал)*; сверхъ того въ южной части Алтая: лиственницею (тыт), мораломъ или альпійскою розою (Rhododenron Dahuricum), которая покрываетъ камни, какъ алымъ сукномъ, и крыжовникомъ. Предгорія Алтая покрыты роскошнымъ ковромъ цвѣтовъ и зелени. Въ сѣверной, Черневой, части Алтая травы отличаются исполинскимъ ростомъ и сочностью, а въ южной части царство растеній представляетъ болѣе разнообразія, цѣлебности и аромата. Весною послѣ *паловъ*, этой превосходнѣйшей горной иллюминаціи, не замѣнимой и милліонами плошекъ, очищенная земля недолго носитъ на себѣ мрачный характеръ. Развивающаяся зелень болѣе и болѣе разгоняетъ печальный видъ обожженныхъ горъ. Онѣ бурѣютъ. Но вотъ зелень съ каждымъ днемъ беретъ перевѣсъ надъ чернымъ фономъ—разцвѣтаютъ первыя, такъ сказать, подснѣжныя растенія: вѣтреница бѣлая *(кой-чечек)*, называемая инородцами *кандыкиною матерью*, потому что вслѣдъ за нею является кандыкъ (Eruthronium dens canis, *пес)*, далѣе фіалка желтая (Viola Altaica) и синяя, (collina) стародубка (Adonis vernalis), лютики, троецвѣтки (Aquilequia grandulosa), борецъ (Delphinium interonedium), прикрытъ разныхъ видовъ (Aconitum), Марьино коренье (Paconia anomala, *чайна баш)*, режуха (Hasturtium palustre), висячка (Macropodium nivale), клоповникъ (lepidium ruderale), пузырница (filene inilata), собачки (Agrimonia Eupatoria, *кой туткыш)*, просвирнятъ (Malva et Althaea), звѣробой (Hypericum perforatum), синій (Dracocephalum nutans), каменный на подобіе папоротника, сладковатый, вязиль (medicago), донникъ (Melilotus off. et Spiraea Eilipendula), солодка *(ялч-элен)*, мышиный горохъ *(элен пырчак)*, лабазникъ или бѣлоголовникъ (Spiraea ulmavia, *саз-улоны)*, гравилатъ (Geum off. et rivale), завязникъ (Formentilla erecta), чилимъ, рогульникъ, водяные орѣхи (Trapa natans), кипрей (Epilobium angustifolium), баданъ (Saxifraga, *калчап)*, дягильникъ (тюкту паятырган, эік паятырган), омегъ (conium maculatum et cicuta virosa), вехъ (Phellandrium aquaticum), подмаренникъ (Galium), мать и мачеха (Tussilago farfara), девясилъ (Inula Helenium et sallicina) малый (Xanthium strumorium), полынь (въ Черни нѣтъ), мардовникъ *(сыс комурай)*, репейникъ (Lappa maior, *уак, абалатка)*, серпуха (Serratula, Сепірмкэ), трилистникъ водяной (Menyanthes trifolita), пасленъ (Solanum nigrum), бѣлена (Hyoscyanus niger), дурманъ (Datura stramonium), медвѣжье ухо (Verbascum thapsus), тысячелистникъ (Achilles millefolium), майникъ (Majanthemum bifolium), вяжечка (Turritis glabra), гвоздика (Dianthus), василисникъ (Thalictrum), гулявица чихотная (Ptarmica vulgaris), пупавка (Anthemis flava), могучникъ разныхъ видовъ (Potentilla), клоповникъ (Rhinantus Crista Galli), воробьиное сѣмя (Lithospermum arvense), ночная красавица (Hesperis matronalis et irodora), глухая кропива (Lamium album), горлянка (Prunella vulg.), горькая трава (Sansurrea), Егорьево копье (Ve-

ronica longifolia), чертополохъ (Cirsium heterophyllum), золотушникъ (Serophlaria nodosa), вербейникъ (Lysimachia thyrsiflora), песчанка (Arenaria), колокольчики разныхъ видовъ (Campanula), козлобородникъ (Tragopogon pratense), пкерда (Crepis), колосница (Stachys palustris), плакунъ (Lythrum calicaria), воронецъ (Paris quadrifolia), балдырьянъ (Valeriana), копытень (Asarum europaeum), вшивая трава (Pedicilaris palustris), богородская трава разныхъ видовъ (Thymus), кошечья мята (nepeta sibirica), попутникъ (Plantago major), солянка (Salicornia herbacea), лебеда (Atriplex), змѣевникъ (Poligonum Bistorta), ревень (Rheum sibiricum), молочай разныхъ видовъ (Euphorbia), кропива (Urtica urens et divica, *чалканчагак, ачі чаганак)*, конопля, хмель *(камдак, кымынак)*, шильникъ водяной (Alisma plantago), кукушкины слезы *(кок-машпагы)*, касатикъ (jris), слизунъ (Alliun nutans, *пагыр)*, горный лукъ (All. fitulosum et victorialis, *оюно)*, луговой чеснокъ (All. lineare et senescens, эрь усхум), калба (All. ursinum), чемерица бѣлая и черная *(Ак-сыргаак)*, палошникъ (Typha latifolia), иръ (acomusca amus), осока разныхъ видовъ *(курень)*, пырей (Triticum repens), папортникъ *(прют аркыш)*, кашкора (Rhododendron chrisanthum), заячья капуста, сорочьи ягоды (Polygonotun off.), баранникъ (arpica), чистякъ (Chelidonium majus), щавель конскій (Rumex obtusifojus), татарское мыло или барская спѣсь (Lychnis chalcedonica, самын-элен).

Алтай населенъ млекопитающими животными, для которыхъ дѣвственные лѣса и неприступныя скалы служатъ надежнымъ пріютомъ. Здѣсь водятся: рысь (*усь*), волкъ (*бюрю*), лисица (тюльку), медвѣдь (*аю, абшак, малдя-алай*), барсукъ (*порсук*), розсомаха (*тезкень*), выдра (*камду*), соболь (*кіш*), хорекъ (*кузен, тоон-моін*), колонокъ (*сарас, кушхулу*), горностай (*агас*), ласочка (*тохтонок*), летучая мышь (*яріанат*), заяцъ (*койон*) — длиннохвостый (*туулай*), сурокъ (*тарбаган*), земляная медвѣдка (Spalax Talpinus, *номон*), хомякъ, крыса сибирская, мышь разныхъ видовъ (*чічхан, ялан-чічхан, су-чічхан, кызыл-чічхан*), бѣлка (*тыін, самык*), бурундукъ (*куорюк*), летяга (Pteromys volans, *бабырган*), кабарга (*табырга*), лось, сохатый, (*пуган*), маралъ (cervus elaphus, *сыгын*), олень (*ак-іік, самка-муйшк*), косуля (*элік*, самецъ-*куран*, самка-*телькын*), каменный козелъ (самецъ-*текэ*, самка-*тюмга*), каменный баранъ (самецъ-*кочкор*, самка-*аркар*), сайга (*тэзрень*), кабанъ (*какой, тонус*).

Птицы: орелъ бородатый (*тас, чимул*), — бѣлохвостый (*кычўгэнь*), соколъ (*карчіга, лачін*), беркутъ (*тарбальдін*), ястребь, коршунъ (*теільгень*) сычъ, сова, филинъ, воронъ (*кускун*), ворона сѣрая и черная (*карга*), грачъ, галка (*таан*), сорока (*саныскан*), сойка, ронжа (*тарал*), кедровка (*таралджі*), иволга (*аласару*), скворецъ (*карабарчік*), дроздъ разныхъ видовъ, соловей (*торчік, кужляк*), пѣночка (Silvia acredula), плишка (Motacilla flava), трясогуска (M. boarula), жаворонокъ, синица, снигирь, жуланчикъ (Pyrrhula vulgaris), воробей, водяной воробей-синій (Alcedo ispida), щеголъ, кукушка, жолна, дятелъ разныхъ видовъ (*тонурка, алаш*), ласточка (*карлагаш*), стрижъ,

голубь, горлица, глухарь, косачъ, рябчикъ, куропатка, перепелка, дрофа, стрепетъ, куликъ разныхъ видовъ, журавль (*турна*), цапля, бекасъ или барашкъ, карастель, гагара, чайка, лебедь (*куу*), гусь (*кас*), утка разныхъ видовъ (*су-гуш, урьтэк*).

Пресмыкающіяся: лягушка (*пага*), ящерица разныхъ видовъ (*кэлескэнь*), змѣя (*ділан*), мѣдянка (*ок-ділан*). Змѣй, особенно на каменистыхъ горахъ, очень много, но онѣ невелики и мало ядовиты. Ужалы ихъ не смертельны и лечатся здѣсь, преимущественно, конскимъ потомъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ змѣи издаютъ вечерами, по выраженію Палласа, „скрипящіе, нѣжные и продолжительные звуки“. Звуки эти походятъ на скрыпеніе сверчковъ, но только громче и безпрерывнѣе. По разсказамъ инородцевъ, существуетъ въ горныхъ пещерахъ огромной величины змѣй-*полозъ*, но онъ, кажется, скорѣе существуетъ въ ихъ фантазіи, чѣмъ въ пещерахъ.

Насѣкомыя: пчела (*ары*), паукъ (*йоргомыш, корюсак, агыча*), кобылка (*абачіяк*), майка, замѣняющая вполнѣ шпанскую муху, жукъ, гусеницы, муха (*падат*), бабочка разныхъ видовъ (*конак*), осы (*черъ-арызы*), шоршни (*шагыр-ары*), оводъ (*маас*), муравьи (*чімалы, комыскаш*), черви (*курт*), комары (*сээк*), мошки (*табанак*).

Ископаемыя: золото, серебро, свинецъ, мѣдь, желѣзо, магнитный желѣзнякъ, красная и желтая орха, известь, глина бѣлая, каменный уголь, соль, разные камни: кварцы, песчаники, сланцы, окаменѣлости, мамонтовы кости и проч. Золотые пріиски и рудники находятся большею частію въ сѣверной части Алтая. Гора лучшихъ жерновыхъ и точильныхъ камней находится на правой сторонѣ р. Кондомы, въ 65 верстахъ отъ ея устья. Разработкою жернововъ занимаются крестьяне деревни Кузедѣевой, пріобрѣтая отъ своей горы-кормилицы отъ 1000—2000 руб. сер. каждогодно. Работаютъ артелями (отъ 2—7 человѣкъ), въ 12 ямахъ, изъ которыхъ каждая можетъ дать на 200 р. сер. въ годъ. Цѣна на мѣстѣ семирки (7 четв. въ діаметрѣ и 1 верш. толщины)—29 р., шестерики—10 р., пятерики — 8 р.; точила отъ 1—3 р. Если же деньги забираются впередъ, какъ и бываетъ обыкновенно, тогда дѣлается значительная уступка.

Хорошіе оселки вымываются р. Сынзасомъ, при ея впаденіи въ р. Мрасу, а въ верховьяхъ р. Изима, въ южной части Алтая, можно добывать лытографскіе камни. Огромные запасы желтой орхы находятся при р. Біи, въ верстахъ 100 выше г. Бійска, а красной—на правомъ берегу р. Мрасы, въ 40 верстахъ отъ ея устья.

Происхожденіе алтайскихъ инородцевъ и раздѣленіе ихъ на племена.

Въ 1367 г., съ удаленіемъ *Тогоса-Темура* съ китайскаго престола въ свою отчизну — Монголію, *чжунгарскіе монголы* образовали сильный союзъ изъ трехъ поколѣній: Шохотъ, Торготъ и Чоросъ, объявивъ главою своего союза Чоросскаго князя Махмуда, какъ старшаго между ними, и появились

на политическомъ поприщѣ подъ названіемъ *Ойратовъ*. Могущество этого союза держало въ страхѣ Китайскую имперію болѣе трехъ съ половиною вѣковъ. Внукъ Махмуда Эсень привелъ въ исполненіе замыслы отца своего и дѣда и въ 1449 г. привлекъ къ Великой Стѣнѣ всѣ силы Монголіи и вступилъ въ предѣлы Китая. Началось сраженіе, которому мало примѣровъ въ исторіи. Съ Китайской стороны не осталось въ живыхъ ни одного министра, ни одного полководца; ратники потонули въ своей крови. Эсень убитъ въ 1453 г., и со смертію его умерло могущество Ойратовъ и кончился блистательнѣйшій періодъ Чжунгарскаго ойротства, обломки коего, тѣснимые междуусобными войнами другихъ монгольскихъ племенъ, перешли въ началѣ XVII столѣтія изъ Тибета на сѣверъ, за Алтайскій и Саянскій хребты, и признали надъ собою власть Россіи.

Потомки Ойротовъ, поселившіеся въ Алтаѣ, называются въ настоящее время: 1) *Алтайскіе калмыки*. Они кочуютъ въ южной части Алтая, въ Бійскомъ округѣ, при рѣкахъ: Чарышу, Катуни и рѣчкахъ, впадающихъ въ оныя, и раздѣляются на *семь дючинъ* (волостей). Число ихъ м. п.—6047, ж.—5780, всего же 11,827, управляются *зайсанами*, которые наслѣдственно передаютъ права свои старшему сыну или ближайшему родственнику. Второе лицо по зайсанѣ—*судъ*. Для рѣшенія спорныхъ дѣлъ собираются суды трехъ зайсановъ, и опредѣленія ихъ считаются неизмѣнными. Третье должностное лицо—*демичи*, на обязанности коего, преимущественно, лежитъ сборъ *ясака* (подать пушниною).

2) *Калмыки-двоеданцы* (*Урянхай*), кочующіе въ южной же части Алтая по рр. Чуѣ, впадающей въ Катунь, Башкоусу и Чулышману, протекающимъ въ Телецкое озеро, на Курайской и Чуйской долинахъ и по р. Тополевкѣ, впадающей въ р. Аргутъ. Этотъ родъ калмыковъ называется *двоеданцами* оттого, что до 1865 г. они подчинялись двумъ правительствамъ: китайскому и русскому, и платили двѣ подати: въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Бійское окружное казначейство они вносили 160 маральихъ и лосиныхъ кожъ, цѣною на 200 р., и въ началѣ февраля свозили подать китайскому правительству. Сборъ этой подати состоялъ изъ соболей, положенныхъ по два на каждаго калмыка-двоеданца, а сдача происходила въ китайскомъ городѣ Буентѣ, къ востоку отъ Чуйской степи, въ разстояніи 12 дней верховой ѣзды. Число двоеданцевъ простирается до 2000. Они раздѣлены на двѣ волости, управляются *зайсанами*, которые имѣютъ у себя въ распоряженіи помощниковъ *демичи*, *арбанахъ*, *шулени* и *бошки*. Зайсаны, за исправное отправленіе своей должности, пожалованы отъ китайскаго правительства плисовою шапкою, въ родѣ шляпы, украшенною на верху прикрѣпленнымъ малиноваго цвѣта кругловатымъ камнемъ, съ кистью подъ нимъ изъ краснаго крученаго шолка и четырьмя павлиными большими перьями, вложенными въ серебряную и стеклянную оправу. Это отличіе равняется первому офицерскому чину. Демичи и арбанахи жалуются такими же шапками, но первые—съ однимъ бѣлымъ камнемъ и кистью, а послѣдніе—безъ этихъ прикрасъ. Сверхъ этого зайсанъ первой двоеданской волости носитъ золотую медаль, жалованную предку его императоромъ Павломъ Петровичемъ. Зайсанъ и демичи, сдавши исправно въ Буентѣ подать, получали въ награду: первый—12 коробокъ серебра, а послѣдній—12 арш. канды и въ пользу народа, платившаго подать, по 90 концевъ дабы на каждую волость. Въ настоящее время китайское правительство освободилось отъ этихъ подарковъ, такъ какъ двоеданцы въ 1865 году перестали платить подать тому правительству, котораго землею они не пользуются.

3) *Телеуты*, по распаденіи ойротства, прикочевали въ вершины рѣкъ Енисея и Иртыша, потомъ прошли внизъ и жили по рр. Кулундѣ, Талдѣ, Оби, Алею и Чарышу, а перейдя Обь, пришли къ р. Томи и поселились главнымъ образомъ при рр. Большомъ и Маломъ Бочатахъ, гдѣ и доселѣ живутъ осѣдло большими улусами, также на правомъ берегу р. Томи, пониже г. Кузнецка, и въ недавнее время переселились въ Бійскій округъ, составивъ инородческія селенія Улалу, Мыюту и проч. Большая часть изъ нихъ, во время кочеваній, потеряли свою народность и языкъ, и разбились на принявшихъ магометанство *Тербетъ-Ойротовъ*, Семипалатинскихъ *Ташкенцевъ*, Томскихъ *Скедамовъ* и *Сырт-Аймаковъ*, поселившихся на при-волжскихъ степяхъ. Алтайскіе телеуты въ Кузнецкомъ округѣ состоятъ изъ трехъ волостей, въ количествѣ мужск. пола—1498, женск.—1493, обоего 2991, управляемыхъ старостами и кандидатами; въ Бійскомъ же округѣ они вошли въ составъ трехъ инородныхъ управъ—Быстрянской, Кошкинской и Сарасинской, въ числѣ муж. пола—1353, жен.—1438, всего—2791.

4) *Черневые татары*, получившіе названіе отъ мѣстности, ими занимаемой, покрытой хвойномъ лѣсомъ и *чернѣющей* издали, суть племена сомнительнаго происхожденія. Языкъ и вѣрованія ихъ ихъ общи съ алтайскими калмыками. Поэтому можно думать, что они монгольскаго же корня. Но можетъ быть они и финскаго племени, только слились съ народностью монгольскою. Черневые татары: а) *кочуютъ* въ сѣверной части Алтая, при озерѣ Телецкомъ, по рр. Біи, Лебеди, Томи, Мрасѣ, Кондомѣ, Мындыбату, Пызасу и рѣчкамъ, въ оныя впадающимъ; б) *осѣдло* живутъ улусами и аулами при устьяхъ рр. Кондомы и Мрасы на протяженіи 100 верстъ, по рѣчкѣ Ускату и по р. Біи.

Въ Кузнецкомъ округѣ, въ разрядѣ осѣдлыхъ инородцевъ, состоятъ слѣдующія семь волостей:

	муж.	жен.	обоего.
Ашкыштымская	204	235	449
Баянская	309	118	427
Тогульская	176	196	372
Кумышская	229	209	438
Камларская	125	129	254
Шуйская	355	385	740
Ячинская	296	322	618
Итого.	1704	1794	3498

и двадцать двѣ волости кочевыхъ инородцевъ, а именно:

	муж.	жен.	обоего.
Абинская	117	114	231
Тагабская	367	371	738
Ашкыштымская	294	290	584
Керецкая	95	84	179
Едѣева	66	77	143
Богоракова	324	275	599
Казанова	437	408	845
Кондомско-Барсоятская	351	390	741
„ Бежбоякова	383	350	733
„ Елейская	267	254	521
„ Карачерская	378	311	689
„ Итиберская	469	462	931
„ Шелкальская	300	214	514
Итиберско-Шерогашева	167	147	314
Мраско-Бежбоякова	348	338	686
„ Елейская	293	261	554
„ Изушерская	319	266	585
Ближне-Каргинская	36	29	65
Дальне-Киргинская	243	256	499
Кызыльская	104	79	183
Кійская	96	80	176
Кивійская	129	69	198
Итого	5583	5125	10708

Въ Бійскомъ округѣ кочевые Черневые татары состоятъ въ *семи* волостяхъ:

	муж.	жен.	обоего.
Нижне-Кумандинская	831	740	1571
Верхне-Кумандинская	322	284	606
Кузенская	275	232	507
Южская	251	232	483
Комляжская или Кондожская	756	705	1461
Кергежская	378	383	761
Тогульская	121	116	237
Итого	2934	2692	5626 [1]

Алтайскіе инородцы, кромѣ оффиціальнаго раздѣленія по дючинамъ и

[1]) Всѣхъ инородцевъ Бійскаго и Кузнецкаго округовъ:

Осѣдлыхъ	4833.	528.	9861	(отношеніе одного пола къ другому не естественно), исключая двоеданцевъ и Бухтарминской волости.
Кочевыхъ	14,578.	8401.	22979	
Итого . .	19,411.	13429.	32840;	

волостямъ, раздѣляютъ себя еще на множество родовъ, или поколѣній (*сеок* кость). Происхожденіе сеоковъ различно. Одни имѣютъ родоначальниками людей, другіе происходятъ отъ горъ, напр. *Чабат* отъ горы Себіре на лѣвой сторонѣ р. Біи, иные—отъ пней древесныхъ, напр. *Тастар* (плѣшивые) и проч. Сеоки Ойротовъ, сохраняющіеся свято въ памяти народа, разбросаны на большія пространства: одинъ и тотъ же *сеок* можно встрѣтить и на берегахъ Волги, и въ Сибири, и у Великой Стѣны.

Наружный видъ алтайцевъ.

Господствующій типъ алтайскихъ инородцевъ: средній ростъ, сухопарость, лице плоское, лобъ низкій, скулы выдались, волосы и брови, какъ смоль, черные, жесткіе, какъ конская грива, глаза унырнули подъ лобъ, носъ безъ переносицы, и потому разстояніе между глазами кажется довольно пространнымъ; у мужчинъ или естественное отсутствіе бороды или оголеніе подбородка посредствомъ выдергиванія рѣдкихъ волосъ; голова гладко выстрижена до темени, на которомъ у южныхъ алтайцевъ оставленъ пукъ длинныхъ волосъ и заплетенъ въ косу; алтайцы сѣверные, равно какъ и новокрещенные изъ южныхъ, стригутся какъ мѣщане. Женщины заплетаютъ двѣ косы, которыя, будучи соединены въ концахъ, висятъ ниже пояса. Дѣвицы заплетаютъ три, пять и семь косъ (непремѣнно *нечеть*). Ноги алтайцевъ, большею частію,—кривыя отъ ихъ привычки постоянно ѣздить верхомъ и при томъ въ короткихъ стременахъ и отъ поджатаго сидѣнья на полу. Походка съ переваломъ изъ стороны въ сторону, съ широкимъ шагомъ отъ привычки ходить на лыжахъ. Тѣло кочевыхъ инородцевъ засаленное, прокопченое, закорузлое и никогда не мытое.

Одежда и обувь.

1. Въ южномъ Алтаѣ лѣтняя одежда мужчинъ состоитъ изъ рубахи, большею частію дабинной, китайчатой или изъ дешеваго ситца, съ широкими рукавами и косымъ воротомъ съ оловянной пуговицей, которая, впрочемъ, пришита для украшенія, потому что никогда не застегивается, или для тяготѣнія ворота къ низу, и короткихъ, едва покрывающихъ колѣна штановъ изъ толстаго холста съ прочнымъ шнуромъ около таліи, одинъ конецъ котораго едва не достаетъ до земли. Этотъ шнуръ, чѣмъ виднѣе изъ-подъ короткой рубашки, тѣмъ красивѣе. Въ жаркіе дни рубашка снимается. Сверхъ рубашки надѣвается при случаѣ халатъ, нанковый или дабинный съ широкими въ плечахъ рукавами, съ каймой на правой полѣ и подолѣ, въ 2 вершка ширины, разнаго цвѣта съ главною матеріею, съ синей и красной нашивками на рукавахъ, которыя идутъ полосами, начиная отъ локтя. Кромѣ халата, употребляется еще *кожанъ* изъ дымленной кожи лошадиной или дикихъ козъ. Зимняя одежда состоитъ изъ кафтановъ, сшитыхъ изъ мягкой кочмы, шубъ

бараньихъ, непремѣнно бѣлой шерсти, простыхъ и крытыхъ плисомъ, нанкой или дабой, непремѣнно съ каймою, какъ у халата. На бараньей шубѣ кайма полагается, большею частію, изъ конской кожи, шерстью вверхъ, преимущественно рыжаго цвѣта. Рукава у шубъ еще просторнѣе въ плечахъ, чѣмъ у халатовъ, такъ что спина занимаетъ въ ширину не болѣе 4 вершк., а остальная задняя часть занята рукавами, которые торчатъ взадъ и наводятъ подозрѣніе на хозяина шубы: не связаны-ли у него руки въ локтяхъ? Ноги обуты лѣтомъ и зимою въ кожаные, легкіе, остроносые сапоги (*черки*) безъ каблуковъ, съ широчайшими голенищами, которыя на долю передовъ оставляютъ всего вершка два или менѣе, съ чулками изъ кочмы. За правую голенищу закладывается кожаный кисетъ однообразной формы, только у женщинъ можно встрѣтить другую форму кисета, привѣшаннаго къ опояскѣ. У людей недостаточныхъ дѣлается изъ кожи только нижняя часть обуви, а голенищи—изъ толстаго холста. Зимою надѣваютъ еще на себя *дохи* или *яги* изъ дикихъ козъ, шерстью вверхъ, а на ноги—*кисы* (сапоги изъ кожи этихъ же животныхъ, снятой съ ногъ), которыя носятся шерстью вверхъ-же. Вмѣсто чулокъ навертываютъ на ноги или мягкую пушистую траву, на подобіе осоки, которая называется *загадомъ*, или мелкую траву, называемую *ойонгош*. Эти травы теплѣе чулокъ, и ноги въ нихъ не потѣютъ. Сверхъ одежды инородцы подпоясываются ремнемъ, на которомъ на отдѣльныхъ ремешкахъ виситъ ножъ въ деревянныхъ или костяныхъ ножнахъ и огниво въ кожаной оправѣ съ сумочкою для кремня и трута. Безъ этихъ принадлежностей алтаецъ никогда не бываетъ. Шапка зимою и лѣтомъ пирогообразной, съуженной кзаду формы, съ околышемъ изъ черной мерлушки, соболя или лисицы и втулью желтою, зеленою или красною, съ разноцвѣтнымъ кружкомъ на срединѣ и двумя назади лентами, которыми завязывается околышъ. Изъ-подъ шапки виситъ коса или свободно или привязываютъ къ ея концу большую мѣдную пуговицу или другое что-либо блестящее; такъ, напр., мнѣ случалось видѣть у одного приТелецкаго зайсана на концѣ косы большую хрустальную пробку отъ графина, которая какъ звѣзда блистала и гранями своими отражала солнечные лучи. Женщины одѣваются такъ-же, какъ и мужчины: въ штанахъ, сапогахъ и шапкѣ; но есть и различіе. Вмѣсто рубахи лѣтомъ надѣваютъ онѣ *чэгэдэк* изъ дабы, китайки или нанки, преимущественно синяго цвѣта. Покрой чегэдэка походитъ на фракъ съ длинной таліей; кромѣ рукавовъ у него есть и другія отверстія для рукъ, а рукава болтаются только за урядъ. *Чегэдэк* кругомъ обложенъ лентой яркаго цвѣта, застегивается подъ шеей двумя красными стеклянными пуговицами, величиною съ большую горошину. Зимою чегэдэкъ надѣвается сверхъ шубы. И такъ фракъ есть ничто иное, какъ чегэдэкъ алтайскихъ дамъ!.. Если косы служатъ украшеніемъ вообще женской головы, то алтаянокъ въ особенности.—По всей косѣ насажены мѣдныя солдатскія пуговицы. Концы косъ непремѣнно должны быть ниже пояса, и если этому не дозволяетъ природа, то помогаютъ искусствомъ, прививая къ косамъ шнурки изъ конской гривы или изъ шерсти. Косы соединены между собою нѣсколькими

нанизями изъ пуговицъ, корольковъ, раковинокъ (змѣиныя головки), лежащими на-зади полукругомъ и у франтихъ покрывающими всю заднюю часть какъ-бы панцыремъ, который при малѣйшемъ движеніи шумитъ и гремитъ. На концѣ косъ встрѣчаются также и ключи. Серьги употребляются большею частію мѣдныя или оловянныя съ бѣлымъ птичьимъ пушкомъ; къ нимъ придѣланы на шнуркахъ подвязи изъ пуговицъ, соединенныя съ косами. Околышъ на шапкахъ щеголихъ можно встрѣтить изъ шеекъ дикихъ селезней, что очень красиво. Вмѣсто шапокъ близъ Телецкаго озера изрѣдка встрѣчается родъ кокошника съ широко-разведенными концами.

2. У алтайцевъ сѣверныхъ мужская рубаха гораздо длиннѣе, едва не сходится съ оконечностями штановъ, отчего они представляются длинноспинными. На халаты употребляется большею частію или толстый холстъ, или рядной, въ родѣ ревендука, приготовляемый самими инородцами. Шубы обыкновеннаго покроя. Войлочные кафтаны покрываются холстомъ и стежатся. Въ верховьяхъ р. Мрасы мужчины и женщины на верхней одеждѣ и рубахахъ имѣютъ на плечахъ, въ 1 вершокъ шириною, нашивки синяго или зеленаго цвѣта. Воротники у халатовъ вышиты красною, желтою и синею шерстями. Пирогообразныя шапки здѣсь не въ употребленіи; головы накрываются обыкновенно военными картузами, шапками круглыми съ остроконечной втульей и высокимъ околышемъ; лѣтомъ—шапочки изъ холста, дабы или нанки, въ родѣ усѣченнаго колпака съ кружкомъ на-верху. Праздничный нарядъ состоитъ изъ пальто или суконнаго сюртука съ пуговицами, которыя были-бы повиднѣе, напр., изъ бѣлаго желѣза величиною въ серебряный рубль. Особенно эти пуговицы идутъ къ пальто алаго сатина съ черными суконными обложками рукавовъ и кармановъ. Сапоги съ красными отворотами, завязанные пониже колѣна шерстяными шнурками съ кисточками. У женщинъ и дѣвицъ воротъ рубахи стоячій, шириною около 1 вершка, изъ чернаго плиса, съ нашитыми бѣлыми пуговками и раковинками. Женщины сѣвернаго Алтая чегэдэковъ и шапокъ не носятъ, повязываются платками, завязывая концы на затылкѣ. Въ торжественые дни надѣваютъ на себя кафтаны, преимущественно плисовые, у которыхъ воротъ и правая пола обложены позументомъ. Въ дѣвичьихъ косахъ, кромѣ пуговицъ, встрѣчается стеклярусъ, бисеръ и маленькіе, съ наперстокъ величины, колокольчики, возвѣщающіе издали шествіе этихъ дѣтей природы. Всѣ кочевые инородцы, разъ надѣвши новую рубаху, никогда ее не моютъ и не снимаютъ до тѣхъ поръ, пока она изорвется въ ленты.

Осѣдлые инородцы Бійскаго и Кузнецкаго округовъ, исключая женщинъ послѣдняго, приняли костюмъ русскій. Телеутки Кузнецкаго округа отличаются синими и преимущественно красными шерстяными чулками, а зимою—высокими, краснаго сукна, острыми шапками.

Кочевыя инородки, вмѣсто траура, носятъ вывороченныя шубы на изнанку отъ 1—7 дней.

Жилища.

1. Южные кочевые Алтайцы живутъ въ шалашахъ, называемыхъ юртами (*юрап* живу, *юрта* жилье). Онѣ имѣютъ двѣ формы: а) коническую, которая дѣлается изъ жердей, соединенныхъ кольцами, свитыми изъ прутьевъ и обложенныхъ корою сосны, лиственицы или бересты или обтянутыхъ войлокомъ; войлочная юрта этой формы называется *соольты*, или *аланчик*; б) второй формы юрта, войлочная же, съ рѣшетчатыми складными стѣнками, называется *керегэ*. Рѣшетка сдѣлана изъ прекрещенныхъ палочекъ, связанныхъ въ точкахъ прикосновенія ремешками. *Керегэ* имѣетъ видъ хлѣбнаго скирда. Бывали здѣсь прежде еще юрты, подобныя киргизскимъ кибиткамъ, которыя назывались *упкэ* или *тюкмэ*, но теперь ихъ нѣтъ. Войлочная юрта красивѣе и лучше сохраняетъ отъ воздушныхъ перемѣнъ, чѣмъ крытыя древесною корою. Южный алтаецъ любитъ просторъ, ему тѣсно въ большомъ обществѣ, и потому аилы ихъ обыкновенно состоятъ не болѣе какъ отъ 3—5 юртъ, принадлежащихъ родственникамъ: отцу съ сыновьями и ихъ семействамъ. Дверь въ юрту бываетъ или деревянная, или отверстіе, чрезъ которое лазятъ въ закопченое жилище, завѣшана звѣриной кожей или кочмой. Среди юрты—неугасимый огонь и зимой и лѣтомъ, и днемъ и ночью. Дымъ поднимается вверхъ и уходитъ въ оставленное въ центрѣ юрты отверстіе, не забывая, впрочемъ, и сторонъ. Оттого внутренность юрты, вещи въ ней и лица закопчены и чумазы. Если случается ночевать въ юртѣ, то вліяніе дыма сначало не замѣтно, но когда закроешь глаза, тогда-то они доложатъ, что ночлегъ для нихъ не благопріятенъ, ихъ что-то ѣстъ. По проведеніи же цѣлой ночи въ юртѣ, на свѣжемъ воздухѣ долго нельзя открыть глаза отъ рѣзи. Конечно, это отъ непривычки, но и у привычныхъ къ дыму алтайцевъ весьма много *больныхъ глазами*. Позади огня на стѣнѣ, противоположной двери, наставлены идольцы около 4 вершк. длины, тоненькіе, съ большой башкой, съ пуговицами вмѣсто глазъ. Въ рядъ съ ними веревка съ 9-ю тряпочками (*само*), изъ коихъ средняя имѣетъ видъ животнаго. Точно такіе лоскутки бываютъ и снаружи у нѣкоторыхъ юртъ на веревочкѣ, привязанной концами къ двумъ березамъ. Въ частности юрты, разумѣется, разнятся одна отъ другой.

Мы припомнимъ, что видали, хотя бы и въ разныхъ юртахъ. Недалеко отъ *само* виситъ мѣдный колокольчикъ, въ ушкѣ коего воткнуты три пестрыхъ пера какой-то птицы. Тутъ-же затыкаютъ за кольцо, огибающее юрту, телячью брюшину для того, чтобы скотъ водился и нѣсколько остововъ тетеревовъ, чтобы птицы попадались на глаза, и закопченныя шкурки небольшихъ звѣрковъ. По другимъ стѣнамъ навѣшены ружья, непремѣнно съ деревянными сошками, конскія кишки съ масломъ, капканы, нагайки и т. под. На землѣ, подъ *само*, поставлены вьючныя кожаныя сумы; число ихъ опредѣляетъ состояніе хозяина юрты. У богатаго алтайца сумъ до 40 съ различнымъ имѣніемъ. Онѣ покрыты коврами и служатъ постелью почет-

нымъ членамъ юрты. Сумы эти все составляютъ для калмыка — и сани и телѣгу. Скочевать-ли онъ вздумаетъ, сумы перекинулъ на лошадь — и пошелъ; за орѣхами ли въ чернь — опять сумы необходимы. По сторонамъ сумъ, близь самыхъ стѣнъ, блѣютъ ягнята и козлята, привязанные на *чумбуръ* (веревка, свитая изъ конскаго волоса). Подалѣе отъ стѣнъ, ближе къ огню, помѣщаются вещи, принадлежащія кухнѣ и конюшнѣ: большой коробъ изъ бересты съ ячменемъ, накрытый полукругомъ, сдѣланнымъ изъ большаго цѣльнаго дерева, съ тончайшими стѣнками и дномъ. Надъ этой посудиной просѣвается талканъ. На полукругѣ лежитъ и рѣшето, сдѣланное изъ сыромятной кожи и отличающееся отъ шаманскаго бубна только тѣмъ, что исколото шиломъ. Рядомъ съ коробомъ возвышается, какъ каланча, огромный берестяный буракъ съ ячменемъ; далѣе: сѣдла, потники, узды, мѣшки изъ цѣльной кожи барсука и другихъ звѣрей и домашнихъ животныхъ, таганы, котлы о трехъ чугунныхъ ножкахъ, чашки изъ корня березы, почернѣлыя отъ времени и дыма, ложки плоскія, звѣриныя шкуры, *басмак* (рубчатый камень для растиранія ячменя), разныя замысловатыя вещички, напр., коробочка на ножкахъ изъ засушеннаго коровьяго вымени и т. под. Вокругъ самаго огня, на корточкахъ, помѣщаются полунагіе хозяева юрты съ совершенно уже нагими, роющимися въ теплой золѣ, дѣтьми и посторонніе, если есть, съ трубками въ зубахъ. Калмыки всѣ, безъ исключенія пола и возроста, курятъ. Трубочки у нихъ большею частію желѣзныя подъ одно съ чубукомъ, около 5 вершк. длины, или деревянныя, умѣщающіяся въ ихъ кисетахъ. Для подспорья табаку и для ослабленія крѣпости, прибавляютъ къ нему порошка сухой березовой коры. У огня-же разлеглась и собака, смиренно грѣя свои исхудалыя ребра. За нею виситъ коробочка — люлька, устроенная какъ разъ по наставленію нѣмецкаго педагога Зальцмана (см. журн. „Воспитаніе", 1863 г., № 1, стр. 70). Это небольшой, продолговатый ящикъ изъ бересты, или луба съ двумя ножками на одномъ концѣ. Если надобно позабавить ребенка, — конецъ съ ножками просовывается въ веревочную, или ременную петлю, находящуюся на такомъ разстояніи отъ пола, чтобы ножки корзинки не достигали до полу на 2 вершка, а другой конецъ лежитъ всегда на землѣ. Корзина эта имѣетъ слѣдующія достоинства: въ ней можно только двигать дитя, безъ одуряющаго сотрясенія тѣла; рѣзвый ребенокъ, если и выползетъ изъ нея, — не ушибается; она удобоподвижна, занимаетъ мало мѣста; ребенокъ рѣдко разстается съ этимъ своимъ жилищемъ, принимаетъ въ немъ пищу и даже слѣдуетъ въ немъ внѣ юрты вмѣстѣ съ матерью; покатость корзинки способствуетъ опрятности, и, главное, корзина эта всегда даетъ правильное положеніе тѣлу ребенка, что не всегда достигается подушкою въ обыкновенной люлькѣ.

2. Юрты сѣверныхъ алтайцевъ составляютъ уже переходъ къ избамъ и по внѣшнему виду, и по внутреннему устройству. Лѣтнія юрты или дѣлаются изъ стоекъ, обтянутыхъ берестой, или срублены изъ тонкаго лѣса въ четыре стѣны; какъ тѣ, такъ и другія, покрыты на два ската берестой. У

зимнихъ юртъ бревна положены на мохъ. Много юртъ пятистѣнныхъ съ двумя дверями (одна противу другой на разстояніи 2 арш.), между которыми находится *предъюртіе* для поклажи хозяйственныхъ принадлежностей. Входъ въ юрту закрытъ тесовою дверью, которая вращается на ремешкахъ. На одной сторонѣ съ дверью, по лѣвую сторону ея, сбитый изъ глины очагъ, который, протянувшись чрезъ всѣ бревна, вышелъ сверхъ крыши. Иногда въ этомъ глиняномъ столбѣ дѣлается полукруглая пещера, вродѣ печи, для жаренія кандыка или печенія прѣсныхъ лепешекъ. По бокамъ пещеры просверлены дыры для вложенія палокъ, на которыя вѣшаютъ чайники и котелки. Въ большей части юртъ къ очагу примыкаетъ вверху, сплетенный изъ прутьевъ, полукруглый колпакъ (чувалъ), обмазанный глиною.

Дрова приставляются къ очагу какъ въ каминѣ, дымъ собирается подъ чуваломъ и почти весь улетаетъ изъ юрты. Передъ чуваломъ, вверху крыши, продолговатое отверстіе для свѣта; зимою оно накрывается льдиной. По передней стѣнѣ и двумъ боковымъ сдѣланы широкія, около аршина, возвышенія, отъ полу не болѣе 5 вершк., покрытыя берестою, каждое лѣто обновляемою. На этихъ возвышеніяхъ удобно сидѣть, лежать и спать. Передняя стѣна противу очага назначена для гостей. Лѣвая стѣна отъ входа за очагомъ есть мѣсто неприкосновенное ни для кого, кромѣ хозяйской семьи въ самомъ тѣсномъ смыслѣ: здѣсь никто и никогда не можетъ сѣсть, кромѣ хозяина юрты, его жены и дѣтей. Если въ семьѣ есть братья, сестры хозяина или старуха мать, то они занимаютъ правую стѣну отъ входа, въ переднемъ углу которой помѣщаются ручные жернова, къ боку верхняго изъ нихъ придѣлана палка для удобнаго верченія. Въ большихъ семействахъ жернова эти находятся почти въ постоянномъ дневномъ круговращеніи. Полъ юрты большею частью настланъ досками съ оставленіемъ земляннаго полукруга около очага. Значитъ, юрта сѣвернаго алтайца отличается отъ простой бѣдной избы только тѣмъ, что въ ней нѣтъ потолка и настоящей печи. Впрочемъ, достаточные люди строятъ настоящія избы и амбары, но только не бросаютъ и юртъ: въ рядъ съ избою всегда стоитъ и юрта, потому что въ избахъ ихъ донимаютъ клопы и блохи, а въ берестяныхъ и бревенчатыхъ, но безъ моху, юртахъ, этого добра нѣтъ. Русскимъ людямъ, особенно миссіонерамъ, инородцы всегда предлагаютъ избы для ночлега. Но на это предложеніе никогда не слѣдуетъ поддаваться. Не даромъ же всегда сами инородцы живутъ въ юртахъ, имѣя дома для вида только и поклажи кое-какихъ вещей. Изба только тогда будетъ имѣть преимущество предъ юртою, когда въ ней будутъ соблюдаться чистота и опрятность, а этого-то и нѣтъ. Сѣверные алтайцы болѣе склонны къ общественной жизни, чѣмъ южные. Они живутъ *аилами* отъ 7—20 юртъ. Названіе аиловъ большею частію отъ старшаго члена въ родѣ; напр.: аилъ Сапабая, аилъ Пайдоры, аилъ Сарки. Если-же нѣсколько разныхъ родовъ живутъ въ одномъ мѣстѣ, такое селеніе называется ужь не аиломъ, а *улусомъ*. Улусы большею частію носятъ названіе рѣчекъ, при которыхъ они расположены, или зависятъ отъ

нѣкоторыхъ особенныхъ признаковъ, которыми отличается мѣстность, напр.: улусъ *Осиновскій*, *Сосновая Гора, Красный Яръ* и т. под. Громкій лай собакъ встрѣчаетъ проѣзжаго во всѣхъ мѣтностяхъ, гдѣ-бы ни жили инородцы. Но этотъ лай продолжается до тѣхъ поръ, пока гость не слѣзъ съ коня, потому-ли, что онѣ обнюхаютъ пріѣзжаго и тѣмъ познакомятся, или потому, что обыкновенно при подъѣздѣ къ юртамъ, оттуда выскакиваютъ любопытные хозяева разныхъ половъ и возрастовъ съ вопросомъ: кэм? (кто?) и если гость чиновный или почетный, т. е. засѣдатель или миссіонеръ (болѣе кто-же и ѣздитъ?), то хозяинъ юрты помогаемъ ему слѣзать съ коня, по крайней мѣрѣ хотя для вида, поддержавъ подъ руку, и отводитъ коня къ столбу съ оставленными на верху нѣсколькими сучьями. Впрочемъ, эта вѣжливость соблюдается болѣе у южныхъ алтайцевъ.

Пища и питье.

Алтайскіе инородцы сколько невоздержаны въ употребленіи спиртныхъ напитковъ, столько, напротивъ, умѣренны въ употребленіи пищи. Большая часть изъ нихъ по утру и днемъ ничего не ѣдятъ, кромѣ поджареннаго ячменя—въ двухъ видахъ: крупу—*курмач* и муку—*талкан*. Каждый членъ семьи, большой и малый, самъ себѣ намалываетъ на ручныхъ жерновахъ талкана во всякое время, когда ему захочется ѣсть, и всегда въ количествѣ, которое-бы помѣстилось безъ остатка въ его маленькую чашечку. Талканъ употребляется большею частію въ сухомъ видѣ, а иногда въ смѣшеніи съ водою, у южныхъ алтайцевъ—съ молокомъ, у сѣверныхъ—съ медомъ. Вечеромъ инородцы употребляютъ болѣе питательную пищу: *кочо* — кашицу изъ цѣльныхъ ячменныхъ зеренъ, варенную въ водѣ или молокѣ, и *тутмаш*—катушки изъ прѣснаго пшеничнаго тѣста, варенныя съ рыбой, кониной или въ молокѣ. Весною употребляются въ пищу корни лилейныхъ растеній: *сараны* (Lilium Martagon) и *кандыка* (Erythronium Dens Canis). Испеченный въ золѣ кандыкъ имѣетъ сходство съ картофелемъ. Надобно замѣтить, что южная часть Алтая питается болѣе мясомъ, а сѣверная — рыбой. Вареная пища разливается изъ общаго котла всякому въ свою чашку, и каждый садится съ своею частію, гдѣ найдетъ для себя удобнѣе, по всей юртѣ. Мясо разныхъ животныхъ и звѣрей, а также и рыбу жарятъ на палочкахъ, приставленныхъ къ огню. Люди бѣдные въ лѣтнее время питаются одними только кореньями и травами: кандыкомъ, сараною, корнемъ Paconia anomala, борщевникомъ (Heracleum), травою *кэжуне* (въ родѣ дигиля) и калбою (Allium ursinum). Всякая пища употребляется безъ хлѣба; оттого инородцы слабосильны и къ земледѣльческимъ трудамъ мало способны, а дѣти ихъ отъ употребленія одной жидкой пищи обыкновенно обладаютъ отвислымъ брюхомъ.

Осѣдлые инородцы употребляютъ такую-же пищу, какъ и русскіе крестьяне. Но и у нихъ есть національныя блюда: *терьгом*, приготовляемое

такъ: изъ сырыхъ овечьяго сердца, печени, легкаго, говядины и сала рѣжутъ длинныя ленточки и начиняютъ ими овечьи кишки, которыя варятъ въ водѣ или жарятъ, и *кыйма* — кишки, начиненныя потрохами разныхъ животныхъ съ прибавленіемъ луку и крупы.

Въ питье употребляется инородцами, безъ сомнѣнія, болѣе всего чистая вода, въ лѣтнее время изъ рѣчекъ и ключей, которыми такъ изобилуютъ Алтайскія горы. Зимою многіе инородцы переносятъ свои юрты на вершины горъ, сохраняющихъ подножный кормъ для ихъ скота, и потому, затрудняясь съ такой высоты „унижаться" до рѣчекъ, пьютъ въ это время снѣжную воду. Но это питье, безъ привычки къ нему, лишаетъ на нѣкоторое время голоса. Послѣ воды употребляется въ питье, однако-же въ видѣ роскоши, а не насущной потребности, кирпичный чай, который достается южными алтайцами отъ монголовъ съ Чуйской мѣновой ярмарки [1]) и пьютъ вмѣстѣ съ талканомъ изъ маленькихъ деревянныхъ чашечекъ, покрытыхъ прочнымъ лакомъ. Чашечки эти привозятся съ Чуи-же. Вмѣсто чаю пьютъ еще прошлогодніе листья бадана (Saxifraga crassifolia, *калбыш, калчап*), цвѣтъ бѣлоголовника (Spiraea Ulmaria), березовую черную камедь (*мешкэ*) и буроватый отваръ молодыхъ прутьевъ шиповника. Самое любимое питье алтайца, безъ сомнѣнія, *чегэнь* и *кумысъ*. Первый напитокъ изъ коровьяго молока, а второй изъ молока кобылицъ. Оба эти напитки приготовляются въ кожаномъ мѣшкѣ, называемомъ *аркыт*, гдѣ налитое молоко, въ теченіе нѣсколькихъ дней, часто взбалтывается деревянною колотушкою съ отверстіями на нижнемъ концѣ и приходитъ въ броженіе. Для закваски въ новый *аркыт* полагается копченая жила какого-либо животнаго, чаще лошади, а старый обдержанный *аркыт* уже самъ себѣ служитъ закваской. Изъ кумыса приготовляется и болѣе живительный напитокъ — *аракы* слѣдующимъ образомъ: котелъ съ кумысомъ ставится на огонь, плотно закрывается двумя половинками круглой, выпуклой деревянной крышки, которой края со всѣхъ сторонъ замазаны глиною съ примѣсью для крѣпости конскаго помета. На одной изъ половинокъ — два отверстія, въ которыя влагаются двѣ деревянныя дугообразныя трубы. Одинъ конецъ каждой трубы хорошо вмазывается въ отверстія, а другой пропускается въ чугунный кувшинъ, закрытый кружкомъ изъ войлока и стоящій въ корытѣ съ холодной водой. Пары кумыса, проходя сквозь трубы въ кувшинъ и здѣсь охлаждаясь, претворяются въ вино—*аракы*. Изъ выжимокъ испарившагося кумыса приготовляется сыръ.

---

[1]) Торговыя сношенія на Чуѣ происходятъ не столько между алтайцами и монголами, сколько между послѣдними и русскими. Русскіе, узнавъ нужды монгольцевъ, стоящихъ на пикетахъ, разсчитавъ и свои выгоды, издавна начали мало-по-малу въѣзжать чрезъ Алтайскія горы на р. Чую, пригоняя лошадей и привозя съ собою разные товары, какъ-то: кожи разныхъ цвѣтовъ, толстыя сукна, желѣзо, котлы, чайники, таганы, стремена, ножницы, замки, шилья, пуговицы, моральи рога и проч. и все это размѣнивая на серебро (въ коробкахъ), канфы, канчи, шелкъ, китайки, дабы, чай, табакъ и проч. Въ оборотъ съ обѣихъ сторонъ сумма простирается до 150,000 руб. серебр.

Впрочемъ, *чегэнь* и *кумысъ* достались на долю только южнымъ алтайцамъ—скотоводамъ, а сѣверные алтайцы довольствуются *абырткою*—бражкою изъ вареннаго и квашеннаго кандыка и *аракою* изъ ячменной муки.

Занятія.

Общее занятіе всѣхъ кочевыхъ инородцевъ есть звѣропромышленность, добываніе кедровыхъ орѣховъ и земледѣліе, находящееся въ первобытномъ состояніи. Распространимся нѣсколько о ходѣ звѣропромышленности. Между инородцами, какъ и вездѣ, есть богатые и бѣдные. Послѣдніе одолжены первымъ и находятся у нихъ въ качествѣ приказчиковъ. Все, что добудетъ бѣдный инородецъ, сбываетъ своему богатому собрату, весьма за умѣренную цѣну, а этотъ уже доставляетъ своему *танышу* — пріятелю изъ купцовъ также съ небольшою пользою. Обороты эти происходятъ слѣдующимъ образомъ: осенью *таныши* являются къ своимъ купцамъ съ боченкомъ вина и послѣ благопожеланій съ обѣихъ сторонъ, распиваютъ его, безъ чего никакихъ операцій торговыхъ здѣсь не бываетъ и быть не можетъ. По угощеніи, купецъ ведетъ танышей своихъ съ ихъ женами и дѣтьми въ свою лавку. Таныши набираютъ товаръ, какой *поглянется*, каждый отъ 100—300 руб. серебр., укладываютъ во вьюки, заходятъ опять въ домъ къ купцу, справляются съ боченкомъ, и на прощаніи кромѣ товара еще получаютъ денегъ рублей по 50 и болѣе, смотря по состоянію, для собственныхъ оборотовъ. Чѣмъ проще купецъ держитъ себя въ обращеніи съ инородцами, тѣмъ болѣе у него танышей, а чѣмъ болѣе послѣднихъ, тѣмъ успѣшнѣе идетъ его торговля. Таныши, возвратясь въ свои кочевья съ деньгами и товарами, раздаютъ и то и другое своимъ приказчикамъ въ долгъ же. Между тѣмъ время идетъ, вотъ высыпаетъ и снѣгъ, шубка на каждомъ звѣрѣ дѣлается пушистѣе и цѣнится дороже. Звѣропромышленники — должники (а они всѣ въ долгу и постоянно) берутъ винтовки, ловушки, запасъ — талканъ, а мяса у нихъ будетъ много *бѣличьяго* и друг., котелки и проч. и кладутъ все это на *нарты*, т.-е. длинныя, гибкія сани, которыя тащатся лямкою. Нарта шириною и высотою около 1 арш., длиною болѣе сажени. Полозья ея тонкіе, на подобіе лыжъ; дно изъ двухъ тонкихъ досокъ; бока зарѣшечиваются ремнями. Экипажъ этотъ имѣетъ то неоцѣненное для звѣролова достоинство, что въ снѣгу не тонетъ. Пришедши въ знакомое свое урочище, звѣропромышленники дѣлаютъ здѣсь станъ изъ пихтовыхъ вѣтвей, отъ котораго расходятся во всѣ стороны. Любо смотрѣть, когда охотникъ летитъ съ высочайшей, крутой горы, быстро извиваясь, какъ змѣя, между деревъ. Лыжи употребляются непремѣнно съ подволоками, называемыми *кыс*, которыя дѣлаются изъ оленьей или лошадиной кожи, содранной съ колѣней этихъ животныхъ. Нѣсколько не выдѣланныхъ *кыс* сшиваютъ вмѣстѣ и подклеиваютъ подъ лыжи, шерстью вверхъ, что дѣлается для большей каткости лыжъ и удобства входить на горы. Простыя, не подклеенныя лыжи теряютъ свое

названіе: онѣ уже *голицы*. На голицахъ только ходятъ по *насту* (замерзшій весною на снѣгу ледяной покровъ, называемый здѣсь *чарым*). Онѣ должны быть непремѣнно сосновыя, слоеватыя. Безъ лыжъ черневой татаринъ называется *пѣшимъ*, такъ онѣ необходимы. И сроднился же онъ съ своимъ подножіемъ! Покачиваясь изъ стороны въ сторону, инородцы на лыжахъ легко пробѣгаютъ отъ 70 до 80 верстъ въ весенній день, а въ самый короткій зимній, обыкновеннымъ бѣгомъ, отъ 50 до 60. Но если охотнику нужно перехватить звѣря, т.-е. пересѣчь линію бѣга, замѣтивъ его направленіе, то онъ пробѣгаетъ отъ 100—150 верстъ въ день. Кромѣ искусства бѣгать на лыжахъ, въ инородцахъ въ высочайшей степени развитъ разумный инстинктъ на звѣроловствѣ; при покупкахъ и продажахъ, они простодушно поддаются всякому обману, а въ лѣсной ихъ сферѣ проявляется въ нихъ необыкновенная смѣтливость: на быстромъ бѣгѣ, при множествѣ слѣдовъ звѣря, охотникъ читаетъ по нимъ, какъ по грамотѣ.

Заимствуемъ изъ разсказовъ охотниковъ способы добыванія звѣрей и начнемъ съ дѣдушки тайги—*медвѣдя* (абшах). Извѣстно, что медвѣдь съ Воздвиженія (14 сентября) или съ Покрова залегаетъ въ берлогу, или со всѣмъ своимъ семействомъ, или по крайней мѣрѣ вдвоемъ, рѣдко—одинъ. Мѣсто его зимняго успокоенія избирается въ густой лѣсной чащѣ. Признаки его слѣдующіе: вершины окружающихъ кустарниковъ обломаны, съ деревьевъ кора содрана. Затѣмъ, если медвѣдь находится въ берлогѣ, то оттуда выходитъ тонкій паръ, что видно на обтаенномъ снѣгѣ деревьевъ, подъ навѣсомъ которыхъ вырыта берлога. Снѣгъ этотъ, обнаруживающій присутствіе звѣря, называется *куржак*, по которому опытный охотникъ заключаетъ и о числѣ обитателей берлоги. Удостовѣрившись обо всемъ, звѣропромышленникъ приглашаетъ одного, рѣдко двухъ товарищей и то изъ своего семейства или родства на охоту. Вооружившись винтовками, рогатинами и топорами, товарищи подходятъ къ берлогѣ, начинаютъ срубать нѣсколько толстыхъ деревьевъ, исключая осины, которую будто-бы медвѣдь не долюбливаетъ, дѣлаясь отъ нея раздражительнымъ, и заостриваютъ на подобіе клина, не обрубая всѣхъ вѣтвей; потомъ засовываютъ эти деревья въ отверстіе берлоги, чтобы загородить выходъ, срубаютъ еще нѣсколько деревьевъ и, обрубивъ на нихъ вѣтви, кладутъ на берлогу въ нѣсколько рядовъ, чтобы медвѣдь въ крайности не проломилъ верхъ ея. Принявъ эти предосторожности, стрѣляютъ въ берлогу чрезъ отверстія въ разныхъ направленіяхъ изъ винтовокъ жеребьями, т.-е. цилиндрическими обрубками свинца, которые употребляются вмѣсто крупной пули. Тяжело раненный медвѣдь издаетъ болѣзненные стоны. Убѣдившись рогатиною, что медвѣдь убитъ, и что другихъ въ берлогѣ нѣтъ, охотники очищаютъ отверстіе, одинъ изъ нихъ спускается туда, завязываетъ за убитаго звѣря веревку и вытаскиваетъ его вонъ для дальнѣйшихъ операцій. Охота на медвѣдя въ берлогѣ — вѣрная. Если товарищи ловки, то берлогу даже и не затыкаютъ деревьями. Бьютъ медвѣдей и лѣтомъ, но только не для охоты, а по нуждѣ,—когда они приближаются къ жилью и истребляютъ скотъ или

хозяйствуютъ въ пасѣкахъ,—оттого, что въ это время такая охота слишкомъ трудна и опасна, а шкура не имѣетъ почти никакого достоинства. Когда медвѣдь окруженъ охотниками и собаками, такъ что ему некуда дѣваться, онъ, разъяренный, принимается ревѣть такъ громогласно, что, по словамъ охотниковъ, земля дрожитъ. Но видя, что ревомъ не беретъ, принимается за деревья, ломаетъ ихъ, вырываетъ съ корнемъ и наконецъ становится на дыбы. Этимъ моментомъ и пользуются охотники, тотчасъ стрѣляя жеребьями. Но если медвѣдь не становится на заднія лапы, а быстро и смѣло, обратившись къ охотникамъ, опустивъ голову къ землѣ, прямо бросается на нихъ, — бой становится опаснѣйшимъ. Если ему не всадятъ жеребья прямо въ голову, что однако-жъ очень трудно, звѣрь на выстрѣлъ и дымъ стремглавъ бросается, но не дерется долго съ однимъ противникомъ, а нанесши ударъ лапою, обращается на другаго, третьяго, пока не нападетъ на самаго неустрашимаго, съ которымъ вступаетъ уже въ рѣшительный бой. Охотники единогласно утверждаютъ, что медвѣдь замѣчаетъ и отличаетъ храбраго отъ труса и преимущественно въ войнѣ нападаетъ на перваго, но въ мирное время, когда онъ нечаянно встрѣтится въ лѣсу съ безоружнымъ человѣкомъ, то нападаетъ только на отступающаго, а если видитъ, что не очень его испугались, *всплыветъ* на заднія лапы, обфыркаетъ свою жертву и удалится. — Извѣстно, что медвѣдь, какъ и самое этимологическое значеніе его имени показываетъ, большой сластолюбецъ и шатается иногда по пасѣкамъ, разбивая всегда самыя лучшіе ульи. Это преимущественно бываетъ тогда, когда въ тайгахъ мало родилось ягодъ. Въ этомъ случаѣ караулятъ его на повѣти, которая устраивается на довольно толстыхъ деревьяхъ, вышиною отъ земли отъ 2—3 саж. Такая повѣть называется *лабазомъ*, который дѣлается близь тропы, по которой обыкновенно посѣщаетъ медвѣдь пасѣку утреннею или вечернею зарею. Идетъ онъ всегда, какъ ловкій воръ, тихою поступью, присядая, такъ что ни пруткомъ не хрустнетъ, ни листикомъ не шелохнетъ. Когда онъ поравняется съ лабазомъ, тутъ его встрѣчаютъ нѣсколько пуль. На медвѣжью тропу ставятъ еще петли изъ веревки, которой одинъ конецъ привязанъ къ древесному отрубку (чурбану). Въ петлю медвѣдь попадаетъ головою, и смерть его неизбѣжна. Какъ онъ ни старается освободиться отъ докучливаго чурбашка, но онъ все волочится за нимъ и затягиваетъ петлю. Случалось, что медвѣжата, попавъ въ петлю и, взойдя на утесъ, бросали отъ себя несносный чурбанъ, и сами съ нимъ падали и убивались. Но отгрысть веревку—толку не достаетъ. — Если медвѣдь къ 14 сентября не заляжетъ въ берлогу, это значитъ у него въ головѣ бродитъ не доброе. Тогда онъ нападаетъ на скотину. И какъ замѣчено, что до свѣжаго мяса онъ не охотникъ, то задавивъ скотину, зарываетъ ее для квашенія въ землю. На этой кладовой устраиваютъ западню изъ бревенъ, которая называется *слабцомъ* и придавляетъ звѣря своею тяжестію.—Мясо медвѣжье употребляется инородцами въ пищу, сало — въ болѣзняхъ. Изъ одного медвѣдя получается сала отъ 2—4 пуд., осенью болѣе, лѣтомъ менѣе.

Отъ медвѣдя перейдемъ къ *волку*. На волковъ или ставятъ капканы, или догоняютъ ихъ на лошадяхъ и на лыжахъ по насту. Если волкъ нажрался скотины, тогда бываетъ тяжелъ на ногу и всегда расплачивается за столъ своею шкурою. Волковъ еще отравляютъ. Мелко нарубивши говядины, мѣшаютъ ее съ натолченой или натертой *кучелей* (Nux vomica). Чтобы кучеля болѣе имѣла силы, кладутъ ее и плотно замазываютъ въ какой-либо посудинѣ, и заквашиваютъ въ тепломъ мѣстѣ. Спустя нѣкоторое время, размазываютъ, мѣшаютъ и еще поквасятъ. Потомъ, надѣлавши шариковъ пополамъ съ говядиною, разбрасываютъ ихъ особенно тамъ, гдѣ бываютъ волки, которые, поѣвши такого состава и не много отходя или уползая, сваливаются и издыхаютъ.

Для *лося, оленя* (Cervus pygargus) и морала (C. Elephas) дѣлаютъ городьбу, которая бываетъ версты на три, кое-гдѣ оставляя пустоту. Внутри городьбы наставляютъ отъ 200—300 луковъ, на рукояти каждаго изъ нихъ, пониже струны, привязывается веревочка и палочка къ ней такъ, чтобы она натягивалась и упиралась однимъ своимъ концомъ въ струну, а другой подтягивается къ верху веревочкой кольцеобразной и свободной; чрезъ пустоту перетягивается сило на 12 вершк. отъ земли и цѣпляется въ одномъ концѣ узломъ за нижнюю веревочку. Когда сило тронется, будетъ давиться,—узелъ, соскочивши, подернетъ веревочку, тогда мгновенно сдернутся и соскочатъ палочка и струна,—и стрѣла деревянная съ копьецомъ изъ желѣза на концѣ, пропускаемая сквозь верхнюю веревочку на струну, летитъ въ свою цѣль, двинутая тетивою. Это промыселъ лѣтній. Съ лосемъ или *сохатымъ* надобно обходиться осторожнѣе, потому что онъ, если замѣтитъ охотника, стремглавъ бросается на него и затаптываетъ ногами. Всего вѣрнѣе его промышлять по насту, по которому лось ходитъ тихо и осторожно и все-таки портитъ ноги и дѣлается смирнѣе.—Козлиныя шкуры большею частью идутъ на собственное употребленіе самихъ инородцевъ. Изъ нихъ шьютъ *дохи*, которыя очень теплы и непромокаемы. У морала же всего цѣннѣе рога, столь охотно и дорого покупаемые китайцами. Молодые рога состоятъ изъ одного мягкаго бухряща и одѣты молоденькою кожицей, обросшей низкою атласистой, бураго цвѣта, шерстью. Внутри этихъ хрящевыхъ роговъ, наиболѣе въ концахъ отростковъ, которыхъ бываетъ до 6, смотря по лѣтамъ животнаго, пока они не окостенѣли, что бываетъ только до Петрова дня, заключается жидкость, столь дорого цѣнимая китайцами, такъ что моральи рога составляютъ предметъ особенно важный въ мѣновой нашей торговлѣ съ Китаемъ. Рога бываютъ простые—*сагын мюнюзі* и съ гнѣздами—*сагын мюнюзін канду*, у которыхъ въ концахъ отраслей жидкости столь много, что каждая отрасль оканчивается какъ-бы шаромъ. Эссенцію въ моральихъ рогахъ сохраняютъ такъ: когда убьютъ морала, первымъ дѣломъ бываетъ снять (отрѣзать) съ него рога, сейчасъ-же поворачиваютъ ихъ концами книзу, замазываютъ отрѣзанную часть тѣстомъ, сѣрой и т. под., обвязываютъ тряпицей и потомъ на веревочкѣ вѣшаютъ рога внизъ концами, всячески стараясь, чтобы драго-

цѣнная жидкость не вытекла; впослѣдствіи она подсыхаетъ, принимаетъ нѣкоторую твердость, цвѣтъ получаетъ коричневый, похожій на цвѣтъ бобровой струи. Внутри Алтая въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ деревняхъ мораловъ держатъ ручными въ высокихъ загородкахъ изъ прибыли отъ продажи роговъ, которые тоже въ маѣ и іюнѣ отпиливаютъ. Впрочемъ, далѣе 7 лѣтъ рога уже не имѣютъ жидкости, хотя и перемѣняются каждогодно. Цѣны на пару моральихъ роговъ на р. Чуѣ слѣдующія:

	На простые съ отраслями:	На рога съ гнѣздами:
2-мя	10 р.	20 р.
3-мя	20 „	40 „
4-мя	30 „	50 „
5-ю	60 „	80 „
6-ю	70 „	90 и 100 р.

Въ самомъ Китаѣ рога продаются: съ 5 отростками, простые—до 250 р., съ гнѣздами о 5 и 6 отросткахъ—350 р. и дороже. Объ употребленіи этой эссенціи говорятъ различно. Одни утверждаютъ, что это самое дѣйствительное предохранительное средство отъ всѣхъ болѣзней, особенно въ жаркомъ климатѣ, что принятое въ порошкѣ внутрь, продолжительно прохлаждаетъ. Другіе разсказываютъ, что оно способствуетъ благополучнымъ родамъ, также служитъ сильнымъ генеративнымъ средствомъ и поддерживаетъ въ мужчинѣ способность дѣторожденія. Нѣкоторые увѣряютъ, что этой эссенціей знатные китайцы мажутъ головы, отчего навсегда предохраняютъ себя отъ вылезанія волосъ, и что изъ сока этихъ роговъ приготовляется какой-то элексиръ, необходимый для путешествующихъ чрезъ страшныя пустыни Гоби. За достовѣрно-же извѣстно, что эссенція эта, приложенная къ ранамъ отъ порѣзовъ и вообще при разрывахъ покрововъ и мышцъ у человѣка и животныхъ, чрезвычайно скоро ихъ заживляетъ. Какъ-бы то ни было, но только моральи рога тоже во множествѣ покупаются въ Хиву, Бухару, Ташкентъ и Коканъ.

Промыселъ лисицы. По насту и по *кити* (выпавшій большой снѣгъ) догоняютъ лисицу на лыжахъ; ловятъ и капканами, разставляя ихъ преимущественно на мѣстахъ между озерами, потому что лисица, въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, когда еще мало снѣгу, любитъ бѣгать по замерзшимъ уже озерамъ, избѣгая, по возможности, земли, на которой остается большая жесткая трава, кочки и другія неровности, препятствующія ея бѣгу; перебѣгая-же съ одного озера на другое, привлекается запахомъ мясного, приближается къ капкану, гдѣ кладется кусокъ мяса, и за удовлетвореніе аппетита расплачивается своею шубою. Отравляютъ лисицъ такъ-же, какъ волковъ, кучелею. Наконецъ, если найдутъ гнѣздо лисье, то выбираютъ оттуда дѣтенышей и воспитываютъ въ деревянныхъ срубахъ.

Промыселъ *россомахи* сходствуетъ съ лисьимъ. Если же она задавитъ

козла, то на этомъ мѣстѣ ставятъ ловушку, называемою *кулемкою.* Замѣчательно, что россомаха—всегдашній и непримиримый врагъ лисицы, которую всегда преслѣдуетъ съ настойчивостью терпѣливаго охотника, гоняясь за нею день и два, но, догнавши, только загрызетъ ее, а не ѣстъ, зарывши трупъ въ снѣгъ или спрятавъ на дерево.

Рысь гоняютъ на лыжахъ, стараясь, какъ можно скорѣе, перехватить ея бѣгъ, но если часъ и два ее не догоняетъ охотникъ, то болѣе уже нечего и безпокоиться, потому что этотъ звѣрь не уступаетъ. Въ характерѣ рыси охотники знаютъ слѣдующую черту: если захватить ее на мѣстѣ, то далеко не нужно удаляться отъ этого мѣста, ибо она сколько не кружитъ, но непремѣнно опять прибѣжитъ на то-же мѣсто, а потомъ уже удалится.

Выдру ловятъ *саипомъ* (широкая сѣть изъ нитокъ), какъ и рыбу, и собаками.

Каланка ловятъ *кулемкою* или *плажкою*, съ наживою рябчикомъ или соленой-душной рыбой; изъ дупловъ выгоняютъ дымомъ; къ норѣ ставятъ лукъ—*шергей*, оставляя для входа звѣрька развилочку, соединенную съ этимъ лукомъ.

Хорекъ идетъ въ *кулемку* или *плажку* на дохлую курицу.

Соболь водится въ каменистыхъ горахъ. Его ловятъ саипами—*анык*. Если саипъ разставляютъ къ ночи, то на каждой сторонѣ его привязываютъ по колокольчику, чтобы узнать, гдѣ пробѣжитъ звѣрокъ. Лучшіе соболи добываются въ южной части Алтая. Цѣны на нихъ поднялись въ недавнее время. Лѣтъ за 50 тому назадъ черные соболи или съ просѣдью, вмѣсто настоящей цѣны отъ 20—25 р. за штуку, продавались по 300 р. асс. за сорокъ.

Заяцъ идетъ въ *кулему* и *петлю* на осиновые прутки.

Горностай ловится собаками и бьется *шергеемъ*.

Бѣлку большею частію стрѣляютъ изъ ружей мелкою пулею. При среднемъ урожаѣ бѣлки хорошій стрѣлокъ добываетъ ее отъ 10—20 штукъ въ день.

Ловля *бурундуковъ* есть охота дѣтская. Бурундуковъ промышляютъ весною по насту, при чемъ звѣроловы—мальчики дѣлаютъ губами особенный звукъ *пьфу*. На этотъ призывъ непремѣнно является самецъ и преспокойно просовываетъ свою голову въ подставленную къ нему на палкѣ петлю изъ конскихъ волосъ. Бьютъ бурундука и *тамаромъ* (стрѣла съ шарообразнымъ концомъ)

Звѣропромышленники, настрѣлявши и наловивши разныхъ звѣрей, небольшую часть лучшихъ шкурокъ оставляютъ для сдачи въ ясакъ,*) а остальныя сдаютъ своимъ танышамъ-заимодавцамъ, около Крещенія, которыя и отправляются въ Ирбитскую ярмарку въ огромныхъ кашевахъ на многія

*) Изъ свѣдѣній, полученныхъ мною изъ Бійскаго и Кузнецкаго казначействъ, видно, что вносится соболей 243, лисицъ 72, колонковъ 1041, бѣлокъ 10,130.

сотни тысячъ рублей. Изъ всего Алтая болѣе всѣхъ отправляютъ пушины въ Ирбитскую ярмарку кузнецкій инородецъ, торгующій по купеческому свидѣтельству, Назаръ Степановъ Картюгешевъ. Цѣны въ Ирбити на пушину служатъ нормою для мѣстной оцѣнки на будущій годъ.— Что поднялось въ Ирбитѣ, то поднимается и въ Алтаѣ и наоборотъ.

Добыча кедровыхъ орѣховъ въ урожайный годъ тоже выгодна, только, не смотря на цѣпкость инородцевъ, нерѣдко сопровождается паденіями. Хорошій кедръ доставляетъ до 2 пуд. чистыми орѣхами, которые продаются на мѣстѣ пріѣзжающимъ сюда крестьянамъ за весьма выгодную цѣну, разумѣется, для послѣднихъ. Часто *пудовка* (мѣра) орѣховъ идетъ на такую-же ячменя. Урожай орѣховъ узнается съ осени: тогда уже зарождаются на кедрахъ шишечки, ихъ вмѣстилища, которыя, подъ названіемъ *озими*, созрѣваютъ впродолженіе года.

Хлѣбопашествомъ кочевые инородцы занимаются мало и допотопнымъ образомъ: роютъ землю *обыломъ*, въ родѣ закругленной мотыги; сѣютъ пшеницу и ячмень. Уборка этихъ хлѣбовъ производится такъ-же, какъ и льна: растеніе выдергивается съ корнемъ. Собранный такимъ образомъ хлѣбъ связывается у колосьевъ въ небольшіе пучки, парами, и вывѣшивается на жерди для просушки. Спустя недѣлю или болѣе, судя по состоянію погоды, колосья высохшихъ пучковъ берутъ въ руки у комля, держатъ надъ разложеннымъ на пашнѣ огнемъ, такъ что солома вся сгоритъ, а въ рукахъ остаются одни колосья, которые бьютъ палками и очищаютъ отъ плевы. Для сохраненія зерна, на пашнѣ-же врываютъ въ землю 4 столба, настилаютъ жердями, и на этотъ полъ, отстоящій отъ земли аршина на два, ставятъ большіе изъ бересты короба и наполняютъ ихъ зерномъ. Большой коробъ (*уланъ*) вмѣщаетъ въ себя пуд. до 25. Покрышка коробовъ состоитъ изъ жердей, бересты и земли. Въ такихъ воздушныхъ амбарахъ хлѣбъ сохраняется отлично. Въ Сѣверномъ Алтаѣ сѣется еще немного конопли. Овощей никакихъ нѣтъ.

Осѣдлые и новокрещенные инородцы привыкаютъ къ правильному земледѣлію и огородничеству.

Сверхъ этихъ общихъ занятій, средства къ содержанію раздѣляются по мѣстнымъ условіямъ:

1) Южные алтайцы попреимуществу—скотоводы. Цвѣтущему состоянію скотоводства способствуютъ долины, покрытыя *кипцомъ* (*ізю элен*), это—мелкая травка, безъ листьевъ, изъ одного стволика состоящая, любимая скотомъ и утучняющая его; солонцы и подножный кормъ во весь годъ. У богатыхъ калмыковъ бываетъ до 40 табуновъ коней и до 3000 овецъ. Табунъ состоитъ изъ одного жеребца и около 30 кобылицъ. Между-горныя долины: *Чуйская* (самая обширная во всемъ Алтаѣ, въ длину 64 вер. и въ ширину 43), *Курайская* (въ длину 20 вер. и въ ширину 12) и *Абайская* (въ длину 35 вер. и въ ширину 3) усѣяны рослыми, горбоносыми, съ умѣренными кудрями, широкими и отвислыми ушами и длинношерстными алтайскими овцами. Алтайскіе быки отличаются также своею дородностью.

2) Сѣверные алтайцы, особенно живущіе при рр. Томи и Мрасѣ, занимаются рыболовствомъ, вязаніемъ рыболовныхъ сѣтей, которыя продаются въ большомъ количествѣ въ г. Кузнецкѣ въ 9-ю послѣ Св. Пасхи пятницу. Многіе занимаются и пчеловодствомъ, которое находится въ хорошемъ состояніи особенно по р. Антропу, гдѣ мѣстность очень благопріятствуетъ этому занятію. Горы, покрытыя кустарниками: таволгою, акаціей, малиною, сочными, въ ростъ человѣка, травами, преимущественно кипреемъ (Epilobium angustifolium), даютъ много бѣлаго, ароматичнаго меда. У нѣкоторыхъ инородцевъ количество ульевъ доходитъ до 1000. Антропскіе ульи славятся въ Кузнецкомъ округѣ своею доброкачественностью, немного уступая въ плодовитости дикимъ пчеламъ. Впрочемъ, правильной торговли пчелами здѣсь нѣтъ. Желающій купить пчелъ у Антропскихъ инородцевъ приходитъ къ нимъ весною, непремѣнно съ виномъ, и по мѣрѣ этой заманчивой въ высшей степени для инородцевъ влаги, пользуется не только уступкою въ покупкѣ пчелъ, но весьма часто и значительнымъ подаркомъ оныхъ. Пріобрѣтенныя такимъ образомъ пчелы сплавляются на плотахъ по р. Кондомѣ, въ которую впадаетъ р. Антропъ. Кромѣ пчеловодства занимаются еще *пчелованьемъ*, т. е. отыскиваніемъ въ дуплахъ дикихъ пчелъ, которыя произошли отъ домашнихъ. Кому посчастливится въ теченіе весны, тотъ находитъ колодокъ до 20 этихъ блуждающихъ пчелъ. Для приплода эти пчелы считаются лучшими; онѣ даютъ въ одно лѣто не рѣдко 5 хорошихъ роевъ.

Изъ домашнихъ животныхъ сѣверные алтайцы держатъ только коней и то въ ограниченномъ числѣ, и очень мало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр по рр. Мрасѣ и Мындыбашу—коровъ. О подножномъ кормѣ здѣсь и думать нельзя: снѣгъ выпадаетъ очень рано и всегда достигаетъ 3 ар. глубины.

Домашняя посуда, приготовляемая самими инородцами, обусловливается мѣстною обстановкою: на югѣ играетъ роль кожа, на сѣверѣ—береста. Для сохраненія, напр., жидкостей, на югѣ шьютъ жилами: *аркыш* для кумыса и чегэня, почти въ ростъ человѣка, вмѣщающій въ себѣ около 10 ведеръ, *тамаур*, вмѣщающій около 1 ведра и *горбуй* изъ цѣльной кожи, снятой съ коровьей ноги, мѣрою отъ 1 до $1^1/_2$ ведр. Послѣдніе два сосуда употребляются преимущественно въ дорогѣ. Для этихъ сосудовъ сырую кожу, опаривши въ горячей водѣ и очистивши шерсть руками, сшиваютъ тогда-же по извѣстной формѣ и, всыпавъ сухой земли, высушиваютъ близъ огня въ теченіе 10 дней. Потомъ, высыпавъ землю, дымятъ сосуды 7 сутокъ или болѣе, чтобы сквозь продымились; отъ дыму кожа размягчается, но просохнувъ на вѣтру 1 день, дѣлается твердою, рогообразною, такъ что ее ножъ не беретъ.

У сѣверныхъ алтайцевъ для воды, молока, масла, араки и меда дѣлаются разныхъ размѣровъ бураки (по-сибирски *туесъ*), которые для перевозки во вьючныхъ сумахъ имѣютъ полукруглую форму. Впрочемъ, на обувь себѣ и они приготовляютъ кожу *сагыры*, посредствомъ дымленія-же, а именно: сырую кожу лошади, рѣдко коровы, обривши острымъ ножемъ, натираютъ

сначала порошкомъ изъ пихтоваго угля, потомъ—отваромъ изъ оглоданныхъ костей, тщательно для сего сохраняющихся отъ пиршественныхъ столовъ, отчего кожа принимаетъ черный цвѣтъ. По очерненіи кожи вывѣшиваются зимою на солнцѣ, а лѣтомъ въ тѣни на одинъ мѣсяцъ, и провѣтренныя мажутся лошадинымъ саломъ—чѣмъ больше, тѣмъ лучше, и затѣмъ смягчаются въ *талыкѣ*. Талыкъ—колода, около 2 арш. длины, съ пространствомъ между стѣнками до 5 вершковъ, безъ дна, съ зазубринами съ обѣихъ сторонъ, въ средину которой вставляются *балазы*, въ родѣ выгнутой къ одному концу толстой оглобли, съ зазубринами-же. Одинъ человѣкъ переворачиваетъ сложенную кожу въ талыкѣ, а другой, приподнимая и отпуская прямой конецъ балазы, снимаетъ ее. Въ день обыкновенно смягчаютъ не болѣе двухъ большихъ кожъ, рѣдко три. Приготовленныя такимъ образомъ кожи дымятся, для чего дѣлаютъ въ землѣ печку въ родѣ тѣхъ, въ какихъ варится масло или смола. На верхнее отверстіе печи полагается не болѣе двухъ кожъ, сложенныхъ такъ, чтобы дымъ проникалъ между изгибами. Накрываютъ кожи берестянымъ круглымъ коробомъ, затопляютъ печь пихтовымъ гнильемъ и засыпаютъ землей. Въ теченіе 3-хъ дней дымъ проникаетъ кожи, которыя по выдымленіи еще смягчаются въ талыкѣ, и готовы на обувь. Изъ этой кожи обувь теплѣе, нежели изъ обыкновенной. Она не боится ни жара, ни мороза. Нога звѣропромышленника, обутая въ сагыры, твердо стоитъ на лыжахъ, не скользитъ и на деревьяхъ. Не смотря однакожъ на эти достоинства сагыры, онѣ имѣютъ свои недостатки. Кожа эта не терпитъ лѣтомъ сырости и скоро изнашивается. Съ осени до весны инородцу достаетъ однихъ *чирковъ*, но лѣтомъ ихъ надобно нѣсколько.

Домашнія работы, главнымъ образомъ, лежатъ на женщинахъ. На югѣ Алтая женщины доятъ коровъ и кобылицъ, шьютъ обувь, одежду дѣлаютъ, кумысъ, высиживаютъ араки, приготовляютъ дрова, нося на своихъ спинахъ повалившіяся отъ вѣтра лѣсины, осѣдлываютъ и навьючиваютъ коней, возятъ, за отсутствіемъ мужей, подводы; на сѣверѣ дѣлаютъ все тоже за исключеніемъ ухода за скотомъ, и еще копаютъ землю для посѣва ячменя, полютъ свои пашни, заготовляютъ на зиму кандыкъ, косятъ сѣно серповидными косами, извѣстными въ Сибири подъ именемъ *горбушъ*, и приготовляютъ на халаты своихъ мужей двойную ткань, въ родѣ ревендука, изъ конопли. Для этого коноплю раздѣляютъ посредствомъ только рукъ и зубовъ на тонкія волокна, которыя, согнувъ въ кругъ, кладутъ въ берестяной коробъ, а чтобы волокна въ коробѣ не спутались, пересыпаютъ каждый кругъ ячменной шелухой или лузгой. Конецъ одного волокна соединяется съ концомъ другаго—присыкается. Когда коробъ наполнится этими тонкими волокнами, тогда берутъ большое веретено и ссучиваютъ ихъ, давая видъ обыкновенныхъ нитокъ, которыя, протянувъ въ нѣсколько рядовъ на полу, чрезъ всю юрту, сплетаютъ въ узкую (около 6 вер.), но прочную и неудобопромокаемую ткань.

Языкъ.

Языкъ алтайскихъ инородцевъ въ основѣ тюркскій, въ нѣкоторыхъ свойствахъ склоняется къ киргизскому, заключаетъ нѣкоторыя слова уйгурскія и много монгольскихъ; въ немъ есть корни для словъ татарскихъ. Такая смѣсь, вѣроятно, произошла оттого, что предки нынѣшнихъ алтайцевъ — Ойроты всегда представляли собою массу племенъ, находившихся въ непрестанныхъ связяхъ, то дружественныхъ, то враждебныхъ, съ разными кочующими племенами.

Письменности алтайцы не имѣютъ. Въ ихъ языкѣ нѣтъ звуковъ, изображаемыхъ русскими буквами: *в, ф, ц, щ*; напротивъ, есть и такіе, для которыхъ нѣтъ соотвѣтствующихъ буквъ въ русской азбукѣ, какъ носовое, подобное французскому *n*, мягкое *г*, придыхательное *k*, средніе звуки: *ӧ*, *ӱ*.

Гласныя буквы слѣдуютъ закону *созвучія*, который состоитъ въ томъ, что онѣ въ каждомъ словѣ могутъ измѣняться и произноситься такъ, чтобы гармонировали съ основнымъ тономъ, затронутымъ главною гласною.

Согласныя твердыя буквы слѣдуютъ закону *смягченія* при сочетаніяхъ съ нѣкоторыми согласными-же, а особенно съ гласными.

Удареніе бываетъ, за небольшими исключеніями, на послѣднемъ слогѣ.

Этимологическія перемѣны совершаются приставкой въ концѣ слова, а самое слово не терпитъ при этомъ никакой внутри себя перемѣны. Въ алтайскомъ языкѣ весьма мало исключеній. Вмѣсто нашихъ частей рѣчи, здѣсь достаточно раздѣлить на склоняемыя и спрягаемыя. Все зависитъ отъ логическаго значенія слова, а не отъ окончаній.

Склоняемыя формы:

Множ. число принимаетъ, смотря по созвучію, приставку *ар*, *ер*, или *ор*, съ предшествующими согласными *д*, *л*, *т*, опредѣляемыми конечною буквою въ корнѣ. *Ада*—отецъ,—*адалар*; *ором*—улица,—*оромдор*; *іш*—дѣло,—*іштер*.

Падежи отличаются приставками-же, для единственнаго и множественнаго чиселъ одинаковыми, а именно:

Родительный или притяжательный *ын* или *ін* съ предшествующими тѣми-же, какъ и въ родительномъ. *Баш*—голова, ед. *башты*, мн. *башшарды*, *ад* ед. *аданы*, мн. *адаларды*.

Дательный или приблизительный, такъ какъ онъ выражаетъ и отвѣтъ на вопросъ: *куда?* оканчивается послѣ гласныхъ на *а*, *э*, *о*, исключая *у* и *ю*. Конечныя коренныя буквы: *к* и *н* сочетаются съ тѣми-же буквами. *Ада*—*адаа*, *эне*—мать, *энеэ*, *козо*—колокольчикъ, *козоо*. Послѣ *у* и *ю* и согласныхъ—на тѣ-же буквы, но съ предшествующими: *г*, *к*, *х*.

Исходный имѣетъ окончанія: *ан* (*ен*, *он*), съ предшествующими буквами, какъ въ родительномъ. *Ада*, *ададан*—изъ отца, или отъ отца, *тамар*—жила, *тарамнан* и проч.

Творительный или соединительный съ послѣ—положною частицею: *была*, *былан*, *біле*, *білен* (съ кѣмъ, чѣмъ).

Мѣстный съ послѣ—положеніями: *да*, *та*, *(дэ*, *тэ*, *до*, *то)*—въ, на.

Притяжанія.

Всѣ имена алтайскаго языка допускаютъ *притяжанія*, въ извѣстныхъ буквахъ или частицахъ, для обозначенія личной принадлежности предмета. Притяжанія эти не должно смѣшивать съ притяжательными вмѣстоименьями (Suffixa), потому что отношеніе понятій въ предложеніи къ субъекту предложенія, хотя было-бы ясно и безъ притяжательныхъ знаковъ, даже если было-бы уже опредѣлено притяжательнымъ вмѣстоименьемъ, однако-же и тогда свойство языка требуетъ притяжаній.

Притяжанія 1-го лица: *м*, *ада*—отецъ, *адам*—мой отецъ, *адалар адалар* (ы) *м* мои отцы. Для выраженія принадлежности предмета многимъ лицамъ употребляется *неотдѣляемое* вмѣстоименье *біс*—нашъ: *ада біс*—нашъ отецъ, *адалар* (ы) *гар*—ваши отцы.

2-го лица принадлежность одному *н*, многимъ—*гар*: *адан*—твой отецъ, *адагар*—вашъ отецъ, *адалар* (ы)*н*—твои отцы, *адалар*(ы)*гар*—ваши отцы.

3-го лица: *ы*, *і*, *у*: *ада* (з) *ы*—его отецъ, *адалары*—его отцы, *эне*(з)*і*—его мать, *энелері*—его матери, *су*—вода, *суу*—его вода и проч.

Склоненіе именъ съ притяжательными приставками слѣдуетъ общему правилу, только дательный падежъ принимаетъ одну букву *а* (*э*) и при этомъ притяжаніе 3-го лица принимаетъ сыроническую букву *н*, *адам*—мой отецъ, дат. не *адамга*, по *адама*, *адаларыма*, *адан*—твой отецъ, *адана*, *адазы*—его отецъ, *адазына*, *адарына*. Кромѣ того въ винительномъ падежѣ съ приставкою 3-го лица опускается гласная падежнаго окончанія: *адазын*—его отца (вин. пад.).

Глаголъ.

Корень глагола—2-е лицо единст. числа повелит. наклоненія: *бар*—иди, *кел*—приди, *эт*—дѣлай. Приставка *гын* означаетъ моленіе, просьбу.

Въ глаголѣ есть формы нѣсколько похожія на наши залоги. *Ал*—возьми, прибавивъ къ нему слогъ *дыр*, получимъ форму, такъ называемую, *вліятельную*. Она, впрочемъ, имѣетъ разныя названія, которыми разные филологи, по своему разумѣнію, думали удачнѣе выразить разнообразное значеніе этой формы. Окончаніе *сыр* есть болѣе частное, но есть и другія. Глаголы, оканчивающіеся на гласную, принимаютъ въ этой формѣ *т*: *сарна*—пой, *сарнат*. Та-же буква (т) придается нерѣдко къ корню на *р*, если двухъ и болѣе сложное. А односложныя слова на *р* принимаютъ *гыз* (*гуз*), *тур*—стой, *тургуз*. Глаголы односложные, оканчивающіеся на ш, ч, т, получаютъ въ вліятельной формѣ только *ыр*.

Всѣ разнообразныя значенія этой формы сводятся къ одной идеѣ. Здѣсь

одно и тоже дѣйствіе относится къ двумъ субъектамъ, изъ которыхъ одинъ (подлежащее кореннаго глагола) есть непосредственный исполнитель дѣйствія, а другой (подлежащее глагола въ этой формѣ) — даетъ первому поводъ къ дѣйствію. Поводъ можетъ быть разный, болѣе или менѣе обязательный, и даже вовсе не обязательный, именно: насильное заставленіе или приневоливаніе, просьба, соблазнъ, оплошность, допустившая дѣйствіе, а иногда даже и этого, повидимому, нѣтъ, а есть одно отношеніе, напр., *урла*—укради, *урлаттым*—у меня украли, собственно: я далъ поводъ украсть. Иногда (по-русски) мы себѣ приписываемъ дѣйствіе, метонимически, чужое: я построилъ домъ, сшилъ сюртукъ, тогда какъ мнѣ работали другіе; у алтайцевъ при этомъ непремѣнно ставится понудительная форма.

Чрезъ прибавку *ш* (*ыш*) происходитъ форма взаимная. Она предполагаетъ участіе въ дѣйствіи двухъ и болѣе лицъ и имѣетъ два значенія: взаимодѣйствіе и сочиненіе въ дѣйствіи.

Л и *н* даютъ значеніе: первое—страдательное, второе—возвратное.

Страдательная форма употребляется и въ среднихъ глаголахъ, и всегда безлично, т. е. по формѣ въ третьемъ лицѣ единств. числа, а по значенію это—первое лице. Страдательный оттѣнокъ въ томъ, что дѣйствіе исполнено не вполнѣ добровольно, а принужденно, или по требованію обстоятельствъ.

Есть форма, означающая нѣсколькократность—*гыла* и однократность—*ыс*.

Поелику эти формаціонныя приставки, сами по себѣ, не имѣютъ особаго окончанія невозможнаго для кореннаго глагола, то эти формы могутъ удвоиваться и утроиваться, и т. д. до безконечности. Но собственно далѣе двухъ или трехъ формъ въ одномъ глаголѣ не допускаетъ употребленіе, а логическаго препятствія нѣтъ, и этимологическаго тоже: напр. *кій*—одѣнь,—*кійн одѣнься*, *кіендер*—заставь одѣться. *Сук*—ударь, бей, *сугыш*—бейся, сражайся, *сугыштыр*—заставь сражаться.

Наконецъ, въ видѣ особой формы, существуетъ отрицательная форма на *бо* (*бе*). *Бар*—иди, *бирба*—не ходи, *нел*—приди, *келбе*—не приходи. Эта форма не повторяется и не принимаетъ за собой другой еще формы.

Спряженіе глагола во всѣхъ этихъ формахъ дѣлается посредствомъ одинаковыхъ приставокъ, исключая отчасти страдательную форму. А именно причастіе будущее оканчивается на *р*, а въ отрицательной—на *с*. *Кел*, *келер*, *келбес*.

Повелительное 2-е лице единств. числа мы знаемъ, а во множ. числѣ прибавляется притяжательная приставка *гар*: *чык*—выйди, *чыг*(ы)*гар*—выйдите. 3-е лице единст. числа принимаетъ *зын*: *тур*—стой, *турзын*. Множеств. по правиламъ склоненія принимаетъ: *дар*, *турзындар*. 1-е лице повелит. накл. единств. числа: *аин* (*еін*): *бараін*, *келеін*; множеств.—*алы* (*елі*): *баралы*, *келелі*, и отсюда уже съ окончаніемъ множ. числа: *туралдар* (*ы* выпало).

Изъявительное наклоненіе. Настоящее время дѣлается изъ дѣепричастія на *а* (*е*). Въ третьемъ лицѣ прибавляется *т*: *бара*—*барат*, *келе*—*келет*. Отсюда уже дѣлаютъ прочія лица чрезъ приставку: *барадым* (*д* смягчилось изъ

т); множеств. 1-е лице: *барадык*; 3-е множ. число *баралыдар*; 2-е лице единств. *баразын*, а множ. *баразыгар*.

Кромѣ этого настоящаго есть еще перефрастическихъ два: одно съ вспомогательнымъ глаголомъ *ят*—лежи, другое съ вспомогательнымъ глаголомъ *тур*—стой. Только здѣсь изъ *ятат* сдѣлалось сокращенное *ят*, а изъ *турат* стало *туру*. Они предшествуютъ глаголамъ въ дѣепричастіи на *п*: *біліп*—*ядым* знаю, *біліп ясын* знаешь (т. е. *ятсын*, но *т* выпало) и проч.

Прошедшаго времени двѣ формы: одно *ды*: *бар*—иди, *барды*—онъ пришелъ, другое (причастіе) *ган*: *барган*. Первое означаетъ дѣйствіе лично и по очевидному видѣнію извѣстное говорящему, а послѣднее—что извѣстно по слуху, сюда-же относятся событія древнія. *Келген*—пришелъ (какъ я слышалъ), *келді*—пришелъ (я самъ видѣлъ, какъ онъ пришелъ).

Будущее дѣлается изъ причастія, оканчивающагося на *р*: *келер*, *турар* съ притяжательными приставками: *керелгіра*, *келерзн*, *келер*; *келерібіс*, *келерзігер*, *келерлер*.

Причастіе: *келер*, *келген*, *келеттен*.

Дѣепричастія: *келе*, *келіп*, *келгінче* и т. д.

Словосочиненіе.

Начнемъ съ самаго простого предложенія, состоящаго изъ подлежащаго и сказуемаго:

Предложеніе состоитъ изъ подлежащаго—имени и сказуемаго, которое можетъ быть или имя, или глаголъ. Подлежащее ставится на первомъ мѣстѣ, сказуемое—на второмъ, связки въ алтайскомъ языкѣ нѣтъ.

Подлежащее, какъ и всякое имя, никакимъ косвеннымъ падежемъ, кромѣ родительнаго, не управляетъ (исключеніе отглагольныхъ именъ). Подлежащее, какъ и всякое имя, принимаетъ опредѣленія. Опредѣленіе всегда ставится прежде опредѣляемаго.

Опредѣляющими словами могутъ быть: прилагательное, причастіе, указательное вмѣстоименье и числительное. Имя можетъ опредѣляться и существительнымъ: или въ отношеніи количества (фунтъ воску, возъ сѣна), или въ отношеніи матеріала (кольцо изъ золота, домъ изъ дерева), или по сходству (лепешка, подобная кожѣ), или въ отношеніи объема понятія, такъ что опредѣляемое выражаетъ общую сумму предметовъ, а опредѣляющее—меньшую группу или даже предметъ единичный (голубь—птица, Кондома—рѣка) или въ отношеніи принадлежности (лошадиная кость, поясъ бабушки).

Кромѣ послѣдняго случая, всѣ прочія опредѣлительныя слова предшествуютъ опредѣляемому и не имѣютъ на него никакого вліянія, и сами отъ него не измѣняются ни падежной приставкой, ни какимъ окончаніемъ, которое-бы дѣлало ихъ подобными прилагательному. Такимъ-образомъ по-алтайски говорятъ: бѣлый снѣгъ—*ак кар*, одинъ, два, три, пять человѣкъ—*бір*, *экы*, *уч*, *беш*, *кыжі*, двѣ чашки чаю—*экы аяк шай* (слово въ слово: два

чашка чай), *таш уй*—камень домъ (т. е. каменный домъ), *темір курек*—желѣзо лопатка (т. е. желѣзная лопатка), *карчіга куш*—птица соколъ, *Іван карындаш*, братъ Иванъ. Собственное имя города, рѣки и т. п. сопоставляются также.

Отношеніе принадлежности бываетъ опредѣленное и неопредѣленное: лошадиная голова, т.-е. голова вообще лошади, и голова опредѣленной лошади. Лошадь—*ат*, голова—*баш*, лошадиная голова—*ат бажі*, голова этой лошади—*бу аттын бажі*. Слѣдовательно, родит. приставка выражаетъ опредѣленность, а отсутствіе приставки—неопредѣленность; точно также бываетъ и съ падежемъ винительнымъ. А потому слово безъ всякихъ приставокъ нужно считать не собственно именовательнымъ падежемъ, а неопредѣленнымъ.

Имя со всѣми своими опредѣленіями, какъ бы они ни были многочисленны, многосложны, представляетъ какъ-бы одно цѣльное слово, т. е. окончаніе множественнаго числа и косвеннаго падежа приставляется только къ одному послѣднему слову, а всѣ предшествующія слова остаются безъ всякихъ приставокъ.

Сказуемое бываетъ иногда глаголъ. Формы глагола изложены выше. Здѣсь упомяну о томъ, какъ алтайцы выражаютъ русскіе виды, т. е. продолжительность, оконченность, начинаніе и т. под. Все это и тому подобную сложность идей они выражаютъ сочетаніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ глаголовъ. Для этого нужно русскій глаголъ разложить на его составныя идеи, для которыхъ въ алтайскомъ существуютъ особыя слова, расположить эти глаголы въ порядкѣ выражаемыхъ ими дѣйствій, предыдущіе глаголы поставить въ дѣепричастіи на *п* и только послѣдній глаголъ поставить въ требуемомъ наклоненіи и времени. Наприм., носить=поднять—взять—ходить; а потому *носить*=поднявши, взявши, ходить; *принести воды*: принести=взять, придти: воду взявши, приди; *сходи въ аилъ*: сходить=пойти—придти: въ аилъ пошедши, приди. Слѣдовательно, здѣсь механическаго правила назначить нельзя, а непремѣнно нужно руководствоваться логикой. Впрочемъ, вспомогательные глаголы: *ят*—лежи, *тур*—стой и *тюрь*—живи, можно употреблять всегда для выраженія продолжительности дѣйствія. Для выраженія начала дѣйствія приличенъ глаголъ *тур*—дай, когда не требуется опредѣлить, долго или нѣтъ продолжалось начавшееся дѣйствіе, или два глагола: *тур* и *бер*, когда нужно выразить, что дѣйствіе послѣ начала имѣло продолженіе. Если нужно выразить, что предметъ совершилъ дѣйствіе для себя или въ себѣ, употребляется глаголъ *ал*—возьми; а если для другаго—*бер* дай.—Когда нужно выразить, что дѣйствіе начало совершаться неожиданно, внезапно, необычно, или, что дѣйствіе предмета выразилось въ движеніи по извѣстному направленію, тогда употребляется глаголъ *ій*—отпусти, пошли. Для выраженія оконченнаго дѣйствія, не опредѣляя, для себя-ли дѣйствовалъ предметъ, или для другаго, употребляются глаголы: *сал*—положи, *кой*—перестань.

При выборѣ вспомогательныхъ глаголовъ надобно помнить, чтобы они логически не противорѣчили главнымъ глаголамъ.

Глаголъ можетъ распространяться дополненіями, которыя выражаются падежами.

Послѣ глагола могутъ ставиться всѣ косвенные падежи, кромѣ родительнаго.

Всякое зависящее слово ставится прежде управляющаго. Впрочемъ, строго логическій порядокъ въ предложеніи, по которому опредѣленія и дополненія ставятся прежде опредѣляемыхъ и управляющихъ словъ, въ разговорѣ не рѣдко измѣняется. Въ этомъ случаѣ существуетъ такой психологическій законъ: если цѣлая мысль вполнѣ и вдругъ представляется въ умѣ говорящаго, тогда слова ставятся въ строго-логическомъ порядкѣ. Нестройное-же слово-расположеніе обличаетъ нестройность мышленія, т. е. человѣкъ, сказавши нѣсколько словъ, припоминаетъ, для дополненія, еще нѣкоторыя слова, а эти, послѣ уже придуманныя, а не однимъ цѣльнымъ актомъ мышленія обнятыя идеи прибавляются къ предложенію, вопреки вышеизложеннаго порядка.

Употребленіе падежей: Именовательнаго падежа, вмѣсто русскаго родительнаго, требуетъ отрицательная частица: *йок*—не, безъ, одна и въ соединеніи съ глаголами. Глаголы: быть, сдѣлаться, стать вмѣсто русскаго творительнаго—тоже.

Родительный или притяжательный ставится только при имени существительномъ. Но отглагольныя имена дѣйствія и дѣйствующаго удерживаютъ управленіе своихъ глаголовъ, отъ которыхъ они произошли.

Винительный падежъ въ алтайскомъ языкѣ имѣетъ такое-же значеніе, какое и въ русскомъ. Но такъ-какъ многіе дѣйствительные глаголы алтайцевъ соотвѣтствуютъ русскимъ среднимъ или возвратнымъ глаголамъ, то невсегда можно по употребленію винительнаго падежа въ русскомъ языкѣ опредѣлять употребленіе этаго падежа въ алтайскомъ. Вотъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ алтай-винительный падежъ соотвѣтствуетъ различнымъ русскимъ падежамъ.—При глаголахъ: *пашхарарга*—управлять чѣмъ, *керегтеігэ*—нуждаться, *йоксынарга*—скучать, горевать о лишеніи чего-нибудь, *танархарга*—удивляться чему, *электеігэ*—смѣяться надъ чѣмъ, *ээжеігэ*—слѣдовать за кѣмъ, ставится винительный падежъ.—*Глакечерӭ*—переплывать, переправляться, *ажарга*—переѣзжать, *ӧдӧрго*—проходить, переѣзжать (чрезъ что) требуютъ винительнаго падежа, который въ русскомъ языкѣ находится въ зависимости отъ предлога: *чрезъ*.—Зависящія въ русскомъ языкѣ имена отъ предлога *объ*, ставятся въ алтайскомъ языкѣ въ винительномъ падежѣ при глаголахъ: *угарга*—слышать, *эрмектеігэ*—разговаривать, бесѣдовать, *адарга*—говорить и т. п.—Винительный падежъ употребляется при глаголѣ вспомогательномъ *деп*—думаю, говорю, вмѣсто русскихъ: дательнаго, творительнаго и предложнаго падежей.—Если въ русскомъ языкѣ, вмѣсто винительнаго падежа, стоитъ цѣлое предложеніе, подлежащимъ котораго служатъ

вмѣстоименья: *что, который,* или нарѣчія мѣста и времени, а сказуемымъ—глаголъ, то въ алтайскомъ языкѣ вмѣстоименья эти опускаются, а сказуемый глаголъ всегда полагается въ причастіи винительнаго падежа.

Дательный или приблизительный падежъ употребляется при означеніи предмета, къ которому что-либо относится, по вопросамъ: *кому, чему?*—При выраженіи движенія или направленія къ какому либо предмету, на вопросъ: *къ кому, чему?*—При означеніи направленія или движенія предмета во внутренность другаго по вопросамъ: *въ кого, во что, куда?*—При опредѣленіи цѣли, конца, мѣръ, пространства, причины и мѣста совершенія дѣйствія или положенія предмета, по вопросамъ: *для кого, для чего, до кого, до чего, обо что, за что* (вмѣсто *чего*), *на кого, на что, на какую вещь, по какой поверхности, у кого, у чего, среди кого, въ чемъ, отъ какой причины, въ какую мѣру, при чемъ, противу кого?* При означеніи посылки или шествія за какимъ-либо предметомъ, по вопросамъ: *за кѣмъ, за чѣмъ?*—Глаголы: *чыдап*—могу, терплю, *очожіп*—ненавижу, *чііп*—пишу на чемъ, *сугунуп*—радуюсь, *ачінып*—жалѣю, *кілеп*—принимаю участіе въ комъ, обращаю вниманіе на кого—требуютъ падежа дательнаго.—При глаголахъ вліятельныхъ, имѣющихъ значеніе страдательное, предметъ, отъ коего происходитъ вліяніе, полагается въ дательномъ падежѣ.—Глаголъ *болуп*—становлюсь, бываю, дѣлаюсь, требуетъ дательнаго падежа въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ выражается согласіе, уступка, угожденіе, подчиненіе, стремленіе одного предмета къ другому.—При глаголѣ *толорго*—наполняться и *толо*—полный, предметъ наполняемый ставится въ дательномъ падежѣ.—Дат. пад. въ причастіи на *р* означаетъ родъ супина.

Исходный падежъ употребляется—для означенія выхода, изъятія, происхожденія и удаленія предмета отъ чего-нибудь;—для означенія предѣла или пункта, отъ котораго начинается движеніе, измѣреніе или исчисленіе.—Когда говорится о превосходствѣ или недостаткѣ въ какомъ-нибудь отношеніи одного предмета или прилагательнаго качественнаго предъ другимъ, тогда имя или прилагательное, съ которымъ данный предметъ сравнивается, полагается въ исходномъ падежѣ, вмѣсто родительнаго, при чемъ прилагательное особаго сравнительнаго окончанія не принимаетъ.—При означеніи вещества, изъ котораго что-нибудь сдѣлано, ставится падежъ исходный.—Глаголы, означающіе стыдъ, опасеніе, боязнь, отчаяніе, напр.,*коркарго*—бояться, *гіменерго*—опасаться, *уяларга*—стыдиться, *чокоіргэ* и *туулергэ*—отчаяваться; также *яжірарга*—скрывать, *сурарга*—спрашивать, *эрігергэ*—наскучать, *чыгарга*—выходить, *öчкуарга*—мстить, *каларга*—оставаться, *калыжарга*—отставать; равно какъ глаголы: *качарга*—бѣжать отъ кого, *алтанарга*—отскакивать, пугаться кого и *брать, держать* за что — согласуются съ падежемъ исходнымъ. — Послѣположныя частицы *пашха, осыö*—кромѣ *озо*—прежде, *бері*—съ (какого времени)—требуютъ падежа исходнаго.

Соединительный (творительный) падежъ употребляется—для сочетанія предметовъ, производящихъ одно дѣйствіе, или находящихся въ одинаковомъ

состояніи, независимо одинъ отъ другаго, по вопросамъ: *съ кѣмъ, съ чѣмъ?* или-же сочетанія такихъ предметовъ, изъ которыхъ одни участвуютъ въ дѣйствіи или состояніи по волѣ другихъ предметовъ, или по тѣсной связи съ ними;—для наименованія лицъ, орудія или средства, которымъ совершается дѣйствіе, по вопросамъ: *кѣмъ, чѣмъ, на комъ, на чемъ?*—Въ соединительномъ падежѣ полагается имя предмета, изъ котораго что-нибудь сдѣлано, если этотъ предметъ имѣетъ значеніе матеріальной причины.—Соединительный падежъ ставится иногда для выраженія того, что дѣйствіе предмета совершилось тотчасъ за другимъ дѣйствіемъ или что дѣйствіе предмета совершается по временамъ. Въ соединительномъ падежѣ полагается то, по образцу чего производится что-нибудь.

Мѣстный падежъ полагается при означеніи пребыванія, покоя или остановки на мѣстѣ, по вопросамъ: *въ комъ, въ чемъ, на комъ, на чемъ, гдѣ?* также: *у кого?*—При означеніи времени года и дня, по вопросу: *когда?*—Мѣстнымъ падежемъ иногда означаются обстоятельства, при которыхъ совершилось дѣйствіе, или причина, вслѣдствіе которой произошло дѣйствіе.

Въ употребленіи *числъ* надобно замѣтить, что имена предметовъ, имѣющихъ извѣстное опредѣленное число, или хотя неопредѣленное, но множественное, напр., глаза, уши, руки, ноги, зубы, волосы, листья, перья и проч., не употребляются во множественномъ числѣ. Если-же нужно опредѣлительнѣе показать, что подъ словомъ, напр., *кол* разумѣется не одна рука, а обѣ, тогда придаютъ числительное *экы кол*—обѣ руки.

О предложеніи сложномъ, состоящемъ изъ соединенія нѣсколькихъ предложеній. Предложенія, входящія въ составъ одного періода, относятся между собою, какъ главныя и зависящія. Послѣднія въ нашемъ языкѣ подчиняются главному посредствомъ вмѣстоименія относительнаго или союзовъ. Алтайцы этихъ средствъ не имѣютъ, а между тѣмъ въ мышленіи ихъ неизбѣжно должно являться сложное соотношеніе нѣсколькихъ предложеній, напр., причинность, временная обстоятельственность и т. п. Только условіе и уступленіе выражаются особою формою глагола: *акчам болзо, садып-аларым*, если у меня будутъ деньги, куплю. *Акчам болзо-да, албарым*, хотя у меня и будутъ деньги, не возьму.

Всѣ другіе случаи соподчиненія предложеній подведены подъ тѣ-же законы, какими соподчиняются отдѣльныя слова, именно, какъ опредѣленіе и какъ дополненіе, т. е. какъ прилагательное или какъ зависящій падежъ.

Подобно прилагательному сочиняются предложенія опредѣлительныя, а падежами тѣ, которыя начинаются у насъ какимъ-либо союзомъ. Въ обоихъ случаяхъ механизмъ совершенно одинаковый и простой. Именно, подчиненное предложеніе должно взять отдѣльно и составить по-алтайски, и потомъ, если оно оканчивается глаголомъ въ какомъ-нибудь времени изъявительнаго наклоненія, то глаголъ поставить въ причастіи того-же времени и залога, а если оканчивается прилагательнымъ, вставить безъ перемѣны, и затѣмъ зависимость предложенія обозначить логически приличнымъ падежемъ, а

опредѣлительное безъ всякой перемѣны поставить только предъ словомъ опредѣляемымъ, и тогда все дѣло окончено. Напр.

На́ шубу, которую надѣнешь на свадьбѣ.

Шолковая канфа пусть пригодится. Сначала должно разложить на два особыхъ предложенія: на шубу шолковая канфа пусть пригодится, *тонынга торхо мандык ярашсын,* ты надѣнешь къ свадьбѣ, *сень тойго кiэрзiн.* Въ послѣднемъ предложенiи слово *кiэрзiн* поставимъ въ причастiи будущаго времени *кiэр*, и будетъ такъ:

Тойго кiэр тонынга, торхо мандык ярашсын. Человѣкъ, у котораго много денегъ, называется богатымъ.—Человѣкъ называется богатымъ, *кыжi бай аданып—ядыръ;* у него много денегъ: *акчазы копъ,* а все: *акчазы копъ кыжi бай аданып—ядыръ.*

На́ козла, котораго, подкарауливъ, застрѣлить.

Пуля пусть пригодится.

На́ козла, пуля пусть пригодится: *элiкэ тоголок темiр арашсын;* его, подкарауливъ, застрѣлить, *аны тозып адарзын*, а все:

Тоzып адар элiкэ тоголокъ темiр арашсын.

Обратимъ вниманіе на наши причастія и посмотримъ, какая разница въ нашемъ русскомъ сочиненiи и алтайскомъ. У насъ причастіе иногда только можетъ стоять предъ именемъ, какъ его опредѣленіе, когда это имя есть его подлежащее, а въ противномъ случаѣ необходимо употребить вмѣсто-имѣнье относительное. Человѣкъ, читавшій книгу = человѣкъ, который читалъ; прочитанная книга = книга, которая прочитана. Но человѣкъ, у котораго украли лошадь, причастіе укравшій по-нашему ни какъ не можетъ быть опредѣленіемъ слова человѣкъ, а по-алтайски можно сказать *аттынурлаган кыжi*, а лучше: *алтын урлаткан кыжi.* Надо всегда имѣть въ виду въ алтайскомъ языкѣ, что опредѣленіемъ служитъ не одно только причастіе, а все предложеніе, заканчивающееся причастіемъ. По этой причинѣ также причастіе дѣйствительное по-алтайски можетъ быть опредѣленіемъ и дѣйствующаго лица и предмета дѣйствія, смотря потому, предъ какимъ понятіемъ оно полагается. Наприм., *йiген кыжi,* ѣвшій человѣкъ; *йiген эт*, съѣденное мясо. *Айтхан кыжi*, сказавшій человѣкъ, *айтхан сось*, сказанное слово (§§ 452—462 Грамматики Монгольско-Калмыцкаго языка Бобровникова, Казань, 1849 года приличны и Алтайскому языку).

Здѣсь еще замѣчу относительно послѣдовательности временъ. У насъ времена въ русскомъ языкѣ, въ главномъ и въ придаточныхъ предложеніяхъ, большею частію, относятся къ моменту говорящаго; наприм.: когда я прочитаю книгу, отдамъ вамъ,—тотъ и другой глаголъ въ будущемъ времени. По-алтайски отношеніемъ къ времени говоренія опредѣляется только время главнаго глагола, а подчиненныя опредѣляются уже по отношенію къ главному глаголу, и потому здѣсь слово: *прочитаю*, надо поставить въ прошедшемъ времени причастія, ибо это дѣйствіе будетъ уже окончено прежде, чѣмъ книга отдастся.

Подчиненныя дополнительныя предложенія большею частію (исключеніе выше сказано) сочиняются падежами. И могутъ они стоять во всякомъ падежѣ. Во многихъ случаяхъ къ причастію его подлежащее можно обозначить притяжательной приставкой, которая въ предложеніяхъ опредѣлительныхъ ставится къ опредѣляемому имени, а въ дополнительныхъ — къ самому причастію.

Для соединенія придаточныхъ предложеній есть вообще дѣепричастія.

Впрочемъ, въ переводѣ придаточныхъ предложеній съ русскаго нельзя указать механическаго правила, а нужно слѣдовать логическому отношенію ихъ и выражать это логическое отношеніе частицами подходящими.

Есть еще сочиненіе предложеній посредствомъ глагола *деп*, соотвѣтствующаго татарскому *дiмяк*. Онъ замыкаетъ собой слово и употребляется для выраженія не только высказанныхъ словъ, но и задуманныхъ: желанія, опасенія, просьбы, надежды и т. под. При этомъ предложеніи надо давать такой именно видъ, какъ мыслитъ его самъ тотъ, кому оно приписывается. Напр., по-нашему: онъ сказалъ, что придетъ, а по-алтайски: онъ сказалъ: приду-де. Я боюсь, чтобы вы на это не осердились, а по-алтайски: осердиться, говоря, боюсь.—Такимъ образомъ здѣсь придется измѣнять лица глагола.

Кромѣ строго логической послѣдовательности алтайскаго словосочетанія и словоизмѣненія, надо еще помнить, что алтайскій языкъ отличается конкретностью, т.-е. любитъ представлять вещи не отвлеченно, а въ ихъ цѣлостномъ, натуральномъ положеніи, и о событіяхъ разсказываетъ, какъ они на самомъ дѣлѣ происходили. Выражать отвлеченные обороты — не въ духѣ языка.

Изложивъ общій строй алтайской рѣчи, покажемъ и различія *южнаго* и *сѣвернаго* нарѣчій. Южнымъ нарѣчіемъ говорятъ: калмыки, телеуты и черневые татары, кочующіе близъ Телецкаго озера и тяготѣющіе всѣмъ своимъ бытомъ къ калмыкамъ. Сѣвернымъ нарѣчіемъ говорятъ остальные черневые инородцы и кумандинцы. Впрочемъ, у всѣхъ племенъ, даже въ каждой волости, есть нѣкоторыя особенности въ языкѣ, но онѣ не значительны, такъ что знающему два главныхъ нарѣчія можно свободно объясняться со всѣми алтайскими инородцами.

Въ сѣверномъ нарѣчіи употребляется особенный звукъ *ч* (какъ-бы *чьж*).

Въ созвучіе буквы *о* полагается не *о* же, но *а: кол—кома, болар, болгам.*

Сѣверное нарѣчіе не терпитъ въ началѣ слова мягкихъ гласныхъ буквъ, прилагая къ нимъ букву *ч: чакшi* вмѣсто *якшi*, *чараш* вм. *яраш*, *чок* вм. *йок*, *четы* вм. *йеты*.

Буквы *т* и *ч*, особенно стоящія въ началѣ слова, измѣняются первая въ *ч*, а послѣдняя — въ *ш: таш* вм. *чач*, *чiлан* вм. *тiлан* и проч.

Окончанія множеств. числа *дар* (*дэр*) въ сѣверномъ нарѣчіи не употребительны, замѣняясь: *лар* (*лэр*)*: тарам*-жила, не *тарамдар*, а *таламлар.*

Притяжательная приставка 2-го лица множеств. числа *гар* на сѣверѣ не употребляется.

Глаголы въ сочетаніи съ глаголами-же вспомогательными въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія въ южномъ нарѣчіи поставляются въ дѣепричастіи на *п*, а въ сѣверномъ вспомогательный глаголъ, большею частію, приставляется прямо къ корню главнаго глагола.

Южное:		*Сѣверное:*
Беру	алып -ядым,	ал -чадым или чарым
Бываю	болуп-ядым,	бол -чадым —
Знаю	біліп -ядым,	біль-чадым —

Въ южномъ нарѣчіи 3 лице наст. врем. изъявительнаго наклоненія оканчивается на *т*, а въ сѣверномъ на *р*.

Въ сѣверномъ нарѣчіи вспомогательный глаголъ *турум* не употребителенъ; форма прошедшаго времени отъ причастія на *ган* употребляется только въ сокращеніи: *бомам, болэбісь,* причемъ второе лице единств. числа отличается отъ третьяго только носовою буквою *н*.

Окончанія втораго лица прошедш. и будущ. времени множ. числа не *сынар*, а *зар*, а въ третьемъ лицѣ будущ. времени предъ *лар* (*лэр*) вставляется *зы*.

Повелительное наклоненіе на *гын, гаім* и *лы* въ сѣверномъ нарѣчіи не употребительно.

Многія однозначащія слова имѣютъ разницу въ нарѣчіяхъ южномъ и сѣверномъ. Мы будемъ говорить о такихъ, которыя только искажены, напр.

Вечеръ	іныр,	іір,
Високъ	саамай,	санмый,
Гора	ту,	таг,
Грязь	балкаш,	балчак,
Больной	угру,	аггых,
Гибкій	іільчек,	энырьчек,
Жадный	ачырхак,	ачхарак,
Что	не,	но,

и т. д.

Представимъ совершенныя различія:

	южное:	*сѣверное:*
Бумага	кагас,	кат,
Бѣда	эткерь,	урчук,
Весло	каік,	эшкы,
Вкусъ	амтан,	таамы,
Воздухъ	кей,	чіс,
Воръ	кадран,	чулгуш,
Вѣра	ян,	чозаг,
Гвоздь	кару,	поозух,
Глазъ	кось,	карак,

	южное:	*сѣверное:*
Горсть	табаш,	оош,
Гробъ	межік,	чаян,
Грѣхъ	кылінчек, язык,	кыял,
Десна	пууле,	кургак,
Діаволъ	курюмесь,	айна,
Дядя	абагай,	таі,
Дятелъ	тонуртка,	алаш,
Жало	чагаак,	чіда,
Идолъ	чалу,	урекэнь,
Капля	тамчі,	шурлак,
Караульщикъ	сакчі,	кадачі,
Клеймо	тамга,	пюлгу,
Колокольчикъ	козо,	кондрачак,
Кольцо	юстук,	кубе,
Колъ	казык,	куйле, урьгэнь,
Колѣно	тізе,	устук,
Кора	чобырга,	кагаш,
Коса	чалгы,	тулун (женская), шурьмеш (дѣвичья),
Крюкъ	подого,	ыргак,
Кулакъ	пюдрукъ,	нузрук,
Ленъ	кендырь,	курюсте,
Лобъ	мандай,	кабак,
Ложка	калбак,	шабла,
Лѣстница	тэпкыш,	макыш,
Любовь	сюум,	куйлені,
Мать	эне,	іче,
Муравей	чымалы,	комысхаш,
Муха	чымын,	падат,
Мѣсто	орун,	черь,
Невѣста	сыргалі,	колтугу,
Нитка	учук,	чіп,
Нога	пуд,	азак,
Ножницы	кайчі,	контэ,
Ноздря	тану,	бурну,
Нора	ічеэнь,	ію,
Носъ	тумчук,	бурду,
Осина	шабыр,	абсак,
Отецъ	ада,	аба,
Палецъ	сабар,	падырбаш,
Паукъ	йоргомыш,	коргочак,
Пашня	кра,	агыча,
Перо	юм,	чух, тюк,

	южное:	*сѣверное:*
Пища	теміш,	чіш,
Плачъ	ій,	сыт,
Племя	аймак,	тілю,
Плечо	іін,	ушту,
Подушка	ахта,	частык,
Поле	ялан,	чазы,
Полѣно	чарчага,	оок,
Пѣсня	кожон,	сарын,
Пѣтухъ	куштып-эркегы,	танак,
Пята	чоонок, чоончой,	эчык, эньчік,
Радость	сюгунюги,	кулгу,
Рубашка	чамча,	куйнек,
Рукавица	мелей,	ільтэ,
Рукоятка	туда,	саб,
Рябина	пеле-агаш,	сейбе, ундреш,
Сало	май,	чаг,
Сестра	сіні,	абчі, пече,
Скорлупа	кабык, кайзырык,	ширып,
Слуга	кул,	чалчі,
Слѣдъ	ісь,	чал,
Смерть	алдачі,	улет,
Спина	арка, сырт,	уча,
Старуха	эбегень,	урекэнь,
Стволъ (растенія)	сын,	уню,
Стекло	шілі,	чілтрак, кузене,
Стогъ	обоо,	учунь,
Стрѣла	ок,	соган,
Стукъ	токулдаду.	тонлак,
Сукъ	пудак,	сала,
Тесть	каін-ада,	касты,
Тетка	эдже,	агальчак,
Теща	каін-эне,	агыла,
Тьма	карачхы, тюнерік,	попалай,
Товарищъ	некорь, эш,	аргыш,
Туча	тулгу,	кезек,
Уда	кармак,	лешь,
Умъ	ой,	сагыш,
Утка	су-гуш,	урьтек,
Халатъ	капталъ, лабажак,	чайлык,
Хлѣбъ	этпек,	аш,
Цѣпь	кынді,	ільчербе,
Часть	кеэзік,	умош, орыс,
Челюсть	саныт,	іігы,

	южное:	*сѣверное:*
Чудо	кайху,	обал,
Щенокъ	кучук.	унегеш,
Щетина	ялага,	шошка-тегу,
Ябедникъ	сайгакчі,	ужакчі,
Ягода	тіілек,	чісьтэк,
Яйцо	тімыртха,	нуртка,
Ячмень	арба,	салыч-аш,
Бѣдный	йохту,	чудэх,
Виноватый	пурулу,	ішты,
Вкусный	амтанду,	таамных,
Высокій	турумду,	мюузюк,
Гнилой	чірік,	чізых,
Голый	тас,	чілаш,
Голубой	чанкыр,	кок,
Горбатый	пекчок,	пюргу,
Гордый	томукай,	улугуйлу,
Дешевый	онгой,	эльбек,
Женатый	кадытту,	кыжілах,
Завистливый	куюнчек,	артык-курьгуш,
Затхлый	колонзухту,	похзых,
Здоровый	сузак,	каазык,
Кривой	кылджір,	сагыр,
Крутой	каір,	пііс,
Легкій	теныль,	нек,
Лѣнивый	ялку,	аргас,
Любезный	куурькуй,	сюрюнух,
Медленный	саадамду,	куужух,
Мутный	тордолу,	палгашты,
Нагой	яланчаш,	чілаш,
Острый	курч,	чідых,
Плотный	шідырыш,	шійрах,
Порочный	пурулу,	калыхты,
Прежній	озогы,	бурунгу,
Рѣдкій	сандак,	саяк,
Скупой	кыйга,	кемчі,
Слабый	поду,	пош,
Спорый	армык,	ухту,
Сѣдой	пуулур,	кыр,
Терпѣливый	чідын,	тюзюнюх,
Трезвый	эрюль,	сак,
Удобный	ыпту,	келишкэнь,
Умный	ойлу,	сагышты,
Худой	яман,	чабал,

	южное:	сѣверное:
Частый	туус,	кою,
Чуткій	сак,	охулак,
Широкій	ялбак,	кеп,
Ясный	айтрак,	аяс,
Весь	ончо,	парчаы,
Всякій	ар-кэм,	кайзі-да,
Цѣлый	пюкуль,	пар,
Бужу	ойгозып,	усхадып,
Бью	согуп,	шаап,
Бѣгаю	мантап,	чуурь,
Везу	тартып,	апарь,
Встрѣчаю	учуражып	удюрелэп,
Вынимаю	суруп,	шагар,
Вьючу	коштоп,	чуктар.
Вѣрую	яндап,	санап,
Дремлю	ургулэп,	сабыксып,
Желаю	куунчерып,	кычаланып,
Живу	тюрюп,	чаат,
Запираю	чоодылап,	пехтэп,
Кашляю	теодкурюп,	чедыріп,
Кидаю	мергедэп,	таштап,
Крошу	кертып,	туграп,
Лгу	тегуньдеп,	чуйляп,
Люблю	сюуп,	куйленіп,
Мараю	уймап,	кырлендыр,
Молчу	унчукпай,	шімбол,
Мучу	кыйнап,	чаажіт,
Оставляю	таштап,	артыс,
Отвѣдываю	амзап,	аатых,
Пасу	кудюп,	кадар,
Перестаю	урап,	тохтоп,
Пишу	бічіп,	паазып,
Плачу	ійляп,	улгап,
Помню	біліпіп,	унап,
Посылаю	ііп,	ыс,
Правлю	бошхарып,	тюзет,
Прощаю	божодып,	таштап,
Пухну	кöоп,	шігі,
Радуюсь	сюгунюп,	уурюнюп,
Ругаю	сегуп,	тарын,
Смѣюсь	кулюп,	каткыр.
Спасаю	аргалап,	кадар,
Стригу	кайчілап,	коптылап,

	южное:	сѣверное:
Стучу	токулдап,	тонлад,
Сѣю	эльгеп,	уренеп,
Таю	кайлып,	эріт,
Теряю	ойгултуп,	чідар,
Тороплюсь	мендеп,	манзырап,
Убиваю	öльтуруп,	öдурь,
Улыбаюсь	куюнюп,	зай,
Унимаю	урадып,	кыс,
Устаю	чілап,	туржар,
Хочу	куунгеріп,	санап,
Цвѣту	чечектеп,	альчай,
Шучу	кокурлап,	карбактанап,
Ѣду	ойртуп,	бар,
Больше	эсьту,	коб-іле,
Вдали	алыста,	аракта,
Вездѣ	кай-даа,	парчан-черьдэ,
Весьма	сюрекэй,	куш,
Вкось	кыя,	сейок,
Вмѣстѣ	кожо,	бірьгэ,
Внизъ	тöмень,	тюберэ,
Вовсе	эч, аірт,	пажіба,
Вонъ	тыжына,	шагар,
Вскорѣ	удабай,	ултам,
Высоко	ээзь,	мюузюк,
Вѣрно	чікэ,	пюдюш,
Давно	коптэ,	урьдэ,
Доколѣ, пока	анынча,	кая-тюунче,
Едва	арайла, турче,	чуть-челе,
Иногда	качан-качан,	бірь-бірьдэ,
Исподволь	каран,	куйчугэнь,
Какъ-нибудь	каніп-каніп,	кайт-кайт-чарьпь;
Лучше	алмак,	артык,
Маленько	эбешкыне,	кычегэш,
Назадъ, обратно	ойто,	нандра,
Наоборотъ	тэскері,	айляндра,
Нарочно	öнеттыін,	тегунь,
Немного	азулак,	копь-чок,
Ни-то ни-се	алынкылу,	тыгыбо-пебе,
Нѣсколько	анга-мынча,	ады-эрі,
Рѣдко	сандахта,	ман-заін-эбесь,
Тихо	аяар,	чобаш,
То-есть	не-тэгэжін,	ол-анда,
Чадно	куюрту,	сыс,

	южное:	*сѣверное:*
Что-нибудь	неэны-неэны,	берь-берь,
Близъ, вплоть	кнай,	кыйгында,
Будто	дай, тай,	пыя-гыла,
Противу	утхары,	удре,
Сзади	кіиндэ,	соомнам,

Названія мѣсяцевъ.

Январь—*тегунь-ай кычі кырлаш.* Этотъ мѣсяцъ называется безстыжимъ, потому что много посылаетъ морозовъ, хотя и не большихъ Въ этомъ мѣсяцѣ солнце поднимается на горизонтѣ въ ростъ человѣка—*кыжінын бозу кошучьяр.* День прибываетъ на веревку, которою треножатъ коней—*кыжень-тыэгі.*

Февраль—*чен-ай, чель-ай.* Это—вѣтренный мѣсяцъ. Солнце поднимается на горизонтѣ въ ростъ человѣка на конѣ—*атту кыжі-боінча кожулар.* Годъ перемѣняется; 7 дней вѣтренныхъ. День прибываетъ съ арканъ.

Мартъ—*курюк-ай, ажіх-ай.* Годъ переваливается. *Эгры агаш-та кар чукпас,* съ наклонной лѣсины (подтаянный) снѣгъ спадаетъ. День прибываетъ на 6 аркановъ—*алты аргамчі-бoi.*

Апрѣль—*ын-наамык, тарыг-ай.* Земля приготовляется къ посѣву. *Тар*—рою, копаю абыломъ. Солнце взойдетъ на ровное мѣсто—*кунь така шіхпарчар.* Этотъ мѣсяцъ называется еще *курюг-ай,* бурундучій мѣсяцъ. Бурундукъ выходитъ изъ норы, *курюк шіхчар.*

Май—*кööг-ай, песь-ай.* Кандычный мѣсяцъ, потому что въ это время вырываютъ кандыкъ.

Іюнь—*тіду яйляг-ай, ода-ай.* Хлѣбъ полоть. *Од*—плевелы, сорная трава, *от-чадым*—полю, сорную траву выдергиваю. На инородческихъ небольшихъ пашняхъ-копанцахъ, дѣйствительно, нѣтъ ни одной посторонней травки; что только посѣяно, то и растетъ.

Іюль—*од-ай, улуй-ай.* Это—большой мѣсяцъ съ долгими днями.

Августъ—*бічень чабаттан-ай, атпышчан-ай.* Сѣно косить, и хлѣбъ поспѣваетъ. День убываетъ съ дверную накладку (для запора).

Сентябрь—*сыын-ай, ораг-ай.* Промышлять мараловъ и пролагать тропу (*ора*) къ пашнямъ для жнива.

Октябрь—*чан-ай, урьтюнь-ай.* Промышлять звѣрей по порошѣ (*чай*) и хлѣбъ молотить: *уртюнь*-гумно.

Ноябрь—*кычі кырлач, куртьяг-ай.* Старушечій мѣсяцъ. День такъ коротокъ, что старуха едва успѣетъ обуться—*куртьяк эдюк кэшчар кіэрь.*

Декабрь—*улу кырлач, улу кырлаш.* Большой морозъ. Онъ, впрочемъ, знаетъ стыдъ и пускаетъ только три мороза. Солнце поднимается по-колѣно. День прибудетъ на промежутокъ времени отъ одного удара кузнеца молотомъ до другаго—*успасыны.*

Вѣрованія.

По общему вѣрованію алтайцевъ два начала управляютъ міромъ: доброе—*Ульэнь* и злое—*Эрликъ.* Обоимъ имъ подчинено множество духовъ, первому чистыхъ (*ару неме*), послѣднему—нечистыхъ (*кара неме*).

Ульгень столь добръ и милостивъ, что не способенъ сдѣлать что-нибудь непріятное для человѣка. Онъ добръ до слабости. Эрликъ, напротивъ, столь золъ, что не можетъ не злодѣйствотать, а только отлагаетъ иногда на время враждебныя свои дѣйствія на человѣка. Средства для выраженія почтенія доброму началу и для умилостивленія, или какъ-бы задобренія злаго начала есть жертва. Жертвы раздѣляются на кровавыя и простыя. Къ первой принадлежатъ закланіе и съѣденіе животныхъ, ко второму—обильное приготовленіе и распитіе особенной браги. Кромѣ главныхъ силъ честятъ жертвами множество другихъ, подчиненныхъ Ульгэню духовъ чистыхъ (*ак неме*) и подчиненныхъ Эрлику (*кара неме*), тоже какъ боговъ, но гораздо меньшихъ. Не довольствуясь этимъ, они поклоняются еще солнцу и лунѣ, горамъ, озерамъ и рѣкамъ, чтя жертвами духовъ ихъ обладателей или хозяевъ (*ээзі*), на основаніи того преданія, что при разгромѣ и сверженіи Эрлика и его слугъ, каждый изъ нихъ *на что* упалъ, тому и хозяинъ сталъ, получивъ силу и право всячески вредить человѣку и даже умерщвлять его въ своей области. На всякой высокой горѣ набрасываютъ груды камней и втыкаютъ въ нихъ палки съ подвязками тряпокъ и конскихъ волосъ, въ признательность горѣ за то, что она позволяетъ подниматься на ея высоту. Кромѣ многочисленности этихъ общихъ боговъ, каждый родъ (*сеок*) имѣетъ еще своего собственнаго, фамильнаго и каждая семья—пената юрты *баш-тут-хана.* Понятно, въ какомъ постоянномъ смущеніи и страхѣ долженъ находиться духъ и умъ несчастныхъ людей этихъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ, во всемъ, божествами злобными, коварными и враждебными, требующими постоянно умилостивительныхъ, кровавыхъ и раззорительныхъ жертвъ.

Для олицетворенія божествъ дѣлаются идолы деревянные (*курьміжек* у телеутовъ и кумандинцевъ, берестяные и кожаные у калмыковъ) и куклы изъ тряпокъ (*катеринки* у телеутовъ и сѣверныхъ алтайцевъ), ставятся предъ юртою двѣ березы и между ними нить съ подвѣсками (см. жилища)—*ялама,* березки по числу людей—*само*; намалевываютъ на плитахъ, врытыхъ однимъ концемъ въ землю, изображеніе.

Ульгэню приносятъ жертву рѣдко, потому что онъ и безъ того добръ. Впрочемъ, каждый взрослый человѣкъ, по вступленіи въ супружество, обязанъ принесть жертву (*іік*)—коня свѣтлой масти, а особенно онъ любитъ каурыхъ. Отсуленная въ жертву Ульгэню лошадь пользуется особеннымъ уваженіемъ: къ гривѣ ея привязывается красная лента, и женщинамъ садиться на нее не дозволено. Время приношенія жертвы преимущественно весна, когда можно приготовить *абыртку.* Мѣсто приношенія жертвы—березовый лѣсъ. Участіе въ этомъ праздникѣ могутъ имѣть одни мужчины, равно и шаманъ долженъ быть мужчина. Ѣсть-же и пить идоложертвенное могутъ и

женщины, но въ такомъ порядкѣ: дѣвицы на самомъ мѣстѣ, гдѣ была принесена жертва, женщины не ближе 50 саж.

Эрлику, какъ злому псу, то и дѣло приносится жертва, при всякомъ его нападенiи. Ему идетъ въ жертву всякая скотина, а за неимѣнiемъ никакой—брага. Мѣстомъ шаманства служитъ юрта, дворъ или могила,—словомъ, гдѣ происходило несчастiе.

Кануну (*курюмесъ* разной шерсти: *арыг, сарыг* и *кара*) для жертвы сѣется ячмень въ мѣстѣ скрытномъ, гдѣ никто не ходитъ, изъ котораго и приготовляется брага.

Ульгэнь съ *Эрликомъ* находятся въ связи, въ соотношенiи, и передаютъ судъ одинъ другому. По выраженiю алтайцевъ: „*Эрмик-бiле Ульгэнь яныс эжiкту*" Эрликъ съ Ульгэнемъ имѣютъ однѣ двери. Ульгэнь, ожидая и долго не получая требуемой жертвы, а между тѣмъ самъ, по своей благости, не будучи въ состоянiи наказать, извѣщаетъ Эрлика, чтобы онъ наказалъ неисполнительнаго человѣка, и тогда этотъ послѣднiй вдвойнѣ долженъ платить дань, т.-е. умилостивить жертвами Эрлика и потомъ исполнить требованiе Ульгэня. Эрликъ, получивъ вѣсть отъ Ульгэня, приказываетъ распорядиться союзнику Ульгеня—*Кагыр-хану* (*кагырыш* - харкаю), который имѣетъ власть надъ каждою юртою, за что и чествуется *брызганьемъ* прежде всѣхъ, когда пьютъ вино. *Кагыр-хан* передаетъ непочтительнаго человѣка въ лапы той силѣ, какой ему заблагоразсудится: когда человѣкъ получаетъ наказанiе, но не исправляется, тогда наказанiе за наказанiемъ слѣдуютъ до самой смерти.

Если-же принесетъ онъ положенную жертву Ульгэню, тогда долженъ принесть дары за хлопоты Эрлику и Кагыр-хану. Когда всѣ будутъ удовлетворены, тогда *Кагыр* (слуга Эрлика, старшiй по немъ надъ всѣми темными силами), посылаетъ своихъ слугъ, чтобы прекратить враждебныя дѣйствiя на человѣка, о какомъ распоряженiи Эрликъ поставляетъ въ извѣстность и Ульгэня.

Посредникъ между богами и человѣкомъ—распорядитель при жертвоприношенiяхъ, гадатель, колдунъ и вмѣстѣ врагъ—*камъ* или *шаманъ*. Онъ, по общему увѣренiю инородцевъ, никогда не принимаетъ этой должности добровольно; напротивъ того, естественно противится волею и умомъ принятiю, но это родъ инкубацiи, которая съ дѣтства получается отъ родителей, по наслѣдству, какъ болѣзнь. *Тӧсь базыҥ-ят*—предокъ (т. е. духъ его) наступаетъ, нападаетъ, давитъ. Потомокъ, испытавъ перiодическое нападенiе въ продолженiе нѣсколькихъ сутокъ или недѣль и зачуявъ оное, скрѣпляется, чтобы не дѣлать того, къ чему побуждается; въ свободное отъ припадковъ время не ходитъ туда, гдѣ камлаютъ, не дѣлаетъ бубна и другихъ принадлежностей и произвольныхъ дѣйствiй, свойственныхъ каму. И такимъ образомъ можетъ иногда отбиться отъ должности, которая по милости предка падаетъ на него. Но это отбиванье дорого стоитъ: избираемый дѣлается отъ того или вовсе безумнымъ, или уродомъ, или замучивается и умираетъ, хотя и съ побѣдными словами: „*электiзi пузулган*"—дѣйствiе (*шестя*) раззорилось, испортилось.

Дѣйствiя же злаго духа, заставляющаго человѣка или сдѣлаться новымъ камомъ, или камлать стараго—являются въ слѣдующихъ припадкахъ: позѣвота (*эстеду*), дикiй крикъ (*кыйгырту*), бѣганье, подобно вихрю, вокругъ (*куйбу, куйбулану*), судороги глазъ, рта, рукъ и проч. членовъ, кровь носомъ и ртомъ, падучая болѣзнь, непроизвольное и безсознательное глотанiе желѣзныхъ вещей: ножей и даже топоровъ, которые и выходятъ чрезъ долгое время уже на дѣйствiяхъ камланья, причемъ идетъ кровь изъ рта, а вещи выходятъ оттуда сухими; если-же въ крови, то это не добрый знакъ для хозяина вещи.

— Что-же все это? Болѣзнь, сумасшествiе или шарлатанство? Ни то, ни другое и не третье, а вотъ что: „добрые Ангелы посылаются охранять людей и славословить Творца всяческихъ; но что дѣлаютъ духи злые? Они, какъ существа безтѣлесныя и разумныя, не могутъ оставаться въ праздности. Если-же необходимо полагать въ нихъ стремленiе къ дѣятельности, то, какъ злымъ, имъ естественно стремиться къ злу. На кого простираютъ они свою злость? Матерiальная природа къ враждебнымъ ихъ дѣйствiямъ не чувствительна,—слѣдовательно, поприще злобной ихъ дѣятельности — родъ человѣческiй. Они живутъ въ мiрѣ между людьми, какъ львы въ пустыни, и, какъ разбойники, стараются всячески вредить людямъ своими кознями. Непосредственныя нападенiя злыхъ духовъ проявляются въ нашихъ мысляхъ, желанiяхъ и дѣйствiяхъ. Если мы трезвенны и бодрствуемъ, то боремся съ ними, и при помощи Божiей, силою крестною, прогоняемъ ихъ. Но чѣмъ можетъ отбиться отъ нихъ человѣкъ не крещеный и, слѣдовательно, вполнѣ подъ ихъ влiянiемъ находящiйся?" (См. „Странникъ", 1866 г. Окт.).

Кромѣ шамана или кама, алтайскiя пiоiи раздѣляются: 1) на *рымчi*, имѣющiй припадокъ, въ которомъ, при ужасныхъ мученiяхъ, видитъ сокровенное и предсказываетъ; 2) *тӧльгочi*—гадатель; 3) *ярынчi*, ворожащiй по сожженной лопаткѣ (кость); 4) *кол—кӱреэчi* по рукамъ узнающiй и 5) *ядачi*—человѣкъ, управляющiй погодою посредствомъ камня (*яда-таш*), который попадается весьма рѣдко въ такихъ утесахъ, гдѣ всегда бываетъ вѣтеръ. Чтобы получить этотъ волшебный камень, *ядачi* заклинается всѣмъ своимъ имѣнiемъ и отдаетъ за него весь свой животъ. И потому онъ бываетъ человѣкомъ бѣднымъ, бездѣтнымъ и скоро овдовѣвшимъ. Для произведенiя ведра, камень держится въ сухомъ горячемъ мѣстѣ, или подъ мышцей плечной; для произведенiя вѣтра—держать на открытомъ воздухѣ; для произведенiя сѣвернаго холоднаго вѣтра, напр., для того, чтобы конь въ жаркiй день не потѣлъ—привязать камень къ гривѣ коня; для произведенiя ненастья—держать камень въ холодной водѣ сутки. Если *яда-таш* ослабѣваетъ въ своей силѣ, тогда *ядачi* одушевляетъ его (тандып-ядырь), влагая въ распоротое брюхо живой какой-либо птицы или животнаго.

Но возвратимся къ *каму* и его служенiю. Орудiя, посредствомъ которыхъ вызываются духи,—бубенъ (*тюнӱръ*) *чалу* и *орбу*. Бубны величиною бываютъ отъ 11—16 верш. въ дiаметрѣ и состоятъ изъ круга, обтянутаго съ одной стороны моральей кожей, внутри коего отъ одного края до другаго

проходитъ чрезъ центръ палка или ручка, оканчивающаяся на одномъ концѣ иногда рожей съ пуговицами вмѣсто глазъ. Ручка эта немного ниже рожи пересѣкается желѣзнымъ прутомъ, на которомъ справа привѣшены 4 желѣзца—побрякушки, а слѣва 5, въ срединѣ желѣзокъ нѣсколько тряпокъ, на подобіе лентъ. На наружной сторонѣ кожи намалевано красной охрой или вапой: вверху—небо, радуга, солнце, мѣсяцъ, звѣзды, *сомо*, кони, гусь, камъ на конѣ, а внизу — земля. *Орба* — деревянная изъ таволги колотушка, обтянутая войлокомъ и звѣриной кожей, шерстью вверхъ: соболемъ, горностаемъ или зайцемъ. На одномъ концѣ ея навѣшено нѣсколько засаленныхъ узкихъ тряпокъ, пробойцевъ съ желѣзными колечками или цѣпочками.

Жертвоприношеніе каждому духу разнится одно отъ другаго своими пріемами и продолжительностію дѣйствій кама. Самое продолжительное камланье Ульгэню. Оно состоитъ изъ трехъ дѣйствій. Вечеромъ, по захожденіи солнца, начинается первое дѣйствіе предуготовительное, состоящее въ выборѣ мѣста для камланья, избраніи жертвы и ея мученіи. Именно ставится новая юрта—*сеольты*, покрывается войлоками и коврами. Среди юрты ставится свѣжая зеленая береза, около 4 верш. въ комлѣ, вершина которой высовывается сквозь остроконечную верхушку юрты. Сучья на березѣ снизу обрублены, а на верху оставлены въ видѣ метелки, къ которой привязывается кусокъ полотна, вмѣсто знамени. На березѣ вырублено 9 зарубокъ—это ступеньки (*тапты*). Нарочно устраиваемая эта юрта бываетъ больше и выше обыкновенныхъ юртъ и дверью обращена къ востоку. Впереди ея дѣлается изъ бересты круглое гнѣздо, изображающее скотскій пригонъ, вышиною и шириною въ ½ арш.; одна сторона гнѣзда, къ двери, остается полая, на подобіе воротъ, въ которыя ставится силокъ изъ березовой палочки съ петлею конскихъ волосъ на концѣ. Далѣе избирается жертва изъ нѣсколькихъ экземпляровъ лошадей свѣтлой масти такъ: на спину лошади ставится чашка; лошадь подгоняютъ, чашка падаетъ. Если чашка упадаетъ вверхъ дномъ, значитъ, лошадь въ жертву не годна. Если въ жертву предназначается кобыла, то чашку камъ вымываетъ собственнымъ ея (кобылы) молокомъ, съ приговоромъ:

Слергэ ярап он козіннэн кӧрюп,
Турган болзын,
Алк болго менен
Алча болго слердэн,
Алтых бельгын берін-кӧрьзын.

Избранную жертву даютъ держать за чумбуръ (длинный поводъ) тоже человѣку избранному, называющемуся на этотъ случай *Баштут-хан-кыжі* Камъ машетъ березовымъ прутикомъ надъ лошадью. Это означаетъ то, что онъ отправляетъ душу животнаго къ Ульгэню напередъ и съ проводникомъ, держащимъ за чумбуръ.

Потомъ камъ, одѣвшись въ свою форму—халатъ съ нагрудникомъ изъ звѣриной кожи и красную шапку съ бѣлыми перьями изъ хвоста тетери,—вооружается бубномъ и орбою, и при сильныхъ ударахъ въ бубенъ начи-

наетъ призываніе въ извѣстныхъ стихахъ множества духовъ, сначала подчиненныхъ Ульгэню, а потомъ Эрлика съ его темными силами:

1) Керьгыдаю.

Ярдым пасман яш пулут,
Ярдым паза, келінгэр,
Іным пасхан эль улуза,
Іным паза келінгэр.
Тенгере углы, тэн сару,
Ульгень углы *Керьгыдай!*
Караганда, кӧзім-дый,
Кармалаза, колум-кан
Сюрдэгежін аягым-дый;
Сюрнюкежію туйгачым-дый.
Орбы кагар он колум.
Он яныма кулэп-кель!

Призываемый языкомъ-же призывающаго откликается: *ао, кам, ай!* Послѣ отвѣта камъ, подставляя бубенъ, принимаетъ въ него духа.

2) Кан-Каршіту.

Сары камыш таякту
Сары куга мінетьту,
Сары тібек тіськыньду,
Сары кылію, тон кійгэнь,
Ульгэнь кааннын *Кан-Каршіт!*
Орбу кагар он колума,
Алтын туга ойноп-кель!

Отвѣтъ: *ао, кам, ай!*

3) Кызы-гану.

Кызыл пуура мінетту,
Кызыл тібек тескіньду,
Кызыл солонго таякту,
Атам Кызы-ган-тенгере!
Орбу кагар колума
Он яныма кулэп-кель.

4) Мерьгэнь-хану.

Аалба куурть юрукту,
Аалба яшхын оінду
Куську пулут кузюрту,
Ясхы пулут яжінду.

Куурт шагырт аякту.
Ада Мерьгэнь—хан!
Орбу кагыр колума
Он янымы кулэп-кель!

Отвѣты Кызым-гана и Мерьгэнь-хана: *ао, кам, ай!*

Послѣ подобныхъ призываній камъ выходитъ изъ юрты, садится на чучелу, изображающую *гуся*, и представляетъ себя летящимъ на высоту, распѣвая:

Аг аястынѣ алды-былан,
Ак пулуттынѣ устю-біле,
Кöк аястынѣ алды-была
Кöк пулуттынѣ устю-біле
Тенгере пужін тартып — отур.

Гусь отвѣчаетъ: „ынгай гак, гак, ынгай гак, кай-гак гак, кай-гай-гак!".

Алтын чедэнь сугунгар,
„Ынгай...
Алтын урук тундунгар,
„Ынгай...
Алтын уйгэнь сугунчар,
"Ынгай...
Айлік эрьдэнь курюнэр,
„Ынгай...
Сють-ак кöльдон курюнэр,
„Ынгай...
Куньдук эрьдэн курюнэр,
„Ынгай...
Сюрю тудан ѳміт тартхан болбозын,
„Ынгай...
Сють-ак кöльдон сугат тартхан болбозын!
„Ынгай гак, гак, ынгай гак
„Кайгак гак, кай гак гак!"

Жертва — *пура* начинаетъ ржать: *мьяк, мьяк, мьяк.* Камъ, сидя на гусѣ, съ призванной силой гонитъ жертву, спускаетъ внизъ (съ высоты, на которой не былъ), бѣгаетъ вокругъ сеольты, какъ-бы загоняя коня. Зрители тоже пособляютъ ему ловить невидимаго коня и вмѣстѣ съ камомъ кричатъ: *„хай-хай, ай-ай, гай-гай,"* и такимъ образомъ вгоняетъ невидимку въ юрту, прямо въ скотный дворъ, гдѣ невидимый же караульщикъ — *пура-сакчі* съ силкомъ.

Камъ кричитъ ему:

Алтын урук сугунгар,
Хай, хай, хай.

Чалмачілар чалма — была
Хай, хай, хай!
Алтын нохто сугунгар
Хай, хай, хай!

И потомъ, вбѣжавъ въ юрту, мгновенно бросаетъ черезъ лѣвое плечо лѣвой рукой бубенъ, держа въ правой орбу, и лѣвую-же руку мгновенно впускаетъ въ силокъ. Это, значитъ, конь пойманъ. Камъ начинаетъ подражать голосомъ коню, у котораго шея сдавлена арканомъ, прыгаетъ, лягается и проч. Брошенный имъ бубенъ схватывается на воздухѣ кѣмъ-либо изъ близъ-стоящихъ. Если-же бубенъ уронятъ на землю, это значитъ *пура* (жертва) сорвалась и убѣжала. Въ такомъ случаѣ камъ снова загоняетъ ее въ юрту и отдаетъ приказаніе своимъ слугамъ и особенно *пура-сакчѣ*, коему сдаетъ на руки *пуру*, говоря:

Алтын ээрь, ээрь тэнгэр,
Алтын куюмнак сугунгар,
Алтын колон тартынгар.

Послѣ этихъ приказаній, подаютъ каму вѣточку *аржана* (вересъ), которымъ онъ окуриваетъ *пуру*, приговаривая:

Алас, алас, алас кубат,
Ульгэнь каанныи ап-ала.
Аг Ульгэнін чін алас,

и отпускаетъ гуся со словами:

Сюрю тудан ѳеміт-ал,
Сют-ак кольдон сугат тарт,
Кас энезі кангылым,
Кум энезі Кургай-хан,
Эль энезі Энкэй-хан.
Эль эрінэ тюрс-кхал,
Кый-гырганда э-тэгэр,

И, приподнявъ бубенъ, сильно ударяетъ орбой. Это значитъ, что гусь вспорхнулъ и улетѣлъ.

Потомъ камъ, съ помощію народа, ведетъ коня (видимаго уже) въ уединенное мѣсто, говоря:

Тебемь-была кудюрюп-ядым,
Экы ійным-быля шідэп-ядым.
Сені-деп, берін-ядым.
Алкай-тушкан ак байшан,
Аіл-бере яялап-чік,
Тогус катха мделіп чік,
Ак чадырга ойной тюш,

Ульгэнь адама тула тюш.
Он колуна яла тюш,
Он кузюннэн кур-ал,
Он яргыны бере-ал.
Чек.

Послѣ этого одни замучиваютъ здѣсь несчастное животное, обреченное въ жертву, а другіе дѣлаютъ *таскак* (жертвенникъ). Это 4 березовыхъ столба, около 4 вершк. въ діаметрѣ, вышиною около 5 арш., одинъ отъ другаго въ квадратномъ отношеніи, каждая сторона арш. $2^1/_2$.

Самый процессъ мучительства лошади отвратителенъ и заключается въ слѣдующемъ: поставивъ лошадь головою къ востоку, завязываютъ рыло веревкой, къ каждой ногѣ также привязываютъ по веревкѣ и, положивъ на спину толстую жердь, растягиваютъ ноги на двѣ стороны, придавливая жердь къ землѣ, и такимъ образомъ ломаютъ спину. Всѣ отверстія животнаго затыкаютъ травой, чтобъ кровь изъ него не вышла. Когда лошадь долго бьется, камъ беретъ булку (*куруй*), у калмыковъ—чашку и, поднося къ лошади, говоритъ: *„куруйляп-ят, куруйляп-ят, оп куруй, оп куруй, оп куруй“*. Это значитъ: буду ловить счастье, или остальную силу, выходящую съ жизнію, на приплодъ. Булку эту съѣдаетъ хозяинъ самъ и весьма дорожитъ ею, такъ что, кромѣ своихъ семейныхъ, ни кому ее не отдаетъ. Съ замученной такимъ безчеловѣчнымъ образомъ лошади снимаютъ кожу, оставивъ оную на ногахъ отъ колѣнъ до копытъ и на головѣ, языкъ выдергиваютъ. Кожа съ головой и ногами называется *байдара*. Ее надѣваютъ на березовую жердь—*тюкеле*, длиною отъ 12—16 арш., толщины въ комлѣ около 5 вершк. Заостривъ тонкій конецъ ея, просовываютъ его между ногъ и въ голову. Близъ *таскака* (жертвенникъ), на западной сторонѣ, поставленъ березовый столбъ, толщ. отъ 4 до 5 вершк., съ развилкой на верху, вышиною около $5^1/_2$ арш., на которую кладется верхній конецъ *тюкеле съ байдарою*, головою на востокъ—*Ульгэню*, на западъ—*Эрлику*, а нижній конецъ утверждается въ землѣ такъ, чтобы *байдара* висѣла надъ таскакомъ. По окончаніи съ байдарою, мясо разрѣзываютъ на мелкія части, разбирая по суставамъ и не ломая костей. Выбравъ кости, задъ отсѣкаютъ, это часть самая лучшая—*уча*. Грудину безъ спины снимаютъ съ ребрами—*сабар*. Для разобранія и разрѣза избираютъ знатока въ этомъ родѣ. Обрѣзанную съ костей мякоть дѣлятъ всѣмъ—сырую. Удѣлы эти называются: *тебе*—верхушка. *Уча, сабар* и мелкія кости варятся въ большомъ котлѣ, въ водѣ, безъ постороннихъ веществъ. Двое поворовъ, избираемыхъ на этотъ случай, называются *казанчі*. Они вооружены длинными копьями въ 1 вершокъ толщины: это вилки—*эдуш*. Кромѣ *казанчі* къ котлу никто приступать не долженъ. Когда идоложертвенное сварится, дѣлаютъ изъ березовыхъ прутьевъ, въ 3 арш. длины и $1^1/_2$ арш. ширины, *шіре*, постилая на землѣ эти прутья комлями къ краямъ, а вѣтвями въ средину, сжимая комли въ двухъ связанныхъ палкахъ. *Казанчі* вытаскиваютъ конину *эдушемъ*, кладутъ на *шіре* и разрѣзываютъ въ куски. Тогда

камъ беретъ чашку—*чачіл-аяк*, кладетъ въ нее мясо и жидкости *эрюсь*, подходитъ къ *теле*, становится лицомъ къ востоку и, черпая ложкою *эрюсь*, брызжетъ ею пенатовъ юрты, начиная съ *Баштут-хана*, говоря: 1) отъ своего лица:

Чо-ок! Айдын болзо, аруда чок!
Кяныюн болзо ярхында,
Эськы ілам чіхханда,
Яны ілам кыргэньдэ,
Тіілым бажі айляганда
Чок!
Кунгурмалу, копур кусьтэ
Чок!
Комургай бажі шужалганда
Чок!
Аяктын болзо толузына
Чок!
Аштын болзо урьсюнэ
Чок!
Мна! *Кайра-хан*!

2) отъ лица хозяина:

Эськы ілы чіхханда
Чок!
Яны ілы кыргэньдэ,
Чок!
Экы іині—біле темдеды
Чок!
Пірь тебезі—біле кудюрды
Чок!
Экы іині—біле темдебезы
Чок!
Терь тебезі—біле кудюрь безе
Чок!
Куньдюгэ болзын кыялы
Чок!
Кудюрьгэні этпезе уудылга болзын кыялы
Чок!
Мна! Кайра-хан!

Потомъ камъ прибавляетъ отъ себя: „Чок! Мна! Атам-пырхан тенгере каанга!“ Далѣе камъ подчуетъ оставшейся въ чашкѣ кониной хозяина, самъ немного ѣстъ, потомъ предлагаетъ родственникамъ хозяина. Когда чашка опорожнится, камъ, махая ею кругообразно, бросаетъ вверхъ чрезъ *теле* со словами:

Агаш аяк аймадый
Аяк алчазы адам пырхан тенгереній
Чоочій аяк куньдудый
Чоог алчазы адам пырхан тенгереды
Ау-у!

Если чашка упадетъ вверхъ дномъ, это знакъ худой: или будетъ покойникъ въ юртѣ хозяина, или жертва не по вкусу Ульгэню, но её уже не перемѣняютъ.

Впродолженіе брызганія — чествованія пенатовъ нѣсколько человѣкъ держатъ *шіре* съ кониной на рукахъ. Хозяинъ беретъ лучшую часть (*уча*) и подноситъ ее въ даръ каму, который, принявъ, обрѣзываетъ мякоть, но не всю и даритъ, кому захочетъ изъ почетныхъ людей. Этотъ, отрѣзавъ себѣ, передаетъ другому, обыкновенно старшему себя родственнику или чужому, который, отрѣзавъ себѣ, отдаетъ остальное всѣмъ находящимся, и тутъ уже окончательно очищаютъ кости *уча*, не повреждая ихъ. Грудину (тюш), также цѣлую, хозяинъ подноситъ первому почетному человѣку, этотъ, покушавъ, передаетъ другому, а сей третьему, и т. обр. почетная передача кончается; остальное мясо на *тюш* очищаетъ, кто захочетъ. Съ прочихъ костей, срѣзавъ мякоть, уносятъ въ *сеольты*, гдѣ будутъ камлать еще два вечера. Хозяинъ юрты, изрѣзавъ мякоть на мелкія части и положивъ на блюдо, даетъ родственникамъ по кусочку своею рукою прямо въ ротъ. Кусочки эти называются *паянын улежі*. Они отсылаются и къ отсутствующимъ, и кладутся посланникомъ также прямо въ ротъ по назначенію пославшаго. Мякоть съ *уча* и *тюш* дается и на долю *казанчі*, которые, взявъ часть съ собою, дѣлятся ею съ домашними. Только кости остаются всѣ въ цѣлости на мѣстѣ и, по очищеніи, безъ поврежденія складываются на *шіре*, которое полагается на *таскак*, покрывается хворостомъ и вмѣстѣ съ байдарою предоставляется гніенію.

Чок! Мна кабра-как,
Алты эрькошку ак ягалым ээзі!
Эрь алдыма кулэп-келігэр!
Чок тэгэньгэ чогынгэр,
Ме тэгэньгэ меэньгэр.

Потомъ призываетъ хозяина огня — от-ээзі:

Чок! Мна кабра-как.
Отус башту от энем,
Крык башку кыс энем
Чок тэгэньго чогунгэр.
Ме тэгэньгэ меэнгэр.

Во время призыванія камъ держитъ чашку въ обѣихъ рукахъ, представляетъ шумъ собирающейся силы (*черю*) и, изрѣзавъ конину на куски,

отдаетъ народу, который, вмѣсто призванныхъ невидимыхъ гостей, съ видимою жадностью поѣдаетъ мясо.

Послѣ этого камъ, отдохнувъ немного, развѣшиваетъ впереди *сеольты* на веревку 9 одеждъ бумажныхъ, шелковыхъ и суконныхъ (толу іліп-яш). Это дары Ульгэню, которые окуриваются аржаномъ съ произношеніемъ:

Ат кудюрьбесь ээре толу.
Алас! Алас!
Эрь кудюрьбесь ээре толу
Уч якалу ар тоолу
У айляна кырыгер
Аргымагына ябу болзын
Алас, алас!
Алас кубат Ульгэнь канным
От алас!

Доселѣ камъ дѣйствовалъ безъ бубна, а теперь беретъ его, сушитъ для звонкости на огнѣ, надѣваетъ свой нарядъ и молча куритъ аржаномъ. Послѣ курева садится на стульчикъ и начинаетъ постукивать орбою въ бубенъ, снова созывая силу, какъ и наканунѣ, и при отзывахъ: *„ао, кам, ай“*, привскакиваетъ, ударяя сильно снизу въ приподнятый и низвращенный бубенъ. Это пріемъ пришедшаго званнаго. Къ прежнимъ духамъ призываются новые духи съ привѣтствіями:

1) **Яік-хану** (Царь корабля).

Тогус карыш кэдігэлю кан торуш,
Ульгэнь угры кан эчігэ,
Учу элю бій яік,
Чагын ділак камчілу,
Чаал — каік турлулу.
Кызыл пулут куюлу,
Яжіл пулут якалу,
Яжіл солоно камчілу,
Яжіл поро кольголу
Яш кураган тэпшілу,
Бала меркуп ээчінылю,
Бала каін шокшулу.
Башха шурган паянам,
Бакшілаган яміч,
Колунан плаатпа.
Койнонан сууртпа.
Уйрбюлерін ӱркӱтпе
Уч сыраны пек-яя
Корболорын коркутпа,

Толокойго топшілдын
Тон ядынан пек-яя.

2) Кайра-хану.

Кара аргымак мінітьту,
Кара аракысугатту.
Эрьтень кечтэ йорукту,
Югусь ханын урені,
Ярка ханын ээні,
Он бозого арту-хан
Сол бозого ядулу бій.
Купту атам Кайра-хан!

3) Яныс—конеку.

Ябыс атам, япсал атам,
Ябыс тюрьгэнь пайзын-хан,
Суудан карай чірайлю,
Су тегульбесь терголу
Копшог алган яакту
Кого болгон сынду.

4) Ябыр-хану.

Яныс атам Ябыр-хану
Ажіра курьгон каракту бій
Тескері курьгон каракту-хан,
Эрьдэн уур сынду-кан,
Ялбак керек тежокту хан
Кара керек ястыкту хан.
Кууректерію яжірган хан
Эміндерін эрь чійгэнь,
Ушту пашту кара чедень
Кара кэгісь эжікту хан,
Кэрь тайган сакчілу каю
Тэгінь эрдэн пу чіхкан,
Полгон эрьдэн унь чіхкан
Тескері тынган сыры межік,
Уудулышхан яш трубей
Яш баладый мандулган,
Яш кучуктый тарчілган,
Кадылчактый кара таш,
Колешкызі-йок кара куій,
Тюбі терен кара су

Камынып чіхпас кара яр
Айлянышхан кара казан
Тюбі терен кара курюп
Сай-сеок сайлянган эрь,
Куу сеок куталган эрь,
Эрь яхшігын йоботхон эрь,
Эдекту яхші эньдельгэнь,
Алыптын болзо ӧдерль аглан,
Арудын болзо чачію кескень эрь,
Он эшты канньш оію эрь
Тібірьгі табырт тюшкэнь эрь
Тогус оду салган эрь
Тогус сельменьчік тепкэнь эрь,
Кан арказы кара ту,
Тебілішкэнь сыр артхы,
Талбыраган куру онко
Талган кыжі кэпьту бій,
Уньденішкень куру когусь
Эрткэнь кыжі чірайлу кан,
Экы лозі чагылган,
Экы эмчегы кара ту,
Арха чачію пірь бакча,
Кажа каэту алгадындар,
Салып ійгэнь салынты,
Іiб ійгэнь іiньты,
Кара комюрь темітьту,
Кара куюк сугатту,
Уузы канду кыстыр-хан
Эрькын турган тіндыр-хан,
Кабылчікту кара коль,
Кара кріпэ тюшкэнь эрь,
Тебільчіхту сары коль,
Сары кріп тюшкэнь эрь,
Тескері кахкан кара сюнкорь,
Мізюу-йок кара тунгурь,
Уэзю-йок кара куяк,
Ябылышхан кара кэпь,
Ік поі тэн кыжі,
Іiнэ поі сары кыз,
Айманышхан куу мончок,
Кубулушхан кан арзолар,
Кууа талгаак оінду,
Уч тюшкунду кана кыз,
Судан чіхкан су тору,

Су тегульбесь йорголу бій,
Эрдэн чіхкан эрь тору,
Эрдэн кара чірайлю,
Тамандарын саргарган,
Тануларын яжірган,
Ажіргызы турул атам,
Атан эрію біштангын,
Аталу кыжі атазына
Бійлю кыжі біінэ,
Эрь эжіктэн уунап-корь
Дерт толуктан уйляп-корь,
Кызыл энгере кыйляп-корь,
Яжіл энгерь яйляп-корь,
Эскы йолун янылба,
Атхан охтон турьгэнь тіл.
Агар суудан шуулак тірт,
Ійгэнь эльчію тартып-корь,
Атхан огун суруп-тіл,
Айлу кэбын алып тіл,
Айна кэбын тартып-тіл,
Куньду кэбын беріп-тіл,
Ташхан öпком пазынып-тіл,
Талайган колун тартынгын,
Кату куньгэ капсалба,
Казыр куньгэ тэрьменьбе,
Ялбаргамын тындай тіл,
Ялынгамын угуп-корь,
Теныль сынын берію-корь,
Кан тарынбас болор-ба?
Пура корьбесь болор-ба?
Кодюргэнь-заію кольгібе,
Атхарган-заію ажікпа
Узун тышкэ эньчу берь,
Узун тюньгэ уюкузун берь,
Ял боінче тілыш берь.
Кол боінче кунак сал.
Алтон ілгы арбыжін ал,
Жетон шілгы кэмірьтын ал,
Мун йілдыктын эньчуун берь,
Мун тюньдуктыю уюкузун сал.

Послѣ этого призыванія камъ *айман-ят* охватываетъ бубномъ и орбой хозяина юрты и произноситъ:

Атан эрію баштанып-порь

Чокан эрьгэ пуу салба.
Поом эрьгэ пуудалба,
Атан эжічын анча кыр,
Он тызезін таяна бар,
Таш орбума таралып-пар,
Табылгы камчіма теленіп-пар,
Тыжім-быле чечіліп-пар,
Тілім-быле куунап-тіл,
Тібыртым-быле яйляп-карь!

5) Семейству Ульгэня.

Парча Атазы бай Ульгэнь
Уле энезі *Тазы-ган* (жена Ульг.)
Пулут ялду *Пура-ган* (сынъ)
Тооло му тогус кыс,
Теэбнын теты кыс.
Кур-бахышту *Кулай*-хан
Муутан чагыр *Коѣту*-хан } (дочери)
Толган айча *Шюсту*-хан.

6) Мансар-гану.

Айгыр ялду тео-кан
Ажіргызы Мансар-ган,
Атор ашпас ар муусь,
Тенгере теві тебільгэнь,
Теміръ капхак кагылган.
Эрькын углы соо-кан
Ай чіхпастан ай чагарган
Казыр турган соо-кан
Орбу кагар он колума
Эрь алдымнан кулэп-кэль!

7) Пырчу-гану.

Акпос адын ярадып,
Аг-Ульгэнь-быле ярышхан,
Кокпос адын ярадып
Ког-Ульгэнь-быле ярышан.
Ульгэнь канын неэні,
Айгыр ялду адам Пырчуган,
Орбу кагар он колума
Оп яныма кулэп-кэль!

8) Келегэю.

Кыйгылуга кыпчалу,
Кылыштуга ярхынду,
Телен кыжіэ тіль берьбесь,
Телегелгэ яй берьбесь келегэй,
Алдып-болбос келегэй,
Адып яспас сологой келегэй
Атхан оогы таштан öдерь,
Айтхан тілі нэдэн öдерь,
Конгдой темірь когусьту,
Коо темірь ярынду,
Калбак темірь камакту
Сым кара таш тюректу,
Адалуга яй берьбесь
Кара темірь карсманду,
Темір адам терьсь карак
Эрь алдыма кулэп-кэль!

9) Абагану.

Абаганын алыптар
Ак торко кыимду,
Ак чалдар мінешту,
Куу муусь таякту,
Эрь алдыма кулэп-кэль!

10) Мордо-хану.

Абаган бажі мун шакшак.
Кэзе більгэнь Мордо-хан!
Абаганын чамгыл ура
Чамгыл пулут эрькушту,
Эрь алдыма кулэп-кэль!

11) Алтай-хану.

Алтын конгуру солыныш,
Алтон беш уулан тюнады,
Адышха чіхкан Алтай-хан!
Кумюш конгуру солыныш,
Крык пеш уулан тюнадып,
Курешкэ чіхкан Алтай-хан!
Мууэ янын сій тархан,
Темірь узенгэ теже атхан,

Он экы мюйгак саанду,
Алтай-хаанын атазы
Ат кодюрбесь байзым-хан
Эрь алдыма кулэп-кэль!

12) Ему-же.

Тамыр болгон Алтай-хан!
Таспа болгон Кангай-хан,
Ахкалаган кан-Алтай
Тээрелегэнь Эрь демічі
Кымчадан кыйлят,
Ямчадан яйлят,
Каамыттан калкале,
Туумуда тузала,
Мендурьлю кундэ пелек бол,
Ямгырлу кундэ ябылак бол,
О мырыдан ачік конок берь,
Октон коні йол берь.

13) Эрлику.

Кара аргымак мюнютьту,
Кара кумдус тэжекту,
Курдак этпесь бельду,
Кучак этпесь моіжду,
Карыш полгон камакту,
Кара міік сагалду,
Канга чапхан чірайлу,
Кагасха чапхаю пэтьту,
Энуэрбесьты эндэрьгэнь,
Эрлік ада уч покто!
Покторбосты покторгон,
Пуурул адам уч покто,
Кара аргымак мюнетьту,
Кара тібек тіскіньду,
Кара ділан камчілу,
Эрь алдыма кулэп-кэль!

14). Окту-гану.

Акпос адын ярадып,
Аг-Ульгэнэ яргы алган,
Ай чікпас яннан ай чікхан,
Эбре янын сай-агаш,

Энэ Мөйгыл очі кыс,
Курэк аірмаш Окту-ган,
Тюльтрекче ялду-ган,
Эрь алдыма кулэп-кэль!

15) Пурхан-хану.

Адым углы Пурхан-хан!
Тенгере углы Яжін-хан,
Ульгэнь углы Керьгыдай,
Мень тутпазам, сень туттургын,
Эрь алдыма кулэп-кэль!

16) Духу жертвы.

Пура сакчізы Перьбы-хан!
Пур энезі пос булан
Эрь алдыма кулэп-кэль!

17) Меркуту.

Тенгере кужі беш Меркут!
Тесь тырмакту казыр куш,
Ай тырмагы эсь болгон,
Ай тумчугы мус болгон,
Ябырь тюбыр канатту,
Пазар пузар куйрюкту,
Сол канады ай пюрькэгэнь,
Он канады кунь пюрькэгень,
Тогус кара куш энезі
Яік кечіп янгылбас,
Ягы алды чімар кас,
Эділь кэчіп эрікпесь,
Ээгы алды чімар кас,
Эне мерет чамгыл куш,
Эрь алдыма кулэп-кэль!
Он козюме ойной кэль!
Он ярдыма коно-кэль!

Всѣ призываемые духи отвѣчаютъ: *„ао, кам, ай“*, исключая Меркута или Беркута, который, какъ птица, отвѣчаетъ: *„кагак, как, аа, кам, ай!“*

Далѣе каждый *сеок* призываетъ своего фамильнаго бога; напр., потомки Мундусовъ и Теолессовъ призываютъ *Тотоя-Паяну*—владыку града, грома и дождя, величая его такъ:

Пудай чілап пурулган,
Мус пырчак чілап тегульгэнь,

Мус пырчактан ярылып—тюшкэнь,
Музыган—ханын теэні,
Атам Тотой тенгере,
Ай келеттэнь янынан,
Алтын судэрь саінган,
Кунь келеттэнь янынан
Кумюш судэрь саінган,
Айляныжа ай качірган,
Коленыже кунь качірган,
Он экы тапты таптулу,
Он экы катта оінду,
Он уч сырык кубатлу,
Коромолымга бергэймінэн,
Коозына ягайміпэн.

Чѣмъ болѣе камъ набираетъ въ бубенъ гостей, тѣмъ сильнѣе бубнитъ, покачивая бубномъ, какъ-бы отяжелѣвшимъ, и наконецъ встаетъ, обходитъ одинъ разъ вокругъ *тапты*, подходитъ къ двери, спрашиваетъ у дверника—*эжіктегы*, скромно и тихо, съ подобострастіемъ, какъ у начальника, присѣвъ и держа бубенъ на колѣнѣ ребромъ, тихо бубня и покачиваясь, со словами:

Білер біім сень эдэн,
Більбесь кулдун мень эдэм,
Ян біім сень эдэн,
Яргылу кулдун мень эдэм,
Кажі канга кагып-чігаін?
Кажі бійгэ кулэп-чігаін?
Ончо каннын яргызы
Тоолын кааннын башнізы
Эрь алдыма эльчі берь
Эрь алдыман баштазын.

Отвѣтъ:

Атам пырхан тенгере канга кулэп-чік,
Атам пырхан тенгере канга кагып-чік
Он яргызын алып чік,
Атаганымды атам пырхан тенгерэ тут.

Выслушавъ отвѣтъ, камъ встаетъ и, на ребро держа бубенъ у груди, три раза кланяется головою и бубномъ, говоря:

Уч погуна мерьгуін,
Тілін сенін яру болзын,
Тізен сенін чогу болзын,
(опять кланяется)

Эрь эжікэ сака туд
Эсь кылыжін таяп тур,
Айна кельзе айдап-тур,
Эк кельзе экырып-тур,
Козо яманга корьгусьпе,
Кууі яманга тандатпа,
Ічі кырлю кельбезію,
Ічігэзі тату паспазын,
Алды кымін бош салба.

Съ легкимъ поклономъ и каченіемъ бубна камъ выходитъ на средину юрты и со всею смѣлостію и бойкостію начинаетъ бубнить. Хозяинъ въ это время подходитъ къ *тапты*, камъ ударяетъ его слегка орбой и потираетъ его спину поперегъ. Это — камъ очищаетъ хозяина отъ всякаго вреда Эрликова и припѣваетъ:

Атхан оогун суургын
Ійгэнь эльміч алгын,
Алтон ілга айлянбазын,
Тетон ілга тепсельбезін,
Ахтан охтон теігыль ал,
Агын судан тюргэнь ал.

Камъ обнимаетъ хозяина и потомъ хозяйку спереди бубномъ, а сзади орбой и проводитъ ими поперегъ и, какъ-бы снявъ съ нихъ такимъ образомъ все худое, подходитъ къ двери и, сильно ударивъ одинъ разъ въ бубенъ, вскрикиваетъ:

Чок!
Кельгэнь йолын яныльба,
Кечкэнь суун эндебе,
Алтайхадан ажа бар.

Потомъ говоритъ хозяину:

Ат бажінча алтын кут,
Арха сеогын йохтоп-бар,
Кой бажінча конур-кут,
Сын омыртка йохтон-бар.

И, приподнявъ бубенъ надъ ухомъ хозяина, сильно ударяетъ. Это значитъ—впускаетъ въ ухо *тюла* (*тюлазын урып-ят*) для того, чтобы хозяинъ слушалъ внимательно предсказанія кама. Послѣ этой предосторожности представляетъ, что будто-бы надѣваетъ на хозяина кольчугу и шапку. Тоже представленіе камъ повторяетъ надъ женою и прочими членами семейства и, обойдя вокругъ огня и *тапты* три раза, и въ каждый разъ, когда бываетъ впереди близъ *толу*, преклоняясь съ бубномъ, проворно какъ-бы подхватываетъ что-нибудь бубномъ съ земли изъ-подъ *толу*, часто произно-

ся: *о гоп!* и затѣмъ обхватываетъ *толу* бубномъ и орбой. Эти дѣйствія совершаются быстро, съ сильнымъ бубненьемъ и громкимъ произношеніемъ стиховъ. При этомъ боязливые выходятъ вонъ, а не осторожныхъ камъ иногда сшибаетъ и затаптываетъ. Обхвативши *толу*, камъ живо становится одной ногою на нижней ступенькѣ тапты и, поднявъ бубенъ вверхъ, сильно ударитъ и вскричитъ: *чок!* это значитъ: все и всѣхъ съ земли приподнявъ, онъ предпосылаетъ на небо.

Мны о гоп!
Эрь кудюрьбесь эзіре тоолу
Мны о гоп!
Тоолучілар толу-былан
Пайталчілар пайтал-былан,
Мны о гоп!
Алтын теле, алтын тасхак,
Мны о гоп!
Алтын шіре, алтын тюкеле.
Мны о гоп!

Вскрикнувъ: *чок!* и сойдя съ первой ступеньки, камъ присѣдаетъ къ землѣ, ударяя въ землю обечайкою и прижимая орбу къ бубну, принимаетъ послѣдній, ударяетъ имъ три раза безъ словъ и, вскочивъ проворно на ноги, говоритъ: *туган бажін пустым*, и бѣгая быстро одинъ разъ вокругъ огня и тапты, сильно бубня, какъ-бы радуясь, восшедши на 1-й слой неба и представляя тамъ громъ и молнію, кричитъ сильно:

Шагар-ба-та!
Шагар-ба-та!
Шахарбата!

И подбѣгаетъ къ стульчику, на которомъ положенъ потникъ, означающій *буры*, садится, говоря:

Пірь тапты таптала берьдым,
Ай-гай-гай!
Шахарбата! (3-жды)
Пірь хатка яяла чіхты,
Шахарбата! (3-жды)
Тапты бажію толгоно чіхтым
Шахарбата! (3-жды)
Толгон айта малкый чіхтым
Шахарбата! (3-жды).

Камъ садится и, сидя, начинаетъ дѣйствовать сильнѣе, быстрѣе и громче, поспѣшая будто ко 2-му небу и обращаясь къ своему *бурь*:

Аг-аяс-была айлянып отур,
Пура аягын ойнодып-отур,

Шагырт мынан кузюрт-былян,
Аг-Ульгэнь канга адам бырхан,
Тенгере канга куледып-отур,
Ульгэнь ойлы коку йол,
А-го-го!
Кок пура узун божодып-отур,
А-го-го!
Аг-Ульгэнь йолы чедык йол
А-го-го!
Ак-пура уугун божодоп-отур
А-го-го!

По ободренiи *буры*, камъ становитъ ногу на 2-ю зарубку тапты и потомъ, по прежнему присѣвъ и ударяя бубномъ о землю, будто пробиваетъ *второе* небо и, вскочивъ, вскрикиваетъ:

Экы туган бузуп-чіхтым,
Экы катха яяла-чіхтым,
Туган бажі касхакту болды,
Музыкылганы тюгулюп-калгы.

Обѣгая два раза вокругъ и представляя громъ, камъ говоритъ:

Экы тапты таптала чіхтым
Шахарбата!
Экы катха яяла чіхтым,
Шахарбата!
Топты бажін толгоно чіхтым
Шахарбата!
Толгон айга малкый чіхтым,
Шабархата!

Садясь потомъ на стулъ и пускаясь къ третьему небу, камъ повторяетъ ободренiе *бурѣ:*

Аг-аяс-была айляныл-отур
(и проч. смотр. выше).

Становясь на третью зарубку, камъ говоритъ:

Уч туган бузуп-чіхтым,
Уч катха яяла чіхтым
Туган бажі касхакту болды,
Мызы кылганы тюгулюп-калды.

И, пробивъ *третье* небо, по прежнему представляетъ громъ бѣганьемъ вокругъ со словами:

Уч тапты таптала чіхтым
Шахарбата! (3)

Уч катха яяла чіхтым
Шахарбата! (3)
Топты бажін толгоно чіхтым
Шахарбата! (3)
Толгон айга малкый чіхтым!
Шахарбата! (3)!

Надобно догнать теперь *Баштутхана*, ведущаго душу жертвеннаго *байтала*. Но *бура*, поскакавъ по небеснымъ пространствамъ, сталъ поотставать. Поэтому камъ даетъ ему выстойку и смѣняетъ его гусемъ, котораго и призываетъ:

Які кечіп-янылбас,
Ягы, алды чімар кас
Ынгай-гак, ынга, ынгай-гак!
Эділь кечіп-янылбас,
Ээгы алды чімар кас,
Ын, ын, ын!
Эрь алдыма кулэп-кель!
Он кузюмэ ойной-кель!
Он ярдыма коно-кель!
Отвѣтъ: Кагак, кагак; ао, кам, ай!

Камъ встаетъ, ходитъ, говоритъ и бубнитъ тихо, представляя себя летящимъ на гусѣ. Отъ трудности путешествія онъ сморщиваетъ рожу и говоритъ:

Он канадын яя сал,
Ын, ын, ын,
Сол канадын камый сал,
Ын, ын, ын,
Корхунын тезін куруп-ал,
Канадын тезін кайрыб-ал
Ын, ын, ын.
Талбып-отур канылым,
Тенгере курун тартып-отур
Ын, ын, ын.
Ак пулутун устю-быле
Агарганын алды-была
Ын, ын, ын.
Аг-аястын койны-была
Айлік эрьдэн курюп-отур,
Ын, ын, ын.
Ког-аястын койны-былан
Кок пулуттын устю-была
Ын, ын, ын.
Аттан берьгэнь ак пайлат,

Кажі чака этты-пе?
Ын, ын, ын.

Камъ подаетъ голосъ *(кыйгы салыжіпят)* и людямъ, сопровождавшимъ *байтала*: „а-э-гэй". Тѣ отвѣчаютъ: *„а-о-гой, кам, ай"*! Наконецъ, камъ догоняетъ *байталчі*—проводника жертвенной души, и прижавъ бубенъ къ груди, тихо бубня и ходя, разговариваетъ съ нимъ голосомъ, сходнымъ съ гусинымъ, и поетъ съ замѣтнымъ чувствомъ неизвѣстнаго состоянія, какъ-бы желая скорѣе знать—все ли благополучно?

Аттан берыгэнь ак пайтал,
Ын-ай-гак, ынхайгак!
Чеберь чедык этты сям-пэ?
Толучілар толузынап-курюгэрь,
Тасхакчілар тасхак сынап-курюгэрь,
Байталчілар байтал сынаэ курюгэрь,
Элечілер шіре сынап курюнгэр,
Аптан берьгэнь ак байтал,
Чеберь чедык тутты-ме-не?
Ын-ай-гак, ынхайгак!
Ак пайтал бажі пурлган кулдым,
Ын-ай-гак, ынхайгак!
Амыр энечу кельды-ме-не?
Ын-ай-гак-ынхайгак?
Аны ылкап курюнгэр.
Ын-ай-гак-ынхайгак!

Гусь исполнилъ свою службу и потому отпускается камомъ со словами:

Сют ак кольдон сугат-тарт казым,
Сюрю туудан теміт-тарт казым,
Кель тэгеньгэ кемп-тюрь,
Э, тэгеньгэ, э, тегынь,
Кыйгырганга: „ау"—тын,
Кыйгы салза, э тежіп-туругар,
Унь салза, не? Тежіп-туругар.

Отпускъ гуся представляется ударами въ поднятый къ верху бубенъ. Послѣ чего камъ обращается къ *баштутхану*, стоя и покачиваясь на обѣ стороны, держа у груди бубенъ, и поетъ весело и сильно:

Ак байтал бажі пурулган кулдым,
А-го-го-го!
Менін-быле кожо кулeдіп отур,
Іймень бегін ялтабагын,
А-го-го-го!

На что *Баштутхан* отвѣчаетъ плачущимъ голосомъ:

Мень мнан ойто янадым,
Кам-ада,

Отус омырткам онжа берьды,
Кам-ада,
Кабыргам тезі канжа берьды,
Кам-ада,
Ян сеогым яйрыла берьды
Кам-ада,
Ус сеогым божой берьды,
Кам-ада,
Козім ады чіга берьды,
Кам-ада,
Алган кыжім калды,
Кам-ада,
Азраган атам калды,
Кам-ада,
Мындый эрьды курьбегонь—эдэм,
Кам-ада,
Мындый йолды курьбегонь—эдэм,
Кам-ада.
Мнан ойто янадым,
Кам-ада.

Камъ отвѣчаетъ баштутхану, голосомъ строгимъ и, отставивъ бубенъ отъ груди, громче бубня, поетъ:

Ульгоньнін койнын курюлі
А-го-го-го!

Баштутханъ, продолжая плакать, говоритъ:

Мень кельбеін тэгэнь,
Кам-ада,
Энем ійгэнь энем тэзнь
Кам-ада
Эть аларзын-деп тэгэнь
Экы тызем эть алаін деп кельбеды-бе?
Кам-ада.
Энем ійгэнь, энемэ эссін кыялы,
Кам-ада
Туюк туйгагы туйрюлзын
Айры туйгагы айрылзын
І. . . іл. . . іл *(воетъ)*
Мнын! ы. . . ы. . . ы. . . *(къ байталу)*
Дерт туйгагы тебен тепсін,
І. . . і. . . *(плачетъ)*
Боюн эттыр.

Послѣ оправданія баштутхана, камъ начинаетъ заниматься метеорологіей и предсказываетъ о погодѣ *(ченэп-ят)*.

Если чрезъ недѣлю послѣ камланья будетъ снѣгъ, то камъ видитъ его съ первой ступени и сказываетъ:

Салды каін баштарын курьзін,
Салды каін саак пудака,
Ак турман тюже-берьтыр,
Яжімду яім эрьтэ бертыр,
Кыжіло куруум тюжуп-келытыр.

Если этотъ будущій снѣгъ скоро разстаетъ, то камъ говоритъ:

Салды каін баштарын курьзін,
Сар ая тартып-турганын.

Если послѣ снѣгу будетъ дождь ранѣе трехъ недѣль, то камъ это видитъ на первомъ небѣ, а если позже—на третьемъ, гдѣ и предсказываетъ:

Алт таякту кара шурлі,
Ойдун эрьгэ саалып тюшо
Аргымак аяк тюушпас болор
Туйгакту камыпбас болор,
Тырмакту тудунбас болор.

Вообще камъ на всякомъ кругѣ небесномъ, если что увидитъ относящееся къ земной жизни, будущее или настоящее, напр., если встрѣтится гдѣ-нибудь съ другимъ камомъ, въ одно время съ нимъ камлающимъ, объ этомъ сказываетъ своимъ зрителямъ.

Баштутханъ, проплакавшись, продолжаетъ:

Э, пааза бараін,
Аг-Ульгэннен кызын алынер.

Баштутхана перебиваетъ слуга кама *Каракош*, прося у него трубки покурить:

Куньду эрьдын кам тюдюнь,
Козікэй мінэ козімэ
Айлю эрьдын ак тюдюнь,
Айлянгай мінэ кузюмэ,
Уч yелю куулы канза,
Эрь алдыма кабылып-кель.
Аяс канынан алып кель.

Баштутханъ подноситъ трубку какъ-будто Каракошу, а камъ съ боку на бокъ заглядываетъ на трубку, какъ-бы боясь, чтобъ не укусила, и, заводя глаза подъ лобъ, обнюхиваетъ ее издали съ обѣихъ сторонъ и, какъ лошадь, фыркая, кричитъ: *кій гылік, кій гый-гылік!* Баштутханъ стоитъ съ трубкой. Камъ, вмѣсто Каракоша, поетъ:

Картырмалу кара куяк,
Айлянышхан сай кумэ,
Алтын кулаш керь тайган,
Чоо-бері сынду хаі,

Уузін мурдун ял-манышхан,
Ат-дат Каракош,
Мень тарпазам слер тартыгар,
Кій гілік! Кій гілік!

Камъ беретъ поднесенную ему Баштутханомъ трубку и куритъ, вмѣсто Каракоша, не придерживая трубки своими руками. Покуривши, онъ кричитъ: *ау*, *ау*, *ау!* и схвативъ трубку, бросаетъ ее и, восходя на 4-ю ступень, говоритъ:

Тапты бажіма толгон чіхтым.
Толгой айга малкый чіхтым,
Дерт катха яялып чіхтым,
Тенгере каанга алкыжін эссію.

Соскочивши со ступеньки, камъ пробиваетъ *четвертое* небо и, бѣгая вокругъ 4 раза, представляетъ громъ:

Ай, гай, гай
Шахарбата!
Дерт туган пузун чіхтыл,
Шахарбата!
Дерт яйхам яйхан чіхтыл,
Шахарбата!
Куньду эльгэ алкыжны эссін,
Шахарбата!
Айлю эльгэ алкыжіло эссін,
Шахарбата!
Аттан бергэнь ак байталым,
Шахарбата!
Адам бурхан тенгере канга ярулу болды.
Шахарбата!

Камъ опять строжится надъ Баштутханомъ, который плачетъ и оправдывается:

Куньду эрьдэ не эрь?
Чін Яхші эрь мунда,
Мень мунда юртаэр-даа болзомчі
Мень мунда ядар-даа болзомчі,
Тайха пюктэнь агажі курзен,
Копшоп койгонь октый турза,
Тажінда турган алдызын курзен,
Талынду койдон коп туза,
Мунда-даа ястап, мунда-даа кустэп яссамчі,
Мнан ойто янбас маа болзомчі,
Янбайдым, янбайдым
Кам-ада!

На четвертомъ небѣ камъ въ одно время представляетъ *кукушку* и

стрѣляющаго въ нее Каракоша. „*Кук кугук*! *Кук кугук*! *Кук кугук*!“ Каракошъ смотритъ то вверхъ, то внизъ, то въ стороны, и не видя птицы, протираетъ себѣ глаза и говоритъ:

Атта! Кара-кош!
Эрю тенгерез учун чiгаберьды-ба?
Темень эрьгэ каазынып тюже берьды-ба!
Эты кырлу эсь мылтыгым адым адым алзам,
Орто курсак болор эды-ле.
Салды каiн саак пудакта отуру-бя?
Ай кеемеiн кезе атхан.
Топты бажiнда отуру-ба?

Представляя стрѣляющаго Каракоша, камъ прицѣливается бубномъ и, дернувъ по нему къ себѣ орбу, съ крикомъ: *ау*! представляетъ, что онъ выстрѣлилъ на удачу.

Послѣ охоты за кукушкой, камъ вскрикиваетъ на *тапту* и, поставивъ ногу на 5-ю ступень, говоритъ:

Беш тапты яяла чiхтым,
Беш бажiн толгоп-чiхтым,
Толгон айга малкып-чiхтым
Тенгере канга алкыш эссiю.

Камъ, соскочивъ со ступеньки, пробиваетъ *пятое* небо, бросается, бѣгая 5 разъ вокругъ огня, съ крикомъ: *ай-гай-гай! Шахарбата*! Чѣмъ выше онъ входитъ на небесные круги, тѣмъ звучнѣе представляетъ громъ. На пятомъ небѣ живетъ сильный духъ *Яючi*, который творитъ младенцевъ. Камъ, собираясь войти къ *Яючi*, бубнитъ и поетъ довольно звучно:

Ай, а хай, ай, ай!
Ульгэнын углы Керьгыдай.
Адам углы Пырхан-хан,
Тенгере углы яжiн-хан,
Эрь алдыма кулэп-кель,
Унь салыта келiгэр,
Кан эжiкэ сака тур
Ай, а хай, ай, ай!

Камъ входитъ къ *Яючi* и, перемѣнивъ голосъ, тихо и смирно поетъ, чуть бубня и кланяясь:

Беш хатта энем Яючi,
Кырды тюнган сюд-ак кол,
Кыньды кескэнь ак тапхай,
Мюрьгудэн мюрьгу каным Яючi.

Яючi строго спрашиваетъ кама:

Не тегенiн калдыгызын?
Не тегенiн уренiзын?

Кыжi болзо, атту болор
Кыiк болзо, тукту болор
Ады-йолун чечiнгын,
Канату болзо учпайтан,
Кайгакту болзо паспайтан
Кара конус тiды тiтанып
Кайдан поо сень кельдын?

И въ заключенiе даетъ острастку каму, прикрикнувъ на него: „а-а-i!“

Камъ, устрашась, быстро отскакиваетъ назадъ и пятится. Потомъ съ подобострастiемъ, узко шагая, тихо приближаясь и многократно кланяясь, говоритъ: „*мерьгу, мерьгу каным Яючi*“! *Яючi*, прерывая мольбу кама, снова вскрикиваетъ на него: *а-а-i*! Камъ, немного отступивъ, приходитъ въ остолбенѣнiе. *Яючi* продолжаетъ:

Эрь эжiгым тыбредып,
Он кулагым сонгыладып,
Он таманым сырладып.

И вскрикиваетъ: *а-а-i*! Камъ отскакиваетъ и опять понемногу приступаетъ, говоря тихо и кланяясь: „*мюрьгу, мюрьгу каным Яючi*“!—*Яючi*, пересѣкая его рѣчь, грозно говоритъ:

Не тэгэнiн калдыгызын?
Не тэгэнiн уренiзын?

Камъ отвѣчаетъ:

Не тэгэнiн калдыгы болоiн,
Не тэгэнiн уренi болоiн?
Энем Яючi каным!
Кара камным калдыгы-мiнь
Улу камнын уренi-мiнь,
Учухчiнын калдыгы-мiнь,
Тельгочiнын калдыгы-мiнь,
Мерьгу, мерьгу энем Яючi,
Пiрь тiлюгэ тiлэп-кельдым,
Пiрь суруга сурап-кельдым
Пiрь таманга паза кельдым,
Кам Чомчонын калдыгы-мiнь,
Кам Сартбаштын уренi-мiнь,
Кам Саргадан менъ прадым,
Ульгэнь адама кулэп-прадым,
Аг-атаным *) таныб-ал,
Мерьгу, мерьгу каным Яючi.

Камъ кланяется и, наконецъ, подружившись съ такимъ вельможнымъ духомъ, какъ *Яючi*, и набравшись отъ него силы, начинаетъ пророчество-

*) *Аг-атан*—бѣлый бубенъ.

вать: предсказанія, касательно житейскихъ потребностей, сыплются во множествѣ, въ родѣ:

1) Эн унуу:

Бу баланы мень яяп-ядым,
Бай балоян, бай балдян,
Ат кулагы уч тунгэй,
Бай балдян, бай балдян,
Ямынар болзо кэбі болзын,
Карга чачхан кразы болзын,
Тар телезі узун болзын,
Тапчі бoi кэн болзын.
Ас урюде малы болзын,
Ун толо баш болзын,
Аяк болзо, толо болзын,
Баш бай болзын яяны кыспа болзын
Аіры колдон паазын.

2) Эн ортоны.

Бу бій-былян білектежін-турзын,
Бай балдян, бай балдян,
Яактуга эндірбезін,
Ярыдуга пастырбазін
Яаны болзо, узун болзын.
Яжін тынын кысканбас болзын,
Куштэн курюргі болзын,
Кумэ куяхтый болзын,
Ахтан огы таштан ӧтсію,
Улюр тыны эктежію,
Эӧчін тартынып ульзін,
Іть-чілеп кынзып-ульзін,
Кой-чілап маарап-ульзін.

3) Эн кычуу.

Бу баланы яяп-ядым,
Жіэрме беш яжін алгажін,
Анан мынан каап-тюрьзін,
Аа боо тӱштӱрӱп-тюрьзін,
Алдынан болзо, тіль эртпезін,
Архазынан чібык эртпезін,
Корогхы тюньдэ каабылып тюрьзін,
Экы колы кызыл кыннан чіхпай-тюрзію,
Отус-беш яшха эткежін,

Омыруунан ок албазын,
Яказынан эрь тутпазын,
Ямаңга кожулбазын,
Эльдын энчізы бользын,
Тонын топчізы бользын,
Эльдын йоньн бажін білзын,
Элю яшха эткежін,
Кара аракаа караш болзын,
Кара аракыдан каран ульзію.

При началѣ предсказанія всѣ бросаютъ шапки на землю подъ бубенъ. По окончаніи каждаго предсказанія камъ говоритъ:

Куньду эрьтэ яяла барзын!

и, приподнявъ, бубенъ, стукнетъ орбой, а народъ хватаетъ шапки, какъ-бы желая поймать упавшее въ нихъ предсказаніе. Если предсказанія худы — шапки отряхиваются; если хороши, то всѣ наперерывъ подхватываютъ скорѣе шапки и зажимаютъ. По окончаніи всѣхъ предсказаній камъ кланяется Яючі и говоритъ:

Мерьгу, мерьгу энем Яючі,
Он козюнен курюп-кан
Он аргынды бері-кан.

Пока камъ восходилъ на 4 и 5 небо, въ это время *бура* успѣлъ поотдохнуть, выстояться и потому запросилъ пить.

Куньду эрьдэн кара сугат,
Кузільгэй мінэ кузюмэ
Ау, кам!
Ма-аак! (всхрапываетъ 3-жды).

Баштутханъ подаетъ чашку съ водой и свиститъ. Камъ, представляя *буру*, храпитъ и бьется, потомъ пьетъ.

Напившись, онъ схватываетъ чашку зубами и бубномъ взбрасываетъ ее къ верху.

Баштутханъ поднимаетъ чашку и окуриваетъ ее аржаномъ.

Потомъ камъ всходитъ на *шестое* небо тѣмъ-же способомъ и покланяется живущему здѣсь мѣсяцу:

Мерьгу, мерьгу!
Алты хатта ай ада
Мерьгу, мерьгу!

Съ этими словами камъ обѣгаетъ вокругъ *тапты* и огня и кланяется на востокъ трижды, потомъ замѣчаетъ бѣгущаго зайца и посылаетъ за нимъ *куралдая*:

Куралдай чабар курусын
Борбук чабар пос чоол,
Позоро тюшкэнь поз-іік
Чау-ук!

Куралдай кричитъ:

Калак! Калак!
Экы токой содун паады,
Уч токой согуп-паады
У, у, калак! Калак!

Является новое лицо: *Келегей*, который ругаетъ и передразниваетъ Куралдая:

Те-те, те-те, те-те!
Аэй, аэй, абышха!
Ть-ть-ть-те! Абышха!
Нь-нь-нь-не болды?
Кулагажі сертэнбок-ят,
Каг, к-к-к казычагы, кагылыб-ок-ят,

и, указывая на коня, продолжаетъ:

Куйрюгажін шйманыб-ок-ят,
Алдын трю яхтаны,
Не болдын абышха?
Аэй, аэй!
Ойдук эрдын ор койон
Ттль энезі майрык койон
Чао-ок!

При послѣднемъ восклицаніи камъ, представляющій Келегея, махнетъ орбою снизу вверхъ. Куралдай гонится за зайцемъ и кричитъ:

У! У! У!
Экы токой согулды,
У! У! У!
Уч токой согулды,
Калак, калак!
Ічін тырма койонок,
У! У! У!
Тумчугын тірыл, койонок,
Калак, калак!

Келегей снова ругаетъ Куралдая:

Аэй, аэй! Абышхана!
Адычагымнын козі тупюльдеп-ок-ят,
Адычагынныш аягажі сырак таб-ок-ят,
Чао-ок! (*орбой вверхъ*).

Послѣ неудачной охоты за зайцемъ, камъ также удачно восходитъ на *седьмое* небо, какъ и прежде, покланяется здѣсь живущему солнцу такъ-же, какъ и мѣсяцу, трижды говоря:

Мерьгу, мерьгу
Тета хатта кунь эне
Мерьгу, мерьгу!

Послѣ поклоненія солнцу камъ представляетъ *кукушку* и *Кочугана*. Прижавъ къ лицу бубенъ, камъ крикнетъ въ него, вмѣсто кукушки: *ку-кук*! Кочуганъ отвѣчаетъ: *кхы*. Когда онъ прокукуетъ, тогда голову поднимаетъ вверхъ, какъ-бы прислушивается.

Восходъ на 8, 9, 10, 11 и 12-е небо сопровождается тѣми-же дѣйствіями кама, какъ и прежде. Войдя къ Ульгэню, послѣ извѣстнаго: *тахарбата*! камъ кланяется и при тихихъ звукахъ бубна поетъ:

Уч-деп кышту кан ыдык
Уч очукту бай Ульгэнь,
Курюп турган кок тілым,
Коксюп-турган кок аяс,
Кочкулегэнь кок пулут,
Курюп болбос кок тенгэро,
Алкап болбос аг аяс,
Айлік тілдык уч сугат,
Уч матырлу Ульгэнь-адам,
Аймалтазнын мізінэн кыйлат
Аттын туйгагынан яйляп,
Чуркураган эль яган бай Ульгень,
Чуудуп-чубадып, мал берьгэнь бай Ульгэнь.
Текэ бербе,
Темкергэ алдырба,
Кюрюмеське кургуспе,
Курюпергэ пастырба,
Эрікэньду тенгерімдын,
Канча тюмень Айлядучім,
Кыліпчегым мень адулазын.

Отъ Ульгэня камъ узнаетъ, пріятна-ли жертва или нѣтъ и почему, а также узнаетъ впередъ состояніе и измѣненіе погоды, каковъ будетъ сборъ орѣховъ, урожай хлѣба и ловъ звѣря, а также не требуется-ли еще отъ кого-либо жертвы. Жертва почти всегда требуется, если не отъ того, то отъ другого, той масти или другой, такъ какъ камъ—всегда человѣкъ бѣдный и ничѣмъ не занимающійся, то очень естественно, что вмѣсто *талкана* или пустаго *кочо* дома, ему пріятнѣе ѣсть самую жирную конину, какую только онъ самъ выберетъ у своего сосѣда. На должности онъ сытъ и пьянъ.

По объясненіи кама съ Ульгэнемъ *Баштутханъ* вскакиваетъ, снимаетъ бубенъ и орбу съ рукъ кама, который въ заключеніе дѣлаетъ три щелчка по бубну пальцемъ, вмѣсто орбы, и бормочетъ: „а-а-а-а-ы-ы-ы", какъ-бы не можетъ унятъся, протираетъ глаза, гладитъ волосы, опускаетъ руки, выжимаетъ потъ изъ своей рубашки, потомъ здоровается съ зрителями, какъ-бы возвратившись изъ дальняго путешествія:

Эзень-салам, эзень-салам!

Вторымъ дѣйствіемъ камланье иногда заканчивается, а большею частію

окончаніе бываетъ на третью ночь, въ которую пьянствуютъ вполнѣ достойно *шайтана*. Огромные берестяные бураки, въ ростъ человѣка, съ кумысомъ, айраномъ, абырткою и брагой опоражниваются. Приготовленіе и распитіе идоложертвеннаго айрана происходитъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Когда еще не сдѣланы *сеольты*, приготовляютъ *айран* (кумысъ изъ молока), котораго никто не касается и не пьетъ до окончанія камланья. Послѣ двухъ вечернихъ камланій, приносятъ съ мѣста, гдѣ мучена была жертва, 9 или 12 *кыйгаш* (ложки изъ бересты), соотвѣтственно зарубкамъ *тапты*. Полъ *сеольты* устилаютъ коврами и войлоками, подлѣ *тапты* кладутъ къ двери огонь, вокругъ котораго ставятъ, по числу зарубокъ *тапты*, китайскія деревянныя чашки (*чачіл-аяк*), наливаютъ айраномъ и позади каждой чашки размѣщаютъ по человѣку такъ: впереди, слѣва отъ двери, стоитъ камъ, подлѣ него, слѣва-же, *Баштутхан-кыжі* (помощникъ кама), далѣе хозяинъ и прочіе старики, у которыхъ въ тотъ годъ не было въ семьѣ покойника старѣе году. Сначала всѣ зачерпываютъ кыйгашами айранъ и брызжутъ всѣ въ разъ вверхъ на тапту, стоя всѣ въ шапкахъ. Затѣмъ, бросивъ ложки, вскрикиваютъ: *чек!* Брызганіе это съ восклицаніями *чек!* дѣлается трижды. Въ послѣдній разъ брызнувъ, всѣ бросаютъ ложки вверхъ, и, если чья упадетъ вверхъ дномъ, тому счастья въ тотъ годъ не будетъ, а у кого внизъ дномъ, тому—*яхші*. Послѣ чествованія *тапты* снова наливаютъ чашки айраномъ и выпиваютъ всѣ вдругъ, при чемъ камъ, выпивъ чашку, бросаетъ ее за дверь, и если она упадетъ вверхъ дномъ, то хозяину будетъ худо.

Камланье *Эрлику* и другимъ божествамъ, также камланье разныхъ племенъ, различается частностями, нѣсколькими вводными сценами, а въ сущности одно и то-же. Комическими сценами отличается камланье *Яікхану* или *Намъ* (Ною), которому приносится въ жертву бѣлая овца, на высокой горѣ, преимущественно весною, также при всякомъ камланьи молятся ему, чтобъ проводилъ къ Ульгэню. Въ 40 день по смерти кого-либо, *Яік-хан* призывается для очищенія юрты, при чемъ къ постелѣ умершаго привязывается пѣтухъ, изображающій смерть, и изгоняется камомъ или шаманомъ. Оттого пѣтухи у большей части инородцевъ, особенно Кузнецкихъ, въ пищу не употребляются. Еще призываютъ Яік-хана въ томъ случаѣ, когда не ведется скотъ. Инородцы вѣруютъ, что умершіе родственники уводятъ скотъ съ собою въ жилище мертвыхъ, откуда Яік-хан, при жертвоприношеніи ему, выгоняетъ его потопомъ. Камъ представляетъ, что онъ приходитъ будто-бы въ жилище душъ умершихъ родственниковъ (*узюттэ эрінэ*) изъ того семейства, у коего камлаетъ, разговариваетъ съ ними, потчуетъ ихъ виномъ, напаивая до-пьяна, разговоры ихъ произноситъ ихъ голосами и всѣ дѣйствія выражаетъ подобно имъ. Въ разговорахъ и пѣсняхъ камъ представляетъ: какъ умершіе, напившись, поютъ пѣсни и проч., какъ притомъ внезапно входитъ потопъ въ жилище умершихъ; представляется смятеніе, ужасъ и безпокойство каждаго лица изъ умершихъ и прекращеніе потопа сыпаньемъ земли и золы. Камъ при этомъ смятеніи угоняетъ у нихъ скотъ, умершіе будто-бы кричатъ вслѣдъ ему и посылаютъ погоню. Въ началѣ представленія всѣхъ этихъ дѣйствій шаманъ мараетъ свою рожу сажей, чтобы умершіе не узнали его; когда-же они догадываются, что шаманъ пришелъ отъ ихъ живыхъ родственниковъ, то онъ увѣряетъ, что ихъ совсѣмъ не знаетъ и т. под.

У сѣверныхъ инородцевъ камъ, называемый *набызомъ*, камлаетъ въ обыкновенной одеждѣ, только голову перевязываетъ платкомъ, чтобы волоса не лѣзли въ глаза при его кривляньяхъ. Присутствіе женщинъ, при жертвоприношеніи Ульгэню, здѣсь не позволительно.

Нѣкоторые камы камлаютъ съ открытыми глазами, но большая часть съ закрытыми. Многіе камы шарлатанятъ, а нѣкоторые дѣйствительно приходятъ въ экстазъ, и ничего нѣтъ удивительнаго, что дѣйствуютъ подъ вліяніемъ злого духа. Были примѣры, что казаки не могли пробудить кама, впавшаго въ экстазъ, нагайками, напротивъ. были примѣры (говорю по собственному опыту), что достаточно одного священническаго благословенія, чтобы мгновенно выпалъ бубенъ изъ рукъ камлающаго кама.

Понятія алтайскихъ инородцевъ о душѣ.

Инородцы признаютъ двойственность души. О человѣкѣ помѣшанномъ и разслабленномъ они обыкновенно говорятъ: „*курю-месь аньн суузын*“ (потелеутски—*сюрін*, по-калмыцки—*сюнезін*, *тюлезын*, *кудын ал-партыр*, бѣсъ унесъ его душу“), вѣря, что человѣкъ долгое время можетъ оставаться живымъ безъ души, что унесенная душа можетъ быть возвращена выкупомъ, чрезъ камланье, и тогда человѣкъ выздоровѣетъ, такъ какъ, кромѣ означенныхъ названій души, остается въ немъ еще душа — *тын*. Впрочемъ, *тын* есть жизненность, т.-е. такая душа, какая есть и въ животномъ и въ растеніи, или связь души съ тѣломъ. Если унесенная душа долго не возвратится, то *тын* перервется — *узюлоп-парар*, и потому душа умершаго человѣка называется *узюп-тын*, перервавшись, исчезаетъ, *кудюп-ядыр*. Отсюда происходитъ названіе души *кут*, названіе не собственное, знач. нѣчто теряющееся. Объяснимъ эти названія примѣрами:

1) *Тын* происходитъ отъ *тыныр*—дышу. *Тыныт*—дыханіе. *Тын тібектый*—душа какъ щелчинка. *Тын тамазын-да*—душа въ чахоткѣ. *Тын узюлгэндэ ар уезі ай-рыла:* когда душа порвется, тогда раздѣлятся всѣ составы. Суевѣрные алтайцы будто-бы слышатъ, какъ перерывается у умирающаго человѣка, потому у нихъ есть бранное выраженіе: *тынын тырс этсін*—твоя душа пусть сдѣлаетъ щелчокъ, т.-е. порвется и щелкнетъ. *Тын коштоныр-ят*—душа смѣшивается, сливается. Это говорятъ, воспрещая близко стоять подлѣ умирающаго, чтобы онъ долго не маялся, вѣря, что душа здороваго сообщаетъ свою жизненность умирающему. *Тыным-даа білбеят*—и душа моя не знаетъ, т.-е. мнѣ все неизвѣстно. *Тынду агаш*—свѣжее, растущее дерево, *тынду элен*—свѣжая трава, *тынду болат*—острый (алмазный) булатъ. *Чачхан аштын ямырга тыны кыры-ят*—посѣянный хлѣбъ отъ дождя оживляется,

освѣжается. *Тыным кырды*—моя душа вошла, т.-е. я освѣжился, ободрился, укрѣпился.

2) *Сузы* происходитъ отъ глагола *сузуп*—черпаю воду, значитъ, нѣчто жидкое, способное быть вычерпнутымъ, или отъ словъ *су*—вода, рѣка и—*узак* длинный. Отсюда *суузак*—долговѣчный, здоровый, а потомъ *сузы*—сила необходимая, чтобъ быть здоровымъ, долговѣчнымъ, какъ человѣку, такъ и скоту. *Малдын сузын узюттэр алып парды*—умершіе увели души скота, или плодовитость скота перевели къ себѣ (въ свои жилища). *Кыжінын сузы тюрюп ят*—душа умершаго человѣка бродитъ.

3) *Кут* почти, то-же, что и *сузы*, происходитъ отъ *кудуп*—исчезаю, безъ вѣсти пропадаю, изъ виду теряюсь. *Кут*—сила жизненная (vis vitalis), плодородіе, счастливость, благовидность. *Куду чілып парды*—душа выскочила, т. е. человѣкъ такъ испугался, что лишился ума, сдѣлался самъ не свой. Въ этомъ случаѣ камланьемъ возвращаютъ ушедшую душу. *Малдын куды узют алып-парды кыжі кудуп-парды*—человѣкъ исчезъ, безъ вѣсти пропалъ. *Эрь кудуп парды*—земля потеряла силу плодородія, стала безполезною, лишилась красоты и вида. *Яхтан эрі кудуп парды*—жилое мѣсто сдѣлалось несчастливымъ.

4) *Тюла* происходитъ отъ *тюлуп*—рву, выдергиваю. *Кендырь тюлюпядым*—ленъ выдергиваю. *Тюля* знач. эссенція, экстрактъ. Въ животныхъ *тюлы* нѣтъ, а исключительно она только въ человѣкѣ. Эту душу представляютъ величиною съ ружейную пулю, бѣленькою, непрестанно движущеюся, кругленькою, какъ ртуть. Такою, по крайней мѣрѣ, камы показываютъ инородцамъ будто-бы пойманную ими душу на ладони своей при камланьи.

5) *Сюрь* отъ слова *сюрюп*—гоню, выгоняю, значитъ, по словопроизводству, то, что изгоняется, т. е. изъ человѣка смертію, или изгнаніе камланьемъ въ 40 день послѣ смерти изъ юрты, гдѣ жилъ умершій, души его.

Сюрмет—видъ, изображеніе, картина. Въ этомъ значеніи употребляется и *сюрь*, которая есть и у скота. Инородцы предполагаютъ, что души животныхъ такъ-же переселяются на тотъ свѣтъ, какъ и умершихъ ихъ хозяевъ, которые такъ-же пасутъ ихъ въ жилищѣ мертвыхъ, какъ и здѣсь. *Сюрь* значитъ также: тукъ, жиръ. *Сюрьлю этъ*—тучное мясо. Значитъ также: видъ, красота, величественность, важность, солидность. *Сюрю тюжуп-партыр*—видъ упалъ, лишился красоты, сдѣлался полумертвымъ. *Сюрьлю кыжі*—человѣкъ осанистый, съ проницательнымъ взоромъ. *Сюрь солырып-ят*—душа умершаго воетъ, не желаетъ разстаться съ тѣми предметами, съ которыми сроднилась, живя въ тѣлѣ.

6) *Сюнэ* находится исключительно только у человѣка, происходитъ отъ *сюнэлэп*—совѣтую, вразумляю. *Сюнэ*—разумная часть человѣка, которая, по выходѣ изъ тѣла, имѣетъ фигуру полнаго человѣка. *Кыжінын сюнэ пюдютты боі*—душа человѣка есть цѣлый онъ, его сущность. *Сюнэ тюрюп-ят*—душа бродитъ, т.-е. по выходѣ изъ тѣла блуждаетъ по мѣстамъ, къ коимъ привыкла, живя въ тѣлѣ, и издаетъ вопли, слышимые будто-бы живыми, иногда зоветъ къ себѣ кого-либо изъ живыхъ, называя его по имени, послѣ чего, по общему замѣчанію алтайцевъ, вскорѣ тотъ человѣкъ умираетъ.

Нравы, обычаи и обряды.

Въ нравахъ алтайцевъ есть хорошее и худое. Прежде всего надобно сказать, что они честны. Юрты ихъ зопоровъ не имѣютъ, хотя-бы и никого въ аилѣ не было. Если къ двери приставленъ обрубокъ бревна, въ ту юрту никто не войдетъ, хотя-бы она цѣлый годъ стояла подъ этою охраною. Хлѣбъ инородцы оставляютъ на пашнѣ въ зернѣ, гдѣ онъ и пребываетъ до тѣхъ поръ, пока хозяева по-немногу его не выберутъ для насущнаго употребленія, и всегда сохраняется въ цѣлости. Оставшаяся въ юртѣ вещь посторонняго человѣка, даже найденная на дорогѣ, но извѣстно, что ему принадлежащая, возвращается непремѣнно, хотя бы и чрезъ долгое время, при свиданіи. Во время плаванія по рѣкамъ, напр. по Мрассѣ, если случится остановиться на ночлегъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ аилъ расположенъ не на берегу, а на горѣ отъ 1 — 3 верстъ отъ берега, въ такомъ случаѣ всѣ вещи путешественника остаются на берегу безъ караула, только подъ прикрытіемъ лодки отъ дождя и собакъ (послѣднія не очень честны), и сохраняются всегда въ цѣлости. Эти же честные люди бываютъ и безчестны, но всегда *косвенно*; напр. забираютъ въ долгъ, или подъ работу деньги и не уплачиваютъ ни тѣмъ, ни другимъ, хотя никогда не запираются въ долгѣ. Особенно сѣверные инородцы склонны къ надувательству, только поддайся.

— Гостепріимны и радушны. Всякій вошедшій въ юрту человѣкъ признается какъ-бы семьяниномъ этой юрты. Если хозяева ѣдятъ, ѣстъ и онъ; если пьютъ, пьетъ и онъ безъ всякаго различія; а если гость изъ другого аила,—снабжается притомъ и запасомъ (*азык*): у алтайцевъ — скотоводовъ бараниной, у сѣверныхъ—талканомъ. Если кому-либо изъ дѣтей дать ржаной сухарь, который цѣнится здѣсь ни какъ не менѣе конфекты, или кусокъ сахару, то получившій раздѣляетъ это лакомство между всѣми на мелкія части, и никогда съ жадностью не бросается.

— Въ спокойномъ состояніи кротки и услужливы, пока не стѣсняется ихъ свобода. Но быть слугами по найму они, хотя-бы и бѣднѣйшіе, ни въ какомъ случаѣ не желаютъ. Каждый скорѣе умретъ съ голоду, чѣмъ лишится свободы. Одно имя „слуга“ уже позорно въ ихъ глазахъ и употребляется вмѣсто брани. Если-жъ обстоятельства какъ-нибудь вовлекутъ въ услуженіе неимѣющаго ни родства, ни племени, то прислуживаютъ всегда не охотно и мстятъ за потерю свободы воровствомъ.

— Начальству покорны; къ старикамъ очень почтительны и уважительны. Дѣти не произносятъ имени своихъ родителей, какъ-бы считая себя не достойными этой чести. Жена своего мужа и также родныхъ всѣхъ его не называетъ по имени; въ юрту отца своего мужа далѣе порога ходить не смѣетъ, головы и ногъ передъ нимъ не обнажаетъ; изъ рукъ въ руки ничего ему не подаетъ, и наоборотъ, свекоръ свободно съ снохою не обращается, никогда съ нею не шутитъ, въ ея присутствіи непристойностей не

произноситъ и бѣжитъ отъ нея, когда увидитъ, что она чешетъ волосы, или разувается.

— Съ зайсанами и башлыками инородцы обходятся фамильярно: шапокъ не снимаютъ и въ юртахъ ихъ. Одинъ чубъ зайсана до того не прикосновененъ, что его никому въ руки взять нельзя даже и тогда, когда подстригаютъ ему волосы.

— Въ супружествѣ инородцы большею частію вѣрны, вообще не развратны и чрезвычайно чадолюбивы.

— Въ прихотяхъ своихъ ограниченны, малымъ довольны и въ перенесеніи голода терпѣливы.

Вотъ все, что можно сказать хорошаго объ инородцахъ, остальное или безразлично, или положительно худо. И именно:

Всѣ алтайцы очень лѣнивы и празднолюбивы: спать, ничего не дѣлать, глядѣть неподвижно въ землю и курить табакъ—составляетъ ихъ наслажденіе.

— Склонны къ пьянству, такъ что не пьютъ только тогда, когда нечего. Мущины и женщины, хотя-бы и съ грудными дѣтьми, заслышавъ *абыртку*, *камланье*, *байгу*, *байрамъ*, верстъ за 100 тащатся туда лѣтомъ верхомъ, а зимой на лыжахъ и пьянствуютъ день и цѣлую ночь до тѣхъ поръ, пока вся приготовленная арака истощится. Каждая оргія кончается непремѣнно дракою, при чемъ болѣе всего достается пьянымъ женамъ отъ пьяныхъ мужей.

— Нечистоплотны до *водобоязни*. Одежда никогда не моется и не провѣтривается, бань нѣтъ, купанье не терпимо. Посуда никогда не моется и съ каждымъ годомъ обрастаетъ новымъ слоемъ грязи. Руки не моются, въ промежуткахъ стряпни имъ дается свобода почесать больное мѣсто, погладить рану и проч. Въ пищу, исключая сѣверянъ, употребляется и павшая скотина.

— Женщины вынимаютъ груди и кормятъ ими своихъ дѣтей при всѣхъ; дѣвицы обнажаютъ ногу далеко выше колѣна и скутъ нитки тоже при всѣхъ безъ всякаго стыда.

— Всѣ непризнательны и неблагодарны ни за кое благодѣяніе; такъ что и слова *„благодарю“* нѣтъ въ ихъ языкѣ. Въ попрошайствѣ назойливы, но нищими (*тербезень*) не называются, и милостыни не просятъ и самые бѣднѣйшіе, а просятъ какъ подарокъ или для дружбы пособіе. За отказъ не обижаются.

— Въ гнѣвѣ бѣшены, но скоро успокаиваются; склонны къ отчаянію и самоубійству единственнымъ способомъ удавкою на лѣсинѣ.

— Легковѣрны ко всякой лжи; робки и суевѣрны.

— Къ животнымъ жестоки и безчеловѣчны, что обусловливается отвратительными мерзостями ихъ камланья и скотоподобнаго быта.

— И незнающіе русскаго языка ругаются неприличною русскою бранью; особенно коней на каждомъ шагу привѣтствуютъ этими скверными словами.

Свадебные обряды у южныхъ алтайцевъ очень замѣчательны и дышатъ мѣстной поэзіей. Молодой человѣкъ, задумавшій жениться, къ родителямъ избранной имъ дѣвицы посылаетъ сватовъ, нѣсколько человѣкъ. По прибытіи въ юрты, одинъ изъ сватовъ становится предъ отцомъ невѣсты на колѣни и говоритъ слѣдующую рѣчь: „Я пришелъ, преклоняя колѣни предъ порогомъ твоимъ; я пришелъ, кланяюсь вѣрѣ твоей; я пришелъ и радуюсь твоему житью-бытью; я пришелъ головы просить! Пусть сватовство будетъ подобно щекамъ неразлучающимся; пусть будетъ, какъ желѣзная кольчуга съ воротникомъ не разрывнымъ, пусть будетъ родство между нами, подобно слоямъ бересты, пусть будетъ, какъ шелковый шовъ! Я пришелъ просить черень для ножа, у котораго его нѣтъ. Назадъ тому девять колѣнъ война была; я пришелъ заключить миръ; пришелъ, радуясь твоему житью-бытью, пришелъ, чтобы сватовство было между нами. Какой отвѣтъ дадите?“.

Говоря такимъ образомъ, первый сватъ, не вставая съ колѣней, держитъ предъ отцомъ трубку, набитую табакомъ, обративъ ее къ нему чубукомъ; другой сватъ въ то-же время держитъ зажженную древесную губку, чтобы тотчасъ-же зажечь, когда отецъ протянетъ къ трубкѣ руку, чтобы взять ее. Это—всѣми принятый знакъ, что предложеніе непротивно и что сватовство непремѣнно состоится. Иногда случается, что этотъ знакъ подаютъ и не такъ скоро: отецъ ссылается на мать невѣсты, или что надобно посовѣтоваться съ братьями. Когда всѣ родные изъявятъ согласіе, тогда приступаютъ къ условію о количествѣ *калыма* (плата за невѣсту деньгами и скотомъ). Отецъ невѣсты, обращаясь къ первому свату, говоритъ: „гласъ мой глубокъ, и животъ мой широкъ!“ Сватъ соглашается на все безпрекословно, и трубка мира и согласія мгновенно задымится. Въ это время первый сватъ встаетъ съ колѣней, а другіе сваты, стоявшіе доселѣ неподвижно, проворно подносятъ *ташауры* съ кумысомъ и виномъ. Круговая чаша весело и скоро переходитъ изъ рукъ въ руки. Попировавъ приличное время, сваты прощаются столь-же высокопарными выраженіями, какъ и въ началѣ сватанья, и ѣдутъ къ жениху; передаютъ ему условія о родѣ и количествѣ калыма. Безъ пирушки, разумѣется, не обходится и у жениха.

Когда все будетъ готово, тогда назначаютъ день, въ который невѣста должна будетъ переѣхать къ жениху своему. Два молодыхъ человѣка (дружки) верхами подъѣзжаютъ къ юртѣ невѣсты; у каждаго изъ нихъ въ рукахъ по небольшой березкѣ, и къ нимъ прикрѣплена занавѣска. Подъ невѣсту подводится особая, осѣдланная лошадь. Эти дружки поѣдутъ по сторонамъ невѣсты, держа передъ нею укрѣпленную къ березкамъ занавѣсь до самой новой юрты ея жениха; во все это время она не должна видѣть ни дороги, ни новой юрты, прежде чѣмъ въ нее не войдетъ. Само собою разумѣется, что ее будетъ сопровождать большой поѣздъ.

Вотъ все готово къ отъѣзду. Юрта невѣсты биткомъ набита ея родными, подругами, знакомыми, любопытными. Отецъ и мать напутствуютъ ее благословеніями и наставленіями, какъ жить въ чужой семьѣ и проч. Потомъ входятъ въ юрту *семь* престарѣлыхъ калмыковъ, нарочито приглашен-

ныхъ для совершенія обряда „*Алгыш-сезъ*“, благословенія невѣсты, который состоитъ въ слѣдующемъ:

Невѣста кланяется въ землю передъ домашнимъ очагомъ, на которомъ въ это время непремѣнно долженъ горѣть огонь, потомъ въ ноги отцу и матери и говоритъ:

„Очи богатаго Ульгэня да видятъ меня;
Солнце и луна! Вамъ голова моя;
Семь старцевъ, благословите меня“!

1-й стар. Каан Кутайдын козі тызын!
Кары кыжінын алгыжі этсін,
Улу Кутайдын козі тыйзын!
Улу кыжінын алгыжі этсін!
Алдыннан ай чалызын;
Арханнан кунь чалызын!

Да коснутся тебя очи Господа Бога;
Да пріидетъ на тебя благословеніе стараго человѣка;
Да коснутся тебя очи Великаго Бога;
Да пріидетъ на тебя благословеніе великаго человѣка;
Спереди тебѣ пусть мѣсяцъ свѣтитъ;
Сзади пусть солнце освѣщаетъ!

2-й стар. Тӧн эрьгэ уін салгын.
Яба болзо, юртап—ятсын,
Кыргэнь уюн эңду болзын,
Таш очогын пэк болзын,
Одын чоокту болзын!

На высокомъ мѣстѣ поставь домъ твой.
Плотно утвердится доможительство твое.
Пусть житье твое будетъ красиво,
Каменный таганъ твой пусть будетъ крѣпокъ,
Огонь твой пусть будетъ неугасимъ!

3-й стар. Конгон эрін кокту болзын,
Талкан кулюн обо болзын,
Тепкень эрін теміръ-дый болзын,
Ордын ізю болзын,
Пасхан эрін байрамду болзын!

Стойбище твое пусть изобилуетъ пепломъ,
Какъ толокно, пусть будетъ зола у тебя.
Земля, тобою попираемая, пусть будетъ тверда,
Мѣсто жительства твоего пусть будетъ согрѣто,
Мѣстохожденіе твое пусть будетъ исполнено веселья!

4-й стар. Ятханын болзо узун болзын;
Яжін болзо, мӧнку болзын,
Юсь яш яжагын,

Сагыжін сенін омок болзын,
Тал чілап, корболоп-турзын,
Тару чілап, кулгалап-турзын,
Коозылу койдон коп болзын,
Балалу чайдан коп болзын!

Жизнь твоя пусть будетъ продолжительна;
Лѣта твои да будутъ безконечны;
Сто лѣтъ живи и здравствуй,
Умъ твой пусть будетъ веселъ;
Мысль твоя да будетъ свѣтла.
Подобно тальнику, развѣтвляясь, разростайся;
Какъ многостебелистое просо, становись,
Умножайся больше овцы многоягнятной;
Множься больше глухаря многочаднаго!

5-й стар. Алдны эдэгын бала пассын
Арт-кійнинэн мал пассын,
Кунадын-малын кулундап-турзын,
Тӧнӧдін малын тӧльдэп-турзын;
Яяла болзо, туулуп-ятсын,
Тӧбӧ эрьгэ малын куткин,
Албастан болзо, алып-тюргын,
Путпастан болзо, тудуп-тюрыгын.

На переднія полы твои чтобы дѣти наступали,
За подоломъ сзади пусть скотъ гонится;
Трехлѣтнія кобылы твои пусть жеребятся;
Четырехлѣтній скотъ твой пусть плодится;
Что только родится, пусть живетъ и плодится;
На холмистыхъ мѣстахъ паси скотъ твой,
Хотя-бы гдѣ и нельзя получать прибыли, получай;
Хотя-бы гдѣ и нельзя было изловлять звѣря, изловляй.

6-й стар. Яактуга айттырбагын,
Ярындуга пастырбагын,
Тепкень кыжіэ теміръ-дий болзын,
Ічкэнь ажін аш болзын,
Ічерь-тіірін коп болзын
Кійгэн кэбін кирленбезін,
Кіэрь кэбін коп болзын
Югурюк ат міньгын,
Адын болзо терлебезін,
Колын, архан уурабазын,
Колтыгын сыстабазын.

Щекастому не будь предана на злословіе,
Плечистому будь не одолима;

Противъ наступающаго на тебя будь крѣпка, какъ желѣзо;
Съѣденная тобою пища да будетъ питательна;
Хлѣба-соли пусть будетъ у тебя много;
Цвѣтное платье твое пусть не марается;
Ношеннаго платья у тебя пусть будетъ много;
На бѣгунахъ ѣзди;
Кони твои да не знаютъ устатка;
Спина твоя и руки да не болятъ;
Подмышки твои пусть не ноютъ.
7-й—стар. Кудаіӊ сені пектезін;
Кубалада сені яязын;
Кызына яяп берзін,
Коодына беріп—ятсын!
Богъ твой да укрѣпитъ тебя;
Да умножится потомство въ слѣдованіи заботою;
Создавъ чадъ твоихъ, въ красотѣ наслѣдственной еще да прибавитъ;
Къ блаженству ихъ пусть еще прибавитъ блаженства!

Послѣ произнесенія этого *Алгыш-сезъ* невѣста отправляется къ жениху. По прибытіи въ его юрту кланяется сперва огню, кладетъ въ него кусокъ мяса и кусокъ масла, также брызжетъ на огонь брагой, въ видѣ жертвоприношенія.

У сѣверныхъ алтайцевъ, большею частію, воруются невѣсты, какъ и у предковъ нашихъ—славянъ, которые тоже „съ игрищъ умыкаху женъ себѣ," и потому *Алгыш-сезъ* здѣсь нѣтъ. Женихъ, подговоривши невѣсту и получивъ отъ нея въ задатокъ платокъ, по взаимному условію пріѣзжаетъ за нею ночью на хорошемъ верховомъ конѣ, въ сопровожденіи холостыхъ молодыхъ людей. Скрывшуюся изъ родительскаго дома невѣсту подхватываютъ эти молодые люди, сажаютъ на подготовленнаго коня и мчатся въ улусъ жениха или къ ближайшимъ родственникамъ, а по утру приготовляютъ супружескій *одах*, состоящій изъ 9-ти длинныхъ, тонкоствольныхъ березокъ, примѣрно 10 арш. вышины, съ очищенными отъ комля сучьями, а наверху оставленными въ видѣ метелки. Вершины всѣхъ березокъ связываютъ веревкою, разводятъ комли въ разныя стороны, отчего и дѣлается остовъ юрты или шалаша подъ вѣнкомъ березовыхъ листьевъ. Остовъ этотъ покрываютъ берестой съ помощію веревокъ, оставивъ въ него входъ. Женихъ съ невѣстою входятъ въ этотъ *одах*. Первый, прежде всего, долженъ разложить здѣсь огонь, который никакъ нельзя заимствовать извнѣ одаха, а непремѣнно добыть здѣсь-же изъ огнива, причемъ замѣчается: въ одно-ли мѣсто искры прильнутъ къ труту, или не въ одно; послѣднее предвѣщаетъ скорое вдовство которой-либо половины изъ вступающихъ въ супружество. Пока женихъ высѣкаетъ огонь, невѣста, стоя въ двери одаха, одѣляетъ всѣхъ, пособляющихъ строить этотъ шалашъ, равно и всѣхъ тутъ присутствующихъ, по мѣдному кольцу. Для этихъ подарковъ дѣвицы съ малолѣтства запасаются кольцами и накопляютъ ихъ къ выходу въ замужество до сотни и болѣе. *Одах* или зеленая юрта стоитъ три дня, въ ней пребываютъ молодые безвыходно. По окончаніи 3 дней, бересту съ веревками снимаютъ, а остовъ относятъ въ чащу лѣса, приставляютъ къ дереву, гдѣ онъ и стоитъ до сгніенія. Огня изъ одаха никому нельзя позаимствовать.

Пиры по случаю вступленія въ супружество называются *байга*. Одна байга—главная празднуется у жениха, вокругъ одаха, и четыре у родителей невѣсты: 1) чрезъ 5—10 дней по украденіи молодая чета, въ сопровожденіи родныхъ мужа, съ большимъ количествомъ аракы, отправляется къ родителямъ молодой жены—*мириться* и договориться—сколько слѣдуетъ внести за украденную дочь *калыму*. Воровъ встрѣчаютъ съ плетью, которою хотя и не бьютъ, но стращаютъ. Богатый зять платитъ калымъ разомъ, бѣдный платитъ калымъ свой постепенно, иногда нѣсколько лѣтъ. Случается, что весь калымъ родители невѣсты отдаютъ за нею въ приданое, присовокупляя къ нему и отъ себя, изъ своего имущества, значительную часть. Въ пособіе уплаты калыма принято холостыми инородцами помогать бывшему своему сотоварищу до 1 руб. сер. Большому калыму однако-же нечего радоваться. Если жена, за которую внесенъ богатый калымъ, овдовѣетъ, то ея положеніе, особенно въ первой молодости, очень горестно. Несмотря на то, что женатые члены семейства живутъ каждый въ своей юртѣ, каждый располагаетъ своею полосою, засѣянною ячменемъ для насущнаго пропитанія, но только въ этомъ онъ и полновластенъ, прочіе-же доходы отъ промысловъ и другіе всѣ отдаются главѣ семейства. Такимъ образомъ вдова остается при одномъ ячменѣ и вѣчною невольницею своего свекора, купившаго ее какъ вещь, и который ни одной копейки не сбавитъ съ новаго покупателя, если бы таковой выискался. А такъ какъ калымъ дорогъ, то охотниковъ на вдову вовсе не находится. Счастье ея, если она имѣетъ возмужалаго холостого деверя, который часто, по древнему закону іудеевъ, возстановляетъ сѣмя брата своего. Супружества совершаются большею частію весною. Если невѣста выйдетъ прежде крика кукушки, то мировая байга отлагается до тѣхъ поръ, пока не закукукаетъ эта птица печали. 2) Чрезъ мѣсяцъ по выходѣ дѣвицы бываетъ табачная байга, на которой родные молодого мужа дарятъ родственниковъ жены папушами табаку. 3) Мясная байга съ приводомъ коровы или быка для закланія бываетъ у богатыхъ людей послѣ уборки хлѣба, у менѣе богатыхъ—чрезъ 1—2 года, а убѣдныхъ—когда случится. 4) На послѣднюю байгу приводится лошадь для пиршественнаго закланія. На всѣхъ байгахъ главную роль играетъ аракы, общая со всѣхъ сторонъ, отъ родныхъ мужа и жены и отъ гостей, изъ которыхъ каждый везетъ или несетъ на байгу этой живительной влаги по туесу (буракъ изъ бересты). На байгахъ пьютъ, поютъ, пляшутъ, играютъ и бѣгаютъ въ бѣга, выигрывая платокъ, халатъ или сапоги.

Естественное послѣдствіе супружескаго союза—*рожденіе дѣтей*. Оно происходитъ при стеченіи народа, крикахъ и ружейной стрѣльбѣ. Имя новорожденному даетъ глава семейства, большею частію одинаковое съ именемъ того,

кто первый войдетъ въ юрту послѣ разрѣшенія отъ бремени. Имена означаютъ какіе-либо предметы, напр.: *Мултык* — ружье, *Сары-баш* — желтая голова, и притомъ у южныхъ алтайцевъ—въ уменьшительномъ видѣ: *Позучак*—теленочекъ. У сѣверныхъ алтайцевъ много русскихъ именъ: *Ибанъ*, *Николай*, *Петрука*, *Педоръ* и проч. Если дѣти скоро умираютъ, то стараются дать имя какъ можно похуже, предполагая, что съ худымъ именемъ долго будетъ жить, напр., *Иткоден* (сабачья зад..ца).—Огня изъ юрты, гдѣ есть новорожденный младенецъ, не даютъ до 40 дней, а болѣе гоняющіеся за счастьемъ—и въ теченіе года.

Тѣла *умершихъ хоронятъ* различно: или кладутъ въ деревянные срубы, утвержденные сверхъ земли на 4-хъ столбахъ, или закапываются въ горы вмѣстѣ съ любимыми конями покойниковъ, или сожигаются, или наконецъ привѣшиваются на сучья деревъ, въ берестѣ. Покойники полагаются въ полной одеждѣ и шапкахъ, и всегда съ запасомъ въ мѣшечкѣ на дальнюю дорогу.

Леченіе болѣзней.

Хотя всѣ внутреннія боли, общее ослабленіе организма и упадокъ силъ алтайцы, преимущественно, лечатъ камланьемъ, но наружныя болѣзни, особенно у южныхъ алтайцевъ, лечатся и естественными средствами.

1) *Бородавки* (*сеолъ*) 1) мажутъ змѣиной кровью; 2) конскимъ потомъ; 3) показываютъ молодому мѣсяцу.

2) *Распоротый животъ* зашиваютъ волосами больного и присыпаютъ пепломъ изъ жженныхъ его-же волосъ.

3) *Къ выпадку, ногтоѣдѣ* (*уркэнъ*) 1) привязываютъ соли; 2) человѣчій калъ, смѣшанный съ куринымъ и порохомъ; 3) разрѣзавъ брюхо живой курицы, держатъ во внутренности ея больной палецъ, пока не умретъ курица.

4) При *водяной болѣзни* (*кообур*) 1) на многихъ мѣстахъ сожигаютъ такъ называемое *ядно* (*теонъ*), т. е. кусочекъ трута или сердцевины изъ бузины; 2) пьютъ свѣжую кровь небольшаго сѣраго звѣрка *ялман*, который водится по р. Чуѣ; у него заднія лапы на 4 вершка длиннѣе переднихъ, что и способствуетъ ему сосать овецъ.

5) *Венерическія* боли (*кырыспаалу*, *яман паалу*, *кезім*) лечатъ 1) парами киновари, 2) мазью изъ яри, 3) бобковымъ масломъ, 4) сулемою и 5) синимъ купоросомъ.

6) При *глазныхъ* боляхъ 1) наскобливъ стружекъ съ пера изъ крыльевъ птицы *тас-куш*, варятъ ихъ въ коровьемъ маслѣ и мажутъ глаза; 2) порошекъ изъ перламутра съ краснымъ отливомъ (*тынду-тана*); 3) въ гнѣздѣ птицы ремеза находятъ намерзшія сосульки и, растаявъ ихъ, пускаютъ въ глаза.

7) Отъ *грыжи* пьютъ свѣжую кровь куропатки.

8) При *запорѣ* пьютъ коровье масло.

9) При *занозѣ*, скрывшейся въ тѣлѣ, 1) привязываютъ къ ранѣ годовалаго заячьяго сала, которое и вытягиваетъ конецъ занозы наружу, или 2) прикладываютъ къ ранѣ мозгъ, вынутый изъ сырой кости козла; 3) за неимѣніемъ же сала или мозга, употребляется и заячья кожа.

10) Въ *желтухѣ* купаются въ минеральныхъ водахъ, находящихся въ верховьяхъ рр. Катуни и Архыта.

11) При *змѣевикѣ-нарывѣ*, подобнымъ большему закожному чирью, красномъ и жесткомъ (*ділан каразы*) 1) дѣлаютъ *пыштак*—родъ творога изъ свареннаго, заквашеннаго простоквашею молока, и горячимъ припариваютъ до 3-хъ разъ въ день, отчего опухоль смягчается и прорывается; 2) привязываютъ размоченную змѣиную кожу, которую часто находятъ весною въ камняхъ, или нарочно сдираютъ съ живой змѣи, на что алтайцы—великіе художники. Обыкновенно въ этомъ случаѣ наступаютъ ногой на голову змѣи и, отдѣливъ ногтемъ кожу вокругъ шеи, въ одно мгновеніе сдираютъ всю, какъ чулокъ.

12) При *изжогѣ* (*сару*) 1) пьютъ круто насоленную воду, или 2) выпивъ стаканъ крѣпкаго вина, поспѣшно бросаются на приготовленный шестъ и, перевѣсившись на немъ внизъ головой, стараются произвести рвоту, помогая скорѣйшему дѣйствію щекотаніемъ въ горлѣ пальцемъ.

13) При *кашлѣ чахоточномъ* пьютъ кровь куропатки.

14) При *ломотѣ костей* 1) берутъ гнѣздо и пометъ выхухоля и, разваривъ въ водѣ, дѣлаютъ припарку; 2) если съ ломотою соединена и опухоль, припариваютъ травою василисникомъ (Thalictrum).

15) При *кровотеченіи* изъ свѣжихъ ранъ присыпаютъ пепломъ собственныхъ волосъ больнаго; при кровотеченіи изъ носу и рта—трясутъ сильно больнаго и поятъ крѣпкимъ виномъ.

16) При *мозоляхъ* (*кату кокчок*) употребляются тѣ-же средства, что и при занозѣ (см. 9).

17) *Молочница* у дѣтей (*амру*) есть неизбѣжная болѣзнь въ Алтаѣ, какъ оспа, поражающая даже и 8-ми-лѣтнихъ. Вѣроятно, это отпрыскъ венерическаго яда. Въ слабой степени ея: 1) мажутъ медомъ, но если это не помогаетъ, или болѣзнь, скрывшись на время, впослѣдствіи опять открывается, то кладутъ на темя головы *ядно* и зажигаютъ; ядно, сгорая, вытягиваетъ болѣзненный ядъ и, догорѣвъ до тѣла, вскакиваетъ вверхъ съ трескомъ на подобіе слабаго выстрѣла; средство это повторяется до тѣхъ поръ, пока ядно не будетъ привскакивать; 2) если-же и это не приноситъ пользы, то отыскиваютъ въ трухломъ тальникѣ бѣлыхъ червячковъ (велич. около $^1/_2$ вершка), и, раздавивъ ихъ, мажутъ во рту больнаго; 3) если-же болѣзнь застарѣла и упорна, то вырѣзываютъ изъ живой овцы сердце и горячее и еще бьющееся влагаютъ, на сколько возможно, въ ротъ.

18) *Наружныя болѣзни* всѣ вообще и даже глазныя, равно какъ и сухотку, лечатъ горячими внутренностями домашнихъ животныхъ, звѣрей и птицъ, избирая то или другое, смотря по величинѣ больной части и удобству, а не по свойству болѣзней или животныхъ. Разрѣзавъ у живаго жи-

вотнаго или птицы внутренность, тотчасъ влагаютъ больной членъ и держатъ, пока не остынетъ. Послѣ этой животной припарки берегутъ больное мѣсто отъ простуды.

19) При *ожогѣ* (*куюк*) или 1) употребляются тѣ-же средства, что и противу занозы (см. 9) или 2) мажутъ обожженное мѣсто медомъ, или 3) покрываютъ нетопленнымъ коровьимъ саломъ.

20) При *ознобленіи* (*ужук*) употребляются тѣ-же средства, что и противу занозы (см. 9).

21) *Опившимся вина* (*аракаа купъ-яттан кыжілер*) зимою кладутъ на грудь и подошвы ногъ снѣгъ или ледъ, а лѣтомъ безчувственно-пьяныхъ сажаютъ въ холодную воду; внутрь-же даютъ молоко со снѣгомъ и просѣянною золою.

22) Парши (*коодур*) лечатъ мазью изъ сурковаго сала, соли и сажи.

23) При *переломахъ костей* (*пертык, сынык*), 1) обвязавъ чѣмъ-нибудь переломленный членъ, даютъ больному ѣсть небольшую частицу корня таинственной травы *одѳлен* (огненная трава), которую рѣдкіе знаютъ и мало находятъ. Раненые или отравленные звѣри будто-бы вырываютъ корни этой травы, ѣдятъ и выздоравливаютъ. Судя по сказаніямъ инородцевъ, можно догадаться, что *одѳлен*, если дѣйствительно существуетъ въ природѣ, а не въ воображеніи только, принадлежитъ къ семейству Aconitum; 2) пьютъ вареный рыбій клей; 3) ѣдятъ порошекъ красной мѣди.

24) При *поносѣ* 1) ѣдятъ березовый уголь, 2) порошокъ изъ пережженой не жирной говядины.

25) При *порѣзахъ* (*кэзік*) употребляютъ: 1) тѣ-же средства, что и противу занозы (см. 9); 2) мазь изъ пера птицы *тас-куш*, свареннаго въ коровьемъ маслѣ такъ-же, какъ и для глазной болѣзни (см. 6); 3) мазь изъ сваренныхъ въ коровьемъ маслѣ иголъ ежа; 4) присыпаютъ пепломъ изъ сожженнаго гнѣзда ремеза; 5) мажутъ яйцомъ этой птицы и 6) прикладываютъ листья мягкой травы бархатника, цвѣтъ которой, выходящій сейчасъ по стаяніи снѣга, извѣстенъ подъ именемъ синей *медуницы*.

26) Раны заживляютъ: 1) таинственная трава *тынду-тунта* или *карагедо*, которая будто-бы цвѣтетъ зимою и лѣтомъ, имѣетъ корень трехцвѣтный: красный, желтый и бѣлый, какъ молоко; *тынду* она называется потому, что если корень оторвать, то она застонетъ; 2) мажутъ раны кровью птицы *тело*, которая величиною съ беркута; голова бѣловата, шея пепельнаго цвѣта, спина черная, брюхо желтоватое, хвостъ долгій, вьетъ гнѣздо на неприступныхъ утесахъ. Кромѣ крови и перья ея цѣлебны, и потому продаются въ Китаѣ по 1 р. 50 коп. серебр. за перо.

27) При боляхъ *спины* и *поясницы* пьютъ корень потнишной травы *кагаэлен*. Это—лилейное растеніе, цвѣтъ его — большой, тюльпановидный, желтый колокольчикъ.

28) При *укушеніи змѣи* 1) жгутъ на ранѣ *ядно*; 2) припариваютъ печеной горячей рыбой, какая случится.

29) Укушенныхъ *бѣшенными животными* заставляютъ по три дня не-

престанно обнимать стоячія деревья, по 100 деревъ въ день, или поцѣловать 400 человѣкъ, т. е. принуждаютъ къ сильному тѣлодвиженію.

30) *Угри* (*патха*) моютъ соленою водою.

31) При *ушныхъ* боляхъ 1) влагаютъ въ больное ухо бьющееся сердце, только-что вырѣзанное изъ живой овцы; 2) намазавъ бумагу саломъ, свертываютъ ее въ воронкообразную трубку и, узкимъ концомъ наставивъ въ ухо, верхній широкій зажигаютъ.

32) *Чесотку* (*ель-курты*, воздушный червякъ) 1) натираютъ распаренными на огнѣ, молодыми вѣтвями тальника и 2) нагрѣтою волчьею кожею.

33) *Чирьи* (*чіікан*) и *опухоли* (*тыжік*) 1) прижигаютъ *ядномъ*; 2) припариваютъ *пыштакомъ* (см. 11), 3) кладутъ на чирьи живую лягушку и держатъ до тѣхъ поръ, пока не умретъ; 4) заколовъ какую-либо скотину, скоро вынимаютъ сердце и, раскусивъ поспѣшно, прикладываютъ къ худому чирью *ямаш-паалу*; 5) противъ золотушнаго чирья (*туюк-паалу*) употребляютъ лиственичную сѣру, намазываютъ ее на тонкую кожицу; 6) прикладываютъ накаленнымъ острымъ желѣзомъ, котораго конецъ, въ отвращеніе глубокаго прокола, пропускается сквозь дощечку.

ПРЕДАНІЯ.

А) Религіозныя.

1) О сотвореніи міра.

Когда еще не было ни неба, ни земли, былъ одинъ Ульгэнь (по-ойротски—Кубустан—Аакай). Онъ носился и какъ-бы трепеталъ надъ безбрежнымъ моремъ, распростершись, подобно нетопырю, и не имѣлъ твердаго мѣста, гдѣ-бы стать. Тогда ощутилъ онъ голосъ внутри себя: „*алдында тут, алдында тут*—впереди хватай, впереди хватай", и произнесъ эти слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ, простерши руку, охватилъ передъ собою. И вотъ попался ему камень, высунувшійся изъ воды. Онъ сѣлъ на этотъ камень, продолжая произносить: „*алдында тут, алдында тут!*" и думалъ, что творить и какъ творить. Вдругъ изъ воды выходитъ *Аг-эне* (бѣлая мать) и говоритъ: „что придетъ тебѣ на мысль творить, скажи только: *этътым, пютъты-деп* — сдѣлалъ, свершилось, такъ и будетъ; а не говори: *эткэнім, пютнеры-деп*, что я дѣлалъ, то-бы не свершилось". Сказавъ это, *Аг-эне* скрылась и болѣе никогда никому не являлась. Поэтому-то Ульгэнь, создавъ людей, далъ имъ повелѣніе: „*Бар немены, јок-деп айтана, барды-јок тэгэнь, јок болор*—о томъ, что есть, не говори: „нѣтъ"; если-же скажешь: „нѣтъ того, что есть", то и не будетъ".

Ульгэнь ощутилъ въ себѣ мысль и произнесъ: „*Э! јэръ пютсін, јэръ пютсін!* О! сотвори землю, о, сотвори землю!" И земля сотворилась. Ульгэнь, продолжая произносить: „*алдында тут, алдында тут*"! взглянувъ вверхъ, произнесъ: „*Э! Тенгере пютсін!*—О! Сотвори небо"! и по слову его небо

сотворилось. Ульгэнъ все продолжалъ говорить: *„алдында тут, алдында тут“*! и твердилъ эти слова до окончанія созданія всѣхъ тварей. И слова эти: *„алдында тут“* впечатлѣлись (*пюдюп калды*) въ человѣкѣ. Поэтому-то человѣкъ не ходитъ задомъ, не беретъ назади, и все дѣлаетъ передъ собой, а не позади себя.

Такимъ-же образомъ Ульгэнъ создалъ въ морѣ три великія рыбы и утвердилъ на нихъ землю. Двѣ изъ рыбъ поставлены по краямъ, а одна въ срединѣ подъ землею. Эта средняя стоитъ головою къ сѣверу; когда она склоняетъ голову книзу, тогда на сѣверѣ дѣлаются топи; если-же она сильно приклонитъ голову, то утопитъ всю землю. Подъ жабры ея захваченъ крюкъ съ арканомъ, котораго конецъ протянутъ на небо и тамъ завитъ на трехъ столбахъ такъ, чтобы можно было, перепуская съ одного на другой, подтягивать вверхъ или опускать внизъ голову рыбы. Этимъ дѣломъ управляетъ богатырь Ульгэня *Мандышіре*. Когда онъ спуститъ конецъ аркана съ одного столба, то земля склоняется къ сѣверу и дѣлаются топи, а еслибы перепустилъ со втораго, то вся земля утонула-бы, какъ это было при всемірномъ потопѣ.

Во все продолженіе творенія міра Ульгэнъ пребывалъ на золотой горѣ, на которой сіяетъ солнце и луна—*ай кунъ тійэнъ алтын ту*. Эта гора съ неба навѣсилась надъ землею, и до земли не достаетъ только на человѣческое колѣно.

Твореніе міра продолжалось шесть дней. Въ эти дни Ульгэнъ творилъ, а седьмой день спалъ; въ восьмой день всталъ. Поэтому предки алтайцевъ ойроты въ седьмой день утромъ совершали моленіе; мужчины и женщины, умывъ лицо и руки, прежде начатія дѣла, а матери, не кормя дѣтей грудью, вставали лицомъ къ востоку; мужчины, преклонивъ оба колѣна и держа обѣ руки назади, покланялись до земли и произносили: *„Пуодоміиэ бурханым“*, а женщины, ставъ на лѣвое колѣно и держась правою рукою за правую косу, покланялись также до земли и произносили: *„Теэдыміиэ Кутаім!“*

Предъ моленіемъ клали аржанъ на огонь и мѣдную кадильницу (*сеангсалыыш*), утвержденную на четыреножникѣ, вышиною въ поясъ. Когда грамотность въ народѣ стала исчезать, это исполняли только старшіе и то не въ каждой юртѣ; нынѣ-же исполняется это у южныхъ алтайцевъ только одинъ разъ въ году, въ общемъ собраніи, послѣ весенняго грома, на высокой какой-нибудь горѣ, брызгаютъ во всѣ четыре стороны коровьимъ молокомъ и кланяются.

2) Обширность мірозданія.

Кромѣ нашего солнечно-луннаго міра есть еще 99 міровъ, имѣющихъ свое небо, свою землю и свой адъ. Въ каждомъ мірѣ свои управители и на каждой землѣ созданы люди. Главный и высшій изъ всѣхъ міровъ называется *кан-курбустан-теңере*. Управитель въ немъ, поставленный отъ Ульгэня,—*Маңызын-маmмас-бурхан*. Земля въ этомъ высшемъ мірѣ называется

алтын телеңэй. Адъ сего міра—*маңыс-точірі-таамы*; главный управитель его—*Паптан-кара*. Средній изъ 99 міровъ называется *эзреэнъ курбустан теңере*. Главнымъ управителемъ тамъ поставленъ *Бiлыыйн-кере-атту-Тюрун-музыкай-буркан*. Земля средняго міра—*алтын шарка*; адъ, къ ней принадлежащій,—*тюпкенъ-кара-таамы*; управитель его—*Паптан-каракчі* (губитель). Нашъ міръ—самый меньшій и самый низкій, *кара теңере* (черное небо). Главный управитель въ немъ—*Майдере*. Наше небо имѣетъ 33 круга или слоя, одинъ выше другаго. Принадлежащій нашей землѣ адъ называется *тяптан-кара-тэш*. Главный управитель въ немъ—*Керей-хан* (лютый).

3) О происхожденіи Эрлика и другихъ разумныхъ существъ.

Когда человѣка еще не было, Ульгэнъ усмотрѣлъ на морѣ плавающую, какъ льдину, массу земли и на ней приросшій слой глины, похожій на остовъ человѣка. Ульгэнъ снялъ этотъ слой глины, какъ-бы отстригнувъ ножницами отъ плавающей массы, и сказалъ: „что это такое бездушное? Пусть это будетъ чековѣкъ!“ И стало такъ. Ульгэнъ назвалъ эту первую разумную тварь свою *Эрлік* (мужественный) и оставилъ его. Остальная масса, отъ коей взятъ станъ *Эрліка*, сдѣлалась великою рыбою. Ульгэнъ назвалъ ее *пелъ* (таймень). *Эрлік*, осмотрѣвшись, отыскалъ Ульгэня и былъ сначала его товарищемъ и меньшимъ братомъ, а послѣ сталъ съ нимъ равняться и даже возвышаться мыслію предъ нимъ и съ завистью помышлять: „ахъ, какъ-бы я такія-же твари, какъ я, создалъ или еще лучшія!“ И все больше и больше отдалялся онъ отъ Ульгэня сердцемъ и охладѣвалъ и, наконецъ, сдѣлался противникомъ и врагомъ Ульгэню и всѣмъ его тварямъ. На мѣсто Эрлика Ульгэнъ создалъ себѣ другаго товарища, богатыря *Маңдышіре* (*маңбѣгъ*, быстрота, *шіре*-престолъ), чтобы онъ всегда былъ съ нимъ и противоборствовалъ Эрлику. Для созданія *Маңдышіре* Ульгэнъ извлекъ изъ камня сокъ, изъ котораго сдѣлалъ металъ-*кулер* (смѣсь чугуна съ серебромъ) и устроилъ изъ него остовъ *Маңды-шіре*, крѣпчайшій камня.

Кромѣ *Эрлика* и *Маңды-шіре* Ульгэнъ сотворилъ множество другихъ слугъ себѣ, поселенныхъ въ другихъ мірахъ. Въ нашемъ мірѣ, на нашей планетѣ, онъ сотворилъ вдругъ семь человѣкъ мужескаго пола и столько-же деревъ. Кости человѣка созданы изъ камыша, а тѣло изъ глины. Устроивъ остовъ человѣка, Ульгэнъ дунулъ въ уши и носъ,—и человѣкъ сталъ живъ и разуменъ. Когда онъ дунулъ въ уши, тогда душа вошла, а когда дунулъ въ носъ—умъ вошелъ. Сотворивъ такимъ образомъ семь человѣкъ и, не отходя отъ мѣста творенія, Ульгэнъ обратился къ восточной сторонѣ, гдѣ находится золотая гора (*Алтын-ту*), создалъ еще одного мужчину и одно дерево и поставилъ на золотой горѣ лицемъ на западъ. Прежде, нежели вдунуть въ этого восьмаго человѣка душу и умъ, Ульгэнъ сказалъ ему: „что я сотворю, доброе-ли, худое-ли, ты надъ всѣмъ властвуй: кому умереть съ голоду, ты знай; кому съ сытости умереть, ты знай; кому боль-

нымъ быть, ты знай“.—Создавъ 8 человѣкъ и 8 деревъ, Ульгэнь впродолженіе 7 лѣтъ оставилъ ихъ безъ наблюденія. Послѣ-же этого времени, посмотрѣвъ, увидѣлъ, что какъ было 8 человѣкъ, такъ и есть, а на 8 деревьяхъ выросло по семи отраслей, въ каждый годъ по одной, и сказалъ: „почему это такъ: дерево множится, а человѣкъ нѣтъ?“ Тогда восьмой человѣкъ, поставленный на золотой горѣ, отвѣчалъ: „*Тыжізы* (*тыжі* значитъ: *скважина* и *женщина*) (*ойхто нюдэн эссін; не кöп болзын?*—Изъ чего вырости, когда скважины нѣтъ; какъ множиться?“ Ульгэнь сказалъ: „при сотвореніи тебя я говорилъ: ты знай, ты знай; кому голоднымъ быть, ты знай; кому рости, ты знай; доброе ты знай и худое ты знай; теперь ты иди къ остальнымъ семи, а я за тобой прійду чрезъ три дня“. Когда восьмой пришелъ къ семи, сказалъ самъ въ себѣ: „*мені Ульэнь сень біль, сень-біль-теньэнь, эмды мень біле-дым*—мнѣ Ульгэнь говорилъ: ты знай, ты знай, теперь-же я буду знать, что дѣлать“. И началъ твореніе женщины такъ-же, какъ Ульгэнь творилъ его самого: изъ камыша—кости, изъ глины—тѣло. Но когда составъ этотъ сталъ у него раскалываться и разваливаться, тогда онъ сорвалъ траву *эрын-элэн*, измялъ ее въ рукахъ и, держа въ ладоняхъ, дунулъ въ нее,—сдѣлалась змѣя, которою онъ и обвилъ творимый составъ, чтобы не развалился. Въ это время пришла посланная отъ Ульгэня собака съ письмомъ въ зубахъ. Восьмой, взявъ письмо, прочиталъ: „*Сенін ады Майдере болзын оачонын бажін сень бікъ.* Будь имя твое *Майдере*; всѣмъ ты завѣдывай“. На третій день, когда шелъ Ульгэнь къ Майдере и когда устроенная послѣднимъ женщина была еще бездушною, Майдере поспѣшалъ на-встрѣчу къ Ульгэню, препоручивъ собакѣ стеречь свое твореніе. Эрликъ того и ждалъ только: пришелъ къ этому неоконченному творенію, дунулъ въ носъ изъ желѣзной трубы о *семи* ладахъ (*тэты косьту темір чогур*) и въ оба уха дулъ, играя на желѣзномъ музыкальномъ инструментѣ о 9-ти язычкахъ (*тогус тільду темір комус*), и вложилъ, такимъ образомъ, душу и умъ въ сего человѣка женскаго пола; но человѣкъ этотъ былъ не таковъ, какъ должно быть человѣку: душа злобна, какъ змѣя, и всегда на 7 ладовъ, умъ — на 9 разноголосыхъ языковъ и вдобавокъ — тѣло смрадное.

Майдере, не зная этого происшествія, встрѣтивъ Ульгэня, сказалъ: „ты мнѣ говорилъ: ты знай, ты знай, и по надеждѣ на это я сотворилъ человѣка-женщину, но души еще нѣтъ въ немъ; я пришелъ спросить: велишь-ли ты творить или нѣтъ?“ Ульгэнь сказалъ: „иди скорѣе, бѣги назадъ“. Майдере возвратился и, видя человѣка своего уже одушевленнымъ, сказалъ своему приставнику: „собака, такъ собака и есть! Зачѣмъ ты допустила Эрлика? Какъ онъ обманулъ тебя?“ Собака отвѣчала: „Эрликъ сказалъ мнѣ:

Яйгыда суга катпас
Кышхыда суука тонбос
Тон берсін;
Яайтаін элебесь

Такалу эдюк береін,
Таамду аш береін,
Аштап торо ульбесін,
Тоюп семіре бербесін“.

„Я дамъ тебѣ шубу, которая лѣтомъ отъ воды не будетъ ссыхаться, зимою отъ стужи не будетъ мерзнуть; дамъ тебѣ обувь съ подковками, которая никогда не износится; дамъ вкусную пищу, при которой, и голодая, не умрешь, и насыщаясь, не будешь жирна“.

Майдере сказалъ на то: „шуба, которую обѣщалъ тебѣ Эрликъ, это—шерсть, которая выростетъ на шкурѣ твоей; обувь съ подковками—это будутъ когти на лапахъ твоихъ; вкусная пища, которой ты рада будешь отъ голода, это—будетъ всякая худая пища“, и, проклиная собаку, Майдере прибавилъ: „питайся-же ты человѣческимъ пометомъ, изношенною и брошенною обувью, падалью и т. п.; человѣческой пищи тебѣ не будетъ отселѣ, и не живи съ этого времени въ жилищѣ человѣка, будь за дверьми его и карауль снаружи; пусть человѣкъ бьетъ тебя, а ты не смѣй его оставить; если-же ты предъ нимъ провинишься, то смерть тебѣ—удавка“. По слову Майдере такъ и стало, а прежде собака жила и ѣла все вмѣстѣ съ человѣкомъ и не имѣла ни шерсти, ни когтей, понимала ясно слова человѣка и сама могла ясно передавать человѣку свои мысли и чувства.

Потомъ Майдере призвалъ 7 мужей и, представивъ имъ одушевленную Эрликомъ женщину, сказалъ: „кто изъ васъ возьметъ эту женщину?“ Всѣ молчали, Майдере сталъ спрашивать по одному и, взявъ одного изъ семи за руки, подвелъ къ женщинѣ. Но подведенный сказалъ: „образъ этого человѣка иной и духъ отъ него иной, худой, несносный“. Майдере подвелъ другаго, и этотъ сказалъ почти то-же; потомъ—третьяго, и онъ отказался. Отказавшись, эти трое немедленно бѣжали и скрылись.

Между тѣмъ пришелъ Ульгэнь и изъ числа четверыхъ оставшихся мужей одного назвалъ *Тарын-Нама* и, взявъ изъ обоихъ боковъ его по двѣ реберныхъ косточки, тутъ-же сотворилъ изъ нихъ живую жену, назвавъ ее *Мунтюшайді*, и отдалъ *Тарын-Намъ*.—Потомъ Ульгэнь сказалъ всѣмъ живымъ существамъ: „кому какія травы, мхи, ягоды и другіе плоды нравятся, тотъ то и ѣшь“. А Майдере сказалъ ему: „что захочешь творить, скота-ли, звѣрей-ли, людей-ли, или что иное, меня не спрашивай, самъ твори“, и ушелъ на золотую гору Алтын-ту, предварительно давъ имена изъ остальныхъ трехъ мужей одному—*Тідым-міне-бурхан*, другому—*Шілы-мене-бурхан* и третьему—*Топшун-бурхан*, оставивъ ихъ при себѣ писарями и помощниками.

Ульгэнь отправился также на золотую гору и видитъ тамъ сидящихъ и читающихъ его книги трехъ мужей, которые убѣжали сюда, не стерпѣвъ худаго запаха женщины, оживленной Эрликомъ. Они такъ обложили себя книгами, что головъ ихъ не видно было. Ульгэнь полюбилъ ихъ и, замѣтивъ, что одинъ читаетъ лучше другихъ, сказалъ ему: „пусть имя твое

будетъ *Тепкара*; ты будешь хранить души умершихъ и, не давая ихъ Эрлику, будешь караулить до конца вѣка". Другаго изъ нихъ назвалъ *Шанг-дімы* и сказалъ: „ты будешь хранителемъ дѣтей человѣка и животныхъ; будешь ихъ учить сосать, чтобы сосущій не захлебывался молокомъ; будешь хранить птенцовъ у птицъ и вразумлять къ воспитанію не могущихъ ѣсть траву; будешь пьяныхъ людей сберегать, устарѣлыхъ и дряхлыхъ хранить отъ паденія; ты будешь вразумлять людей на доброе и отвращать мысли ихъ отъ зла". *Шанг-дімы*, исполняя свою должность, научаетъ людей, между прочимъ, такъ: „если тотъ, кому ты долженъ, умретъ,— не радуйся, что онъ умеръ и не думай, что ты освободился отъ долга и что умершій не можетъ взыскать долговъ. Если онъ во грѣхахъ умретъ, то Тепкара пошлетъ тебя къ умершему грѣшнику на расплату въ *алтыны ороніо* (преисподній міръ), гдѣ онъ будетъ находиться; а если заимодавецъ былъ праведникъ, и душа его взята будетъ изъ *арунъ сюдюнь* (мѣсто, гдѣ жили первые люди, гдѣ хранятся души умершихъ до общаго суда) въ *кумюнь* (мѣсто, окружающее *Алтын-ту*, на—верху которой находится престолъ Ульгэня), то Тепкара и туда пошлетъ тебя на расплату; но дойти туда не сможешь,—путь туда чрезъ топи и болота; ты будешь тонуть и мучиться, и когда, утопая въ болотахъ, будешь лежать, въ тебя вопьются и будутъ сосать тѣло твое *сары маныс сорор* (желтые, быстро скачущіе гады, вѣроятно, саранча)". Третьяго мужа Ульгэнь назвалъ *Поудо-Сонко* и сказалъ ему: „когда будутъ войны, ты тамъ будь; кто понадѣется на свои силы и будетъ выходить противъ слабыхъ съ гордостію, того дѣлай побѣжденнымъ, а кто съ надеждою на Бога выходитъ, хотя и безсильный, тому помогай и дѣлай побѣдителемъ. Торговыхъ людей и другихъ проходящихъ сохраняй отъ разбойниковъ; промышленниковъ защищай отъ лютыхъ звѣрей; плавающихъ людей сохраняй отъ рыбъ и морскихъ чудовищъ и всѣхъ людей сберегай отъ напастей и бѣдъ. Злыхъ людей отмѣчай: у лжеца на концѣ языка утверждай ячменное зерно; на верхушкѣ головы вора ставь зажженную свѣчу".

4) Ссылка Эрлика, его нападенія на человѣка; виновность человѣка и осужденіе.

Майдере велѣлъ своимъ помощникамъ написать и отнести къ Эрлику приказъ: „приди и самъ возьми твою женщину и уйди съ нею и народомъ ея прочь отсюда, а если не возьмешь, то ее и тебя сошлю въ землю, лежащую между двумя морями, гдѣ не свѣтитъ солнце и не доходитъ свѣтъ луны". Шілы-міне отнесъ этотъ приказъ. Эрликъ отвѣтилъ: „Развѣ я сотворилъ этого человѣка? Я только пробовалъ, что̀ будетъ съ нимъ, если я дуну въ него; дунулъ,—и онъ ожилъ, а сотворилъ его не я, а потому и не беру его. Пусть Ульгэнь отдастъ мнѣ изъ сотворенныхъ имъ другого человѣка, тогда я согласенъ взять". Майдере, получивъ такой отвѣтъ Эрлика,

собралъ всѣхъ людей, народившихся отъ жены, одушевленной Эрликомъ, и прогналъ ее со всѣмъ домомъ и самого Эрлика въ землю, находящуюся между двумя морями, гдѣ не свѣтитъ ни солнце, ни луна.

Хитрѣйшій Эрликъ возвратился изъ мѣста заточенія подземнымъ путемъ и, вышедши на поверхность земли къ людямъ, хотѣлъ сдѣлать *опкуруй* (махъ, какимъ ловятъ рукою мухъ) и схватить души живущихъ людей и унести. Но Ульгэнь, предвидя это, прежде его пришелъ въ *арууньсюдюнь* къ людямъ и громко воскликнулъ: „*кый!*" и этимъ однозвучнымъ, единократнымъ кликомъ назвалъ всѣхъ по имени такъ, что всѣ услышали, и всѣ въ одинъ разъ откликнулись ему: „*А!*" Ульгэнь протянулъ руку и за одинъ махъ схватилъ въ горсть свою души всѣхъ людей, сдѣлавъ *опкуруй*, и унесъ на Алтын-ту. Эрликъ, пришедши съ намѣреніемъ взять души людей, видитъ, что всѣ онѣ уже въ рукахъ Ульгэня, и не могъ завладѣть никѣмъ. Ульгэнь, опять пришедши на Алтын-ту, въ сопровожденіи Майдере, проклялъ Эрлика, сказавъ: „Пусть слуги Эрлика ни умножаются, ни уменьшаются до конца вѣка." Эрликъ, возвратясь ни съ чѣмъ и видя, что его народъ не прибываетъ, въ конецъ озлобился за то на Ульгэня, пришелъ опять въ его міръ и на каждомъ деревѣ и плодовитомъ растеніи къ находящимся плодамъ прибавилъ на-половину своихъ такихъ-же плодовъ, сказавъ: „кто мои ягоды будетъ ѣсть, тотъ меня будетъ ѣсть, и я буду входить въ того человѣка". Кромѣ того Эрликъ произрастилъ одно дерево съ плодами и сказалъ: „Сколько людей ни ѣли-бы плодовъ съ моего дерева, всѣ будутъ мои". Майдере, пришедши отъ Ульгэня съ Алтын-ту чрезъ три года посмотрѣть людей, видитъ, что всѣ деревья повреждены Эрликомъ и что насаждено имъ новое его дерево, началъ призывать собаку, но собака не слушалась. Майдере самъ пошелъ звать своихъ псарей и, не дойдя еще до нихъ, вскричалъ,—они тотчасъ явились. При ихъ помощи Майдере согналъ со всѣхъ деревьевъ, насаженныхъ въ видѣ плодовъ, слугъ Эрликовыхъ и, взявъ посаженное имъ дерево, вмѣстѣ съ нимъ прогналъ всѣхъ въ ихъ мрачную страну, между двумя морями. Предъ этимъ происшествіемъ, Майдере приказалъ змѣю, чтобы онъ хранилъ его чернильницу, заткнувъ собою. Прогнавъ-же Эрлика со слугами и возвратясь, Майдере нашелъ, что змѣй лежитъ, какъ и прежде на отверстіи чернильницы; но, посмотрѣвъ въ нее, увидѣлъ, что она пуста и спросилъ змѣя: „Кому ты отдалъ чернила?" Змѣй сказалъ: „Жена Таргын-намы взяла, сказавъ, что ты приказалъ взять". Майдере, призвавъ жену Таргынову, спросилъ: „Ты-ли взяла чернила?" Она отвѣчала: „Мужъ мой велѣлъ взять по твоему приказанію, и я взяла и отдала ему". Майдере спросилъ Таргына, и этотъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, жена сама мнѣ принесла", и такимъ образомъ жена и мужъ слагали вину другъ на друга. Это произошло отъ того, что жена съѣла ягоду съ дерева, извѣстнаго въ Алтаѣ подъ именемъ *уюнгаш* (ягода жены), произращенную Эрликомъ. Съ ягодою вошелъ въ нее *курюмесь* (злой духъ) и представилъ ей образъ мужа, велѣвшаго взять чернила и принести къ нему. Майдере, обратясь къ змѣю, проклялъ его, сказавъ:

„Кось курьбесь eнчолорго тескiнчiлу болзын.
Кускун бажiнды чокун-тiзiн,
Сангыскан куйрюгун узюп-тiзiн,
Теэльгэнь сенi теэп-тiзiн,
Iть каб-ортодо узе согуп-тiзiн,
Кижi туштаза, бажiна соксын,
Тереныңди сойзын,
Эдiн мiйрiндап-ятсын,
Куньгэ кадып-калзын“.

„Ты будь для всѣхъ людей отвратителенъ и страшенъ такъ, чтобы глаза не глядѣли на тебя; пусть воронъ клюетъ твою голову, пусть собака отрываетъ и съѣдаетъ хвостъ твой, пусть коршунъ тебя подхватываетъ и съѣдаетъ; собака, разрывая тебя пополамъ, пусть хлещетъ тобою на бѣгу; если встрѣтишься съ человѣкомъ, пусть онъ бьетъ тебя по головѣ; пусть снимаетъ съ тебя кожу на-выворотъ, и тѣло твое пусть лежитъ, извиваясь, отъ солнца изсыхаетъ“.

Потомъ Майдере изрекъ человѣку:

„Ар iжiн кату болзын
Коксюн чеметьту болзын,
Сенен чiхкан балдарын уурчi, мукачi болзын,
Тюгунчi, яман-санаалу болзын,
Бiйлю эрьдэ чiбахтадып-тюрзiн,
Кутай, кылiнчекту-деп курьбесь болзын,
Бiй пурулу деп, курьбесь болзын,
Уйэ соогын сысту болзын,
Косьтын кожоголу болзын,
Iчкэн тiгэнiн аш болбозын кей болзын,
Кiйгэнiн кеп болбозын“.

„Всѣ дѣла твои пусть будутъ для тебя трудными; внутренности твои пусть будутъ чахоточны; отъ тебя происходящiя дѣти пусть будутъ воры и плуты, лжецы, злоумышленники; пусть живутъ на землѣ подначальственной и терпятъ наказанiя; пусть Богъ милостиво и не взираетъ на васъ, а такъ, какъ на виновныхъ, всѣ члены твои пусть узнаютъ болѣзни, и глаза твои пусть имѣютъ болѣзни, пища тебѣ пусть будетъ не въ сытость и здоровье, и одежда—не въ красоту тебѣ“.

Потомъ сказалъ женѣ:

„Бала табарда уч улу угру тапсын,
Пуурунга чемет уру табылзын,
Энко тюрегындэ тюдуль уру табылзын
Эзегын узюльзе, улю берзiн,
Узюльбей калза чагырып-алгын“.

„При рожденiи дѣтей три сильныя болѣзни пусть схватятъ тебя, въ печени твоей пусть приключается чахотка; въ легкомъ и сердцѣ пусть вселяется боль съ кашлемъ; если внутренность твоя прорвется, то умри, если-же не изорвется, то роди, но сильнѣе всѣхъ болей пусть будетъ это дѣторожденiе“.

Изрекши эти проклятiя виновнымъ, Майдере выгналъ ихъ изъ *Аруунь-сюдюнь* въ другую землю, знойную, гдѣ нѣтъ ни деревьевъ, ни камней и никакой тѣни. Помощники его остались въ *Аруунь-сюдюнь*, а самъ онъ ушелъ на Алтын-ту, къ Ульгэню.

5) Первая пища человѣка по изгнанiи его изъ Аруунь-сюдюнь; вражда съ животными; происхожденiе огня, супружества и смерти.

Когда человѣкъ былъ высланъ изъ Аруунь-сюдюнь въ знойную землю, Ульгэнь показалъ ему всѣ травы и плоды, годные къ употребленiю, сказавъ: „Пробуй и ѣшь, что тебѣ нравится“. Таргын-нама, отвѣдавъ всякiя растенiя, травы и плоды, нашелъ, что всѣ они питательны. Впродолженiе лѣта, пока человѣкъ питался свѣжими плодами и растенiями, былъ онъ свѣжъ и здоровъ; осенью-же, когда трава стала засыхать, и человѣкъ началъ сохнуть, такъ что первую зиму провелъ едва живой. На другой годъ человѣкъ, наученный горькимъ опытомъ, сталъ готовить къ зимѣ свѣжiе плоды и зелень. Когда настала зима, къ его запасу стали сходиться разныя животныя; человѣкъ, видя, что запасъ его скоро истребится, сталъ отгонять ихъ и, не давая ѣсть, началъ бить ихъ палками. Обиженные звѣри и скоты, пригласивъ птицъ и рыбъ, принесли жалобу на человѣка Ульгэню. Ульгэнь, чтобы разсудить животныхъ съ человѣкомъ, собралъ всѣхъ къ Таргын-намѣ и, выслушавъ жалобу и объясненiе, сказалъ: „Рыбы и птицы пусть ѣдятъ, что имъ угодно; вы, животныя, ѣшьте траву; а ты, человѣкъ, ѣшь сѣмянной хлѣбъ и мясо животныхъ; что потребно для животныхъ, ты не бери, а что потребно человѣку, вы не берите; ты, человѣкъ, убивай ихъ, снимай съ нихъ кожи и одѣвайся ими, а мясо вари и ѣшь“. По этому суду животныя съ боязнью отдалились отъ человѣка и стали враждовать противъ него.

Пока человѣкъ питался травой и плодами, онъ не имѣлъ нужды въ огнѣ и не зналъ его. Послѣ опредѣленiя человѣку иной пищи, Ульгэнь досталъ своею рукою съ неба два камня, бѣлый и черный, взялъ листъ сухой травы и въ ладоняхъ измялъ его, потомъ, положивъ траву на одинъ камень, ударилъ другимъ, отчего вылетѣли искры, и трава загорѣлась. Разведши такимъ образомъ первый огонь, Ульгэнь, указавъ на него, сказалъ: *„Бу от адамнын кучунэн ташха тююш-хан от*—огонь этотъ есть огонь, сообщившiйся камню отъ силы моего отца“.

Вскорѣ люди и животныя весьма размножились, а смерти еще не знали, и если бы долѣе оставались такъ, то было бы тѣсно на землѣ. Поэтому *Яра-Чечень*, слуга Ульгэня, былъ посланъ отъ него къ людямъ, чтобы, собравъ ихъ въ одно мѣсто, объявить имъ опредѣленіе—*яргы* о концѣ жизни. Яра-Чечень, пришедши къ людямъ, вошелъ въ одну избу, гдѣ много было дѣвицъ. Лишь онъ вошелъ, всѣ захохотали, потому что видъ его былъ чрезвычайно смѣшной. Тогда Яра-Чечень, осердясь, сказалъ: „Меня Ульгэнь послалъ для того, чтобы всѣмъ назначить предѣлъ жизни, а вы насмѣхаетесь надо мной, за это вотъ что будетъ съ каждою изъ васъ:

„Кара бурун пашха болзын,
Кара ятта санаган болзын,
Эреэнь бараан эді себын болзын,
Эне аданын эжігынэ ӧсьпе,
Кабырганын сӓныгы, караны́н кулды
Кенѝ сезін-ол болзын,
Кедегэн́ эκы-айры болзын".

„Черная печень твоя пусть будетъ иная,
Вовсе на чужбинѣ пусть будетъ умъ твой,
Черное узорочье къ тѣлу твоему пусть будетъ приданнымъ,
При двери отца-матери не взростай,
Обломокъ ребра, жеребушка стараго коня,—
Придаточное слово о тебѣ пусть будетъ это.
Коса твоя пусть будетъ раздвоенною".

Съ этого времени умъ и сердце дѣвичье измѣнились: онѣ стали выходить замужъ и отходить отъ родителей, а прежде всѣ жили вмѣстѣ и плодились, какъ животныя, не разбирая никакого родства и не зная законовъ супружества.

Яра-Чечень собралъ всѣхъ тварей и назначилъ всякому роду свой вѣкъ. Рыбамъ опредѣлено жить долѣе всѣхъ тварей—до 800 лѣтъ, и чтобы изъ каждой рыбы выходило по 800 рыбъ за то, что онѣ оказались невинными въ судѣ прочихъ животныхъ, т.-е. не ѣли его запаса.

Яра-Чечень, разсудивъ, что, если твари не увидятъ умирающаго, то не будутъ знать, какъ умираютъ, и потому счелъ нужнымъ показать имъ смерть на опытѣ. Онъ взялъ саблю и, ударивъ человѣка по шеѣ, отсѣкъ ему голову; но человѣкъ еще не умеръ и ходилъ на ногахъ; потомъ отсѣкъ ему обѣ ноги по колѣна,—человѣкъ поймался руками за землю; наконецъ, отсѣкъ ему обѣ руки, и тогда человѣкъ уже умеръ—*ӱльды*.

До этого опыта между людьми не было ни раздора, ни дракъ, а послѣ они стали имѣть между собою злобу, вражду и убійства.

6) Міръ Эрлика; брань Мангдышире съ нимъ и его силою; низверженіе Эрлика и слугъ его съ неба на землю и съ земли въ преисподнюю.

Эрликъ, будучи сосланъ въ землю между двумя морями, гдѣ не свѣтитъ ни солнце, ни луна, снова пришелъ къ Майдере и спрашивалъ его, дозволитъ-ли онъ ему создать себѣ въ своей области свое небо и свою землю. Майдере позволилъ, сказавъ: „Область—твоя, мы тебѣ отдали ее во власть; дѣлай тамъ, что хочешь". Эрликъ, возвратясь, устроилъ свое небо и землю перестроилъ, но, такъ какъ его народъ былъ лишенъ возможности умножаться, то новый міръ Эрлика былъ пустъ. Эрликъ пришелъ къ Ульгэню и сказалъ: „Я сотворилъ себѣ новое небо и устроилъ землю; позволь мнѣ наполнить ихъ жителями—*албаты* (міръ, народъ)". Ульгэнь, зная, что у его слугъ отнята возможность умножаться, подсмѣиваясь надъ нимъ, сказалъ: „Пойди, наполни". Эрликъ, поспѣшно поклонясь, сказалъ: „Пусть будетъ благословеніе твое на мнѣ!"—и ушелъ.

Возвратясь въ свою область, онъ сдѣлалъ себѣ молотъ, наковальню, мѣхъ, клещи и всѣ кузнечные снаряды, раскалилъ желѣзо и сталъ бить молотомъ, и какъ только онъ ударитъ, тотчасъ выскочитъ *курюмесь*—бѣсъ (*пыртак-неме* или *кара-неме*) отъ каждаго удара. Такимъ образомъ наковалъ онъ множество духовъ—слугъ себѣ, что Ульгэню было непріятно. Богатырь Ульгэня, Мангды-шіре пошелъ посмотрѣть строеніе Эрлика, и при немъ Эрликъ сотворилъ трехъ животныхъ: медвѣдя, барсука и крота. Мангдышіре препятствовалъ ему творить этихъ вредныхъ животныхъ; за это Эрликъ приказалъ своимъ двумъ богатырямъ *Керей-хану* съ мѣднымъ переносьемъ (*Эсь конырму Керей-хан*) и тонкотуловищному наблюдателю *Карашу* (*чічка-сынду бій Караш*) прогнать Ульгэнева богатыря Мангды-шіре.

Поэтому они стали воевать съ Мангды-шіре, пустили на него огонь, опалили у коня его гриву и хвостъ, и у самого его—волосы и рѣсницы. Мангды-шіре пускалъ въ нихъ стрѣлы, но, будучи опаленъ, не могъ побѣдить и, обратившись къ Ульгэню, разсказалъ все, что видѣлъ и что случилось съ нимъ, говоря: „Эрликъ сотворилъ медвѣдя; этотъ звѣрь силенъ и блудливъ; еще—барсука, этотъ землю портитъ, и крота, который портитъ дорожки, такъ что скотина будетъ проступаться и ломать ноги, и все дѣлаетъ вредное; если дать ему волю, то онъ еще хуже что-нибудь сдѣлаетъ". Ульгэнь сказалъ: „по-что ты пошелъ къ нему, не спросясь меня, и не взялъ силы отъ меня? Пойди, я тебя посылаю, и какъ только скажу—пойди, такъ ты немедленно и ступай". Потомъ Ульгэнь махнулъ рукой и сказалъ: „иди!" Мангды-шіре вмигъ пустился. Ему такъ стало легко, что, въ стремленіи, онъ едва не улетѣлъ къ нимъ прежде коня своего. Богатыри Эрлика встрѣтили его войной, но онъ смѣло поразилъ желѣзомъ Керей-хана и низвергъ

съ неба, потомъ тоже сдѣлалъ и съ Бій-Карашемъ. Наконецъ, Эрликъ вышелъ самъ противъ него. Мангды-шіре пронзилъ Эрлика въ правое плечо желѣзомъ, прошедшимъ насквозь въ лѣвое бедро и, приподнявъ, свергнулъ его внизъ на землю и строеніе его разрушилъ. Слуги Эрлика, какъ градъ и дождь, посыпались вслѣдъ за нимъ и пали: иной въ воду, и онъ сталъ *су-ээзі* (водяной), другой—на камень и сталъ *таш-ээзі* (хозяинъ камней), на гору—*ту-ээзі* (горный), въ лѣсъ—*агаш-ээзі* (лѣсной), на домъ—*уй-ээзі* (домовой), на скота—*мал-ээзі*, на ровную землю—*эрь-ээзі*, на звѣрей, рыбъ, птицъ и на все живущее и существующее; кто куда попалъ, тому и хозяинъ сталъ. У Караша, при паденіи, изломалась спина и ребра, и онъ удержался только въ кожѣ, какъ мѣшкѣ, потому и называется *Чічкэсынду*. Эрликъ просилъ послѣ того у Ульгэня мѣсто на землѣ во владѣніе, говоря: „ты лишилъ меня моего царства, по крайней мѣрѣ, дай мнѣ на этой землѣ одну равнину (*кообы*)“. Ульгэнь сказалъ: „нѣтъ тебѣ ни одной луговинки“. Потомъ Эрликъ просилъ мѣсто съ десятину—*кралык*. Ульгэнь и въ этомъ отказалъ; затѣмъ просилъ въ квадратную сажень—*кулаш*, и въ этомъ получивъ отказъ, просилъ съ четверть аршина—*карыш*, и того не дано. Наконецъ, Эрликъ просилъ, чтобы Ульгэнь далъ мѣста столько, чтобы онъ могъ поставить конецъ своей палки. Ульгэнь на это согласился. Эрликъ, взявъ свою палку, всю забилъ ее въ землю, потомъ выдернулъ ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ произвелъ изъ земли кабана, схватившагося за палку зубами, за его хвостъ державшуюся змѣю, за змѣю прицѣпившуюся лягушку и множество другихъ нечистыхъ гадовъ, одинъ за другаго прицѣпившихся. Вытянувъ изъ земли такую цѣпь гадовъ и вредныхъ животныхъ, сказалъ: „всѣ вы будьте враги человѣку“. Ульгэнь, видя то, сказалъ: „если-бы дать ему больше мѣста, онъ сдѣлалъ-бы еще не это“, разгнѣвался и свергнулъ Эрлика съ его силою въ преисподнюю, сказавъ: „дѣлай тамъ, что тебѣ угодно“.

Тогда Эрликъ сказалъ: „ты меня и моихъ слугъ свергнулъ съ неба на землю; они пали на 43 разныя мѣста: на утесы, горы, воды, огонь, людей, звѣрей, скотъ, лѣсъ, желѣзо, поле и проч.; теперь, хотя ты и съ земли меня низвергнулъ съ ними, но имъ памятны тѣ мѣста на землѣ, на которыя они упали съ неба; они ихъ стали, — ты-же, вѣдь, на нихъ низвергнулъ ихъ. Поэтому, я буду посылать 43 рода своихъ слугъ *эткерей* (духи, производящіе напасти), и они будутъ дѣлать вредъ на этихъ мѣстахъ и тѣснить людей на смерть, и каждый *эткерь*, зная свое мѣсто, на которое упалъ съ неба, будетъ на немъ управляться съ людьми по-своему, какъ хозяинъ мѣста, будетъ доводить до смерти и умершихъ таскать ко мнѣ“. Такимъ образомъ, несмотря на предположеніе Яра-Чеченя, кому, когда и какъ умереть, *эткери*, дѣлая вредъ людямъ на каждомъ мѣстѣ, стараются ускорить смерть, а Тыналгыш-Алдачі или Усмекчі (ангелъ смерти), слуга Эрлика, извлекаетъ души изъ умирающихъ.

7) Тюрунъ—Музыкай; происхожденіе разноцвѣтныхъ камней и насѣкомыхъ.

Когда Эрлику не удалось сдѣлать *оп-курай*, онъ, чтобы излить свою злобу, сотворилъ въ морѣ чудовище нечистаго духа, называемое *Андалма-Муус*, которое вытягивало языкъ изъ моря и, схватывая людей, пожирало. Мангды-шіре, Тюрун-Музыкай и Майдере, богатыри Ульгэня, видя то, согласились убить Андалма-Мууса. Тюрунъ-Музыкай сказалъ: „никто сильнѣе меня не найдется и не побѣдитъ Андалма-Мууса!“ Сказавъ это, онъ сошелъ съ неба на землю, сдѣлался человѣкомъ, родившись отъ дѣвицы *Эрькэ-Шудюнь*, и назывался *Тямаа-Тюрун*. Эрькэ-Шудюнь была дочь *Чуптана* и его жены *Шаадыгай-коо*, изъ сеока (рода) *Кыдат*. Когда Тюрун былъ еще небольшимъ мальчикомъ и бѣгалъ по морскому берегу, Андалма-Муусъ, вытянувъ языкъ, схватилъ его и хотѣлъ утянуть, какъ и другихъ. Но Тямаа-Тюрунъ схватилъ его самого за языкъ и такъ сильно потянулъ изъ моря, что земля погрузилась. Чтобы не потопить землю, Т.-Тюрунъ началъ пить воду изъ моря и столько выпилъ, что ноги А.-Мууса стали на-виду. Т.-Тюрунъ, схвативъ его за ноги, вытащилъ изъ моря и такъ сильно ударилъ о камни, что кровь брызнула, и внутренности его, разлетѣвшись, обагрили всѣ камни. Отъ этого камни и сдѣлались разноцвѣтными. Потомъ Т.-Тюрунъ, согнувъ оставъ А.-Мууса, какъ лукъ (т. е. въ дугу), и вынувъ ножъ, изстругалъ его на мелкія стружки. Оттого сдѣлались разные черви, мошки, пауки, комары *), саранча и другія насѣкомыя.

Тюрун-Музыкай, хотя былъ человѣкомъ и ходилъ по всей землѣ, но никто не зналъ, кто и откуда онъ. Когда же онъ пришелъ въ Китайскую землю къ хану *Мерьэдіін-темэнэ-коо*, тотъ узналъ его и сказалъ объ его происхожденіи, т. е. что онъ правитель средняго изъ 99 міровъ. Тямаа-Тюрунъ сказалъ ему: „во всѣхъ царствахъ я былъ, и никто меня не узналъ; одинъ ты узналъ меня. За это, въ благословеніе отъ меня, пусть будетъ имя твое *Тюмень-асты-Эдень-поудо* (Китайскій императоръ и донынѣ алтайцами называется *Эдень-хан*). Но смотри, чтобы съ тобой никто не воевалъ, и ты ни съ кѣмъ не воюй и не имѣй связи съ другими землями. Когда будетъ война другихъ съ царствомъ твоимъ, тогда близка будетъ кончина вѣка!“ И отдавъ ему книгу о происхожденіи міра, полученную отъ небесныхъ писарей Тідыміні Шагіміні и Топшуну, составленную Майдере, удалился, неизвѣстно куда.

---

*) Матерями комаровъ признаются также птицы, которыя кричатъ на подобіе кукушекъ, съ тѣмъ различіемъ, что звуки ихъ состоятъ не изъ трехъ слоговъ. Алтайцы называютъ этихъ птицъ или старыми кукушками, или кукушками-заиками и утверждаютъ, что сколько разъ крикнетъ эта птица, столько рѣшетъ выпуститъ комаровъ. Частый крикъ кукушекъ-заикъ какъ-бы подтверждаетъ неимовѣрное обиліе комаровъ въ Сѣверномъ Алтаѣ.

8) О всемірномъ потопѣ.

До потопа (*яік*) царемъ всей земли былъ ханъ *Теньис* (море). Въ царствованіе его былъ славенъ по всей землѣ человѣкъ, по имени *Нама*, которому Ульгэнь велѣлъ построить *кереп* изъ дерева *адіра-салдан-агаш* (испытанное сандальное дерево). Нама приказалъ своимъ тремъ сыновьямъ: *Соозун-уулу*, *Сар-уулу* и *Балыкса* строить *кереп* на горѣ. Нама былъ слабъ зрѣніемъ; поэтому, при строеніи керепа, распоряжался старшій сынъ его. *Кереп*, по повелѣнію Ульгэня, изнутри и снаружи обклеили берестой со смолою; къ угламъ и стѣнамъ его Нама велѣлъ привязать 8 веревокъ, длиною по 80 саж., съ чугунными кружками на концахъ. Соозунъ спрашивалъ Наму: „для чего эти веревки?“ Нама отвѣчалъ: „мы узнаемъ по нимъ, сколько будетъ сутокъ, когда поднимется вода на 80 саж“. Когда *кереп* былъ построенъ, Нама собралъ всѣхъ людей, кого онъ любилъ, ибо такъ Ульгэнь сказалъ ему: „кого ты любишь, того возьми съ собою,—и все живое и дышащее, живущее на землѣ, и птицъ летающихъ“. Когда Нама съ своимъ семействомъ и друзьями своими вошелъ въ *кереп*, тогда приступили къ нимъ множество животныхъ. Нама приказалъ принимать приходящихъ звѣрей и птицъ въ *кереп*. Соозун-уул спросилъ: „вотъ здѣсь приползла змѣя, позволишь-ли принять ее?“ Нама сказалъ: „всѣхъ принимай, кто-бы ни былъ, кто только успѣетъ придти, кто только поймается за *кереп*“. Потомъ Нама спросилъ находящихся въ керепѣ: „видите-ли что нибудь?“ Ему отвѣчали: „туманъ и тьма по всей землѣ“. Тогда изъ подземныхъ жилъ вода прорвалась и начала выскакивать изъ ручьевъ, рѣкъ и морей и устремилась на землю. Съ неба полилась также вода. Когда *кереп* поднялся на 80 саж., а вода все прибывала, то веревки оторвались отъ привязаннаго груза, и *кереп* началъ плавать. Нама сказалъ: „вотъ уже седьмыя сутки“. Когда минуло 14 сутокъ, тогда Нама приказалъ Соозун-уулу открыть *тунюк* (труба или окно вверху свода) и посмотрѣть. Соозун-уул, исполнивъ приказаніе, сказалъ: „все затоплено водой, только видны однѣ вершины горъ“. Чрезъ нѣсколько времени Нама еще приказалъ Соозун-уулу открыть туунюк. Соозун-уул, посмотрѣвши во всѣ стороны, сказалъ: „ничего не видно, только небо и вода“. Наконецъ, кереп остановился на двухъ горахъ, близко стоящихъ одна къ другой: Чомгодой и Тулутты *). Тогда Нама самъ открылъ туунюк и выпустилъ ворона. Воронъ не возвратился. На другой день Нама выпустилъ ворону, и она не прилетѣла, въ третій выпустилъ сороку, но безъ пользы; въ четвертый выпустилъ голубя. Голубь при-

*) Южные алтайцы остановленіе ковчега присваиваютъ своей мѣстности, указывая даже на уцѣлѣвшій будто-бы обломокъ отъ ковчега на горѣ близъ устья р. Чемала. Напротивъ, сѣверные алтайцы утверждаютъ, что ковчегъ обсохъ на снѣжной вершинѣ *Улудаг*, гдѣ видѣли (очами воображенія) и огромные гвозди отъ ковчега.

летѣлъ обратно и принесъ березовую вѣтку. Нама спросилъ голубя о прежде-выпущенныхъ птицахъ. Голубь отвѣчалъ: „воронъ нашелъ марала (лось), завязшаго въ каменистомъ ущельѣ, и клюетъ глаза у него. Ворона нашла собаку и клюетъ ей *кодень* (задняя часть). Сорока нашла коня и клюетъ хребетъ его“. Тогда Нама, проклявъ этихъ птицъ, сказалъ: „что теперь онѣ дѣлаютъ, то пусть дѣлаютъ до конца вѣка: воронъ пусть клюетъ глаза у павшей скотины, ворона—*кодень*, а сорока хребетъ пусть клюетъ. Ты-же (голубю), мой вѣрный слуга, благословляю тебя до скончанія вѣка жить вмѣстѣ съ моими потомками—*менен каман калдык была каманчі чака этре кожо юртагын-деды*“.

Послѣ потопа Наму изъ благодарности и уваженія стали звать *Ячі* (творецъ). По смерти его, потомки стали приносить ему жертвы. Сыновья его получили въ благословеніе отъ Ульгэня другія имена: *Таулье*, *Шаулья* и *Тірле* *).

9) Происхожденіе шаманства; раздѣленіе языковъ и опредѣленіе безграмотства.

Послѣ потопа Балыкса захворалъ и призвалъ къ себѣ человѣка, по имени *Тянгару*, заставивъ его камлать. Обоихъ ихъ Эрликъ научилъ: одного призвать кама, а другаго—камлать. Тогда Ульгэнь сказалъ Балыксѣ: „ты будь слуга Эрлику, потому что ты не мнѣ приносишь жертву, и послѣ смерти ты пойдешь къ Эрлику“. Тянгара сказалъ въ отвѣтъ Ульгэню: „пожалуй, я и тебѣ такимъ-же образомъ буду приносить жертву, какъ Эрлику“. Ульгэнь сказалъ ему: „отнынѣ будетъ имя твое *Кам*. Кто будетъ подражать тебѣ, тотъ не будетъ имѣть богатства на землѣ“. Другихъ двухъ сыновей Намы, Соозун-уула и Сар-уула, Ульгэнь благословилъ и сказалъ: „отъ васъ произойдетъ народъ благоразумный, книжники и пророки, цари и ханы, и Соозун-уула я возьму къ себѣ на небо“. Обратившись къ Сар-уулу, Ульгэнь продолжалъ: „я пошлю вамъ царя съ неба. Онъ будетъ царь царей, сила его будетъ велика, никакой богатырь его не одолѣетъ, имя ему будетъ *Калдан-каан*. Онъ не будетъ воевать противъ царей. Всѣ народы безъ войны ему покорятся. У него будетъ три богатыря: *Тэленэйгэ-яй-берьбесь-тэнгыс-пеко* (море-силачъ, не поддающійся внезапному нападенію), *Тюлум-тілбеш-паатыр* и *Тенен-улаа-паатыр*“.

*) И донынѣ бійскіе и кузнецкіе инородцы ежегодно приносятъ Намѣ, подъ именемъ *Яік-хана*, въ жертву бѣлую овцу, преимущественно весною, на высокой горѣ; также при всякомъ шаманствѣ молятся ему, чтобъ проводилъ къ Ульгэню. Въ 40-й день послѣ чьей-либо смерти, Яік-ханъ призывается для очищенія юрты, при чемъ къ постелѣ умершаго привязывается пѣтухъ, изображающій смерть, и изгоняется шаманомъ; оттого пѣтухи инородцами не употребляются въ пищу. Еще призываютъ Яік-хана въ томъ случаѣ, если не ведется скотина, ибо инородцы вѣруютъ, что умершіе ихъ родственники уводятъ скотъ съ собою въ жилище мертвыхъ, откуда Яік-ханъ, при жертвоприношеніи ему, отнимаетъ и выгоняетъ его потопомъ.

Когда Нама-Ячі былъ въ глубокой старости, жена его совѣтовала ему умертвить всѣхъ людей и скотъ, спасенный имъ во время потопа, для того, чтобы они прежде ушли на тотъ свѣтъ, чтобы тамъ было надъ кѣмъ ему властвовать. Частые совѣты и убѣжденія жены подѣйствовали на него, онъ смутился. Соозун-уулъ, зная объ этомъ, не смѣлъ давать совѣта и прямо охуждать злой совѣтъ матери, а пришелъ къ отцу своему и сказалъ: „Я видѣлъ черно-синюю корову, почти совсѣмъ съѣвшую человѣка, только ноги его видны остались“. Ячі понялъ эту притчу, взялъ мечъ, разсѣкъ жену по-поламъ, съ головы до ногъ, и, сказавъ Соозуну: „я и тебя возьму“, самъ ушелъ на небо. Чрезъ три дня Соозун-уулъ пропалъ, а одежда его, какъ была на немъ надѣта, такъ и осталась: ни поясъ, ни завязки не развязались. Ячі поставилъ его созвѣздіемъ изъ 5-ти звѣздъ, а самъ служитъ посредникомъ между Ульгэнемъ и людьми, разнощикомъ его благословеній и избавленій.

По отшествіи Ячі на небо, выросъ лѣсъ на обращенныхъ къ сѣверу скатахъ горъ—*арга*; народъ размножился и наполнилъ землю; всѣ говорили, впрочемъ, однимъ языкомъ. Люди, боясь потопа, вздумали сдѣлать гору. Богу это было непріятно. Онъ посылаетъ сильныя бури, такъ что и людей и камни сбрасывало сверху горы. Но они не унимались и продолжали созидать, расположившись въ 77 станахъ вокругъ горы. Тогда человѣкъ, по имени *Тянар*, сказалъ народу: „вы великое зло дѣлаете предъ Богомъ; я не согласенъ дѣлать гору“, и, сказавъ это, ушелъ, неизвѣстно куда, такъ что никто его послѣ не видалъ. Наконецъ, самъ Богъ сказалъ имъ: „вы не послушали меня и Тянара, коего я послалъ, за то вы будете говорить разными языками“. Какъ скоро Богъ сказалъ это, въ каждомъ изъ 77 становъ люди стали говорить своимъ особеннымъ языкомъ, вовсе непонятнымъ для другаго стана. Не понимая-же словъ другъ друга, бросили они работу и разошлись, куда глаза глядятъ. Отъ этихъ 77 становъ произошло 77 народовъ. Тогда Эрликъ опредѣлилъ отъ себя къ каждому изъ 77 народовъ по одному особому эткерю и по одной особенной болѣзни, чтобы каждый народъ могъ оспаривать у Бога и привлекать къ себѣ особеннымъ, по его свойству и языку, способомъ, и такимъ образомъ завладѣть всѣми народами. Богъ, видя это, далъ 74 народамъ грамотность и средства уничтожать дѣйствія приставленнаго въ каждому изъ нихъ эткеря, а тремъ народамъ: сойонцамъ, калмыкамъ (*урянха*) и черневымъ татарамъ (*туба*) не далъ, потому что они приняли отъ Эрлика бубенъ и камланье. Богъ имъ сказалъ: „у васъ есть камы вмѣсто лекарства и лекарей и бубенъ—вмѣсто книги; какъ хотите, такъ и вѣдайтесь съ своими эткерями“.

10) О Тенгере-Тедыгечі (небозаключителѣ).

Въ давнія времена, когда однако-же образовались уже царства, жилъ на землѣ Теэрь-Янгы. У него было три сына: *Тенгере-Тедыгечі*, *Тере-Керельты*

и *Шар-Жаалты*. Въ то время всѣ народы ходили два раза въ годъ на гору и молились по своей вѣрѣ Богу, а Т.-Тедыгечі былъ съ ними не согласенъ: онъ писалъ на бумагѣ ученіе о вѣрѣ по-своему и спорилъ съ народомъ, говоря, что не слѣдуетъ такъ молиться, какъ они дѣлаютъ, что ихъ вѣра не правая, что вѣра истинная есть та, о которой онъ пишетъ.

Народъ его не слушалъ. Т.-Тедыгечі сказалъ: „*Мень елерэ кумюнбесім таабалбасым*—когда такъ, то я долго вамъ не покажусь“. Сказавъ это, онъ вышелъ на дворъ и сидѣлъ 43 сутокъ, держа въ одній рукѣ книгу, а другую положа на лобъ, подобно молящемуся, и былъ какъ мертвый. Братъ его, Тере-Керельты, сидѣлъ съ нимъ вмѣстѣ во все это время и поддерживалъ его руки. Чрезъ 43 сутокъ Т.-Тедыгечі всталъ и пошелъ къ своему осѣдланному коню, который, впродолженіе безмолвнаго сидѣнія своего хозяина, ходилъ близъ него. Сѣвши на коня, Т.-Тедыгечі поѣхалъ въ восточную сторону. Тере-Керельты на своемъ конѣ пустился за нимъ вслѣдъ и догналъ его. На пути ихъ была большая рѣка. Т.-Тедыгечі взялъ свой мечъ, ударилъ по рѣкѣ, и вода разступилась на обѣ сторонѣ, и они переѣхали по сухому дну. Потомъ они увидѣли радугу, какъ столбъ, спустившуюся съ неба и стоящую на землѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ утвердилась радуга, стоялъ осѣдланный конь, передними ногами на радугѣ, задними на землѣ. Подойдя къ этому коню, Т.-Тедыгечі сѣлъ на него и, не оглядываясь и ни слова не сказавши брату, сталъ подниматься вверхъ съ громомъ. Братъ его, видя то, заплакалъ и вскричалъ: „я не останусь, я съ тобой-же пойду“. Т.-Тедыгечі отвѣчалъ: „нѣтъ, тебѣ нельзя идти со мною; иди домой, а что нужно тебѣ—говори“. Тотъ сказалъ: „какъ я перейду рѣку?“ Онъ, бросивъ ему свой мечъ, сказалъ: „какъ прежде я сдѣлалъ, такъ и ты сдѣлай, и перейдешь“. Т.-Керельты взялъ мечъ. Т.-Тедыгечі, поднимаясь выше, вскричалъ брату: „что на лицѣ земли есть, ты надъ тѣмъ властвуй, а что надъ землею,—я буду властвовать надъ тѣмъ: худое-ли, доброе-ли, страшное или нѣтъ,—мой ходъ будетъ ужасенъ и громоносенъ. Теперь никто меня не увидитъ; только съ тобою буду встрѣчаться каждый годъ“. Сказавъ это, Т.-Тедыгечі ушелъ вверхъ изъ виду. Т.-Керельты остался, пошелъ назадъ тѣмъ-же путемъ и, пришедши къ рѣкѣ, взялъ мечъ, махнулъ имъ надъ водою, рѣка разступилась и пропустила его. На дорогѣ застигла его ночь, и тогда явился ему Т.-Тедыгечі, далъ ему книгу и сказалъ: „учи по ней народъ, я буду ежегодно приходить и смотрѣть, какъ ты учишь; читая эту книгу, не будешь о мнѣ тосковать и плакать“. Т.-Керельты, взявъ книгу, тутъ-же началъ читать и, ночевавши здѣсь, на другой день дошелъ домой. Чрезъ годъ Т.-Тедыгечі снова явился брату и спросилъ: „многихъ-ли ты научилъ?“ Тотъ отвѣчалъ: „я училъ всѣхъ, но одинъ народъ—*Тотор-аймак* не принимаетъ ученія“.—„А гдѣ у тебя мой мечъ?“—„Прошедшій годъ, когда я шелъ отъ тебя, я принесъ книгу и мечъ и положилъ вотъ здѣсь, но вотъ теперь нѣтъ его“.—„Мечъ мой укралъ у тебя Таптан-Кара, чело-

вѣкъ богатый, а у него перекралъ нечистый духъ—*Шулумус* и спряталъ его подъ первымъ слоемъ земли. Ты самъ не можешь найти его, а только посматривай около стойбища скота Таптанова, когда придетъ туча съ громомъ и молніей. Прежде я назывался Т.-Тедыгечі, а теперь буду называться Улуін-Кегеэнь, у меня будетъ полонъ ротъ огня и грудь моя будетъ полна грому. А ты, Т.-Керельты, будь царемъ."—„Нѣтъ, я не хочу быть царемъ; для меня довольно книги Божіей, я хочу помышлять только о Богѣ. Пусть братъ Шар-Жаалты будетъ царемъ". Вечеромъ того-же дня поднялась большая буря и налетѣли черныя тучи. Какъ только тучи накрыли то мѣсто, гдѣ находился скотъ Таптана, тотчасъ разразился громъ и засверкала молнія, чего до сего времени не бывало. Т.-Керельты, услышавъ грозу, бросился въ юрту и ударился лбомъ объ дверь и три дня сидѣлъ тамъ безвыходно, въ страхѣ, помышляя о необычайной бурѣ и неслыханномъ громѣ, говоря въ себѣ: „если это отъ брата, то ничего, а если отъ Бога, то бѣды не миновать". На третій день является ему Т.-Тедыгечі и спрашиваетъ: „что у тебя лобъ разбитъ?" „Я слышалъ третьяго дня громъ и испугался такого неслыханнаго чуда".—„Развѣ я тебѣ не говорилъ: *угума паттас от болор; коксюмэ паттас унъ болор*—у меня будетъ полонъ ротъ огня и грудь моя будетъ полна грому. Пойди, посмотри теперь стойбище Таптан-Кары". Т.-Керельты побѣжалъ смотрѣть, и вотъ видитъ, что стойбище и скотъ Таптана провалились сквозь землю, и въ провалѣ томъ кипитъ желтая вода. Тере-Керельты, увидѣвъ все это, воротился домой въ изумленіи. Т.-Тедыгечі спросилъ его: „что ты видѣлъ?" Т.-Керельты сказалъ все подробно. Т.-Тедыгечі продолжалъ: „объявляю тебѣ: уцѣлѣвшаго скота Таптанова не бери и не мѣшай съ своимъ скотомъ, потому что и самъ онъ и скотъ его прокляты. Пусть скотъ его разойдется по пустымъ мѣстамъ и будетъ пищею дикимъ звѣрямъ" *). По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Т.-Керельты ушелъ въ пещеру большой горы, легъ на постель и сталъ, какъ мертвый. Ученики его нашли подъ постелью записку, въ которой написано: „когда тучи будутъ ходить всегда отъ востока на западъ и громъ гремѣть, начиная съ востока и оканчивая на западѣ, тогда будетъ кончина вѣка".

11) Тенгере-Тедыгечі въ царствованіе Шар-Жаалты 1-го.

Меньшій братъ Т.-Тедыгечі, по смерти Т.-Керельты, сдѣлался жестокъ и прогналъ изъ своего царства Тотор-аймаковъ, не принявшихъ писанія

*) Этотъ скотъ Таптановъ и донынѣ ведется въ Китайской землѣ. Одна часть его бродитъ въ дикости, а другая часть—ручная. Порода коровъ Таптановыхъ—*сарлыки*—имѣетъ гриву и хвостъ конскій, голосъ свиной (родъ зубра); кони его—*таптын-чікытэн*, у коихъ хвостъ и грива коротки, потому что были опалены молніею; овцы—*кочкор* и *саркар* (каменные бараны); козы—*озоно* и *тэрень* (сайги); изъ собаки вышелъ *пеконь*(горбатикъ), съ колесчатымъ хвостомъ.

старшаго брата. Тогда Т.-Тедыгечі спустился съ неба и сказалъ брату: „если долгой плетью учить скотину, то вымя разобьешь—будетъ худо,—молока не будетъ". Шар-Жаалты понялъ эту притчу, обличавшую его жестокость къ подданнымъ. Потомъ Тенгере палъ на землю, сталъ кататься и сдѣлался китъ-рыбою, а всталъ съ земли опять человѣкомъ. Во второй разъ онъ палъ на землю, катался по ней и сдѣлался огромнымъ лютымъ звѣремъ—*карагула*, а вскочилъ съ земли человѣкомъ и тряхнулъ рукавами, изъ которыхъ посыпались большія и малыя книги. Тенгере сказалъ своему брату: „возьми эти книги и все прочитай въ три дня", потомъ повернулся, сдѣлался снова карагулою, ударился о землю и, сказавъ: „чрезъ 7 лѣтъ выйду", скрылся подъ землю. Тамъ онъ побѣдилъ нечистыхъ духовъ, производящихъ бѣшенство: однимъ оторвалъ головы, другихъ разбросалъ и проч. Вышедши изъ-подъ земли чрезъ 7 лѣтъ, онъ опять явился къ брату своему Шар-Жаалтѣ и спросилъ: „читалъ-ли книги мои?"—„Все прочиталъ, и ничего не показалось мнѣ тяжелымъ, только одно тяжело: тамъ показано, что я долженъ отъ 15 до 60 лѣтъ держать постъ".—Когда это тяжело тебѣ, то держи постъ каждый годъ, только зимою, до того времени, когда опять весною въ первый разъ загремитъ громъ, а лѣтомъ нѣтъ тебѣ поста".

Когда Шар-Жаалты сдѣлался старъ, тогда опять явился ему Тенгере и далъ ему книгу, длиною въ три саж., шириною въ $^1/_4$ арш., сказавъ: „читай эту книгу, теперь я вижусь съ тобой въ послѣдній разъ, болѣе не прійду къ тебѣ; эта книга взята со дна моря отъ царя—*бу бічік теныс тюбіндэ обузун кааннын алан*. Если эту книгу уразумѣешь всю, то на водѣ не будешь тонуть, хотя и съ войскомъ пойдешь, со дна моря поднимется песокъ и будетъ какъ мостъ, и въ огнѣ не сгоришь". Сказавъ это, отдалъ ему и мечъ свой, бывшій у Тере, съ наставленіемъ: „кто придетъ воевать съ тобою, сражайся съ тѣмъ смѣло, не отступай, а самъ войны не ищи *).

Изгнанные изъ царства Шар-Жаалты, Тотор-аймаки раздѣлились по вѣрѣ на-двое. Одни вѣрили въ шаманство, а другіе безъ камланья приносили жертвы на высокихъ горахъ, брызгая молокомъ и куря аржаномъ. Ни къ той, ни къ другой сторонѣ не принадлежалъ одинъ только мальчикъ съ своей матерью, изучившій писанія Т.-Тедыгечі. Мальчикъ этотъ сдѣлался боленъ; у него распухли руки и ноги, и онъ, устремивъ свой взоръ на небо, просилъ и ожидалъ помощи отъ Бога. Видя это, Тенгере сошелъ съ неба, сдѣлался простымъ человѣкомъ и сначала явился къ камлающему народу, училъ ихъ молиться такъ, какъ молится другая часть ихъ народа, которые бьютъ скотину и очищенныя кости, сложивъ въ кучу, сожигаютъ съ куреніемъ аржана предъ Богомъ, а ваше камланье, говорилъ онъ, не доходитъ къ Богу и непріятно ему. Народъ сталъ спорить съ нимъ. Тенгере сказалъ: „если вы мнѣ не вѣрите, то будемъ дѣлать *марган*; на чьей сто-

*) Посему китайцы ни съ кѣмъ войны не начинаютъ, а только защищаются.

ронѣ будетъ правда, увидимъ. Если на вашу жертву сойдетъ съ неба огонь и пожретъ жертву,—то ваша правда, а если на мою, то моя правда". Такъ и согласились. Собрались камы и съ утра до другаго утра, цѣлыя сутки, камлали на горѣ, призывая по-своему бога, но не сошелъ огонь съ неба, и жертва ихъ осталась цѣлая.

Люди, не преданные шаманству, сдѣлали каменный жертвенникъ, положили на него жертвенныя кости, покрыли аржаномъ и стали молиться. Тенгере былъ свидѣтелемъ и посредникомъ въ спорѣ между тѣмъ и другимъ народомъ. При мольбѣ не-камлающаго народа раздался съ неба громъ, заблисталъ огонь, какъ молнія, коснулся жертвенника, жертва вспыхнула и сгорѣла съ самимъ жертвенникомъ: не осталось ни воды, ни даже пепла, а дыму даже не было. Тогда камлавшіе сказали этому народу: „нѣтъ, мы не вѣримъ вамъ, вашу жертву пожрали горные духи, а не огонь небесный". Тенгере отвѣчалъ: „если вы не вѣрите этому чуду, то снимите съ этого больнаго мальчика желѣзныя узы (которыя видимы были только однимъ камамъ), наложенныя на него злымъ духомъ, и свяжите ими меня". Камы сдѣлать сего не могли, сколько ни камлали, и бѣсы не могли развязать больнаго и связать Т.-Тедыгечі. Потомъ онъ самъ снялъ узы съ больнаго и связалъ ими себя, отчего больной тотчасъ выздоровѣлъ. Тогда Тенгере сказалъ: „если вѣра ваша правая и вашъ богъ силенъ, то снимите съ меня оковы, и пусть огонь вашей жертвы пожретъ меня, а если не снимите узы, то я не буду вашъ, уползу въ свою сторону, а васъ пусть огонь пожретъ." Камы стали камлать, посылали множество бѣсовъ на него; но ни одинъ не могъ близко подойти къ нему. Узы не развязались; огонь не коснулся его; между тѣмъ сами камы стали горѣть, руки у нихъ были какъ-бы скованы, и они не могли бросить ни бубна, ни орбы. Они бросались въ воду, катались по землѣ, но ни водой, ни землей не могли погасить огня, сожигавшаго ихъ.

Тенгере показалъ имъ красную гору, окровавленную ихъ жертвами, и сказалъ: „идите за мною на эту гору, гдѣ живутъ ваши боги; я теперь вашъ и иду къ вашимъ богамъ". Сказавъ это, онъ пошелъ среди пламени горѣвшей земли, только слѣдъ его оставался безъ огня. Заведши камовъ съ ихъ народомъ на эту гору, Тенгере исчезъ. Вся гора продолжала пылать до того, что, сгорѣвъ, осѣлась и сдѣлалась равниной. Такъ всѣ люди, вѣрившіе камланью, сгорѣли, а за ними горѣли и нечистые духи, которые, хотя и покушались бросаться отъ пламени въ море, но тамъ Убусху-каан схватывалъ ихъ и бросалъ на ту-же гору; нѣкоторые изъ нихъ бросались въ преисподнюю, но оттуда Энгыс-каан опять ихъ возвращалъ на гору въ пламя. Гора эта пылала 36 лѣтъ *).

*) Гора эта—*Куйэнь-ту* въ Китайской землѣ, близъ степи *Куюты*. И нынѣ чуйскіе зайсаны достаютъ земли съ этой сгорѣвшей горы, чтобы, въ случаѣ досады на кама, бросить въ него. Послѣдствія отъ этого будто-бы непріятны для кама.

12) Тенгере-Тедыгечі въ царствованіе Шар-Жаалты 2-го.

По смерти младшаго брата Тенгере Шар-Жаалты, былъ избранъ царемъ одноименный ему Шар-Жаалты 2-й. Этотъ новый царь былъ жизни развратной, управлялъ народомъ слабо и безпечно, такъ что многіе бѣдные умирали съ голоду и холоду. Однажды въ землѣ его былъ продолжительный голодъ, наступившій послѣ необыкновенно-ненастливаго лѣта, въ которомъ было только 3 дня вёдро, отчего всякое произрастеніе сгнило. Это несчастіе было за то, что народъ ругалъ небо, когда шелъ дождь и, плевавши, говорили; „пусть дно у тебя вывалилось-бы". Тенгере обличалъ за это народъ и сказалъ: „развѣ вамъ хочется, чтобы небо заперлось и вовсе не давало дождя? Пожалуй, и это будетъ". Ожесточившійся народъ сказалъ: „пусть будетъ, пусть небо состарѣется и будетъ вовсе безплодно". Такъ и стало. Одно лѣто и двѣ зимы вовсе не было ни капли дождя, ни снѣгу. Въ то время богатые прожили половину имѣнія, а бѣдные все прожили, что было, умирали съ голоду и стали грабить богатыхъ. Между тѣмъ, Тенгере ушелъ изъ земли той, и чрезъ нѣсколько времени, снова возвращаясь, на предѣлахъ ея встрѣтилъ старушку, вошелъ къ ней въ домъ и просилъ у нея пищи. Она сказала: „мнѣ нечего дать тебѣ; я сама умираю съ голоду".

— „Какъ ты говоришь, что у тебя ничего нѣтъ? Посмотри хорошенько".

— „Чего искать,—у меня ничего нѣтъ, кромѣ вшей".

— „Ищи у себя за пазухой". Она изъ-за пазухи вытащила цѣлую горсть оныхъ. Онъ сказалъ: „ѣшь". Старушка съ голоду, по его слову, начала ѣсть. Ей показалась эта пища вкусна, сладка и сытна, какъ толокно, а разсмотрѣвши эту вкусную пищу, она увидѣла, что это—просо бѣлое. Тенгере сказалъ:

— „Посмотри, нѣтъ-ли чего еще у тебя съѣстнаго"?

— „Нѣтъ".

— „Посмотри вонъ въ томъ кувшинѣ съ отбитымъ краемъ".

— „Ничего тамъ нѣтъ".

— „Да посмотри-же!".

Она посмотрѣла и видитъ, что кувшинъ полонъ толченаго проса. Ей стало стыдно. Тенгере велѣлъ сварить изъ этого кашицу, которую они оба ѣли, а кашица не убывала, равно и просо изъ кувшина не убывало. Поѣвши, онъ пошелъ далѣе, спросивъ старуху: „нѣтъ-ли у кого въ селеніи чего-нибудь напиться?" Она отвѣчала: „за третьей стѣной живетъ Молодой,—развѣ у него есть". Тенгере пришелъ къ Молодою въ домъ. Хозяинъ спросилъ: „откуда ты?" Онъ отвѣчалъ: „я иду изъ *Куюты*; нѣтъ-ли у тебя *чегэня*; дай мнѣ напиться". Жена Молодоя сказала: „*Куютынын ак текэ кажі прайсын?*—Бѣлый козелъ Куютинскій, куда ты пошелъ?" Онъ отвѣ-

чалъ: „когда такъ, то я пришелъ пасти твоихъ козловъ". Когда-же женщина эта пошла доить своихъ козъ, то видитъ, что привязи какъ были, такъ и остались, но ни одной ни козы, ни козла нѣтъ. Ушедши отъ Молодоя, Тенгере ходилъ по разнымъ мѣстамъ и потомъ опять пришелъ къ прежней старухѣ и, давши ей чашку ячменю, велѣлъ посѣять, равно и просо, которое съ прежняго его прихода было для нея не убывавшею пищею. Она пошла сѣять подлѣ рѣчки, потому что засуха еще продолжалась, но онъ велѣлъ ей сѣять на горѣ. Она отвѣчала, что на высокомъ мѣстѣ ничего не родится, а если и взойдетъ, сгибнетъ отъ засухи. Онъ сказалъ: „сѣй тамъ, гдѣ я велю; сѣй сегодня, чрезъ три дня будетъ дождь". Такъ и случилось. Хлѣбъ у старухи родился такой чудесный, что она сколько ни жала, но его не убывало; велѣла жать всѣмъ жителямъ того селенія; всѣ нажали себѣ довольно, а хлѣбъ на полосѣ все еще оставался.

Молва объ этомъ происшествіи дошла до царя. Царь дивился и потребовалъ Тенгере къ себѣ. Когда онъ былъ представленъ къ царю, царь заключился съ нимъ въ темницу—*пайжін*, въ коей нисколько не было свѣта, испытывалъ его разными вопросами и разговорами, и оказалось, что Тенгере знаетъ все, что у царя на умѣ, больше самого его. Всю ночь царь разговаривалъ съ нимъ и, наконецъ, сказалъ: „теперь, я думаю, уже разсвѣтаетъ". Тенгере отвѣчалъ: „нѣтъ, теперь полдень; солнце прямо противъ этого мѣста", ткнулъ пальцемъ въ стѣну, и вдругъ оттого сдѣлалось окно. Вышедши изъ темницы, царь сталъ пить чай и подалъ Тенгере; пили оба, но у гостя, сколько онъ ни пилъ, чай не убываетъ и хлѣбъ не уменьшается. Царь, видя эти чудеса, подумалъ въ себѣ: „не это-ли Тенгере-Тедыгечі? Но тотъ былъ великъ ростомъ и величественный видомъ и взоромъ, а этотъ маленькій и изъ себя не видный". Напившись чаю, Тенгере сказалъ: „мнѣ нужно посмотрѣть свой скотъ, какъ-бы онъ не погибъ". Царь догадался, что онъ говоритъ притчу, потому что не смотрѣлъ за народомъ, не радѣлъ объ его управленіи, проводилъ время въ играхъ и забавахъ и былъ жестокъ съ людьми и животными, такъ что наканунѣ свиданія съ Тенгере, прогуливаясь, вышибъ бичемъ глаза коню. Когда царь провожалъ Тенгере изъ дома, въ самыхъ воротахъ, прилетѣлъ ему въ лицо какой-то прутикъ и ударилъ въ глазъ. Царь зажалъ глазъ рукою. Тенгере сказалъ ему: „у тебя, царь, есть руки, и вотъ ты зажалъ глазъ, а у коня рукъ нѣтъ, хотя и вовсе выстегнешь ему глазъ бичемъ, онъ зажать его не можетъ". Въ наказаніе за жестокость царь окривѣлъ. Тенгере велѣлъ царю строить каменную стѣну, вышиною въ 80 саж., вокругъ своего царства, такую обширную, чтобы и извѣстная старушка съ пашнею была внутри крѣпости, въ которой чтобъ было 8 воротъ и 8 молитвенныхъ домовъ—*сюмэ*. Царь обѣщался. Тенгере самъ поставилъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должно устроить церкви, по одному каменному столбу, вышиною по 40 саж., и сказалъ: „если устроишь такую стѣну, то никакой народъ не можетъ преодолѣть тебя. Если кто придетъ къ тебѣ воевать, я помогу тогда тебѣ побѣдить, и пришедшій народъ будетъ твоимъ подданнымъ. Будетъ время, когда эта крѣпость—*келем* наполнится жителями, и тогда будетъ конецъ народамъ" *). Наконецъ, когда царь не переставалъ вести развратную жизнь, Тенгере, пришедши къ нему, сказалъ: „ты не печешься о народѣ, а только пируешь и развратничаешь, ты не достоинъ быть царемъ; лучше поставить другаго царя".

— „Выбирай, кого хочешь: я не умѣю лучше управлять народомъ."

— „Изъ твоего народа никто не можетъ быть управителемъ,—всѣ такіе-же, какъ и ты."

При этихъ словахъ одинъ изъ народа—*Амын-Кылан*—сказалъ: „почему не управить? Только царь долженъ ежедневно выходить на смотръ народа и пройти городомъ отъ востока до запада." Услышавъ это, Тенгере, указавъ перстомъ на Амын-Кылана, сказалъ; „ты можешь управлять народомъ," и Амын-Кылан былъ поставленъ царемъ.

13) Тенгере-Тедыгечі въ царствованіе Амын-Кылана.

По избраніи Амын-Кылана царемъ, Тенгере собралъ людей, умершихъ при прежнемъ слабомъ царѣ отъ пьянства, голода, мороза, и, склавъ въ кучу, далеко за городомъ, тамъ, гдѣ прежде камы испрашивали огня съ неба, выкопавъ яму длиною 7 саж. и глубиною 1 саж., свалилъ въ нее всѣхъ и сожегъ. Возвратясь въ городъ, онъ узналъ, что вновь произошло 4 кама: двое изъ народа Шар-Жаалты 2-го (*кара кыдат сеокту*) и двое отъ Амын-Кылана (*ак кыдат сеокту*). Онъ съ гнѣвомъ сказалъ: „я уничтожаю худыхъ людей; откуда-же они являются?" и взялъ всѣхъ этихъ камовъ и увелъ на то мѣсто, гдѣ сожжены тѣла умершихъ, привезъ туда на верблюдахъ дровъ, сбросалъ въ яму, распалилъ ихъ, и какъ только дрова перегорѣли въ угли, онъ приказалъ, чтобы камы, ходя въ этой ямѣ по огню взадъ и впередъ, камлали, сказавъ: „кто изъ васъ цѣлъ останется, тотъ правъ и пусть останется свободнымъ." Три кама сгорѣли тамъ, а одинъ, изъ рода *Аккыдат*, остался цѣлъ. Тогда Амын-Кылан, разгнѣвавшись, сказалъ: „если каждый день по 3 человѣка сжигать, то непрестанно срамъ будетъ." Тенгере отвѣтилъ: „всякій звѣрь бережетъ свою шерсть, и ты бережешь свой народъ. Если тебѣ не нравится мое распоряженіе, то я отойду отсюда, хотя не надолго, на 7 дней." Царь спросилъ: „въ которую гору ты хочешь уйти?" Тенгере, протянувъ руку, указалъ со словами: „вотъ въ эту гору**) пойду," и ушелъ. Чрезъ 7 дней ожидали его, но онъ не пришелъ. Прошло 7 седмицъ, но онъ не возвращался. Чрезъ 7 мѣсяцевъ послали двухъ человѣкъ искать его, боясь его гнѣва. Посланные, нашедши его, звали изъ горы, но безуспѣшно. Послѣ, впродолженіе 7 лѣтъ, царь посылалъ къ Тенге-

---

*) Одна половина крѣпости въ настоящее время уже заселена.

**) Съ вершины р. Катуни эта гора, называемая *Пабаа—Пуурдін*,—видна.

ре трижды по два человѣка, но онъ не хотѣлъ идти. Чрезъ 7 лѣтъ Тенгере самъ пришелъ къ царю и сказалъ ему: „если найдутся у тебя въ царствѣ камы, сожигай ихъ, какъ и я сожегъ, а кто изъ огня выйдетъ живъ, тотъ пусть живетъ, это и есть истинный жрецъ.“ Царь отвѣчалъ: „какъ ты сказалъ, такъ и будетъ.“ Тенгере помазалъ ладонь пепломъ, а запястье—черною землею и, держа наискось эту руку, продолжалъ рѣчь: „тоже будетъ съ твоимъ царствомъ (при этихъ словахъ представилось царю, что земля повернулась на бокъ), если ты не исполнишь моего совѣта.“ Сказавъ это, отправился онъ на прежнюю гору съ приказаніемъ, чтобы никто къ нему не приходилъ туда. *)

14) Тенгере-Тедыгечі въ царствованіе неизвѣстнаго китайскаго царя, побѣдившаго въ единоборствѣ богатыря Мормо.

Однажды пришелъ къ Китайскому царству *Мормо* съ войскомъ, подошелъ къ самой стѣнѣ и требовалъ сраженія. Китайскій царь устрашился и отвѣчалъ: „чѣмъ проливать кровь народа, лучше выйдемъ мы на поединокъ; лучше умереть одному“. Согласились. Китайскій царь, видя, что Мормо-богатырь великорослый, ужаснулся. Мормо-же смѣло подошелъ къ нему и сказалъ: „ну, руби меня саблей“. Тотъ ударилъ, но сабля отскочила,—Мормо былъ въ латахъ. Мормо, наклонивъ голову, сказалъ китайскому царю съ насмѣшкою: „смотри, ты не отруби мнѣ голову, чтобы она не покатилась по землѣ“. Тенгере, видя такое униженіе своего царя, внушилъ мысль ему, ничего не боясь, тянуть по шеѣ. Тотъ ударилъ, и отсѣкъ голову богатыря. Послѣ его единоборства Тенгере явился къ китайскому царю и далъ ему камень съ гусиное яйцо и приказалъ, чтобы люди въ его царствѣ непрестанно катали этотъ камень въ ладоняхъ, передавая другъ другу. „Когда этотъ камень будетъ съ зерно рыбьей икры, тогда сойдетъ съ неба царь и будетъ владѣть всѣмъ царствомъ, тогда и я приду въ послѣдній разъ; а когда этотъ камень изотрется до того, что ничего не останется, тогда будетъ кончина вѣка“**). Сказавъ это, Тенгере пошелъ заграницу Китайской земли. На пути ткнулъ онъ своимъ посохомъ въ землю, отчего пошла вода. Вокругъ воды Тенгере началъ обмазывать глиной, образуя родъ чаши, все выше и выше, и сдѣлалъ холмикъ, наполненный водой, шириною съ гумно и, заклявши его, сказалъ: „пусть вода не прибываетъ и не убываетъ“. Такъ и остается это доселѣ. Холмикъ съ водой находится въ Китайской землѣ, отъ одного южнаго пограничнаго караула въ 10 верстахъ.

*) Китайцы, монголы и соенцы, издали смотря на эту гору, покланяются ей, но никто подойти къ ней не можетъ, потому что она окружена множествомъ ядовитыхъ гадовъ: змѣй, ящерицъ, *сары комдут*, мѣдянокъ. Трое монгольскихъ камовъ пытались восходить на эту гору, но пропали безъ вѣсти.

**) Нынѣ этотъ камень съ яйцо кукушки.

15) Кончина вѣка съ ея признаками.

Чѣмъ далѣе тянется вѣкъ, тѣмъ грѣшнѣе становится міръ и умножается зло. По мѣрѣ умноженія грѣховности, Ульгэнь болѣе и болѣе удаляется отъ человѣка, смердящаго грѣхомъ, вверхъ, дѣлается холоднѣе къ людямъ и затыкаетъ уши, чтобы не слышать молитвъ ихъ. А Эрликъ изъ преисподней поднимается выше и выше и приближается къ Карашу, стоящему подъ верхнимъ слоемъ земли, ближе къ людямъ. Такимъ образомъ, при концѣ вѣка, Эрликъ приблизится къ самой землѣ, а Карашъ выйдетъ на поверхность земли. Тогда народъ забудетъ Ульгэня. Карашъ, вышедши на верхній слой земли къ Тепкарѣ, еще злѣе будетъ спорить съ нимъ о людяхъ. На помощь Карашу выйдетъ за нимъ, на поверхность земли, Керей съ тѣмъ, чтобы непремѣнно завладѣть людьми; пошлетъ съ неба богатыря Мангдышіре. Между тѣмъ, какъ Тепкара съ Карашемъ будутъ продолжать споръ между собою, Мангды-шіре будетъ рвать все тѣло Кереево на куски, отчего Керей застонетъ. Эрликъ, услышавъ стонъ Керея и узнавъ, что Керей не можетъ устоять противъ Мангды-шіре, самъ выйдетъ на поверхность земли и убьетъ его. Ульгэнь, видя то, пошлетъ на землю богатыря Майдере, сказавъ: „иди и не сражайся, а только стой и уговаривай людей, чтобы не склонялись къ Эрлику, хотя онъ и будетъ склонять ихъ къ себѣ и мучить. Да смотри-же, разгнѣвавшись, не убей Эрлика или кого-либо изъ его богатырей: это тебѣ будетъ грѣхъ. Пусть Эрликъ убьетъ тебя, тебѣ не будетъ больно и страшно: я приду, и ты возвратишься назадъ“. Когда Майдере сойдетъ съ неба, Эрликъ при его глазахъ, будетъ принуждать людей, чтобъ они предались, и скажетъ: „кто броситъ предо мною лестовку (*эрекэнь*) и предастся мнѣ, тотъ будетъ свободный мой слуга, а кто не покорится мнѣ и не будетъ вѣровать мнѣ, тотъ будетъ мучимъ разными муками“. Эрликъ будетъ нанизывать преданныхъ ему на тонкую проволоку (*ээмік*), а кто не покорится, тѣхъ будетъ бросать въ огонь, бить желѣзными прутьями, садить на копья и проч. Когда Эрликъ будетъ такъ мучить не склоняющихся къ нему, имъ не будетъ больно, хотя замучатся до смерти. Майдере будетъ уговаривать людей чтить Ульгэня и склонитъ большую половину на свою сторону. Эрликъ, видя это и замучивъ не склоняющихся къ нему, разъярится на Майдере и скажетъ: „я имѣю силу и тебя убить мечемъ“, и поразитъ его. Кровь Майдере, брызнувъ, обагритъ всю землю, хотя онъ и невеликъ станомъ, и тотчасъ отъ тѣла и крови его вспыхнетъ пламя, обойметъ всю землю и взойдетъ на небо. Тогда сойдетъ съ неба самъ Ульгэнь, ударитъ въ ладони и воскликнетъ: „*Кыйдеп*! Встаньте, мертвые!“ Отъ клича и дыханія Ульгэня мертвые встанутъ съ тѣлами,—

земля, огонь, вода, звѣри и рыбы возвратятъ тѣла людей, кто изъ нихъ что истребилъ. Изъ устъ Ульгэня выйдетъ пламя и воспламенитъ всю землю. Земля, сгорѣвъ, не вся истребится, а только верхній слой, нечистый, по которому ходилъ діаволъ (*курюмесъ*); чистая земля, какъ бѣлая глина, находящаяся подъ чернымъ слоемъ, останется, и изъ нея Ульгэнь создастъ новую землю. Вмѣстѣ съ черною землею сгоритъ самъ Эрликъ, его сила и преданные ему люди; всѣ они, сгорѣвши, сдѣлаются безтѣлесными злыми духами. Ульгэнь проклянетъ ихъ, сказавъ: „ты, Эрликъ, со всей силой твоей иди въ преисподнія пропасти адскія—*Мангыс точіра тамынын тюбінэ тюшсын*, и тебѣ предавшіеся люди пусть летятъ, какъ мошки, за тобой". Такъ Эрликъ и сила его низвергнутся въ муку, въ адскія пропасти и исчезнутъ изъ виду, а вѣрные Ульгэня останутся съ нимъ и будутъ въ его жилищахъ.

Признаки кончины вѣка по преданіямъ:

а) Телеутовъ:

Калганчі чак келерде	Когда прійдетъ кончина вѣка,
Тенгере таміръ болуп-падар.	Небо затвердѣетъ, какъ желѣзо.
Эрь тесь болуп-кадар	Земля, какъ мѣдь, будетъ тверда,
Каан-каанга капчігар	Царь на царя возстанетъ,
Кылак кылака сана жар,	Народъ на народъ будетъ злоумышлять.
Кату таш одулар,	Твердый камень сокрушится,
Кату агаш какшалар,	Крѣпкое дерево раздробится,
Калык-эль пузулар, Кыжі карыча,	Всѣ народы возмутятся,
карыча болар	Человѣкъ будетъ съ локоть,
Эрьгэкчезы эрь болар	Съ большой палецъ будетъ мужъ,
Эрь тыскыні кысха болар	Поводъ мужской будетъ коротокъ. *)
Аяктан пашха, бій турар	Кромѣ ноги, все будетъ начальникъ,
Ата балазын танибас,	Отецъ дитя свое не спознаетъ,
Бала атазын танибас,	Сынъ не будетъ узнавать отца,
Пагыр башха чігар,	Головка *слизуна* **) будетъ стоить головы человѣка,
Ат бажінча алтын.	Слитокъ золота съ конскую голову
Аякту ашха турбас,	Не будетъ стоить чашки хлѣба.
Аяк-алдынан алтын чігар,	Подъ ногами будетъ валяться золото,
Аны алар кыжі-йок болор.	Но брать его будетъ не кому.

*) Т. е. человѣкъ будетъ стѣсненъ.

**) Горный лукъ, Allium nutans.

б) Калмыковъ:

Калганчі чак келердэ,	Когда послѣдній вѣкъ настанетъ,
Кара эрь отко калаірда,	Когда черная земля огнемъ будетъ опаляема,
Кайракан аба-Кутай	Милостивый отецъ, Богъ,
Кулагын яба тудунар,	Зажметъ оба свои уха,
Ол чахта ороон бузулуп,	Тогда народы возмятутся,
Өрын урень узюлюп-калар,	Наслѣдство и родство пресѣкутся,
Кутрундайдын куу салкын,	Лютый вѣтеръ возмутится,
Кыжіны кубуксудар	Будетъ людей воодушевлять,
Тэрэ бузулар,	Вся природа возмутится,
Тенгозек чайхалар.	И малыя кочки будутъ дрожать.
Теміръ узенгы тюбю тежілер,	Подножка въ желѣзныхъ стременахъ изотрется,
Темене-іір удіи тарылар,	Уши большихъ иголъ прорвутся,
Калык-йон бузулар,	Общества народовъ распадутся,
Кара курт канат тагынар,	Черный червь (человѣкъ) окрылатѣетъ,
Кара кузюнэ кан чабылар,	Злобные глаза его нальются кровью,
Кара су кан-была агар,	Источники съ кровью потекутъ,
Эрь тыгырсір, ту тескинер,	Земля застонетъ, горы восколеблются,
Эмірт эмірілер,	Стремнины обрушатся,
Тенгере тырлеір,	Небо звонко загремитъ,
Тенгыс чалкалар,	Море взволнуется,
Эрь анданың кыртыжі эрэ болор,	Земля извратится верхнимъ слоемъ наворотъ,
Энгыс кодорылың, когы калар,	Мохъ собьется, лишь пыль останется,
Тенгере терменіп тігы ачілар,	Небо тронется и разверзится,
Тенгыс чанбалып, тюбю курюнер,	Море всколыхается и дно его видѣться будетъ,
Тенгыс тюбюньдэ тогус айры кара таш	На днѣ морскомъ черный камень 9-раздѣльный
Тогус эрьдэн узюлер,	Изъ 9-ти мѣстъ исторгнется,
Тогус эрьдэн узюльзе,	По исторженіи изъ 9-ти мѣстъ,
Тогус курчулу каірчак чігар,	Выйдетъ ящикъ о 9-ти обручахъ,
Тогус теміръ атту кыжі анан чігар,	А изъ него выйдутъ 9 человѣкъ на желѣзныхъ коняхъ,
Нын экузі башчі болор.	Изъ нихъ двое будутъ предводители.
Алардын мінгень аттары,	Верховые кони ихъ
Урушкаан ул-сары,	Яры и весьма желты,
Пірюзіньсі кыжіп болбос кыл сары.	У одного изъ нихъ—свѣтло-желтый, крѣпокъ, такъ что трудно своротить его.

Алдынгы колдоры кылышту болор,	Спереди ноги ихъ будутъ съ саблями,
Арт куйрюгы ульдюлю болор,	Сзади у хвоста будетъ мечъ, обоюду острый.
Агашха табаарза, агашты эндеір,	Найдетъ на лѣсъ, деревья скоситъ,
Тындуга табаарза тындуды эндеір.	Постигнетъ живыхъ, живыхъ пожнетъ.
Албаты-йонго амыр-йок болор,	И подданному народу не будетъ міра,
Айга, куньгэ аркын-йок болор.	Въ лунѣ и солнцѣ не будетъ свѣта.
Агаш тазылынан кодолылар.	Дерево исторгнется изъ корня.
Аданай балазынан айрылар.	Отецъ будетъ разлученъ съ дѣтьми.
Ӧлён узюлюп, урені пузылар.	Трава будетъ вырвана и сѣмя ея истребится.
Эне, эркезінен айрылап, эрі ок калар.	Мать, съ питомцами разлученная, останется безъ мужа.
Эрдэ конкул-тэгэнь элен узерь.	На землѣ выростетъ трава *конкулъ*.
Эленнэн сары мангыс чігар,	Изъ сей травы произойдетъ желтая саранча,
Малга табаарза, малды сорор.	Падетъ на скотъ, скотъ изсосетъ.
Ол чакта Шандімы кый салар:	Въ то время Шандимы издастъ кличъ:
„Бері курьгын Мангды-шіре!	„Мангды-шіре, взгляни сюда!
Бірь полужін эткындыр!	Окажи помощь!
Конкул тэгэнь эленын тазылы	Корень травы конкулъ
Конгыр тілан тыр.“	Есть змѣй коурый (самый злой)“.
Мангды-шіре унчукпас.	Мангды-шіре будетъ молчать.
Аніін болбозо, Майдереэ кый салаар:	Не получивъ помощи, къ Майдере воззоветъ:
„Яан-Каан албатызын таштады.	„Великій царь оставилъ своихъ подданныхъ.
Яхші айгыр урюзін таштады.	Наилучшій жеребецъ бросилъ свое стадо.
Яр тэміреліп, суу соолды,	Берега осыпались, вода исчезла,
Якалу тон элеп, яказы тірдылды.	Съ воротникомъ одежда изветшала и воротникъ изорвался.
Якаралу юрт аказыйок калды.	Подначальный народъ остался безъ начальника.
Уялу куш, уязы таштады,	Птица, свившая гнѣздо, гнѣздо оставила,
Турулу кіік туруун таштады.	Звѣрь, имѣющій жилье, бросилъ жилье свое.
Балалу кадыт, балазын таштады“.	Дѣтная жена оставила дѣтей своихъ“.
Майдере унчукпас.	Но Майдере не даетъ отвѣта.
Эн-кійніндэ Эрліктын паатырлады	На-послѣдокъ богатыри Эрлика—
Караш-была Керей	Карашъ и Керей—

Эрь-устюнэ чігарлар.	Выйдутъ на поверхность земли;
Алар эрь устюнэ чіканда,	Когда они выйдутъ на землю,
Мангды-Шіре-быле-Майдере	Мангды-шіре и Майдере
Алар-былан тюула-жарга	Воевать съ ними
Тенгередэ тюжерлер.	Сойдутъ съ неба.
Майдеренын канынан	Отъ крови Майдере
Эрь отхо калар,	Земля воспылаетъ огнемъ,
Калганчі чак анды болор.	И тогда будетъ кончина вѣка.

Б) Историческія, богатырскія и проч.

1) О подданствѣ Россіи Телеутовъ.

У Телеутовъ извѣстны два сказанія о времени ихъ подданства Россіи. Одни утверждаютъ, что послѣдній ханъ ихъ *Кондайчі* имѣлъ у себя двухъ женъ и 7 дѣтей: отъ первой жены—сына *Шюну* и дочь *Шюжды*, а отъ второй—5 сыновей, изъ коихъ извѣстны по имени двое: *Амарзана* и *Табаачі*. По смерти Кондайча, между дѣтьми возгорѣлось несогласіе. Противъ Шюну составился заговоръ его братьевъ; но сестра, узнавъ объ этомъ, предупредила Шюну спастись бѣгствомъ. Онъ убѣжалъ подъ покровительство Бѣлаго Царя Алексѣя Михайловича и принялъ подданство Россіи. Злополучная сестра убита заговорщиками за открытіе ихъ умысла. Между остальными братьями согласія также не было: трое изъ нихъ погибли въ междоусобіи, но Армазана и Табаачі продолжали еще спорить между собою о правленіи, пока первый не послѣдовалъ примѣру Шюны, предавшись Россіи, а послѣдній съ своимъ народомъ откочевалъ въ Китай.

Въ разсказахъ другихъ *Шюна* играетъ главную роль. Онъ былъ богатырь и мудрецъ въ восточномъ вкусѣ. Отецъ его Конгдайчъ имѣлъ еще сына Калдана. Шюна жилъ съ наложницею *Кара-кыз*, въ которую влюбился братъ его, и на ней женился. Оскорбленный Шюна пригласилъ своихъ 12 друзей разгуляться по хребтамъ Алтая. Отъѣхавъ на одну версту отъ своего жилища, онъ повѣдалъ имъ свое горе, натянулъ лукъ и, въ видѣ насмѣшки и безчестія, пустилъ стрѣлу въ юрту брата. Стрѣла вонзилась въ дверь. Братъ сейчасъ-же узналъ, кому принадлежитъ она, и пожаловался отцу. Конгдайчъ призываетъ къ себѣ Шюну, вечеромъ возвратившагося съ охоты, обвинилъ его, приказалъ вырѣзать лопатки (плечныя кости), руки и ноги связалъ сыромятными ремнями, засадилъ въ подземелье, глубиною на 70 саженъ. Никто не зналъ, куда пропалъ любимецъ народа; только одинъ старикъ, вхожій въ хату, понялъ въ чемъ дѣло, сдѣлалъ отъ своей юрты подкопъ къ темницѣ и впродолженіе 7 лѣтъ питалъ узника. Конгдайчъ былъ могучъ и славенъ; многіе ханы покорялись ему, но одинъ изъ нихъ—Черный-Калмыкъ,—свѣдавъ, что не стало мудраго богатыря Шюны, при-

сылаетъ къ нему двухъ сорокъ, изъ которыхъ одна была дѣйствительная, а другая искусными камами превращенная изъ вороны, съ условіемъ, если Конгдайчъ отличитъ одну птицу отъ другой, то онъ будетъ ему платить дань по-прежнему, а если нѣтъ, то перестанетъ. Конгдайчъ запечалился. Но старикъ, принося Шюнѣ пищу, разсказываетъ ему о горѣ отца его и получаетъ отвѣтъ: „велика-ли это мудрость, чтобы отличить сороку отъ вороны; ты посовѣтуй моему отцу поставить шестъ, а близъ него навѣсъ, и въ ненастное время выпустить обѣихъ птицъ; сорока подъ навѣсъ полетитъ, а ворона сядетъ на шестъ и закаркаетъ“. Такимъ образомъ птицы разгаданы, и Черный-Калмыкъ остался данникомъ Конгдайча. Но, спустя два года, Черный-Калмыкъ опять присылаетъ къ Конгдайчу кустъ таволожника для различенія корня отъ вершины, на прежнемъ условіи. Шюна чрезъ старика своего опять сообщилъ, что если пустить кустъ въ воду, то онъ вершиною пойдетъ впередъ, а комлемъ позади. Но чрезъ годъ Черный-Калмыкъ, оставивъ пытать мудрость, обратился къ силѣ: присылаетъ желѣзный лукъ, чтобы натянуть его, но никто не могъ сдѣлать этого; брались даже и 30 человѣкъ вмѣстѣ, но все безъ успѣха. Тогда Шюна научилъ старика заплакать предъ ханомъ и народомъ со словами: „своего богатыря мы рѣшили сами, и теперь должны покориться даннику“.—„Да не живъ-ли онъ,—отвѣчаетъ отецъ,—надобно посмотрѣть“. Вытаскиваютъ несчастнаго Шюну изъ-подъ земелья. Онъ обросъ тамъ мохомъ, плечи зажили, только не могъ взглянуть на бѣлый свѣтъ, и поэтому цѣлыхъ полдня пролежалъ внизъ лицомъ. Отецъ приказалъ вымыть его верблюжьимъ молокомъ и нарядить. Сынъ спрашиваетъ: „для чего ты, батька, меня мертвеца, пошевелилъ?“ Но отецъ, вмѣсто отвѣта, подалъ ему чару вина въ полуведро. Богатырь выпиваетъ однимъ духомъ. Подана другая чара,—богатырь выпилъ, зарумянился и закусилъ цѣлымъ бараномъ. Тогда отецъ разсказалъ ему свое горе. „Неси, родитель, лукъ“. 30 человѣкъ принесли. Онъ заложилъ тетиву однимъ мизинцемъ (лукъ погнулся) и сказалъ: „ну, родимый батюшка, благословляй меня на путь, я тебѣ болѣе не сынъ, ты мнѣ не отецъ“. И съ этими словами отправляется съ прежними друзьями своими въ Коканъ къ дѣду своему по матери; но этотъ, назадъ тому 2 мѣсяца, какъ померъ, не оставивъ по себѣ наслѣдника. Коканцы единогласно избрали его своимъ ханомъ. Но чрезъ нѣсколько времени долетѣлъ до него слухъ, что его стали называть бродягою. Тогда онъ собралъ весь народъ и сталъ отказываться отъ ханства. Одни молчали, а другіе упрашивали быть ханомъ. Послѣднихъ онъ поставилъ по правую руку, а первыхъ по лѣвую, развернулъ свой, въ 12 разъ сложенный, булатный мечъ, махнулъ— и лѣвая сторона обезглавлена, бунтъ прекратился. Избравъ одного изъ 12 друзей своихъ, сдѣлалъ его ханомъ, а самъ отправился къ Бѣлому Царю Алексѣю Михайловичу. Русскій Царь полюбилъ его, назвалъ *Краснощекимъ* и отвелъ дворецъ ему. По отбытіи его изъ родины, сдѣлался бунтъ въ на-

родѣ, и ханство Конгдайча распалось на двѣ части: одна осталась въ Кузнецкомъ округѣ, а другая ушла въ Томскъ и приняла магометанство. Конгдайчъ, притѣсняемый сосѣдними ханами, бѣжалъ съ сыномъ своимъ Калданомъ къ одной горѣ, выкопалъ семь палатъ (отсюда Семипалатинскъ) и хотѣлъ здѣсь укрѣпиться, но Черный-Калмыкъ, вытѣснивъ его, прогналъ въ Бухарію.

Вотъ еще варіантъ этихъ сказаній: Былъ царь *Ойротъ*, коего подданные назывались *ойротами*. По смерти его, возгорѣлась вражда между его двумя сыновьями: имя старшаго—*Калдан-черю*, имя младшаго—*Уйто-кайтты-Кардула*. Послѣдній былъ богатырь могучій. Оба они хотѣли царствовать. Но когда открылась война между ними, Карагула одолѣлъ старшаго брата и убилъ его въ сраженіи въ нынѣшнихъ предѣлахъ Китайскаго государства. Народъ Калдановъ-Телеуты—убѣжали отъ Карагулы подъ покровъ Бѣлаго Царя. Карагула погнался за ними съ своею женою-богатыркою, которая была въ то время беременна. Одинъ изъ воиновъ Калдана пустилъ стрѣлу въ нее; стрѣла распорола ей животъ; она умерла. Карагула, отрѣзавъ половину хвоста у лошади своей, бросилъ эти волосья и сказалъ: „довольно, теперь я не хочу знать людей Калдановыхъ“, и возвратился. Памятникъ этого событія—утесистая гора въ Алтаѣ *Тібетты*, недалеко отъ р. Песчаной.

Примѣчаніе. Многія имена этихъ сказаній принадлежатъ исторіи.

1) *Конгдайч* или Контайма есть владѣлецъ Джунгарскій. Если здѣсь разумѣется отецъ Галдана, то онъ назывался *Батор*, умеръ въ 1654 г., оставивъ послѣ себя 12 сыновей, изъ коихъ замѣчательнѣйшими въ исторіи остались: *Цiцен*, *Батор*, *Сэнгэ* и *Галдан*. Изъ нихъ Сэнгэ наслѣдовалъ Тибетъ, гдѣ, по принятіи духовнаго званія, воспитывался при Далай-Ламѣ. *Галдан-ціреn* былъ умный, но хитрый и коварный государь. Онъ, по полученіи извѣстія о насильственной смерти своего брата Сэнгэ, возвратился изъ Тибета въ прежнее свое поколѣніе и объявилъ себя въ 1677 г. ханомъ. Такъ какъ послѣ Сэнгэ остались два сына: *Цеван-Рабтан* и *Соном-Рабтан*, законные преемники ханства его, то *Галдан*, желая обезпечить свой престолъ отъ новыхъ покушеній со стороны ихъ, нашелъ случай младшаго изъ нихъ отравить ядомъ. По устраненіи домашнихъ враговъ, *Галдан* обратилъ вниманіе на внѣшнихъ. Властолюбивые его замыслы клонились къ соединенію Монголіи подъ единодержавіе, и потому тѣ изъ монгольскихъ владѣтелей, которые признавали зависимость Китая надъ собою, почитались за враговъ и были предметомъ военныхъ дѣйствій. Сношенія нашего правительства съ ними были часты. Онъ, между прочимъ, упорно возставалъ противъ заведенія линіи по Иртышу, пока смерть не постигла его въ 1745 году.

2) *Табаачі* или *Даваці*, при жизни Галдана, былъ удѣльнымъ княземъ, и такъ какъ удѣлъ его состоялъ изъ земель, лежащихъ на сѣверъ отъ Чу-

гучака, то русское начальство часто было въ сношеніяхъ съ нимъ. Табаачі слылъ въ Джунгарскомъ народѣ, какъ разсудительный и наиболѣе умный нойонъ; послѣ смерти Галдан-Церена въ Урѣ, т. е. въ столицѣ Джунгаріи, которая находилась тамъ, гдѣ нынѣ городъ Кульджа, начались безпорядки, и когда престоломъ овладѣлъ незаконно-рожденный сынъ его, Табаачі оскорбился, такъ какъ принадлежалъ къ чистому царскому роду и бѣжалъ въ киргизскую степь вмѣстѣ съ *Амурсаной*. Усилившись посредствомъ перебѣжчиковъ и улучивъ лучшее время, Табаачі внезапно овладѣлъ Джунгарскимъ престоломъ; но не вполнѣ удовлетворенный, жадный, корыстолюбивый Амурсана снова началъ раздоры, призвалъ китайцевъ, погубилъ независимость своего отечества и бѣжалъ въ Россію, гдѣ умеръ въ 1756 г.

3) Богатырь *Шюна*, являющійся у телеутовъ баснословнымъ героемъ, есть интересная, загадочная личность Киргизско-Джунгарской степи. Онъ былъ современникъ не Алексѣя Михайловича, а Елизаветы Петровны. Китайцы о немъ ничего не знаютъ, но въ Киндермановскомъ архивѣ, находящемся въ Омскѣ, Г. Н. Потанинъ (см. „Томск. Губ. Вѣд." 1858 г., № 38) нашелъ цѣлое показаніе одного башкирца, нарочно посланнаго для разспросовъ о немъ въ Киргизскую степь оренбургскимъ губернаторомъ Неплюевымъ.—Шюна объявлялъ себя братомъ Галдан-Церена и разсказывалъ про себя, что онъ отличался силою и потому при жизни отца, Цеван-Рабтана, уже намекалъ на свое преимущество предъ старшимъ братомъ. Контайша, опасаясь безпорядковъ послѣ своей смерти, хотѣлъ смирить Шюну; онъ связалъ его такъ крѣпко, что изломалъ лопатки и лишилъ возможности попрежнему натягивать лукъ; потомъ далъ ему 40 слугъ и окружилъ стражей; но Шюна пробился съ 40 человѣками и бѣжалъ на Волгу, къ Аюкѣ-хану (ум. 1724 г.). Галдан-Церенъ, сдѣлавшись Джунгарскимъ контайшею, сталъ требовать у Аюки выдачи Шюны. Аюка, боявшійся силы Галдана, хотѣлъ уже выдать Шюну, но сестра послѣдняго, бывшая замужемъ за Аюкою, одѣла его въ платье убитаго калмыка, а его уговорила бѣжать на Кубань. Отсюда Шюна поѣхалъ въ Константинополь, въ Петербургъ и Москву и явился въ Башкиріи подъ именемъ Карасакала. Здѣсь онъ произвелъ извѣстное возмущеніе 1740 г., утушенное генераломъ Бахметовымъ. Карасакалъ бѣжалъ въ Киргизскую степь и здѣсь былъ принятъ двумя біями, получилъ отъ нихъ людей и кочевалъ въ 1745 г. около вершинъ р. Сарысу, называя себя уже Кара-ханомъ, но у киргизовъ извѣстенъ въ настоящее время подъ именемъ *Сна-батыря*.

4) *Каракыз*—черная дѣвушка—напоминаетъ дико-каменную киргизку (кара-киргизку), мать ламы Дорчжі, который былъ незаконно-рожденнымъ сыномъ Галдан-Церена.

5) *Карагула*, ханъ Чоросскій, стремился къ единодержавію надъ раздробленными монгольскими владѣніями. Онъ старался возвысить государство вторичнымъ соединеніемъ Элютовъ въ одно политическое тѣло и укрѣпить сей союзъ единствомъ власти и законовъ. Поэтому, обезсиливая союзниковъ уменьшеніемъ ихъ владѣній, увеличивалъ на счетъ ихъ свои собственныя; напротивъ, владѣтели поколѣній, довольно сильные сами по себѣ, не хотѣли быть подъ его распоряженіемъ и объявили себя независимыми ханами. Отъ этого произошли неудовольствія, превратившіяся, наконецъ, въ явный разрывъ. Вотъ время и случай, который не мало способствовалъ Россіи завоеванію южныхъ земель губерній Томской и Енисейской, принадлежавшихъ Чжунгарскимъ монголамъ.

2) О подданствѣ Россіи Телеутовъ-Скедамовъ.

По случаю междуусобной войны, два князя телеутовъ, *Мамыт* и *Балык*, отдѣлились отъ кочевавшихъ вмѣстѣ съ ними тербетцовъ и пришли къ р. Томи, гдѣ расположились на лѣвомъ берегу противъ г. Кузнецка. За ними погнались тербетцы съ войскомъ, подъ предводительствомъ двухъ князьковъ своихъ. Телеуты попросили помощи у русскихъ, которые и отразили тербетцевъ, причемъ одинъ князекъ былъ раненъ, а другой, будучи преслѣдуемъ и догнанъ храбрымъ Алаганчикомъ, предводителемъ войска Мамытова, былъ убитъ.

Вскорѣ послѣ этого происшествія Мамытъ и Балыкъ, объявивъ о подданствѣ своемъ Русскому царю, положили, что надобно которому-нибудь изъ нихъ лично явиться къ царю для того, чтобы не обложили ихъ большимъ ясакомъ и чтобы за свое добровольное подданство получить награду. Балыкъ, будучи хитеръ, совѣтовалъ Мамыту, что ему, какъ старшему, приличнѣе остаться при народѣ, и предложилъ вмѣстѣ свою услугу—съѣздить къ царю въ качествѣ его вѣрнаго слуги и посланника. Совѣтъ былъ принятъ; но Балыкъ, пріѣхавъ къ царю, измѣнилъ Мамыту, назвавъ себя главнымъ начальникомъ телеутовъ, получилъ знакъ отличія—ярлыкъ и суконный, обложенный галуномъ, кафтанъ. Возвратясь къ Мамыту, онъ объявилъ себя начальникомъ, а его (Мамыта) своимъ подчиненнымъ.

Мамытъ, оскорбленный обманомъ Балыка, поднялся съ своимъ народомъ на партію Балыка и приказалъ своему богатырю Мылтык-ашхѣ схватить вѣроломнаго брата и убить. Мылтык-ашха, принимая порученіе, сказалъ: „пойду, исполню твое приказаніе въ послѣдній разъ; сердце мое чуетъ, что я отрублю голову Балыку, но и самъ живой не ворочусь." Мылтык-ашха окружилъ ночью станъ Балыка, сорвалъ его юрту, оцѣпивъ арканомъ, и отсѣкъ голову. Но войско Балыка и русскіе погнались за богатыремъ и, не допустивъ его до Мамыта, сдѣлали схватку. День былъ жаркій, поэтому Мылтак-ашха, носившій кольчугу, часто уклонялся подъ тѣнь березы. Замѣтивъ это, одинъ изъ русскихъ воиновъ скрылся подъ лежащую близь той другую березу,и когда Мылтык-ашха прибѣжалъ подъ тѣнь березы и под-

нялъ съ лица кольчугу, русскій выстрѣлилъ ему въ лобъ и убилъ. Отрядъ Мылтык-ашхи былъ взятъ.

Мамытъ оправдался предъ русскими тѣмъ, что его намѣреніе было только убить Балыка за обманъ, и остался въ нашемъ подданствѣ. Поэтому народъ Балыка отдѣлился отъ Мамыта и поселился ниже по р. Томи, получивъ названіе *Скедамовъ*.

Примѣчаніе. Скедамы, какъ и Бачатскіе телеуты, были идолопоклонники; но, соединясь съ татарами—ташкентцами, живущими въ гор. Томскѣ въ недавнее время, не болѣе 50 лѣтъ, обращены муллами въ магометанство.

Магометане—телеуты и Бачатскіе телеуты, находясь въ близкихъ сношеніяхъ съ томскими татарами, приняли отъ нихъ нѣкоторыя измѣненія въ своемъ нарѣчіи.

3) О междоусобной войнѣ Амыр-Санаги съ Чаган-Нараттаномъ, о происхожденіи народа Тургуутъ и о подданствѣ Россіи алтайскихъ калмыковъ.

Когда *Ойрот-хан* умеръ и когда отъ междуусобныхъ войнъ царство его распалось на части, главнымъ начальникомъ Ойротскаго войска въ то время былъ *Амыр-Санага*, а начальникомъ надъ частью народа алтайскаго (въ родѣ губернатора)—*Чаган-Нараттан*, живущій въ Тарбагатаѣ. Чаган-Нараттанъ произвелъ ревизію у алтайцевъ и другихъ ойротскихъ племенъ и задумалъ всю власть надъ народомъ и войскомъ присвоить одному себѣ. Амыр-Санага во-время узналъ объ этомъ и поспѣшно отдѣлился отъ него съ своимъ войскомъ. Поднялась жестокая междуусобная война. Послѣ многихъ незначительныхъ покушеній съ той и другой стороны, оба войска сошлись, наконецъ, на р. Чарышѣ, гдѣ произошла между ними рѣшительная битва: Чаган-Нараттанъ, не дождавшись конца сраженія, бѣжалъ съ своими приближенными, въ числѣ 62 человѣкъ, и скрылся въ пещерѣ, находящейся близъ устья р. Уснези, на правомъ берегу р. Катуни. Между тѣмъ алтайцы, подъ начальствомъ Коо-Какшіна, одержали побѣду, лишившись въ тоже время и этого начальника. Прогнавши Амыр-Санагу за р. Иртышъ, они, не найдя между убитыми Чаган-Нараттана, разсыпались по горамъ для его поисковъ. Наконецъ, открыли его убѣжище. Пытаясь и отсюда убѣжать, Чаган-Нараттанъ былъ однако-жъ пойманъ на одной маленькой рѣчкѣ, которая и называется теперь вслѣдствіе этого *Бій-тутхан* (начальникъ пойманъ), а пещера, гдѣ онъ скрывался, названа *Бій-шібезі* (защита или крѣпость начальника). Она находится на горѣ *Тарлык* (пороховая). По угламъ этой пещеры въ настоящее время навалены кости животныхъ, должно быть, идоложертвенныхъ. Каменныя стѣны пещеры какъ-бы потѣютъ: эта отпоть селитряннаго свойства, она застываетъ и осыпается, цвѣтъ ея темно-сѣрый.

Говорятъ, что калмыки изъ этой осыпи, сдѣлавъ порошекъ, варили

въ водѣ съ сѣрою и углемъ и получили изъ этой смѣси порохъ, прибавляя медвѣжью или сурковую желчь. Раздраженные трусостью Чаган-Нараттана, алтайцы сказали ему: „Если ты во время войны оставилъ насъ, то мы оставляемъ тебя и во время мира; ты не жалѣлъ насъ и бросилъ, теперь и мы не жалѣемъ тебя и не признаемъ своимъ начальникомъ.“

Другіе два начальника Ойрот-хана, жившіе при вершинѣ р. Чуи, *Курдюн-Убан* и *Шерен-Убан*, уклоняясь отъ войны между Чаган-Нараттаномъ и Амыр-Санасаю, продолжавшейся три года, ушли съ своимъ народомъ къ *Эдень-хану* (китайскій императоръ). Когда они переходили большую рѣку въ китайскихъ предѣлахъ, ихъ застигла осень, вода стала покрываться льдомъ. Большая часть народа Убанова успѣла перейти рѣку, а малая часть осталась за рѣкой и вовсе отстала отъ своихъ. Рѣка эта получила названіе *Тургуун*, а народъ—*Тургуут* [1]) (*турун-калган*—остался). Курдюн-Убанъ сталъ называться *Талай-ханомъ*, потому что онъ *талайганча-кыргенъ*, т. е. съ поднятою или вооруженною рукою вошелъ въ китайскую землю. Ханство его находится въ смежности съ землею сойонцевъ, на р. Кемчугѣ, отъ китайскаго пограничнаго знака *Кату-обо* до столицы Талай-хана 1 день ѣзды. Сойонцы, во время путешествія въ Пекинъ съ податью, проходятъ чрезъ землю Талай-хана; народъ его называется *Тербет*. Тургууты-же разсыпались во всѣ стороны: въ Бухарію, Коканъ, есть и около Тобольска. Чаган-Нараттан-тайгами также ушелъ вслѣдъ Курдюн-Убана къ Эдень-хану и поселился съ своимъ народомъ въ земляхъ Талай-хана. Амыр-Санага лишился убитыми до двухъ третей своего войска и съ остальными, какъ сказано было, скрылся за Иртышъ. Тамъ, соединившись съ тургуутами, поступилъ въ подданство Россіи, въ царствованіе Екатерины II, принятъ, какъ дворянинъ, и названъ *Краснощекимъ*.

По уходѣ Чаган-Нараттана въ Китай, предводитель монголовъ *Чадок*, сынъ Эзеня, вторгнулся въ Алтайскія горы и хотѣлъ покорить подъ свою власть оставшихся безъ начальника алтайцевъ; но предпріятіе его не удалось: разбитый алтайцами, предводимыми храбрымъ Тёдёотомъ, на голову, онъ не далеко отъ р. Чуи, между рр. Улегэномъ и Яламаномъ, на полянѣ *Мунгашъялан*, оставилъ такой памятникъ, изъ котораго можно видѣть о многочисленности его войска при вступленіи въ Алтай и о малочисленности при отступленіи. Это два холма, состоящіе изъ булыжника: алтайцы говорятъ, что, идя впередъ, Чадокъ приказалъ каждому воину бросить по камню, отчего составился первый большой курганъ, а идя назадъ съ разбитыми остатками войска, онъ велѣлъ опять каждому воину взять съ прежняго кургана по камню и бросить подлѣ, отдѣльно; отъ этого образовался курганъ втрое менѣе перваго. Но чтобы еще болѣе отбить охоту нападать на Алтай, Чадокъ описалъ исторію несчастнаго своего похода на скалѣ *Бічікту-гая* (писан-

---

[1]) Вѣроятно, *торготь*, *торгоутъ*—одинъ изъ союзныхъ народовъ ойротства.

ная гора), на правомъ берегу р. Катуни, въ одной верстѣ отъ устья р. Чуи. Огромный этотъ утесъ снизу вездѣ, гдѣ есть ровное мѣсто, весь исписанъ частыми строками и разрисованъ изображеніями птицъ и животныхъ. [1])

Между тѣмъ алтайцы, хотя и отбились отъ непріятеля, но и сами потерпѣли большой уронъ. Боясь новыхъ нападеній со стороны монголовъ и видя, что нельзя имъ оставаться безъ хана, они поступили въ подданство Русскаго царя.

И тогда-то они, взойдя на гору *Ялменкы* (вѣчная грива), изъ которой вытекаютъ рѣчки *Себі* и *Короты*, и видя Алтай опустошеннымъ, безъ жилищъ и жителей, воспѣли:

Устьуртун курёрдо и т. д.
(см. далѣе, „Пѣсни", № 1).

4) О Телецкомъ озерѣ.

Въ давно-минувшія времена во всемъ Алтаѣ былъ голодъ. Одинъ калмыкъ обладалъ большимъ слиткомъ золота, но обойдя весь Алтай съ своимъ сокровищемъ, не могъ пріобрѣсти на него ни одного куска хлѣба. Раздосадованный богатый бѣднякъ бросилъ свой слитокъ въ озеро и самъ погибъ въ волнахъ его. Оттого Телецкое озеро на языкѣ алтайцевъ называется *Алтын-нор* или *Алтын-кул* (золотое озеро).

5) Мрасскій порогъ.

Въ 100 верстахъ выше устья р. Мрасы бурлитъ и страшно клокочетъ извѣстный *Мрасскій порогъ*, на протяженіи 7 верстъ, ущемленный между горами. Волны выше сажени вздымаются чрезъ разбросанные на днѣ огромной величины камни, отъ рева ихъ не слышно и громкаго разговора. Такіе-же камни находятся и по обоимъ берегамъ, равно какъ и на горѣ съ правой стороны, имѣющей видъ развалинъ. Плоты и лодки, освобожденные отъ клади, спускаются чрезъ порогъ на веревкахъ, а кладь переносится по тропѣ, съ правой стороны проложенной по камнямъ. По обоимъ берегамъ валяются остатки исковерканныхъ плотовъ и осколки лодокъ, свидѣтельствующіе о небезопасности путешествія.

По преданію мрасскихъ инородцевъ, въ древности рѣка протекала сквозь гору мрачнымъ ущельемъ, въ которое проходили съ заженнымъ смольемъ; но подобный проходъ предки ихъ нашли не удобнымъ и обратились чрезъ

[1]) Впрочемъ, мнѣнія о писателѣ и содержаніи написаннаго различны. Нѣкоторые утверждаютъ, что это писалъ Ойрот-ханъ исторію своего царствованія. Другіе говорятъ, что это написано не болѣе, какъ лѣтъ 60 китайцемъ Талаемъ, который описалъ здѣсь не только жителей Алтая, но звѣрей и птицъ, живущихъ по горамъ, и трудился надъ этимъ ровно два лѣта. Не зная китайскаго языка, рѣшить трудно. Подобная-же *Бічікту-гая* есть на устьѣ р. Карагола.

своихъ шамановъ къ хозяину горы—*ту-ээзі* съ моленьемъ: „Нельзя-ли уничтожить это ущелье?" *Ту-ээзі* велѣлъ имъ принести ему въ жертву одну старую женщину, по имени *Манак*, опустивъ ее въ ущелье на *салчикѣ* (небольшой плотъ), безъ огня. Такъ и сдѣлали. Когда Манак доплыла до средины ущелья, гора съ шумомъ и трескомъ падаетъ на нее. Эта упавшая гора, у подошвы которой находится порогъ, и доселѣ носитъ названіе своей жертвы—*Манак*.

6) Богатыри р. Катуни.

Два Катунскихъ богатыря, отецъ съ сыномъ, задумали прославить свое имя постройкою прочнаго моста чрезъ бурливую Катунь. Работа началась съ исполинской силой. Добрый духъ Ульгэня помогалъ имъ, но съ условіемъ, чтобы во время работы они держали себя въ чистотѣ. Огромные камни посыпались съ той и другой стороны своевольной рѣки; осталось не болѣе сажени на срединѣ для арки, подъ которою предназначено течь водѣ. Но день вечерѣетъ, мощные труженники предаются усладителному отдохновенію; добрый духъ Ульгэня охраняетъ ихъ покой. Вотъ они пробуждаются. Отецъ, схвативъ крѣпкими руками бремя камней, спѣшитъ къ трудамъ своимъ, но видитъ, что много камней изъ насыпи поглощено Катунью, потому что сынъ его не соблюлъ условія добраго духа. Отецъ богатырь, съ негодованіемъ на челѣ, садится на ближайшій камень и грустно смотритъ на недоконченное предпріятіе. Слѣды его сидѣнья и огромныхъ босыхъ ногъ отпечатлѣлись на камняхъ и съ остатками насыпи сохранились доселѣ выше устья р. Чемала.

7) Богатырь горы Катуни. [1])

Въ 70 верстахъ отъ г. Кузнецка, на правомъ берегу р. Кондомы есть гора *Катунь*. Вершина этой горы вѣнчается каменнымъ утесомъ; у подошвы ея находится улусъ Подкатунскій, мѣсто рожденія въ древнія времена извѣстнаго между инородцами богатыря. Богатырь этотъ еще въ отрочествѣ

[1]) Алтайскія горы, замѣчательныя или своею высотою, или очертаніями, были до потопа богатырями. Нѣкоторые изъ этихъ богатырей, еще до потопа-же, вслѣдствіе родительскихъ или другихъ заклятій, были превращены въ горы.

Послѣ потопа земля лишилась первоначальной своей твердости и не могла держать на себѣ богатырей, поэтому всѣ они превратились тѣлами въ горы, въ которыхъ присутствуютъ духи ихъ, подъ именемъ *ту-езі* (алт.) или *таг-езі* (алад.)—хозяинъ горы, горный духъ. Алтаецъ—язычникъ этимъ горнымъ духамъ кланяется и приноситъ жертвы, устрояетъ празднества (весенній *шачыл*), предъ принятіемъ пищи первыя три ложки жидкости брызгаетъ на воздухъ въ честь хозяевъ горъ, съ восклицаніемъ: *чок!* (алт.) *шок!* (алад.). Изъ допотопной жизни богатырей въ народныхъ преданіяхъ особенно обращено вниманіе на свадьбы и войны ихъ. Слабѣйшіе, какъ и всегда, уступали и платили дань. Меньшія горы, хотя не были богатырями сами, но были свидѣтелями героическихъ подвиговъ богатырскихъ и остались памятниками замѣчательныхъ событій.

ужасалъ всѣхъ необыкновенною силою: въ дѣтскихъ играхъ, кого онъ схватитъ за руку, рука прочь, за голову—голова летитъ; медвѣдей этотъ новый Сампсонъ разрывалъ руками. Бывало, отецъ прикажетъ ему загнать корову, онъ схватитъ ее въ охабку и принесетъ домой; прикажетъ, шутя, принести огромную сосну на дрова, дерево трещитъ и съ корнями мчится по назначенію. Такимъ образомъ богатырь нашъ достигаетъ 10-ти лѣтняго возраста. Сила его, годъ отъ году, возрастала; только къ огорченію родителей и ужасу окружающаго его общества, ума у него не хватало. А сила безъ ума, равно какъ и власть, дѣло—*чабал* (плохо). Родители и сосѣди задумали порѣшить эту безумную силу слѣдующею хитростью: на утесѣ Катуни, въ теченіе 6-ти недѣль, раскаляютъ большой камень, и потомъ отецъ сказалъ сыну: „Ну, милый сынъ, пойди, встань на берегу рѣки и смотри на утесъ, мы оттуда будемъ гнать краснаго оленя, а ты его хватай и держи до моего прихода.“ Раскалившійся камень летитъ съ Катунскаго утеса, богатырь его хватаетъ; камень жжетъ его богатырское сердце, но онъ говоритъ самъ себѣ: „Пусть всего меня ты изожжешь, а ужъ я тебя не выпущу, пока не придетъ батюшка,“ и, дѣйствительно, не выпустилъ, но зато и поплатился своею жизнью. Изъ дальнихъ родственниковъ этого богатыря—мальчика въ настоящее время сохранились только двое: инородецъ улуса Подкатунскаго *Кыштеш* съ своею сестрою [1]).

8) Гора Катунь.

Гора *Катунь* такъ-же замѣчательна въ метеорологическомъ отношеніи, какъ и гора *Бабырган* (въ 60 верст. отъ г. Бійска, на лѣвомъ берегу р. Катуни).

Обѣ эти горы заблаговременно предвѣщаютъ измѣненіе погоды: первая—необыкновеннымъ воемъ, а послѣдняя закрываетъ высокое чело непроницаемымъ туманомъ. По преданію, одна татарская женщина, лишившись любимаго своего супруга, взъѣхала на каменный утесъ и, завязавъ коню своему глаза, пришпорила его и ринулась въ бездну. Съ тѣхъ поръ свидѣтель этого печальнаго происшествія, утесъ, по временамъ, воемъ своимъ оплакиваетъ погибшую жену и, въ воспоминаніе о ней, получилъ названіе *Катуни* (Катунь—жена). По другому сказанію, Катунь была женою Мустага (см. ниже, № 9), которую онъ оставилъ за обиліе у нея вшей.

У нея было 18 сыновей: 1) Улуг-даг—при р. Учуленъ, 2) Шолбаныг—въ вершинѣ р. Тениша, 3) Коштаг-улу, 4) Коштаг-кічі—при р. Учуленъ, 5) Шобар—при устьѣ р. Тениша, 6) Кученеш—при устьѣ р. Тамалы, 7) Ачолуг—между рр. Тазомъ и Тельбесемъ, 8) Уек, 9) Кара-тубе, 10) Таз-анк и 11) Таспелбіе—недалеко отъ р. Ачолуга, 12) Тору-даг и 13) Назій—между рр. Тазомъ и Кунделемъ, 14) Казыл-гая—при устьѣ р. Таза, 15) Ог-аттыг—при р. Кондомѣ, 16) Карагайы-даг—при р. того-же имени, 17) Улуб-шобар и 18) Кічі-шобар—близъ улуса Подкатунскаго, рядомъ съ своею матерью.

[1]) Между тѣмъ уже всѣхъ цодкатунцевъ привѣтствуютъ: *„Алыг Катун ал! Кызыл даш кучактаган курсагы куйген. Паланын мізін шігара паскан.“* („Глупцы—катунцы! Вы держали въ своихъ объятіяхъ красный (отъ огня) камень и прожгли себѣ брюхо, а у ребятъ выдавляли мозгъ.“

9) Мустаг, Карабур и Кізей.

Гора *Мус-таг* (ледяная гора) находится къ сѣверу отъ хребта Абаканскаго. Въ допотопное время Мустагъ, оставивъ въ своемъ владѣніи намѣстника, самъ отправился въ Китай для женитьбы на высватанной имъ *Кегдъ* На возвратномъ пути, близь села Салтона, на границѣ Бійскаго и Кузнецкаго округовъ, встрѣчаетъ его намѣстникъ его и объявляетъ, что въ его отсутствіе *Абаган*, пришедши съ вооруженною силою, завоевалъ его владѣнія. Мустагъ впопыхахъ бросилъ молодую жену свою, которая и теперь стоитъ близъ села Салтона и замѣчательна тѣмъ, что, при самой тихой погодѣ у подошвы, на ея вершинѣ лѣтомъ дуютъ вѣтры съ необыкновеннымъ шумомъ, какъ-бы отъ плеска волнъ, а зимою свирѣпствуетъ буранъ. Это Кегда оплакиваетъ своего друга. Мустагъ, прибывши домой, вступаетъ въ бой съ Абаганомъ, но неудачно, и обращается за помощью къ старшему сыну своему *Карабуру* (гора въ 45 верст. отъ Мустага), который, обидѣвшись на то, что не былъ приглашенъ къ началу сраженія, не пошелъ на помощь. Побитый отецъ снова проситъ о помощи гордаго сына. Карабуръ умилостивляется; пріѣхалъ, заигралъ въ трубу (*пыргы*), и Абаганъ, не стерпѣвши трубнаго звука, вышелъ изъ владѣній Мустага; но этого мало для Карабура, онъ шутить не любитъ и въ догонку просадилъ врага своею богатырской саблей въ 9 мѣстахъ, отчего образовалось 9 *тасхыл* (сопки), которыя и до сего времени стоятъ на г. Абаганѣ, во свидѣтельство его пораженія. По дорогѣ Карабуръ взялъ еще изъ владѣній Абагана за понесенныя военныя издержки 4 тайги: *Саабыдын*, *Кыір-Саабыдын* (*кыір*—кривой), которая хотѣла-было убѣжать назадъ, но завоеватель такъ ловко ударилъ ее по щекѣ, что она скривилась на бокъ, *Шеръ* и *Пазай*.

Шаманы въ своихъ волшебныхъ дѣйствіяхъ призываютъ на помощь себѣ всѣ знаменитыя горы и, когда подходятъ къ сердитому Карабуру, представляютъ страхъ, пятятся назадъ, особенно во время весенней *абыртки*, при обновленіи бубна. Карабуръ всегда остается не доволенъ бубномъ, требуя большаго размѣра. Шаманъ подобострастно оправдывается неимѣніемъ большей величины моралины, которою обтягиваются бубны, тотъ выноситъ книги величиною по сажени, отыскиваетъ тамъ подробное описаніе бубна, но, умилостивленный абырткою, умолкаетъ.

Мустагъ, оставивъ Кегду, присватался за дочь богатыря *Шанчілых* (гора на лѣвомъ берегу р. Мрасы). Этотъ не отдалъ. Оскорбленный Мустагъ

откололь своею богатырскою саблей большой кусокъ отъ Шапчілыха и взялъ дочь его силою. Отколокъ этотъ и до сего времени стоитъ рядомъ съ горой, отъ которой отрѣзанъ.

Младшій сынъ Мустага *Кізей* (грубый) часто прогнѣвлялъ отца, и за это былъ прогнанъ въ дальнюю сторону отъ родительскаго дома. На дорогѣ въ изгнаніе попалась ему г. *Утья* и стала любопытствовать, отчего произошло у нихъ несогласіе съ отцомъ? Это неумѣстное любопытство и непрошенное вмѣшательство въ семейныя дѣла еще болѣе раздражили и безъ того уже огорченнаго Кізея, и потому съ досадою онъ такъ хватилъ Утью, что въ вершинѣ ея пробилъ окно, величиною съ большой домъ. Прогнанный Кізей въ настоящее время покоится при р. Мунзасѣ.

10) Арза-даш.

Абаганъ держалъ въ подчиненіи Мустага. Однажды Мустагъ замедлилъ сборомъ дани съ своихъ подчиненныхъ и послалъ своего почталіона Азрадаша попросить у Абагана отсрочки, съ наказомъ посланному, чтобы онъ не медлилъ нисколько въ дорогѣ. Азрадашъ летитъ къ Абагану, но на р. Кондомѣ встрѣтилъ красивую женщину съ распущенными волосами, прельстился ею и замедлилъ. Абаганъ, соскучась дожидать дани, не видя и извиненія, напалъ на Мустага, разбилъ его и отобралъ отъ него соболей, которые и до сихъ поръ водятся преимущественно на Абаганѣ. Мустагъ, въ наказаніе, превратилъ Азрадаша съ прельстившею его женщиною въ раздвоенный камень, который и по настоящее время возвышается изъ Кондомы, пониже устья р. Таш-су, верстахъ въ 11 выше Спасскаго золотаго промысла.

Въ мирное время Абаганъ съ Мустагомъ поигрываютъ въ карты, и, смотря по проигрышу, бѣлки и другая проигранная пушнина переселяются то съ Абагана на Мустагъ, то наоборотъ.

11) Туралыг.

Каменная гора *Туралыг* находится въ 10 верст. ниже Мрасскаго порога, на правомъ берегу. Однажды оспа направилась къ черневымъ инородцамъ вверхъ по р. Мрасѣ. Туралыгъ началъ бросать въ нее камнями. Оспа превратилась въ двухъ змѣй и поползла по горѣ, но Туралыгъ не вдался въ обманъ. Онъ пригвоздилъ змѣй къ утесу, которыя и до сихъ поръ, въ видѣ двухъ черныхъ извилистыхъ полосъ, отражаются на желтоватомъ камнѣ. Въ признательность за это благодѣяніе Туралыгъ чествуется шаманами во время ихъ суевѣрныхъ дѣйствій наравнѣ съ другими горами, чѣмъ-либо знаменитыми.

12) Ог-аттыг таш.

Ог-аттыгъ ташъ (стрѣльный камень) находится на правомъ берегу р. Кондомы, въ 55 верст. отъ г. Кузнецка, названъ во времена отдаленныя, когда въ Алтаѣ жила безпокойная Чудь и дѣлала набѣги на острогъ Кузнецкій. Во время перваго нападенія своего, Чудь, дошедши до юрты татарина *Кузедея* (отсюда улусъ Кузедеевскій, въ 60 верст. отъ г. Кузнецка, на лѣвомъ берегу р. Кондомы), кочевавшаго съ своими стадами въ 7 вер. отъ остроконечной, отвѣсной скалы, принудили его быть вожатымъ до острога Кузнецкаго. Кузедей уступилъ силѣ и, противъ желанія своего, повелъ многочисленную Чудь. Поровнявшись со скалою, онъ похвалился предъ Чудью своею ловкостью стрѣлять изъ лука: пущенная имъ стрѣла воткнулась въ самую вершину скалы, отчего послѣдняя и наименована *Стрѣльнымъ* камнемъ. На этомъ камнѣ произростаютъ, между прочимъ, *ревень, балдырьян, каменный звѣробой, казацкій можжевельникъ* и особенный видъ лиліи, на подобіе кандыку, очень красивый и болѣе въ Алтаѣ мнѣ нигдѣ не встрѣчавшійся. За этимъ утесомъ и до сихъ поръ видна глубоко выбитая конскими копытами тропа: это, по преданію, путь Чуди.

13) Китайскій богатырь Садагай.

По преданію инородцевъ Кузнецкаго округа, живущихъ по р. Мрасѣ (впадаетъ съ лѣвой стороны въ Томь), въ старые годы, на ихъ мѣстѣ жили китайцы. Памятникомъ ихъ существованія осталось: *заѣздка китайца*— два большихъ камня на лѣвомъ берегу р. Мрасы, въ 37 вер. выше ея устья. Былъ у китайцевъ и богатырь *Садагай*, который ѣздилъ на соловомъ конѣ необыкновенной величины, такъ что, въ переѣздахъ чрезъ глубокія рѣки, вода никогда не достигала выше стременъ. Въ семействѣ Садагая было 9 женъ, которыхъ онъ бралъ одну за другою, въ надеждѣ имѣть дѣтей, но за многоженство Богъ отказалъ ему въ дѣтяхъ. Однажды жены его, сбирая въ лѣсу дрова, увидѣли огромнаго медвѣдя и, прибѣжавшии домой, съ ужасомъ разсказали объ этомъ своему мужу. Садагай приказалъ кипятить воду въ котлѣ, обѣщаясь сейчасъ принести имъ на варево мясо этого медвѣдя, но вышло не такъ. Вмѣсто одного часа, онъ провелъ въ единоборствѣ съ медвѣдемъ трое сутокъ и, наконецъ, обезсиленный, былъ растерзанъ звѣремъ. Поразивши богатыря, кровожадный звѣрь бросился и за конемъ его. Соловко 4 дня бѣгалъ отъ медвѣдя, но на 5-й выбился тоже изъ силъ, былъ пойманъ и брошенъ съ горы такъ сильно, что, отъ его паденія, образовался подземный провалъ, наполненный водою, существующій и донынѣ, подъ именемъ *курьи* (заливъ) на лѣвомъ берегу р. Мрасы, въ 12 вер. отъ ея устья.

14) Тохпах-ажінгы.

Расположеніе горъ при рѣкахъ бываетъ самое разнообразное; часто рѣка прямо упирается въ гору и дѣлаетъ крутой поворотъ въ сторону, отчего нерѣдко приходится огибать горы кругомъ, дѣлая извилину отъ 5—15 верстъ. Эти крюки называются *тохпах-ажінгы* (*тохпак*—дровоколотная палка, *ашчадым*—переваливаюсь чрезъ гору). Въ подобныхъ извилинахъ рѣки богатыри, обыкновенно, имѣли *заѣздки* для рыбной ловли. Дровоколотная палка у сосѣдей—богатырей, промышляющихъ рыбу съ двухъ противоположныхъ сторонъ одной и той-же горы, обыкновенно, бывала общая и требовалась часто обоимъ богатырямъ. А такъ какъ обходить гору за палкою далеко, то они перекидывались ею прямо чрезъ гору, отсюда и нованіе *топхах-ажінгы*.

15) Столкновеніе Абагана съ Бобырганомъ.

Бобырган—гора на лѣвомъ берегу р. Катуни, противъ устья р. Майны. Бобырганъ вздумалъ жениться и посватался за дочь Абагана. Абаганъ много запросилъ калыма. Бобырганъ видитъ, что калыма въ запрошенномъ количествѣ ему не найдти, рѣшился дѣло сдѣлать покороче: укралъ невѣсту и побѣжалъ. Абаганъ погнался за нимъ. Бобырганъ, недалеко отъ вершины р. Салтона, поскользнулся и едва не былъ настигнутъ Абаганомъ. На этомъ мѣстѣ образовалась гора *Те-гді* (зацѣпилъ ногами). Бобырганъ успѣлъ убѣжать и переправился чрезъ р. Бію (въ 30 верстахъ отъ Те-гді). Абаганъ гонится; для облегченія Бобырганъ бросаетъ свою невѣсту и удираетъ одинъ. Абаганъ, догнавши свою дочь, хотѣлъ ее зарѣзать, но она взмолилась: „*Кеспе*!“ (не рѣжь!). Гора Кеспе находится близъ деревни Лебяжьей. Абаганъ пожалѣлъ свою дочь, оставилъ ей жизнь и, взявъ ее съ собою, продолжалъ гнаться за Бобырганомъ. Но такъ какъ дочь обременяла его вовремя погони, то онъ привязалъ ее. Мѣсто это—сопка *Пуулаган*, въ переводѣ: „привязалъ“ (между деревнями Краюшкиной и Березовкой). Абаганъ послѣ того, какъ привязалъ дочь свою, сталъ обозрѣвать мѣстность и, увидавъ бѣгущаго Бобыргана, сказалъ: „вонъ онъ краснѣетъ“. Мѣсто, куда онъ указалъ—*Кызарык* (краснѣющійся)—гора между селеніями Быстрянскимъ и Бардинскимъ. Бобырганъ, услыхавши голосъ Абагана, побѣжалъ вправо, по направленію къ деревнѣ Сросткамъ и, замѣтивъ удобную переправу чрезъ р. Катунь, перескочилъ ее и побѣжалъ далѣе. Но отъ испуга или отъ прыжка оборвались у него нѣкоторыя части тѣла; именно *тажак*, и тутъ образовался круглый пригорокъ на обширной ровной степи, близъ деревни Сѣтовки. Абаганъ, увидѣвши это, не сталъ переправляться чрезъ р. Катунь, хлопнулъ себя по бедрамъ, расхохотался и возвратился домой.

16) Кыланъ.

При р. Кыйыг-зу, впадающей въ Кобыр-зу, на одной сторонѣ находится гора *Кыланъ*, а на противоположной сторонѣ рѣки — утесъ о семи гребняхъ. Кыланъ была вдова, — имѣла семь дочерей. Одинъ богатырь посватался за одну изъ дочерей. Кыланъ поцеремонилась, и за это богатырь забралъ себѣ всѣхъ ея дочерей, которыя, въ видѣ семи отдѣльныхъ гребней, и доднесь посиживаютъ при р. Кызынырык-голъ.

17) Мазаракъ.

На правомъ берегу р. Мрасы, противъ устья р. Онзаса, находится *Мазаракъ*, сражавшійся съ китомъ (*кер-балык*), заплывшимъ въ р. Мрасу и потопившимъ-было прибрежныхъ жителей. Мазаракъ бросилъ двумя большими камнями, которые и теперь лежатъ, высунувшись изъ р. Мрасы, въ видѣ воротъ, о которыя иногда разбиваются плоты. Этими камнями богатырь такъ сильно ранилъ кита, что онъ, немного проплывши, издохъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ протекаетъ рукавъ Мрасы — *Öлчк* (умершій), противъ улуса Сосновой Горы.

18) Кызыл-гая.

На правомъ берегу р. Мрасы, въ пяти верстахъ выше улуса Сосновой Горы, издали краснѣетъ гора съ твердою охрою краснаго цвѣта. По преданію, здѣсь жили въ прежнія времена инородцы Паянской волости, въ числѣ 470 домовъ. Въ одномъ семействѣ было 9 братьевъ, изъ которыхъ двое пошли промышлять въ тайгу и до того увлеклись охотою, что позабыли и время, спустились съ бѣлковъ и увидѣли, что рѣки очистились отъ льда и зелень вышла въ колѣно. Ясно, что весна, но которая? Можетъ быть, ужъ вторая послѣ ихъ отлучки изъ дома, потому что на бѣлкахъ время года узнать мудрено: тамъ вѣчная зима. Припомнивъ о своей добычѣ, они сообразили, что дѣло неладно, такъ какъ изъ 9-ти убитыхъ ими медвѣдей не оказалось ни одной самки. Они спѣшатъ домой, какъ только можно спѣшить пѣшею ногою и притомъ съ порядочною ношей за плечами. Пришли домой неожиданно. Семейства ихъ перестали считать ихъ живыми. Жена одного изъ вернувшихся звѣролововъ вступила во второе супружество. Запоздалые промышленники, разсердившись за такіе непорядки въ домѣ, убили жену-измѣнницу съ нарушителемъ супружеской вѣрности. Свидѣтель такого преступленія—*Кызыл-гая* обагрилась кровью (отчего и теперь красна), на всю Паянскую волость сошло проклятіе: родъ ихъ болѣе одного сына въ семействѣ никогда не производитъ. Изъ *сööк-а* (поколѣнія) девяти братьевъ и доселѣ живы въ улусѣ Чувашкѣ (на Мрасѣ) Семенъ Купеевъ и Павелъ Падяновъ.

19) Улуг-таг.

При устьѣ р. Мрасы, впадающей въ Томь, замѣчательны скалы изъ камня—песчаника съ галькою, вдавленною какъ-бы въ цементъ. Скалы эти имѣютъ причудливыя формы колоннъ съ карнизами, слывущихъ подъ именемъ старинныхъ богатырей. Вся гора съ каменными витязями называется *Улуг-таг*, а одинъ круглякъ, якобы растущій вверхъ, — *Каролчук* (караульщикъ). Одинъ камень, по сказанію, имѣлъ форму человѣка, но воевода города Кузнецка выслалъ на погубленіе его десять человѣкъ вооруженныхъ солдатъ, которые и отрѣзали ему голову. Срѣзанная голова, похожая, впрочемъ, не на голову, а на толстую плиту, валяется у подошвы горы и доднесь. Въ отмщеніе за это, губители успѣли только переправиться на другую сторону (лѣвую) р. Томи и тамъ всѣ померли, исключая одного, который-бы сказалъ о случившемся.

20) Курт-як-таш.

Близъ устья р. Бугунчи, впадающей въ Мрасу, на правой сторонѣ стоитъ стражемъ утесъ *Курт-як-таш* (камень-старуха), который выше себя не пропускаетъ щукъ. И дѣйствительно, выше этого утеса щукъ въ Мрасѣ почти нѣтъ. Если-же которая изъ отважныхъ щукъ заберется выше стража и попадетъ въ ловушку, то ее, изъ опасенія смерти, выпускаютъ на свободу.

21) Ак-гая.

Ак-гая (бѣлый камень) стоитъ на лѣвомъ берегу р. Кондомы. Были два соименныхъ кама: старшій Ак-гая и младшій Ак-гая. Меньшій Ак-гая ѣздилъ шаманить къ больному Тайзинѣ, облегчилъ его болѣзнь и получилъ въ подарокъ халатъ. Старшій Ак-гая, для характеристики котораго должно сказать, что онъ ковалъ раскаленное желѣзо однѣми своими руками, употребляя пальцы вмѣсто щипцовъ, а кулакъ вмѣсто молота, — возревновалъ, что отъ него отбиваютъ доходъ и превратилъ младшаго своего брата въ камень, который и доднесь стоитъ рядомъ съ старшимъ братомъ, а до этого случая онъ жилъ выше устья р. Ындрапа.

22) Панто-гаязы.

Утесъ *Панто-гаязы*—при р. Кондомѣ, недалеко отъ устья р. Корлы. Утесъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что былъ зимнею стоянкою богатыря Ольгудека. Было время, когда Аладагцы (черневые татары Кузнецкаго округа) дани никому не платили. Но вотъ напали на нихъ ойроты, завоевали ихъ и обложили ясакомъ. Одинъ только аладагскій богатырь Ольгудекъ не подчинялся ойротамъ, стараясь всячески избѣгать ихъ. Жительство богатыря

было близъ Спасскаго золотаго промысла, и именно лѣтомъ при р. Кылдашѣ (въ 15 вер.), а зимою на утесѣ Панто-гаязы (въ 100 саж.). Ойроты долго искали Ольгудека безуспѣшно, наконецъ застали его на рыбалкѣ р. Кондомы. Ольгудекъ, завидѣвъ ойротовъ, бѣжалъ отъ нихъ на гору Карабуръ и скрылся въ пещеру неприступнаго утеса. Ойротскій богатырь, одѣтый въ кольчугу, выстрѣлилъ въ Ольгудека, но стрѣла не долетѣла до него. И Ольгудекъ съ своей стороны не дремалъ: онъ выстрѣлилъ въ ойрота, прострѣлилъ его насквозь, такъ что стрѣла воткнулась въ камень. Ойроты подхватили убитаго своего богатыря, привязали въ торока и увезли домой. Потомъ для поимки Ольгудека пріѣхали съ большими силами, взяли его въ плѣнъ, руки и ноги связали сыромятными ремнями и повезли въ свою сторону. На срединѣ ихъ пути стоитъ камень, величиною съ корову, похожій на нее и видомъ. Не доѣзжая до этого камня трехъ верстъ, ойроты предложили Ольгудеку состязаться съ ними въ стрѣльбѣ, прицѣливаясь въ камень-корову. Сначала стрѣляли ойроты, но ихъ стрѣлы не долетами до камня. Ольгудекъ просилъ развязать его, пустилъ стрѣлу, разбилъ камень на двое и вонзилъ стрѣлу въ средину большой березы, которая стояла за камнемъ. Прибывши въ ойротскую землю, спутники Ольгудека объявили своему народу о силѣ и ловкости своего плѣнника. Ойроты, желая убѣдиться въ справедливости разсказовъ своихъ единоплеменниковъ, предложили Ольгудеку пустить стрѣлу въ теленка на разстояніи 10 верстъ, съ тѣмъ условіемъ, что если стрѣла угодитъ въ лобъ теленку, тогда отпустятъ его, богатыря, домой. Ольгудекъ проситъ ойротовъ развязать ему руки. Желаніе его исполнено. Ольгудекъ стрѣляетъ разъ, но стрѣла не долетѣла до теленка 5-ти саженъ; стрѣляетъ онъ во второй разъ,—стрѣла полетѣла мимо теленка, упавъ въ 5-ти саженяхъ далѣе его. Тогда Ольгудекъ проситъ дозволить ему попробовать своего счастья въ третій разъ, но съ тѣмъ, чтобы развязали ему и ноги. Получивши на это согласіе, онъ отставилъ отъ себя ногу на аршинъ, прицѣлился и хватилъ теленка прямо въ лобъ, навылетъ въ задній проходъ. За этотъ подвигъ ойроты чрезъ три года (такъ-какъ онъ стрѣлялъ три раза) отпустили Ольгудека въ сопровожденіи войска въ 300 человѣкъ. Немного не доѣхавъ до мѣста своей родины, Ольгудекъ захворалъ и померъ. Братъ его Олакъ, услыхавъ о смерти Ольгудека, настоялъ на томъ, чтобы, вмѣсто умершаго брата, взять кого-либо изъ провожатыхъ ойротовъ и женить на вдовѣ послѣ Ольгудека. Отъ этого ойрота и вдовы богатыря произошло поколѣніе *паштыка* (волостной старшина) Шорской волости *Эбиски*, впослѣдствіи крестника моего Ильи Васильевича Токмашева, который кочевки свои близъ Спасскаго золотаго промысла считалъ наслѣдственными въ своемъ родѣ и очень обижался на мастеровыхъ служителей этого промысла, стѣснявшихъ его въ покосахъ, какъ-бы игнорируя его богатырское происхожденіе. Илья Васильевичъ, кромѣ своего происхожденія, замѣчателенъ былъ тѣмъ, что служилъ несмѣннымъ паштыкомъ около

30 лѣтъ и носилъ, поверхъ новой ситцевой рубахи, большую золотую медаль на анненской лентѣ, жалованную императоромъ Павломъ дѣду его Токмашу, тоже бывшему паштыкомъ, или *князцемъ* (какъ сказано въ ордерѣ) Шорской волости, и перешедшую по наслѣдству къ нему Эбискѣ-Иліи.

По другому сказанію, Ольгудекъ женился въ плѣну на ойроткѣ, имѣлъ отъ нея сына и, убаюкивая его, часто распѣвалъ самыя печальныя пѣсни о своей милой родинѣ. Ойроты сжалились надъ нимъ и отпустили его домой съ женою, сыномъ и провожатыми. Но онъ не достигъ родины, умеръ въ дорогѣ. Жена его вышла замужъ за одного изъ провожатыхъ, отъ котораго и произошли многіе шорцы, гордящіеся своимъ происхожденіемъ не менѣе Крыловскихъ гусей.

23) Казырган и Кедере-даг.

Два брата *Казырган* и *Кедере-даг* жили вмѣстѣ у родителей и были богатырями. Но потомъ поссорились и разошлись. Мать долго старалась о ихъ примиреніи, но не успѣла, и потому, разсердившись, закляла ихъ: „будьте-же вы горами"! Богатыри мгновенно превратились въ горы и доднесь стоятъ: Казырган въ вершинѣ рѣки Абакана, а Кедере-даг при рѣкѣ Кемчикѣ. Кондомцы боятся Казыргана и считаютъ его сердитымъ. Звѣролову, ночующему на этой горѣ или близъ нея, нерѣдко слышится неистовый хохотъ на горѣ: это означаетъ, что тотъ человѣкъ скоро умретъ.

24) Унзас-кая-бажы.

Унзас-кая-бажы, съ которой имѣетъ начало р. Унзасъ, была свидѣтельницею вѣроломнаго убійства богатыря Алдана. Богатырь этотъ имѣлъ двухъ женъ: старшую и младшую. Беретъ онъ лукъ, цѣпныхъ двухъ собакъ своихъ и отправляется на звѣриный промыселъ на означенную гору. Шестеро непріятелей Алдана, явившись къ нему въ домъ, стали разспрашивать старшую жену богатыря: „куда отправился мужъ, когда возвратится, чѣмъ вооруженъ и когда спускаетъ съ цѣпей собакъ своихъ?" Старшая жена на всѣ вопросы недруговъ не дала никакого отвѣта. Непріятели обратились съ тѣми-же вопросами къ младшей женѣ, которая все разболтала. Враги Алдана, получивши отъ его младшей жены нужныя свѣдѣнія, стали поджидать богатыря на Унзас-кая-бажы. Алданъ, замѣтивъ ихъ, сталъ натягивать лукъ, но второпяхъ, сильно натянувши, переломилъ его, бросился къ замку цѣпныхъ собакъ своихъ, чтобы спустить ихъ, но въ поспѣшности провернулъ ключъ въ замкѣ. Враги напали на безоружнаго Алдана и убили его, старшую жену его—тоже, а младшую увели къ себѣ въ плѣнъ.

25) Миѳъ о происхожденіи верблюда и осла.

Въ неизвѣстномъ мѣстѣ жилъ народъ *Тебет-танат*. Китайцы знали о существованіи этого народа только по книгамъ, а гдѣ онъ находился, не вѣдали. *Тебет-танат* былъ народъ необыкновенный: почти ничего не ѣлъ, кромѣ древесныхъ почекъ, ничего не дѣлалъ, а, устремивъ взоръ свой на небо, только стоялъ и молился.

Китайцы послали путешественниковъ, чтобъ отыскать землю *Тебет-танат*. Посланные нашли эту землю, но проникнуть въ нее никакъ не могли, потому что множество летучихъ змѣй-мѣдянокъ (по алт. *окділан*, по-ойрот. *нокоіншарба-ділан*), которыя прострѣливаютъ сквозь человѣка, окружаетъ ее. Впрочемъ, одинъ изъ китайцевъ вызвался проникнуть туда, о чемъ и было немедленно донесено царю. Царь, призвавъ къ себѣ этого человѣка, спросилъ: „какъ ты можешь попасть туда, скажи?" Вызвавшійся человѣкъ, не объясняя способа, только увѣрялъ, что попадетъ. Царь ему сказалъ: „чтобъ ты не обманулъ насъ, что былъ въ землѣ *Тебет-танат*, въ удостовѣреніе наше, приведи оттуда человѣка къ намъ." Онъ согласился на это предложеніе, пошелъ и дошелъ благополучно: никакой змѣй ему не вредилъ, хотя и много ихъ ударялись объ него, но всѣ отскакивали.

Вошедши въ страну *Тебет-танат*, китаецъ увидѣлъ стоящій и молящійся обоего пола народъ, который произносилъ и повторялъ одно только слово: „*Кутай*." Домовъ и никакого жилья этотъ народъ не имѣетъ; болѣзней никакихъ не знаютъ. Китаецъ взялъ ихъ человѣка, ушелъ съ нимъ въ свое отечество. По уходѣ его, у жителей *Тебет-танат* появились разныя болѣзни, за что они послали на Китайское царство проклятія (*шільтемірь*); собравъ ихъ всѣ вмѣстѣ и составивъ видимую гору изъ нихъ, пустили по воздуху.

Китайцы узнали объ этомъ какъ-то по книгамъ и также собрали свою гору проклятій и пустили къ царству *Тебет-танат*. Эти двѣ горы проклятій встрѣтились и вступили въ борьбу: грызли, глодали, кусали, терзали на части и, наконецъ, извели другъ-друга до того, что гора, пущенная отъ народа *Тебет-танат*, стала величиною съ верблюда и сдѣлалась этимъ животнымъ—*тез* (отъ глагола *тегунюп*—вливаю въ себя, пожираю), которое и пришло въ Китай. А гора китайцевъ осталась съ осла и сдѣлалась осломъ—*эльдіэн* (значитъ „народъ ѣлъ"), который и вошелъ въ землю *Тебет-танат*. И доселѣ верблюды водятся у китайцевъ, а ослы у тебет-танатовъ.

26) Алтайская Чудь.

По всеобщему преданію алтайцевъ, во времена отдаленныя, Алтай населенъ былъ *Чудью*, не имѣвшей ни хановъ, ни зайсановъ. Въ то время не было ни одной березы. Какъ скоро появилось это небывалое дерево, Чудь умозаключила, что ей не сдобровать. Выкопали ямы, утвердили въ нихъ столбы для потолка изъ камней и земли, забрались въ эти ямы, подрубили столбы и тѣмъ, безъ дальныхъ хлопотъ, все дѣло покончили. Кургановъ или большихъ конусообразныхъ ямъ, обложенныхъ камнями, которыя

инородцами признаются за могилы предшествовавшаго имъ народа, въ разныхъ мѣстахъ Алтая весьма много, а особливо по рр. Чарышу, Абаю, Урсулу, Чуѣ и устью Кеньги.

Внутри нѣкоторыхъ кургановъ видны деревянные срубы и были находимы мѣдныя стремена, монеты и другія металлическія вещи.

За то-ли, что *береза* изгнала Чудь изъ Алтая, или за другое, только она въ священномъ почтеніи у нынѣшнихъ алтайцевъ. Мы видѣли (см. „Вѣрованія"), что большая часть орудій, употребляемыхъ при шаманствѣ, непремѣнно изъ березы, такъ *тюкеле, таскак, шіре, кый-гаш, сомо, ялама* и проч.—все изъ березы. Кромѣ того кузнецкіе инородцы каждую весну справляютъ березовый праздникъ—*чачіа*: наварятъ браги, высидятъ аракы, нарядятся въ лучшія одежды и собираются каждый улусъ у одной своей завѣтной вѣковой березы, навѣшиваютъ въ жертву ей тряпокъ и конскихъ волосъ разныхъ цвѣтовъ. Одинъ изъ толпы, свѣдущій, брызжетъ нѣсколько разъ брагою на березу, призывая демоновъ, чтобъ они не допускали змѣй въ улусъ, отвращали болѣзни, давали-бы рыбы побольше и проч.

27) Происхожденіе сеока Мундусовъ и Теолессовъ.

Послѣ войны въ одномъ мѣстечкѣ осталась живою одна только дѣвица. Она послѣ сильнаго дождя нашла льдинку (*мус*) и два пшеничныхъ зернышка, лежащія вмѣстѣ, которыя подняла и съѣла. Сдѣлавшись отъ того беременною, дѣвица вышла изъ своего уединеннаго мѣста, нашла человѣческое общество и тамъ родила двухъ близнецовъ мужскаго пола, названныхъ *Мундус*, вышла потомъ замужъ, и у нея родился еще сынъ. Эти три брата возмужали и стали дѣлиться. При раздѣлѣ оказался лишнимъ одинъ верблюдъ (*тео*) и одинъ баранъ (*куга*). Тогда меньшій братъ сказалъ: „я пасъ верблюдовъ, неужели не отдадите мнѣ одного верблюда лишняго?" Отецъ отвѣчалъ: „ты хочешь взять лишняго верблюда (*тео*), называйся-же ты и твои потомки *Теолес*". Одинъ изъ близнецовъ сказалъ: „я пасъ овецъ, ужели не отдадите мнѣ одного лишняго барана?" и, осердившись, поймалъ барана за рога и вывернулъ ихъ (куча муузін *кодоро* тартхан). Отецъ назвалъ его: „*Коткор-Мундус*". Другой близнецъ сказалъ отцу: „что ты благословишь мнѣ взять, тѣмъ я и буду доволенъ". Отецъ на это сказалъ ему: „ты будь *Чулум-Мундус* (настоящій, истовый Мундусъ)".

У каждаго сеока есть свой фамильный богъ. Потомки Мундусовъ и Теолессовъ, воспоминая свое происхожденіе отъ льдинки, приносятъ жертвы преимущественно *Тотю-Паянъ*, владыкѣ града, грома и дождя, величая его такъ:

„Ты, какъ пшеница волнующаяся,
Какъ ледяной горохъ сыплющійся,
Отъ ледяного гороха ты произошелъ!

Музы-ган ханын теэні,
Адам Тотой тенгере!
Ай калеттэнь янынан,
Алтын судэрь саінган!
Кунь келеттэнь янынан
Кумюш судэрь саінган!
Айляныжа ай качірган,
Коленыже кунь качірган,
Он-екы тапты таптулу,
Он-екы катта оінду,
Он-уч сырык кубатлу,
Коромолымга бергэймінен?
Коозына ягаімінэн?
Племянникъ ты царя—владыки льда,
Отецъ мой небесный Тотой!
Съ той стороны, откуда идешь
Ты, поставляющій мѣсяцъ себѣ въ золотой покровъ!
Ты преслѣдуешь мѣсяцъ, вмѣстѣ вращаясь,
Ты преслѣдуешь солнце, заходя вмѣстѣ.
О 12-ти ступеняхъ всходъ къ тебѣ,
На 12-мъ небѣ ты имѣешь веселіе.
Надъ 13-тью мѣстами ты ликуешь,
Не дашь-ли мнѣ на мой убытокъ?
Не сотворишь-ли по твоей красотѣ?

28) Участь грамотности алтайцевъ.

Алтайцы утверждаютъ, что у нихъ прежде былъ языкъ *ойротскій* и были книги. Большая часть ихъ народа ушла въ Саратовскія степи—*Сартаймак* и унесла съ собою книги. У телеутовъ оставалась одна только книга, но и ту, когда она была замочена и разложена для просушки на полѣнницу, *корова съѣла*.

29) Люди, превратившіеся въ звѣрей и птицъ.

(Изъ естественной исторіи алтайцевъ).

1) *Медвѣдь*. Въ человѣческомъ естествѣ онъ былъ силенъ, но простоватъ и при томъ ѣлъ много, такъ что семья оговаривала его. Однажды, рассердившись на упреки семьи, онъ отправился съ веревкою въ лѣсъ за дровами, но домой болѣе не приходилъ, а превратился въ звѣря. Веревка его и до сихъ поръ виситъ на деревьяхъ (переплетенные стволы хмѣля). На переднихъ лапахъ медвѣдя, повыше когтей, есть якобы очевидные признаки шерстяныхъ перевязокъ, которыя онъ носилъ отъ ревматизма.

2) *Кукушка.* Въ давнія времена была въ одной семьѣ алтайскихъ инородцевъ дѣвушка по имени Кукъ. Она захотѣла пить и попросила у своей снохи; та, на что-то разсердившись, отослала ее къ шайтану, отчего дѣвушка, превратившись въ птицу, вспорхнула въ отверстіе наверху юрты. Кто-то изъ семьи хотѣлъ поймать ее и схватилъ за ногу, но въ рукѣ ловца осталась одна только обутка дѣвушки. Оттого, по всеобщему увѣренію алтайскихъ инородцевъ, у кукушки одна нога красная (разутая), а другая черная (въ обуткѣ). Удивительно, какъ Брэмъ не замѣтилъ этого обстоятельства! Вить гнѣзда кукушка и до сихъ поръ не умѣетъ, такъ какъ это занятіе не входило въ кругъ ея дѣвическаго рукодѣлья, и чтобы узнали ее, постоянно произноситъ прежнее свое имя: Кукъ! Кукъ!

3) *Иволга* (*сю энь су арга*). По какому случаю Иволга стала птицею—не извѣстно. Но что она дѣйствительно была человѣкомъ татарскаго происхожденія, это доказуетъ крикъ самца: *сюгэнь су арга* (т.-е. *аларга*), означающій: морду надобно ставить! На что лѣнивая супруга его всегда отвѣчаетъ отрицательно: *чоокъ!*

4) *Глухарь.* Въ человѣческомъ видѣ онъ былъ грубъ и забіячливъ, за что былъ превращенъ въ птицу, величиною съ быка. Но и въ этомъ новомъ видѣ глухарь не унимался, а многихъ невинно обижалъ. За это Богъ убавилъ его и на счетъ его прибавилъ другихъ голенастыхъ птицъ: курицу, рябка и проч., которыя прежде того были менѣе величиною. Бѣлое мясо въ этихъ птицахъ образовалось отъ избытковъ глухаря, который безъ слезъ не можетъ вспомнить о своей утратѣ, отчего и глаза у него красны.

5) *Карастель.* Ячі, сотворивши всѣхъ тварей, понуждался въ огнѣ, но не зналъ, какъ добыть его. Посему дѣлаетъ совѣтъ изъ всѣхъ сотворенныхъ существъ. На это общее собраніе не явился одинъ чиновникъ (едва ли не засѣдатель) Карастель, за болѣзнію спины и ногъ. Но Карастель, какъ человѣкъ грамотный и безъ умолку краснорѣчивый, былъ здѣсь необходимъ—это всѣ чувствовали. Посылаютъ за Карастелемъ, но онъ отказывается. Впрочемъ, на третье приглашеніе, прихрамывая и перегибаясь, онъ явился въ собраніе: Ячі зналъ, что Карастель имѣетъ смѣшную походку и притомъ крутъ нравомъ, поэтому предупредилъ членовъ собранія, чтобы никто не смѣялся при видѣ его. Несмотря на предупрежденіе, сорока, увидавши Карастеля, захохотала во все горло. Карастель повернулся и, не сказавъ ни слова, отправился домой. Ячі, зная за Карастелемъ привычку саморазглагольствованія, вечеромъ посылаетъ къ нему стрижа—узнать, что Карастель будетъ бормотать самъ съ собою? Стрижъ полетѣлъ. Заслышавъ свистъ крыльевъ стрижа, Карастель замолкъ, догадавшись, что его подслушиваютъ. Вслѣдствіе такой неудачи, Ячі вызываетъ охотниковъ изъ птицъ подлетѣть къ дому Карастеля тихо, безъ малѣйшаго шума. Вызвалась мягкокрылая сова и подслушала ворчанье Карастеля: „чего не умѣютъ сдѣлать, а еще смѣются, ударилъ камень о камень, вотъ и будетъ огонь!“

Ячі, вывѣдавъ отъ Карастеля тайну происхожденія огня и не нуждаясь болѣе въ немъ, за его упрямство и крутой нравъ, превратилъ его, г. Карастеля, въ птицу.

Богатыри въ сказкахъ алтайцевъ.

Богатые фантазіею и досужимъ временемъ, алтайцы любятъ витать въ сказочномъ мірѣ. Рапсоды ихъ подъ двухструнную балалайку (*кайлачан кабус* или *шертпе комус*) дребезжащею октавою разсказываютъ, часто импровизуя, дѣянія богатырей-хановъ, также героевъ, хотя не силы, но ума и хитрости, или проводятъ какую-нибудь идею. Въ ихъ сказкахъ замѣчаются черты, принадлежащія индо-европейскому эпосу.

Богатыри, большею частью, были владѣтельные ханы. Владѣнія ихъ находились на землѣ, подъ землею и на небесахъ. Въ сказкахъ упоминается о *ста* небесахъ: на 3-мъ небѣ владѣнія Ай-Алтына, на 7-мъ—Узун-Кары и Пады-Кереде, на 9-мъ—живутъ десять творцевъ, на 10-мъ—владѣнія двухъ братьевъ-богатырей: Ой-Молота и Ак-Молота; на 30-мъ—Кускун-Алыпа и Алтын-Моко; на 40-мъ—Кандота; на 60-мъ—семи братьевъ богатырей. Владѣнія одного Алтын-хана простирались на 60 небесъ. На 70-мъ небѣ—владѣнія Облос-хана (безсмертнаго); на 100-е небо былъ конскій бѣгъ съ 9-го неба. Темное царство злаго божества Эрлика и владѣнія хана Чылан-Могуса находились подъ 7-ю слоями земли.

Владѣтельные ханы имѣли у себя много подданнаго народа (*албаты кіжі, кал кіжі*) и стада скота. Многочисленность людей сравнивается съ травою, а скотъ съ гнидами. Ихъ окружали царедворцы (*сайдут, сайыт*) и чиновники (*пій кіжі*). Жили они: Ай-ханъ, Ай-алтынъ и ханъ Пергень въ золотыхъ дворцахъ; ханъ Эки-Моосъ въ бѣломъ дворцѣ; ханъ-Тана—въ желѣзномъ домѣ; сирота, покровительствуемый лисицею, жилъ въ каменномъ домѣ.

Происхожденіе богатырей. Нѣкоторые богатыри не имѣли у себя ни отца ни матери и произошли на свѣтъ сами собою. Таковы: Алтын-Эргекъ, Катканчила, ханъ Перрень и ханъ Алыпъ; иногда изъ костей отца является сынъ, наприм., Кызыя-Тасъ.

Предсказанія о рожденіи богатырей. Отецъ хана Пюдея былъ бездѣтенъ и часто плакалъ и причиталъ: „Нѣтъ у меня ни сына, ни дочери, нѣтъ брата, съ которымъ-бы поговорилъ, и не кому похоронить меня“. Вотъ онъ однажды пошелъ проводить свой скотъ и на возвратномъ пути увидалъ птичку на деревѣ, которая ему сказала: „старикъ, не плачь! Съ возвращеніемъ твоимъ въ домъ у тебя родится сынъ, у котораго грудь и спина будутъ золотыя, а задъ серебряный“. Какъ птичка сказала, такъ и случилось.

Опасности, которымъ подвергались богатыри во чревѣ матерей своихъ. Ханъ Кокъ думаетъ про себя: „На тридцатомъ небѣ живетъ другъ мой Алтын-Моко, я поѣду сражаться съ нимъ, отобью у него жену и скотъ“. Ханъ-Кокъ осѣдлалъ своего бѣлосиваго коня и отправился во владѣнія Ал-

тын-Моко; проникши до третьяго неба, Кокъ встрѣтился случайно съ тѣмъ, къ кому отправился, поздоровались. Послѣ взаимныхъ привѣтствій Алтын-Моко спросилъ: „куда отправился?“—„Отправился я убить Алтын-Моко и завладѣть его женою“.—„Ты, должно быть, другъ мой, съ ума сошелъ,—развѣ ты еще не слыхалъ, что богатырь Чыланъ-Могусъ укралъ у тебя половину скота и зарожденнаго во чревѣ жены твоей сына“.

Богатыри большею частію рождаются отъ престарѣлыхъ родителей. Ай-ханъ родился отъ старика Олончу-Пагена; Алтын-Тайчи отъ 70-лѣтняго Ак-хана и 60-ти лѣтней жены его, Каратты-Перчень—отъ 105 лѣтняго Алтынъ-хана и старухи жены его; Аранъ-Тайчы — отъ 70-ти лѣтняго Кока и 90-лѣтней жены его; ханъ Пюдей былъ сынъ престарѣлыхъ родителей.

Ростъ богатырскій и дѣтская сила. Мальчикъ (впослѣдствіи ханъ Пюдей) жилъ у одной старухи — воспитательницы; къ этой старухѣ неоднократно подходили волки и выли: „что намъ съѣсть у тебя—единственнаго питомца или корову?“ Старуха отвѣчала волкамъ, что сына не отдастъ, а пусть съѣдятъ корову. Мальчикъ спросилъ у своей воспитательницы: „чего требуютъ волки?“ Старуха отвѣтила. Мальчикъ, лежа въ зыбкѣ, сказалъ старухѣ, чтобы она велѣла приходить волкамъ чрезъ 7-мь сутокъ и обѣщала бы выдать имъ сына. Старуха исполнила. Затѣмъ мальчикъ разбилъ желѣзную зыбку, всталъ, растопталъ ногами чугунный котелъ о 70-ти ушахъ и изъ обломковъ его сдѣлалъ боевую стрѣлу о 90 острыхъ концахъ, еще растопталъ чугунный же котелъ о 6-ти ушахъ и сдѣлалъ изъ него шести-конечный булатный мечъ, растопталъ чугунный котелъ о 7 ушахъ и сдѣлалъ 7-ми конечное булатное копье. Мальчикъ вышелъ изъ дома, обошелъ шесть горъ, нашелъ шесть роговъ тика (дикаго козла), свилъ ихъ, загнулъ и сдѣлалъ лукъ. Потомъ взялъ складной ножикъ и пошелъ вверхъ по одному озеру и увидалъ на одной горѣ лежавшаго громаднаго марала (олень), у котораго рога достигали до неба. Мальчикъ вошелъ въ ноздри марала, добрался до сердца и разрѣзалъ его, но маралъ не умеръ. Видя это, мальчикъ вышелъ изъ марала и замѣтилъ на лбу у него красное родимое пятно *(мен)*, которое онъ разрѣзалъ и такимъ образомъ убилъ звѣря, ибо въ этомъ пятнѣ заключалась его душа. Содравши кожу съ марала, мальчикъ всю ее употребилъ на тетиву къ своему богатырскому луку и, осѣдлавши бычка, отправился на охоту за волками, перешелъ шесть горныхъ вершинъ, и на седьмой увидалъ лежавшихъ въ снѣгу волковъ и сказалъ имъ: „ѣшьте теперь мальчика, котораго вы требовали, и этого бычка!“ И съ этими словами прокололъ ноздри у волковъ, продѣлъ крючекъ, привязалъ ихъ къ хвосту своего теленка и отправился. На дорогѣ волки издохли, мальчикъ ободралъ ихъ и, возвратившись къ старухѣ, сказалъ: „вотъ тебѣ, матушка, 7 волчьихъ шкуръ; сшей изъ нихъ семь паръ рукавичекъ!“ Раздѣлавшись съ волками, мальчикъ отправился на звѣриный промыселъ. Во время охоты за звѣрями онъ нашелъ на мѣсто, покрытое слѣдами скота, котораго уже нѣтъ, и на юрту безъ хо-

зяевъ. Онъ спрашиваетъ у своей воспитательницы: „куда дѣвались люди и скотъ, тамъ бывшіе?“ Старуха сказала, что тамъ были владѣнія его отца, но ихъ опустошилъ богатырь царь-левъ. Услышавъ это, мальчикъ такъ громко засмѣялся, что отъ сотрясенія воздуха развалилась близъ стоявшая каменная скала, а когда засвисталъ онъ на разные лады, тогда привелъ въ трепетъ всякое живое существо.—Ханъ-Печетти собралъ народъ свой и предложилъ: „На седьмомъ небѣ живетъ Пады-Кереде, кто съѣздитъ туда, возметъ у него дочь и привезетъ ко мнѣ?“ Никто не вызвался, потому что никто не зналъ дороги. Но одинъ старикъ сказалъ: „въ зыбкѣ лежитъ у меня сынъ — ребенокъ, онъ поѣдетъ.“ Неси его скорѣе! Старикъ возвратившись домой, заплакалъ. Сынъ спросилъ: „о чемъ плачешь?“—„Ханъ Печетти посылаетъ къ Пады-Кереде, царскій-же посолъ съ дороги не возвращается, какъ и пущенная стрѣла не отскакиваетъ (ійген елчі пійден іалмае, аткан ок таштан іанмас)“.—„Не плачь. Я поѣду“. Ребенокъ вышелъ изъ зыбки, взялъ жеребенка за уши, жеребенокъ взвился до звѣздъ небесныхъ. Пока мальчикъ (впослѣдствіи Тана) сѣдлалъ жеребенка, ему исполнилось два года, пока взнуздывалъ—три года, пока садился — четыре года, и тогда пріѣхалъ онъ къ хану. Тана сѣлъ на желѣзную лавку, переломилъ ее и напугалъ хана.—Новорожденный Каратты-Пергень скрытъ былъ матерью въ погребѣ. Враги его созвали семь человѣкъ, чтобы вытащить его изъ ямы, но не могли, пришли девять человѣкъ и все-таки не въ силахъ были вытащить ребенка и не могли лишить его жизни ни саблей, ни копьемъ, такъ какъ и та и другое отскакивали отъ него. Чрезъ семь дней мальчикъ сталъ ходить.—Красавица Алтын-Арыгъ сидитъ во дворцѣ своемъ, входитъ къ ней ханъ Кырчыганъ и предлагаетъ: „я возьму тебя за себя, а съ тобою и весь народъ твой и скотъ твой“, и началъ хватать красавицу. Она заплакала и говоритъ: „хоть убей, но не пойду за тебя“. Въ это время прокатился чрезъ комнату въ дверь мальчикъ, который на улицѣ всталъ на ноги, и, взявши плеть, толщиною въ бревно, возвратился въ комнату и сказалъ богатырю: „я ударю тебя этой плетью, и если ты останешься живъ, то возьмешь сестру мою“, и съ этими словами ударилъ плетью такъ сильно, что пробилъ дворецъ, вышвырнулъ Кырчыгана на средину степи, гдѣ онъ и умеръ.—Трехлѣтній Алтын-Ергекъ отправился къ Кара-Могусу мстить за смерть отца своего.—Мальчикъ (впослѣдствіи Аран-Тайчи), выкраденный изъ чрева своей матери и пригвожденный къ лиственницѣ, достигъ семи лѣтъ, сорвался съ дерева и схватился съ своимъ врагомъ Чылын-ханомъ. Чылан-ханъ схватилъ мальчика и ударилъ его о желѣзную лиственницу, но мальчикъ опять схватился съ нимъ и бросилъ его къ небу. Пока летѣлъ Чыланъ съ неба, мальчикъ, не допуская его до земли, разсѣкъ его въ семи мѣстахъ, и Чыланъ (змѣй) издохъ.

Василій Царидычъ, будучи младенцемъ, положенъ былъ въ бочку съ желѣзными обручами, опущенную въ море. На одномъ островѣ бочка остановилась, Василій Царидычъ потянулся, и обручи спали съ бочки, она раз-

сыпалась.—Мальчикъ (впослѣдствіи Айманысъ) отправился на промыселъ, и на его счастье попались ему 9 оленей, онъ выстрѣлилъ въ нихъ и убилъ всѣхъ. Добычу свою онъ взвалилъ себѣ на спину и принесъ домой.

Богатырскія кони. Мальчикъ (Тана) выбираетъ себѣ коня изъ сотни лучшихъ лошадей отца своего. Но по мысли своей не нашелъ. Возвратившись домой, онъ спрашиваетъ отца: „нѣтъ-ли еще коней?"—По ту сторону молочнаго озера есть гора Сууру, на хребтѣ этой горы пасется чубарая кобыла съ недавно родившимся жеребенкомъ, который не иначе можетъ сосать свою мать, какъ приклонивъ колѣна. „Если у тебя есть сила—садись; если не хватаетъ силы—умри". Мальчикъ овладѣлъ жеребенкомъ и ѣздилъ на немъ.—Мальчику (Алтын-Тайчи) говоритъ старикъ: „какъ займется утренняя заря, твой бѣлый конь самъ придетъ и будетъ стоять у коновязи". Алтын-Тайчи, соснувши, вышелъ на утренней зарѣ на улицу и, дѣйствительно, увидалъ засѣдланнаго и привязаннаго къ золотому столбу бѣлаго коня съ богатырскою одеждою въ торокахъ.—Не успѣла сестра кончить рѣчи о Кара-Могусѣ, какъ коновязь у дверей треснула. Мальчикъ (Алтын-Ергекъ) вышелъ и видитъ стоящаго осѣдланнаго бѣло-соловаго коня, который отрекомендовался: „имя мое Аранчула, тремъ поколѣніямъ служилъ, никто не хваталъ меня крыломъ и никакому луку я не поддавался". Алтын-Ергекъ сѣлъ на Аранчулу и отправился во владѣнія Кара-Могуса. Въ виду дворца Кара-Могуса конь говоритъ своему хозяину: „ты привязывай меня, въ противномъ случаѣ враги наши убьютъ меня, ибо нѣтъ ни одного хана, который бы не зналъ меня, служившаго тремъ поколѣніямъ твоихъ предковъ". — Козійке отправился на конѣ своемъ къ невѣстѣ. Чтобъ не допустить его къ своей дочери, будущій тесть поставилъ на дорогѣ въ одномъ мѣстѣ двухъ волковъ, а въ другомъ — двухъ медвѣдей. Звѣри, завидѣвъ Козійку, хотѣли съѣсть его, но соловей-конь его выпустилъ изъ ногъ своихъ по саблѣ и изрубилъ ихъ. — Каратты-Пергеню надобно отыскать своего дядю Эрь-Кулатая. Но онъ не знаетъ, гдѣ его найти. Въ такомъ затрудненіи онъ сѣдлаетъ своего темно-синяго коня, садится и даетъ волю коню идти, куда хочетъ. Конь вскочилъ до поднебесья, гдѣ живетъ богатырь Алтын-Ергекъ и увидалъ тамъ Каратты-Пергеню, своего дядю. — Жилъ старикъ съ молодою женою, имѣли они одного сына. Шведскій царь совѣтуется съ женою старика убить мужа и сына и выдти за него, царя Шведскаго. Женщина спрашиваетъ царя: „какъ же мы рѣшимъ старика?"—„А чтобы намъ рѣшить старика, прежде надобно рѣшить его главнаго помощника — бураго коня. Ты притворись больною и скажи, что тебѣ нужно напиться крови отъ бураго коня, и тогда тебѣ будетъ легче". По утру старикъ всталъ; жена охаетъ, нездорова. Старикъ спрашиваетъ: „чѣмъ тебя полѣчить?"—„Кровью отъ бураго коня". Прежде, нежели мать запросила крови бураго коня, сынъ ея пошелъ во дворъ и слышитъ отъ любимаго своего бураго коня такія рѣчи: „если меня убьютъ, то и ты не будешь живъ."—„Кто же убьетъ тебя?" „Мать твоя совѣтуется

со Шведскимъ царемъ напередъ убить меня, а потомъ и тебя со старикомъ. Попросись у отца погулять со мной и на улицѣ увидишь бураго-же коня, купи его, пусть они убьютъ его вмѣсто меня". Мать продолжаетъ хворать. Старикъ соглашается заколоть бураго коня. Сынъ-мальчикъ говоритъ: „такъ-какъ у насъ нѣтъ коня лучше бурки, то дай мнѣ его въ послѣдній разъ погулять на немъ по улицамъ". Отецъ согласился. Мальчикъ отправился, увидалъ другаго бураго коня и спросилъ у хозяина его: „не продажный-ли?"—„Продаю." — „Что стоитъ?" — „200 руб". — Мальчикъ взялъ коня, а своего бурку оставилъ въ залогъ у продавца. По возвращеніи мальчика на новомъ конѣ домой, старикъ убилъ этого коня, напоилъ кровью жену, и ей стало легче. Прошло нѣсколько времени, мальчикъ говоритъ, что онъ видѣлъ на улицѣ весьма похожаго коня на бурку и просилъ отца купить его. Отецъ, освѣдомившись отъ сына о цѣнѣ, согласился. Мальчикъ выкупилъ своего коня и привелъ домой. Много-ли, мало-ли прошло времени, мальчикъ приходитъ во дворъ и видитъ, что бурка повѣсилъ голову и запечалился.— „Что ты, бурый конь мой, запечалился и похудѣлъ?" — „Если ты умрешь, какая-же мнѣ будетъ жизнь?"—„Какъ умру?"—„Мать хочетъ рѣшить тебя".— „Какъ рѣшить?"—„Завтра ты возвратишься съ нами, мать будетъ ласкать тебя, истопитъ баню, приготовитъ чистое бѣлье, но въ этомъ бѣльѣ будетъ положенъ ядъ, какъ только ты надѣнешь его, такъ и умрешь. Лучше надѣнь опять черную рубашку, а чистую не надѣвай". Мальчикъ ушелъ на пашню, къ вечеру возвратился домой; баня готова; мать встрѣчаетъ сына, ласкаетъ (никогда такъ ласкова не была), послала въ баню. Мальчикъ пошелъ въ беню, посмотрѣлъ на рубашку, ничего не видно, а направивъ ее противъ солнца, замѣтилъ, что рубашка вся исчерчена ядомъ. Мальчикъ вымылся въ банѣ, надѣлъ на себя черную рубашку, а чистую замаралъ въ навозѣ. Мать встрѣчаетъ его, ласкается и спрашиваетъ: „почему онъ не надѣлъ чистаго бѣлья?" Мальчикъ отвѣчаетъ: „я положилъ бѣлье въ передбанникѣ, скотина уронила его, втоптала въ грязь и замарала". Избавившись отъ бѣды, мальчикъ отправился къ своему совѣтнику—бурому коню и видитъ, что бурка доволенъ и шерсть лоснится на немъ. Конь совѣтуетъ мальчику взять благословеніе отъ отца и скрыться изъ родительскаго дома. Раннимъ утромъ мальчикъ сѣлъ на бураго коня и оставилъ свой домъ. — Вѣрность коня: Каратты-Пергень сражался съ морскимъ чудовищемъ Пуспасъ-Пуланомъ 30 лѣтъ, и въ продолженіе всего этого времени конь его ходилъ по берегу, дожидаясь своего хозяина.

Богатырское сѣдло. Золотыя сѣдла были у Алтаинъ-Саимъ-Салама, хана Тюроя, Тектебей-Мергеня и богатыря Незнайки; серебряное—у Каратты-Пергеня. Всѣ принадлежности къ сѣдлу были прочныя: у сѣдла Каратты-Пергеня было три подпруги и три потвеи; стремена у Алтын-Эргека были литыя, толщиною въ четыре пальца.

Вооруженіе богатырское. Богатыри въ сраженіяхъ надѣвали на себя

кольчуги (куйак). Онѣ были простыя и въ нѣсколько рядовъ. У хана Пергеня кольчуга, равно какъ и сапоги, были тридцать-рядныя. Луки были большіе, черные и крѣпкіе (ортакшын) съ желѣзною стрѣлою. Стрѣлы были 60-ти и 90 конечныя. У хана Тюдея лукъ былъ изъ рога тика (capra sibirica), а тетива изъ цѣльной маральей кожи.

Подобные луки богатыри натягивали по два и семи дней. У хана Пергеня была стрѣла золотая и мыслящая. Когда коварная сестра его Канъ-Арго пустила его стрѣлу—убить брата, тогда ханъ Пергень закричалъ: „смотри, стрѣла, не ошибись, вѣдь я—ханъ Пергень!" и стрѣла возвратилась къ нему въ домъ и стала у его кровати. Богатырскія стрѣлы употреблялись не только въ битвахъ, но служили богатырямъ и для другихъ цѣлей. Когда Аранчула-конь Алтын-Эргеки далеко отлучился отъ своего хозяина, потому что за нимъ гнались чужіе богатыри, и встрѣтился съ другомъ своего господина, богатыремъ Алтын-Пeристе, то онъ спросилъ коня: „какъ-же ты теперь найдешь своего хозяина? Впрочемъ, я помогу тебѣ. Смотри, вотъ теперь я пущу стрѣлу, ты и слѣдуй за нею, она приведетъ тебя къ Алтынъ-Эргеку". Алтын-Перисте спустилъ стрѣлу, за стрѣлою помчался и конь. Стрѣла летитъ черезъ горы и моря, конь не отстаетъ. Стрѣла прилетѣла во владѣнія Кара-Могуса и нашла Алтын-Эргека. Алтынъ-Эргекъ взялъ знакомую ему стрѣлу, положилъ ее въ свой золотой карманъ, немедленно за стрѣлою-же предсталъ предъ нимъ и Аранчула. Богатыри употребляли стрѣлы также вмѣсто нынѣшнихъ телеграммъ. Когда ханъ Кокъ разговаривалъ съ своимъ сыномъ, они услышали, что затрещалъ золотой косякъ двери. Отецъ съ сыномъ выбѣжали изъ дома и увидѣли, что въ золотой косякъ воткнулась стрѣла съ письмомъ: „другъ вашъ Алтын-Моко, если не сегодня, то завтра умретъ". Стрѣла прилетѣла съ тридцатаго неба. Алтын-Тайчи садится на своего чубараго коня и отправляется на тридцатое небо, проѣхалъ разными тридцатью народами, достигъ до владѣній Алтын-Моко, помогъ ему и возвратился домой. Но по прошествіи нѣкотораго времени, Аранъ-Тайчи услышалъ трескъ золотаго столба (коновязи), вышелъ изъ дома и увидѣлъ воткнутую въ столбъ стрѣлу съ письмомъ: „другъ твой находится въ опасности. Если онъ сегодня останется живъ, то завтра умретъ". Аранъ-Тайчи опять отправился на тридцатое небо, и помогаетъ другу. Не всѣ стрѣлы имѣли одинаковую силу. Алтын-Моко, намѣреваясь отправиться во владѣнія Чылан-хана, позаимствовалъ стрѣлу у старика хана Кока и, пустивши ее въ лиственницу, на которой томился уже семь лѣтъ пригвожденный сынъ его (Кока), освободилъ его. Самострѣлы (саадак и коста), по волѣ богатырей, ходили, какъ предметы одушевленные, и разили враговъ. Если врагъ уже умеръ, то эти самострѣлы, обошедши всю землю, опять возвращались къ своему хозяину. Богатыри употребляли въ дѣло еще копья *іына чыда* одноконечныя, трех-конечныя, пики (*межілік*), булатныя сабли (*кылыш*) объ одномъ и

шести концахъ. У хана Пергеня была сабля золотая. Пускались въ дѣло также и плети (*камчі*) одноконечныя и девятиконечныя, простыя и съ утолщеннымъ концомъ (*тобурчук*).

Нареченіе имени. Важный шагъ въ жизни богатыря—это полученіе имени. Имена даются не сейчасъ по рожденіи, а когда богатырь уже ощутитъ въ себѣ силу и готовится къ проявленію ея въ битвѣ. Имена даются на сраженіи или послѣ подвиговъ бранныхъ. Имя дается собраніемъ народа. Въ исключительныхъ случаяхъ самъ Богъ лично нарекаетъ богатыря (Айманыса), или богатырскій конь нарекаетъ своего господина (Аринчула-Алтын-Эргека), или богатырь самъ себя называетъ (Ай-Мого и Аранъ-Тайчи). —Ханъ Олончу Пагай собралъ свой народъ и просилъ, чтобы пріискали имя его сыну, такъ какъ онъ намѣревается посмотрѣть свой народъ и проѣхать за границу своихъ владѣній. Но никто не могъ наречь царскаго сына. Наконецъ, одна старуха-вдова сказала: „пусть будетъ ему имя Ай-ханъ. Ладно-ли"? Всѣ согласились. Олончу Пагай, въ благодарность за названіе сына, надѣлъ на старуху шелковую одежду и подарилъ ей табунъ коней.—У старика былъ сынъ. Ему надобно было отправляться на седьмое небо, во владѣніе Пары-Кереде. Но онъ еще не имѣлъ имени. Поэтому старикъ собралъ народъ, но никто не могъ дать имя сыну его: дать худое имя боялись, а хорошаго—не находилось. Всѣ разошлись, только остался одинъ старикъ и сказалъ: „я назову".—„Назови".—„Пусть будетъ ѣздящій на буромъ конѣ—Тана. Это имя хорошее".—Сынъ Ак-хана задумалъ отправиться на военное поприще и говоритъ отцу съ матерью: „дайте мнѣ имя". Ак-ханъ собралъ свой народъ, но никто не находилъ хорошаго имени. Народъ весь разошелся, а мальчикъ такъ и остался безъ имени. Когда мальчикъ вышелъ на улицу и пристально посмотрѣлъ кругомъ, тогда увидѣлъ старика съ бѣлой бородой, до того длинной, что онъ наступалъ на нее. Мальчикъ думаетъ: „что это за старикъ"? Побѣжалъ, взялъ за руку старика и привелъ въ свой домъ. „Старичекъ, иди, дай мнѣ имя"! Старикъ говоритъ: „дитя Ак-хана пусть будетъ ѣздящій на сивомъ конѣ—Алтын-Тайчи. Гдѣ-бы ты ни проѣзжалъ на этомъ конѣ, по водѣ-ли, въ чужомъ-ли народѣ, проѣзжалъ-бы безъ препятствій, богатырямъ не поддавайся".—Эрь-Кулатай, воспитавшій своего племянника—сироту, при наступленіи его общественнаго служенія, поймалъ саврасую кобылу, посадилъ на нее свою жену и навьючилъ девять кожаныхъ мѣховъ вина и самъ съ племянникомъ сѣли на коней и отправились на тридцатое небо, гдѣ стоятъ тридцать домовъ, принадлежащихъ тридцати богатырямъ. „Вино унесите къ большому дому изъ этихъ тридцати, а мнѣ,—говоритъ Эрь-Кулатай,—надобно подняться на эту золотую гору къ живущимъ тамъ девяти творцамъ". Взошедши на гору, Эрь-Кулатай возгласилъ: „девять творцовъ! сходите съ горы ко мнѣ на пиръ и нареките имя сыну Алтынъ-хана". Девять творцовъ сошли съ горы и назвали сына Алтын-хана: „ѣздящій на темно-сивомъ конѣ—Каратты-Пергень".—

Юноша отправляется мстить за смерть отца своего. На дорогѣ онъ заплакалъ и говоритъ: „Нѣтъ у меня ни отца, ни матери, кто дастъ мнѣ имя?— Некому“. Конь говоритъ: „Богъ дастъ тебѣ имя“. Послѣ этого разговора, проѣхавъ саженъ пять, юноша услышалъ, что изъ-за березы кто-то закричалъ: „стой юноша, не ѣзди“! Юноша остановился, посмотрѣлъ на дерево и видитъ, что на березѣ сидитъ бѣловласый старецъ и говоритъ: „стой, сынъ мой, я нареку тебѣ имя; пусть будетъ оно: Айманысъ“. Юноша спросилъ: „что ты за человѣкъ, нарекшій мнѣ имя“?—„Что я за человѣкъ? Я—Творецъ, Богъ! Я нарекъ имя сиротѣ, у котораго нѣтъ отца. Твоего отца убилъ богатырь Чеекъ, взявшій себѣ народъ и угнавшій скотъ его“.

Богатырская ѣзда. Богатыри вообще ѣздили такъ быстро, что пыль изъ-подъ копытъ поднималась съ земли къ небу, а съ неба падала на землю.— Когда враги хотѣли сожечь ребенка—сына Алтын-хана и уже разложили огонь, какъ съ высоты тридцатаго неба раздался звукъ конскихъ копытъ, и не успѣлъ пройти этотъ звукъ, какъ появился и самъ конь—пѣго-саврасый, безъ сѣдла и на немъ хозяинъ его, въ одной рубашкѣ, Эрь-Кулатай, дядя ребенка, и выручилъ его. Этотъ-же Эрь-Кулатай однажды проѣхалъ вокругъ девяти небесъ девять разъ въ одинъ день.—Каратты-Пергень перескакивалъ на своемъ конѣ съ одного неба на другое, въ тридцать скачковъ попадалъ на тридцатое небо.—Ай-Ного не успѣетъ поправить стремянъ, какъ пролетитъ на седьмое небо, а въ шесть скачковъ угождалъ на шестидесятое.—Алтын-Эргекъ перескакивалъ чрезъ синее море.—Мальчикъ (впослѣдствіи ханъ Пюдей) поймалъ бѣло-сиваго коня, осѣдлалъ его золотымъ сѣдломъ, надѣлъ на себя сосновый лукъ, отправился въ дорогу—путь, стегнулъ коня по небитымъ ногамъ, осадилъ его—неукротимаго, хлестнулъ плетью бѣло-сиваго, понесся конь ниже облака бѣлаго, выше облака синяго. Нарымъ трава не колыхнется, перепелиная трава не шелохнется. Ѣдетъ плавною поступью—молоко не сплеснется. Высокія горы предъ нимъ низились, глубокія воды мелѣли. Переѣхалъ онъ шестьдесятъ горъ, переплылъ онъ быстрыя рѣки, рысью поднялся на ледяную гору.

Богатырская сила. Богатырь Сайчаръ кулакомъ разбилъ желѣзную дверь въ домѣ хана Пежетти.—Одинъ изъ шести братьевъ богатырей перебрасывалъ шестилѣтняго быка чрезъ заборъ.—Ханъ Пергень, гнавши марала возлѣ мѣднаго утеса, устроеннаго семью богами, хотѣлъ ударить плетью по маралу, но, промахнувшись, попалъ въ утесъ и разбилъ его въ дребезги.—Мать Каратты-Перген*я*, богатырка, носила на рукахъ своихъ ребенка, тогда какъ простые люди, десять человѣкъ, не могли поднимать его.—Карати-Пергень на войнѣ однимъ взмахомъ сабли отсѣкалъ 60 и 70 головъ.—Алтын-Эргекъ выворотилъ золотую гору и перебросилъ ее за Бѣлое море.—Василій Царидычъ носилъ шапку въ 60 пудовъ и подпирался костылемъ въ 60-же пудовъ.—Богатырь Незнайка, дернувши за хвость лошадь, всю шкуру здиралъ съ нея и приподнималъ углы у домовъ.—

Аранъ-Тайчи, возвращаясь изъ подземельныхъ владѣній Чылан-хана, тонулъ отъ своей тяжести въ мерзлой землѣ по колѣна, и попадавшіеся подъ ноги камни—булыжники сокрушалъ ногами.—Ханъ-Тюдей, встрѣтивъ препятствія, продолжалъ путь къ Желтой скалѣ, выпустилъ изъ своего богатырскаго лука мѣдную боевую стрѣлу о 60 концахъ, со словами: „вотъ будетъ моя дорога, о которой сказка пройдетъ до позднѣйшихъ поколѣній.“ Стрѣла разсѣкла скалу по срединѣ и проложила путь богатырю.—Монусъ-Пакай, возвращаясь съ охоты, приносилъ въ каждой рукѣ по маралу (олень) съ рогами о 12-ти и 18-ти отросткахъ.—При борьбѣ богатырей земля дрожитъ и горы рушатся.—Когда сила у богатырей въ сраженіяхъ ослабѣвала, тогда она прибавлялась извнѣ, посредствомъ дуновенія теплаго вѣтра. Богатыри по смерти своей могутъ передавать свою силу и простымъ людямъ. Солдатъ Агеевъ, послѣ разныхъ приключеній съ нимъ, входитъ въ гостинницу одного города и называетъ себя купцомъ. Гостинница была пуста и находилась въ завѣдываніи одного только караульщика, у котораго Агеевъ, въ ожиданіи якобы обозовъ съ товарами, питался въ кредитъ. Однажды Агеевъ, прогуливаясь по городу, увидѣлъ у царскихъ воротъ два трупа висящихъ людей. По возвращеніи въ гостинницу, Агеевъ говоритъ караульщику: „вашъ царь, должно быть, людей провяливаетъ, какъ мясо.“—„Это онъ повѣсилъ своихъ сыновей.“ „За что?“—„У него была еще дочь, которая пропала безъ вѣсти. Два сына царя искали сестру семь лѣтъ, издержали три корабля золота и не нашли, за это и повѣшены.“—„Дозволитъ ли царь похоронить своихъ сыновей?“—„Не знаю.“—„Ступай, попроси.“ Караульщикъ отправился во дворецъ къ царю и объявляетъ желаніе купца Агеева. На это царь отвѣтилъ: „если отдастъ три корабля золота, то пусть хоронитъ.“ Агеевъ, услышавъ отъ караульщика отвѣтъ, построилъ большую ограду и позолотилъ ее, ударилъ шапкой-невидимкой по землѣ, изъ-подъ которой и вышли три корабля золота. Агеевъ доставилъ золото царю и получилъ трупы его сыновей, положилъ ихъ въ золотые гробы, схоронилъ въ своей оградѣ и насадилъ на могилы разныхъ цвѣтовъ. Ночью пришла къ Агееву душа старшаго царскаго сына, разбудила его и говоритъ: „чѣмъ я отплачу тебѣ?“—„Не надобно мнѣ платы.“—„Пойдемъ къ могилѣ, я передамъ тебѣ свою силу.“ Пошли. На могилѣ душа дунула Агееву въ ротъ три раза, отчего онъ и сдѣлался богатыремъ. „Если тебѣ пожелается куда ѣхать,—говорила душа,—то свистни богатырскимъ посвистомъ и къ тебѣ пристанетъ мой золотогривый, игреній конь въ сѣдлѣ.“ Агеевъ, возвратившись съ могилы, легъ на свою кровать, но она не могла поднять его богатырской силы и развалилась. Караульщикъ проснулся отъ треска кровати и говоритъ: „Ты чего-же надѣлалъ? Я тебя откормилъ даровымъ хлѣбомъ такъ, что тебя и кровать не стала поднимать. Пойду жаловаться царю.“— „Не ходи, кровать я исправилъ.“ Но Агеевъ уже не надѣялся и на исправленную кровать и заказалъ себѣ другую—желѣзную. На другую ночь раз-

будила Агеева душа младшаго царскаго сына, привела его на могилу, дунула три раза въ ротъ и сказала: „мой золотогривый сивый конь будетъ къ твоимъ услугамъ по первому богатырскому посвисту." Пришедши съ могилы, Агеевъ легъ на свою желѣзную кровать, но и она не могла выдержать его двойной богатырской силы, затрещала и развалилась.

Богатырскія битвы. Богатыри рѣдко сражались съ войсками, но большею частью рѣшали дѣло единоборствомъ другъ противъ друга, или одного съ двумя, тремя и семью богатырями. Причины битвъ были: 1) жадность къ пріобрѣтенію чужихъ владѣній и имущества, 2) мщеніе за смерть отца и разореніе своего гнѣзда, 3) изъ-за женщинъ и съ женщинами — своими невѣстами, 4) помощь друзьямъ, 5) помѣряться силами, 6) показать свои силы, 7) для испытанія силы, особенно жениховъ, 8) озарство, 9) предупрежденіе нападеній другаго, 10) честь семейства и 11) иногда посылаютъ богатыря подраться съ сильнѣйшимъ его съ коварною цѣлью—сбыть его съ рукъ. Битвы продолжались три года, семь, девять и пятьдесятъ лѣтъ и кончались или смертью противника, или, если замѣшана въ дѣло женщина, то она иногда примиряетъ противниковъ, выходя замужъ за побѣдителя.— Богатырь Чеекъ убилъ отца Айманыса и взялъ въ плѣнъ его народъ и скотъ. Какъ только мальчикъ подросъ и получилъ коня и имя, то и отправился выручать свое наслѣдство. Много-ли, мало-ли онъ ѣхалъ, какъ увидалъ множество народа и табуны скота. Этотъ народъ и скотъ принадлежали отцу его. Подъѣзжая къ воротамъ дома, принадлежащему владѣльцу, Айманысъ увидѣлъ здѣсь множество богатырей, сдающихъ дань. Онъ сошелъ съ коня, вошелъ въ домъ и видитъ растянувшагося хозяина, котораго и привѣтствуетъ: „Здравствуй, другъ!" Хозяинъ, не вставая, съ пренебреженіемъ спрашиваетъ: „ты кто такой?" Айманысъ его перебиваетъ: „нѣтъ, тебя какъ зовутъ, убійца моего отца?"—„Меня какъ зовутъ? Я—богатырь Чеекъ, ѣздящій на рыжемъ конѣ".—„За что ты убилъ отца моего?"—„За то, что твой отецъ не платилъ мнѣ дани; впрочемъ, твой народъ и скотъ здѣсь, и если угодно, то возьми ихъ и будемъ друзьями".—Ты убилъ моего отца, а теперь я убью тебя, и тогда уже уведу народъ и скотъ".—„Чтобы намъ не убивать другъ-друга,—возьми мою сестру за себя". „Нѣтъ, будемъ драться на смерть", и ударилъ Чеека. Завязалась борьба, стали драться, стрѣляться. Долго-ли, коротко-ли они бились, какъ подошла къ нимъ сестра Чеека и говоритъ: „перестаньте драться; я пойду за Айманыса". Айманысъ посмотрѣлъ на дѣвушку и замѣтилъ, что она красавица, и потому пересталъ драться, вошелъ въ домъ и задалъ пиръ. Послѣ пиршества Чеекъ говоритъ: „Айманысъ! У тебя теперь есть жена, а у меня нѣтъ; мнѣ нужно жениться. Я знаю одну дѣвицу, поѣдемъ—посватаемся". Отправились. Много-ли, малоли они ѣхали, доѣхали до невѣсты, у которой народа и скота—премногое множество. Невѣста, по имени Царь-дѣвица (Кан-кыс), вышла къ нимъ на встрѣчу и говоритъ: „богатырь Чеекъ! Давай сначала подеремся: если ты

одолѣешь меня, то я пойду за тебя, а если я одолѣю, то—убью". Вышли они на поединокъ: стали драться, стрѣляться, сражаться въ продолженіи семи лѣтъ. Черезъ семь лѣтъ богатырь Чеекъ былъ побѣжденъ. Потомъ вышелъ Айманысъ, схватился съ дѣвицей и тоже дрались, боролись, стрѣлялись и сражались въ теченіе семи лѣтъ. Чрезъ семь лѣтъ и Айманысъ былъ побѣжденъ. На смѣну его опять подошелъ Чеекъ и схватился съ дѣвицей: стали драться, барахтаться и стрѣляться въ теченіе 3 лѣтъ. Чрезъ три года Чеекъ сказалъ: „много было во мнѣ силы, но теперь, кажется, не могу одолѣть эту госпожу"; впрочемъ, опять схватились. Дѣвица ослабѣла и сказала: „силы моей болѣе не хватаетъ, пойду за тебя". Бой окончился. Пришелъ Айманысъ, сдѣлали пиръ, сыграли свадьбу. Богатырь Чеекъ сказалъ: „пора намъ ѣхать домой"; забрали приданое, народъ и скотъ и втроемъ отправились въ домъ Чеека. Подъѣзжая къ дому, Айманысъ замѣтилъ, что у воротъ стоитъ вороной конь. Айманысъ говоритъ своимъ спутникамъ: „вы здѣсь подождите, а я посмотрю, кто тамъ пріѣхалъ—богатырь или простой человѣкъ". Айманысъ входитъ въ домъ и видитъ, что тамъ сидитъ богатырь, который сказалъ: „здравствуй, другъ Айманысъ! Ты взялъ мою невѣсту". Айманысъ спросилъ объ имени богатыря. Тотъ отрекомендовался Алтын-Эргекомъ (золотой телецъ). „Жену мою я не отдамъ; подеремся, кто изъ насъ будетъ сильнѣе, тотъ пусть ее и возьметъ". Они схватились, дрались, стрѣлялись. Айманысъ ослабѣлъ, заплакалъ отъ досады, что не могъ убить Алтын-Эргека и сказалъ: „убей меня скорѣе и жену мою возьми!" Но подошелъ къ нимъ Чеекъ и сказалъ: „не убивай его (Айманыса), лучше меня убей". Алтынъ-Эргекъ дрался, боролся съ Чеекомъ три года,—Чеекъ погибъ. Опять пришелъ Айманысъ на борьбу: стали драться, изъ луковъ стрѣляться, мечами биться; Айманысъ опять ослабѣлъ; но убить его не удалось, хотя онъ и повторялъ, чтобы Алтын-Эргекъ убилъ его и взялъ его жену.—Жили-были старикъ со старухою; дѣтей у нихъ не было. Старикъ (его звали Арсланъ) сказалъ старухѣ: „я пойду—умру на войнѣ съ Еки-Моосомъ" и отправился. Запустѣло царство Арсланово; запустѣла земля мужа сильнаго! Старикъ поднялся на ледяную гору, съ корнемъ вырвалъ тамъ желѣзный тополь и наѣхалъ съ нимъ на Еки-Мооса, сталъ молотить его до того, что желѣзный тополь разбился вдребезги. Но Еки-Моосъ какъ-то изловчился и убилъ Арслана; тополь разорвалъ гору и завалилъ ею тѣло Арслана. Еки-Моосъ возвратился съ побоища въ свой домъ, а жена Арслана, на старости лѣтъ, разрѣшилась сыномъ. Мальчикъ, нѣсколько подросши, спросилъ мать: „гдѣ мой отецъ?" Мать промолчала. Но вотъ, мальчикъ однажды игралъ съ своими сверстниками: они сначала боролись, а потомъ подрались. Мальчикъ одолѣлъ всѣхъ своихъ товарищей и снялъ съ нихъ шубы. Товарищи ему сказали: „шубы ты снимать ловокъ, но если ты такой богатырь, то что-же ты нейдешь искать своего отца?"—„Я отдамъ ваши шубы, только скажите, гдѣ, по вашему мнѣнію, мой

отецъ?“—„Твоего отца убилъ Еки-Моосъ“. Мальчикъ, услышавъ это, пришелъ къ матери и говоритъ: „мама, мама, я слыхалъ, что отца моего убилъ по злобѣ Еки-Моосъ. А ты, матушка, зачѣмъ мнѣ не сказала объ этомъ? Я поймаю бѣло-сиваго коня, засѣдлаю его золотымъ сѣдломъ и поѣду искать отца своего“. Мать, заплакавъ, сказала: „что ты, что ты, дитя мое, у тебя еще ребра не крѣпки, подреберья твои еще слабы; царство наше останется пустое и мать твоя будетъ плакать, куда-же ты поѣдешь, дитя мое?“ Но мальчикъ остался непреклоненъ и отправился. Вдали, за мѣсяцъ ѣзды, показался бѣлый дворецъ Еки-Мооса и при немъ стоятъ двѣ пары пѣгихъ лошадей. Мальчикъ (онъ уже теперь ханъ Пюдей), доѣхавши до дворца Еки-Мооса, сошелъ съ коня, привязалъ его возлѣ пѣгихъ коней и, идя въ жилище Еки-Мооса, оглянулся и видитъ, что уши его бѣло-сиваго коня выше ушей пѣганокъ, а задъ его коня на цѣлую сажень длиннѣе тѣхъ. Ханъ Пюдей, вошедши въ домъ, поздоровался. Еки-Моосъ, вскочивъ съ постели, сказалъ: „Кіік ползо, тукту болор! Кіжі болзо атту болор! Ады іолынды айдып пер! Кайдан іурген кіжізін? (Если звѣрь, то бываетъ съ шерстью, если человѣкъ, то—съ именемъ! Объясни: кто ты, откуда и куда направился?)“.—Ханъ Пюдей отвѣчалъ: „Я — сынъ Арслана; мое имя — ханъ Пюдей; я ѣзжу съ богатырями потягаться, съ силачами побороться“. Сказавши это, ханъ Пюдей схватилъ Еки-Мооса за шиворотъ; схватился также и Еки-Моосъ: сцѣпились два богатыря. Прошло 6 мѣсяцевъ, они все еще держатъ другъ друга за шею. Прошло 6 лѣтъ: ни тотъ, ни другой не одолѣлъ. Прошло 7 лѣтъ и много перемѣнъ произошло: крѣпкія деревья высохли, черные берега размылись, степные звѣри бросили свои стойбища, замужнія жены разлучились съ своими дѣтьми. Наконецъ, ханъ Пюдей поднялъ Еки-Мооса къ поднебесью—выше облака синяго, ниже облака бѣлаго, ударилъ и разбилъ его о широкій камень. Не осталось отъ Еки-Мооса ни крови полизать собакѣ, ни кости пободать коровѣ. Ханъ Пюдей взялъ жену Еки-Мооса, забралъ народъ его и имѣніе, подогналъ табуны и сказалъ: „отмстилъ я за отца. Пора теперь къ своимъ мѣстамъ, пора къ своимъ водамъ.“—На владѣнія хана, ѣздящаго на ворономъ конѣ, напалъ Карагуда (царь-Левъ) и убилъ его, жену его со скотомъ взялъ въ плѣнъ и угналъ въ свои владѣнія. У погибшаго хана оставался малолѣтній сынъ, который, получивши имя Пюдея и испросивши благословеніе Черной тайги, отправляется во владѣнія Кара-гулы—самаго могущественнаго изъ всѣхъ богатырей и царей, побѣждаетъ его, беретъ себѣ подданный народъ Карагулы, скотъ, имѣніе, жену, по имени Толы-Кере, съ дочерью Алтынъ-Чечекъ (золотой цвѣтокъ) и возвращается благополучно домой. По возвращеніи домой, ханъ Пюдей задумалъ жениться на дочери Тенгере-хана (неба), по имени Теменъ-Око, и отправился. Онъ проѣхалъ два неба, спустился въ подземныя владѣнія Эрлика, откуда взобрался на третье небо къ Тенгерехану и объявилъ ему цѣль своего пріѣзда. Тенгере-ханъ объяснилъ хану

Пюдею, что онъ опоздалъ съ своимъ предложеніемъ, ибо дочь его высваталъ Царь-Змѣй, и если ему не отдать ее, то онъ разгнѣвается и предложитъ хану Пюдею воевать съ Царемъ-Змѣемъ. Ханъ Пюдей согласился и живо побѣдилъ Царя-Змѣя. Но встрѣтилось еще препятствіе: Тенгере-ханъ сказалъ Пюдею, что еще сватались за его дочь два богатыря Узунъ-Кыланъ и Кыска-Кыланъ, которые теперь сердятся на него, что онъ не отдастъ имъ дочери, приходится тебѣ сразиться и съ ними. Ханъ Пюдей отправляется къ Кыланамъ, но Кыска-Кыланъ струсилъ и на войну не вышелъ. Узунъ-же Кыланъ встрѣтилъ хана Пюдея на вершинѣ Бѣлой тайги, гдѣ они и сразились. Боролись 9 мѣсяцевъ: изъ крови образовалась рѣка, изъ мертвыхъ тѣлъ составилась гора, народъ Узун-Кылана посѣченъ мечемъ, какъ трава, а самого Узун-Кылана ханъ Пюдей поднялъ на небо и смертельно ударилъ о землю, дворецъ его разрушилъ, очагъ его разбилъ, владѣнія его пожегъ и золу развѣялъ, уцѣлѣвшій отъ пораженія народъ и скотъ его угналъ и покорилъ Тенгере-хану. Но и владѣнія хана Пюдея не были въ покоѣ; на нихъ напалъ Седенкей.

Ханъ-Пюдей выѣзжалъ на-встрѣчу Седенкею и, поднявшись на темя Бѣлой тайги, закричалъ: „кто пришелъ ко мнѣ и зачѣмъ?“—„Воевать съ тобою, выходи“. Схватились два богатыря, сражались, стрѣлялись и бились 50 лѣтъ. Ханъ-Пюдей, наконецъ, убилъ Седенкея, изъ пролитой крови котораго образовалось море, а изъ трупа—гора.—Была вдова Кара-Тасъ. Она имѣла сына, богатыря Алактая и дочь Кулумъ-Кару. Обѣ эти женщины вступили въ связь съ ханомъ Пюдеемъ и задумали сбыть съ рукъ Алактая. Мать притворно заболѣла зубами и послала сына за лекарствомъ—сердцемъ могучаго богатыря Монусъ-Пакая. Алактай повиновался и, встрѣтившись съ возвращавшимся съ охоты Монусъ-Пакаемъ, сказалъ: „Токта! Токта! Ер полза ербектежіп таныттан, аг полза кіштежіп таныттая, сеніп адып кем? (Стой! Погоди! Кони знакомятся обыкновенно ржаньемъ, а люди—разговоромъ. Какъ тебя зовутъ?“)—„Мое имя Монусъ-Пакай, а твое?“—„Алактай“. Послѣ этого короткаго, вызывающаго разговора схватились и начали драться. Въ ихъ борьбѣ прошло нѣсколько временъ года, которыя они называли зимою по инею на своихъ воротникахъ, а лѣтомъ по росѣ на подолахъ. Подъ ихъ ногами твердая земля треснула. Силы были равны: никто не поддавался и оба пожелали подкрѣпиться пищею. Монусъ-Пакай поѣлъ борщовника (травы), а Алактай отправился въ тайгу, одной стрѣлой убилъ сто звѣрей, поѣлъ, насытился, пожирѣлъ даже и возвратился на мѣсто побоища. Пришелъ сюда и Тонусъ-Пакай. Опять сцѣпились и дрались. Наконецъ, Алактай схватилъ Монусъ-Пакая, бросилъ его и выдернулъ у него каменно-желѣзное сердце и положилъ на коня, отчего конь сдѣлался величиною съ жеребенка. Алактай, возвратившись домой и узнавши въ чемъ дѣло, рѣшился отмстить хану Пюдею, отправился къ нему въ домъ, но не засталъ

дома. Пюдей былъ на охотѣ, съ которой возвратившись, самъ заявился къ Алактаю и сказалъ: „я, сильный богатырь, задумалъ убить тебя и жениться на твоей матери и сестрѣ“.—„Что ты говоришь?“ И, не дождавшись отвѣта, ударилъ хана Пюдея по щекѣ такъ сильно, что всего его сплюснулъ.—Ханъ-Пергень, бывши на охотѣ, напалъ на слѣдъ марала (олень) и погнался за нимъ, догналъ его до владѣній Мѣднаго богатыря и убилъ. Потомъ вошелъ въ домъ Мѣднаго богатыря, поздоровались, отрекомендовались. Въ разговорѣ хозяина съ гостемъ объяснилось, что маралъ былъ прирученный, котораго Мѣдный богатырь послалъ, чтобы привлечь хана Пергеня въ свои владѣнія. „Для чего-же я тебѣ нуженъ?“ спросилъ ханъ Пергень.—„Давай, поборемся и подеремся, помѣряемся силами. У кого окажется силы больше, тотъ пусть убьетъ малосильнаго и завладѣетъ его народомъ и скотомъ“. Предложеніе принято съ готовностью. Хозяинъ и гость вышли изъ дома, схватились, изъ луковъ стрѣлялись, саблями бились впродолженіе 9 лѣтъ, но побѣдить другъ друга не могли. На ихъ единоборство смотрѣлъ съ высокой горы пріятель Пергеня Ханъ-Алыпъ и когда замѣтилъ, что Мѣдный богатырь сталъ пересиливать Пергеня, немедленно спустился съ горы, отстранилъ Пергеня въ сторону, схватился съ Мѣднымъ богатыремъ и сказалъ ему: „ты вызвалъ хана Пергеня обманомъ и хочешь убить его, но этото не будетъ, пока не убьешь меня“. Начали биться. Ханъ Алыпъ сталъ ослабѣвать. На выручку его опять явился Пергень и напалъ на Мѣднаго богатыря, который, выбившись изъ силъ, запросилъ пощады. „Ты меня одолѣлъ, прошу тебя не убей меня, весь мой народъ, весь мой скотъ возьми себѣ, только меня не убивай“. Ханъ Алыпъ, подошедши къ противникамъ, повелъ такую умную рѣчь: „У Мѣднаго богатыря есть дочь хорошая дѣвушка, ты возьми ее за себя, а его, пріятель, не убивай; если убьешь, то тебѣ смерть будетъ. Перестаньте драться, пойдемте лучше въ домъ“. Соперники перестали драться, помирились и учинили байгу (пиршество). — Коварная сестра хана Пергеня Арго, въ отсутствіе брата, вышла замужъ за Карамооса и вмѣстѣ съ мужемъ обокрала его. Тогда разгнѣванный ханъ Пергень сразился съ своимъ зятемъ и изрубилъ его саблей.—Жилъ-былъ старикъ Алтынъ-ханъ; дѣтей у него не было. Жена его старуха плачетъ. „О чемъ плачешь, старуха?“—„Пришла наша старость, придетъ съ высоты 30-го неба твой другъ Кускунъ-Алыпъ, тебя убьетъ и будетъ выглядывать твой скотъ“. Старикъ разсердился и задумалъ ѣхать на встрѣчу врагу своему и отправился. На пути, дѣйствительно, онъ встрѣчается съ Кускунъ-Алыпомъ, который сказалъ: „я пришелъ убить тебя и забрать твой скотъ“. Послѣ такой откровенности ударились враги саблями, сцѣпились и не разнимались 7 дней. Алтынъ-ханъ былъ убитъ. Женѣ Алтынъ-хана выкололи глаза и взяли въ плѣнъ. Въ плѣну у Кускунъ-Алыпа старуха родила сына, и когда ребенка хотѣли жечь на огнѣ, явился дядя его Эръ-Кулатай и главныхъ зачинщиковъ—враговъ племянника, Кускунъ-Алыпа и Кичиг-Нилигчи посадилъ на колья и приставилъ къ огню въ видѣ

шашлыковъ [1]), а племянника унесъ на рукахъ. По достиженіи племянникомъ семи лѣтъ, Эрь-Кулатай поѣхалъ съ нимъ на 7 небо во владѣнія Узун-Кары и пили тамъ вино. Сынъ Узун-Кары, мальчикъ Кормонгонъ, играя съ племянникомъ Эрь-Кулатая, побилъ его. Дядя изъ-за племянника затѣялъ ссору съ Узун-Карою и ударилъ его, завязалась драка, въ которой Узунъ-Кара поплатился жизнію. Племянникъ Эрь-Кулатая, возмужавши и получивши имя „Каратты-Пергень“, всегда заступался за дядю и воевалъ вмѣстѣ съ нимъ. Однажды Эрь-Кулатай на золотой горѣ, стоящей на 7-мъ небѣ, сразился одинъ съ семью богатырями, такъ что они во время войны затоптали золотую гору и превратили ее въ степь. Шесть богатырей Эрь-Кулатай положилъ на мѣстѣ, а съ седьмымъ долго возился. Но Каратты-Пергень, заслышавъ на 7-мъ небѣ бряцанье знакомой кольчуги, поспѣшилъ на выручку своего дяди и, прискакавши, отдернулъ ослабѣвшаго Эрь-Кулатая отъ его соперника, и самъ сразился съ нимъ, убилъ и скрылъ тѣло въ камняхъ золотой горы. На владѣнія Эрь-Кулатая напалъ Алтынъ-Тасъ съ войскомъ, Эрь-Кулатай защищался храбро: ударитъ сюда — головы 60-ти человѣкъ летятъ, обернется туда — 50 головъ летитъ. Покончивши съ войскомъ „Эрь-Кулатай схватился съ Алтын-Тасомъ, который, не надѣясь на свою силу и обладая хорошимъ конемъ, обратился въ бѣгство. Эрь-Кулатай погнался за нимъ. Алтын-Тасъ, со страха, спустился подъ землю. Эрь-Кулатай—за нимъ, но догнать не можетъ и воскликнулъ: „эхъ, если-бы мой племянникъ, котораго я отъ волковъ избавилъ и отъ непріятелей освобождалъ, былъ со мною!“ Каратты-Пергень не заставилъ долго ждать себя, какъ изъ земли выросъ и схватился съ Алтынъ-Тасомъ, вмѣсто своего дяди. Дрались три дня. Наконецъ, Каратты-Пергень поднялъ своего противника къ небу, а оттуда бросилъ на землю и зашибъ до смерти. Богатырь Кандотъ укралъ дочь Алтынъ-хана и прожилъ съ нею семь лѣтъ, богатырь Ак-Молатъ, желая получить хорошій выкупъ съ Алтынъ-хана, отобралъ дочь отъ Кандота и доставилъ къ отцу. Алтынъ-ханъ, увидя дочь свою съ Ак-Молатомъ и не разобравши дѣла, ударилъ Ак-Молата семиконечнымъ копьемъ и держалъ его подъ копьемъ семь лѣтъ. На владѣнія Ай-Моко напали два хана: Кола-Кырышъ и Тебіръ-Кырышъ. Съ первымъ Ай-Моко дрался три дня и, поднявши его къ небу, ударилъ о землю и убилъ. Со вторымъ дрался четыре дня и кончилъ точно такъ-же, какъ и съ первымъ. Два друга, Ай-Моко и Ак-Молатъ, сдѣлали между собою военный совѣтъ—идти войною на Кандота. Прошли они земли сорока народовъ и взобрались на 40-й слой небесный—жилище Кандота и стали вызывать его на бой. Но Кандотъ самъ, лично, уклонился отъ войны, а выставилъ свое войско противу нападающихъ. При каждомъ взмахѣ Ак-Молата

[1]) *Шашлыкъ*—кусокъ мяса, преимущественно баранины, приставленный къ огню на палкѣ для жаренья.

летитъ непріятельская голова, а махнетъ Ай-Моко—летятъ семь головъ. Воевали друзья въ Кандотовомъ царствѣ семь дней и, забравши съ собою много народа и скота Кандота, возвратились домой. На владѣнія Алтынъ-хана напалъ Кара-Могусъ и убилъ его и царство разрушилъ. Но у Алтынъ-хана былъ сынъ, который, достигнувъ трехъ лѣтъ и получивши имя „Алтынъ-Ергекъ“ и коня—Аранчулу, рѣшился отмстить за смерть отца своего. Пріѣхавши во владѣнія Кара-Могуса, Алтынъ-Ергекъ изрубилъ саблею, какъ самого владѣтеля, такъ и многихъ изъ его подданныхъ. Пока онъ расправлялся съ Кара-Могусомъ, дѣти сего послѣдняго, три богатыря, хотѣли завладѣть Аранчулою и погнались за нимъ. На дорогѣ они встрѣтили еще трехъ богатырей, которые спросили,—зачѣмъ они гонятся за чужимъ конемъ? „А вы развѣ хотите заступиться за него?“ И съ этими словами ударили богатырей плетями, разсѣкли имъ головы, и они умерли. Послѣ расправы съ богатырями, вмѣшавшимися въ чужое дѣло, дѣти Кара-Могуса встрѣтились съ другомъ Алтынъ-Ергека, ханомъ Алтынъ-Перисте и на вопросъ: „кто ты?“—получили въ отвѣтъ: „Ѣздящій на семи-саженномъ, красно-рыжемъ конѣ, ханъ Алтынъ-Перисте“. Три брата подняли плети и разомъ ударили Алтынъ-Перисте. Богатырь на это привѣтствіе не моргнулъ и глазомъ и сказалъ: „ну, теперь я ударю“, и ударилъ по головамъ богатырей плетью, разсѣкъ имъ головы, и они умерли. На богатыря Алтынъ-Моко нападаютъ дѣти Чыланъ-хана, богатыри, имѣющіе одно имя: „Шайунъ-Сасъ“. На выручку Алтынъ-Моко является другъ его Аранъ-Тайчи, который и запиналъ до смерти обоихъ противниковъ. Въ благодарность за помощь жена Алтынъ-Моко предложила—было себя въ жены Аранъ-Тайчи, но онъ устыдился такого предложенія и, не пивши вина и не ѣвши, возвратился домой. Впрочемъ, жена Алтынъ-Моко, при слѣдующемъ свиданіи, понравилась и, обративъ въ шутку свое предложеніе, сказала: „Великій ханъ обыкновенно женится на дѣвицѣ, а не на женщинѣ. Отсюда на тридцатомъ небѣ живутъ семь братьевъ-богатырей, до владѣній которыхъ не доѣзжалъ ни одинъ ханъ. Младшая сестра ихъ, по имени Очи-Каракчинъ,—настоящая красавица. Ее возьми за себя. Если ты дѣйствительно богатырь—возвратишься съ тридцатаго неба, если слабый ханъ—умрешь“. Алтынъ-Моко, подтвердивши слова жены, согласился сопровождать своего друга. Отправились и уже достигли тридцатаго неба, какъ Алтынъ-Моко струсилъ и, боясь встрѣтиться съ богатырями, возвратился домой. Аранъ-Тайчи же сказалъ: „я хотя и умру, а не ворочусь“, и вышелъ къ красавицѣ Очи-Каракчинъ. „Здравствуй, Аранъ-Тайчи!“—„Здравствуй, красавица Очи-Каракчинъ!“—„Возьмешь-ли ты меня за себя?“—„Возьму“. „Но какъ-же ты возьмешь, когда уже сватался за меня богатырь Саръ-Алтынъ и братья мои думаютъ отдать меня за него? Впрочемъ, я желала-бы лучше выйти за тебя, нежели за Саръ-Алтына, но боюсь, что онъ убьетъ тебя“. Послѣ объясненія съ дѣвушкой Аранъ-Тайчи вышелъ отъ нея и встрѣтился съ Саръ-Алтыномъ, который, обнаживъ мечъ, спросилъ

его: „ты, ханъ, зачѣмъ входилъ къ дѣвушкѣ?“ Не успѣлъ онъ отвѣтить на вопросъ, какъ подошли и братья—семь богатырей, поздоровались съ Аранъ-Тайчи и спросили,—куда онъ отправился? Аранъ-Тайчи отвѣтилъ: „приходилъ я сватать красавицу Очи-Каракчинъ, младшую сестру семи богатырей“. На это Саръ-Алтынъ замѣтилъ: „съ боку привязанный торсукъ (кожаный мѣшокъ для жидкостей) на сторонѣ и оставаться долженъ. Ужели тебѣ, пришедшему со стороны, взять эту дѣвушку?“ Старшій изъ семи братьевъ возразилъ: „Два богатыря, Аранъ-Тайчи и Саръ-Алтынъ! Предлагаю вамъ рѣшить жребій въ единоборствѣ между собою: мертвый пусть въ землю идетъ, а оставшійся—дѣвушку беретъ (олгону, іерге парзын! Калганы кысалзын!).“ Богатыри схватились такъ сильно, что земля задрожала и ближайшая гора разрушилась. Били другъ-друга по щекамъ и сражались шесть дней; наконецъ, въ седьмой день Аранъ-Тайчи поднялъ Саръ-Алтына и бросилъ его къ небу, и, не допуская до земли, разсѣкъ его на семь частей. Когда Аранъ-Тайчи покончилъ съ Саръ-Алтыномъ, тогда и семь братьевъ-богатырей дружно, всѣ вмѣстѣ, напали на него. Сражались тоже семь дней и точно такъ-же, какъ Саръ-Алтынъ, полетѣли къ небу, и при паденіи поражены.

Старуха сказала: „вся сбруя у Страмдуса привязана на одной веревкѣ, на концѣ которой привязанъ колокольчикъ, вотъ тебѣ ножикъ, отсѣки эту веревку, захвати сбрую и живо бѣги“. Мальчикъ, по наставленію старухи, овладѣлъ сбруею Страмдуса, которая свѣтила, какъ солнце, и доставилъ ее царю. По прошествіи нѣкотораго времени, старшій братъ научилъ солдата донести царю, что младшій братъ его похваляется поймать и привести къ царю самого Страмдуса. Царь призвалъ мальчика и, несмотря на его отреченіе, угрозою принудилъ отправиться за Страмдусомъ. Мальчикъ зашелъ къ старухѣ и заплакалъ, разсказавши свое горе. „Не плачь, мальчикъ! Вотъ тебѣ двое рукавичекъ: войлочныя и кожаныя. Если тебѣ будетъ жарко, закройся кожаными рукавичками, а если холодно — войлочными. Вотъ тебѣ еще двѣ ягоды: бѣлая и красная. Когда завидишь Страмдуса — съѣшь бѣлую ягоду, а когда нужно будетъ съѣсть красную, самъ узнаешь“. Мальчикъ отправился, съ помощію рукавичекъ преодолѣлъ и жаръ, и морозъ и увидѣлъ Страмдуса, который ходилъ около своего дома. Мальчикъ съѣлъ бѣлую ягоду и превратился въ сѣдаго старика, подошелъ потомъ къ Страмдусу. Страмдусъ спросилъ: „кто и за чѣмъ?“ Старикъ (т.-е. мальчикъ) сказалъ: „на той сторонѣ ключа, во владѣнія царя пришелъ страшный богатырь, который всѣхъ убиваетъ, я убѣжалъ оттуда и прошу твоей защиты“. — „Ладно. Неужели тотъ богатырь сильнѣе меня?“ — „Не знаю, ты силенъ-ли, а тотъ богатырь влѣзетъ въ бочку, упрется ногами, и бочка разламывается на куски“. Страмдусъ заставилъ своихъ прислужниковъ сдѣлать бочку, влѣзъ въ нее, уперся ногами и бочка разлетѣлась. Старикъ (мальчикъ) говоритъ, что тотъ богатырь залазитъ и въ желѣзную бочку и разламываетъ. Страмдусъ приказалъ сдѣлать желѣзную бочку, за-

лѣзъ въ нее, заперли его замкомъ, сталъ упираться въ бочку, но она только краснѣетъ и дѣлается огненною, но не ломается. „Нѣтъ, старикъ, не могу изломать, отопри". Но старикъ съѣлъ красную ягоду и, превратившись опять въ мальчика, покатилъ бочку. Страмдусъ ужасно закричалъ и велѣлъ мальчику остановиться, потому что Богъ запретилъ ему переходить ручей. Но мальчикъ не обратилъ вниманія на возраженія Страмдуса и прокатилъ бочку въ городъ. Царь и народъ собрались къ бочкѣ, но боялись подойти близко. Мальчикъ сказалъ, что онъ выпуститъ Страмдуса изъ бочки, и тогда онъ съѣстъ всѣхъ и Страмдусъ подтвердилъ изъ бочки, что если выпустятъ его, то онъ рѣшитъ всѣхъ и оставитъ живымъ только одного мальчика. Царь и и народъ стали просить мальчика, чтобы онъ не выпускалъ Страмдуса изъ бочки, и всѣ единогласно избрали его себѣ царемъ. Страмдусъ попросилъ пить. Мальчикъ растопилъ смолу и влилъ ее въ ротъ Страмдусу, отчего онъ и померъ. Мальчикъ женился на царской дочери, сдѣлался царемъ и отсѣкъ голову старшему брату. — Мальчикъ, по имени Тарданакъ, былъ на своей пашнѣ. Приходитъ къ нему семиглавый Ельбегень и приказываетъ ему лѣзть въ мѣшокъ. Тарданакъ влѣзъ. Ельбегень понесъ въ мѣшкѣ Тарданака въ свой домъ, но на дорогѣ легъ отдохнуть и заснулъ. Во время его сна Тарданакъ вылѣзъ изъ мѣшка, набилъ мѣшокъ вмѣсто себя травой и возвратился на свою пашню. Ельбегень проснулся, пришелъ домой. Дѣти его, увидя мѣшокъ, сказали: „отецъ принесъ травы въ мѣшкѣ, давайте на ней играть!"— „Нѣтъ, дѣти, въ мѣшкѣ вѣдь не трава, а сидитъ Тарданакъ." Но, открывши мѣшокъ, онъ увидѣлъ въ немъ дѣйствительно траву, и пошелъ опять на пашню къ Тарданаку и опять посадилъ его въ мѣшокъ и завязалъ. Пришедши домой, Ельбегень положилъ мѣшокъ и отправился за дровами. Во время его отсутствія Тарданакъ сказалъ дѣтямъ Ельбегеня: „ребята, развяжите меня; за это старшему изъ васъ я сдѣлаю большую стрѣлу, а младшему—маленькую". Дѣти съ удовольствіемъ развязали его. Тарданакъ всѣмъ имъ отрубилъ головы, которыя рядкомъ уложилъ на постели, въ половину прикрывъ ихъ одеждами, а трупы положилъ въ котелъ и сварилъ, и близъ очага проложилъ сквозной выходъ подъ юрту. Ельбегень возвратился съ дровами и хотѣлъ было звать Тарданака, но увидалъ, что въ котлѣ варится уже мясо, котораго поѣвъ немного, онъ сказалъ: „дѣти, вставайте скорѣе ѣсть мясо!" Дѣти молчатъ, не встаютъ. Ельбегень подошелъ къ постели, открылъ дѣтскія одежды и увидѣлъ, что головы дѣтей лежатъ, какъ шишки. „Это что такое?" — Догадался, что въ котлѣ варилось мясо дѣтей его, заплакалъ и закричалъ: „Тарданакъ! Куда ты ушелъ?" Тарданакъ отвѣчаетъ съ улицы: „я пошелъ собирать дрова". Ельбегень вышелъ на улицу и, не видя тамъ Тарданака, кричитъ: „Тарданакъ! Ты гдѣ?" Тарданакъ, прошедши въ юрту прокопаннымъ имъ ходомъ, отвѣчаетъ: „я развожу огонь подъ котломъ". Ельбегень вошелъ въ юрту и, не видя тамъ Тарданака, успѣвшаго убраться изъ юрты своимъ ходомъ, опять закричалъ: „Тарданакъ! Ты куда

ушелъ?" Тарданакъ отвѣчаетъ съ улицы: „я собираю дрова". Ельбегень разсердился и спросилъ: „ты какъ-же это невидимо выходишь на улицу?" Потомъ началъ осматривать юрту и замѣтилъ близъ очага яму, вошелъ въ нее и завязъ, Тогда Тарданакъ вбѣжалъ въ юрту, опрокинулъ на ельбегеня котелъ съ мясомъ и кипящею жидкостью и сварилъ его. — Ельбегень погнался за мальчикомъ Машпаракомъ, а этотъ успѣлъ залѣзть на желѣзный дубъ. Ельбегень сталъ рубить дубъ и усталъ; къ нему подошла красная лисица и предложила свои услуги — дорубить за него; Ельбегень обрадовался помощницѣ и заснулъ. Въ это время лисица, вмѣсто дуба, стала бить по топору камнемъ и, иступивши, бросила его въ озеро. Проснулся Ельбегень и какъ только досталъ топоръ изъ озера, лисица, перемѣнивши свою красную шерсть на черную, опять подошла къ нему и просила топоръ, чтобы рубить дубъ. Ельбегень сначала отказывался и укорялъ ее за то, что она иступила топоръ и забросила его въ озеро. Но лисица убѣдила его, что то была не она, добрая, а другая, худая лисица. Ельбегень повѣрилъ словамъ доброй лисицы, но она иступила топоръ хуже прежняго, забросила его въ самую середину озера. Ельбегень усами своими вытащилъ топоръ, наточилъ его и опять принялся за прежнюю работу. Машпаракъ смотритъ на небо и видитъ въ девяти тучахъ летятъ вороны, такъ что изъ-за нихъ закрылось солнце. Ельбегень, заслышавъ вороній крикъ, спустился въ озеро. Первая туча прилетѣла къ Машпараку и спросила: „гдѣ Ельбегень?" Онъ указалъ на озеро. Главный воронъ сказалъ: „смотри-же, если по озеру будетъ разливаться черная кровь, то не бойся, если-же красная, то намъ будетъ бѣда, и тебѣ тогда не уйти". Машпаракъ смотритъ и видитъ, что появилась красная кровь. Онъ заплакалъ и сказалъ: „должно быть, погибнуть и мнѣ!" Но эта кровь вышла изъ ноги одного ворона, которая изломалась при битвѣ. Потомъ пошла черная кровь и вышла изъ береговъ озера, а у каждаго ворона изъ девяти тучь оказалось по кости съ мясомъ, величиною по 8 вершковъ. Вороны улетѣли, а Машпаракъ сошелъ съ дерева. Всѣ люди происходятъ отъ Машпарака. Воронъ пособлялъ Машпараку-родоначальнику людей, за это онъ и питается пищею со стола человѣка: мясомъ и рыбою.— Не смотря на то, что богатыри силою, а другіе герои хитростью, побѣждали ельбегеней, но все еще было много ихъ. Поэтому само небо обратило вниманіе на этотъ предметъ и послало солнце ловить и жечь ельбегеней. Вотъ солнце бросилось за однимъ ельбегенемъ, но ельбегень скрылся въ глубокую, доходящую до центра земли пещеру. Мѣсяцъ, повстрѣчавшись съ солнцемъ, спросилъ: „гдѣ ельбегень?" Солнце созналось, что ничего не могло подѣлать съ ельбегенемъ. Мѣсяцъ сталъ спускаться съ неба и видитъ, что ельбегень гонится за однимъ мальчикомъ-сиротою, чтобы съѣсть его, но мальчикъ забрался на высокую талину; ельбегень сталъ у талины и дожидается мальчика. Когда мѣсяцъ спустился на землю, ельбегень схватился за талину, вырвалъ ее съ корнемъ и вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на ней мальчи-

комъ бросился въ озеро. Мѣсяцъ, не будь плохъ, сейчасъ же отхватилъ у себя правое плечо, потомъ лѣвое, и, такимъ образомъ, ущербнувши, бросился за ельбегенемъ, и когда сталъ воевать съ нимъ, то брызги изъ озера летѣли чрезъ близъ-стоящую гору. Мѣсяцъ, схвативши, наконецъ, талину съ ельбегенемъ и мальчикомъ, унесъ ихъ на небо. На мѣсяцѣ, увѣряютъ инородцы, всегда можно видѣть ельбегеневу голову и талину: мѣсяцъ свѣтлый, а эти предметы потемнѣе.

Купецъ.

У одного купца было три сына. Они видѣли сны о своихъ невѣстахъ. Старшему приснилось, что онъ взялъ за себя купеческую дочь, среднему приснилась боярская дочь, а младшій увидѣлъ во снѣ лягушку.

Сны ихъ дѣйствительно исполнились: старшій и средній братъ женились на тѣхъ, кого видѣли во снѣ, и младшій братъ привелъ въ домъ лягушку.

Отецъ, для испытанія своихъ невѣстокъ, заказываетъ своимъ сыновьямъ, чтобы старшая невѣстка сшила для него куртку изъ мерлушекъ, средняя—шаровары, а младшая—сапоги. „Я,—сказалъ отецъ,—завтра къ царю пойду“.

Два старшихъ сына объявили своимъ женамъ приказаніе отца, а младшій, не надѣясь на лягушку, сталъ доставать изъ ящика деньги, чтобы купить на нихъ сапоги. Лягушка спросила: „ты для чего берешь деньги?“ Младшій сынъ отвѣчаетъ: „отецъ отправляется завтра къ царю и приказалъ, чтобы ты сшила для него сапоги“. Лягушка сказала: „деньги не тронь! Сапоги я изготовлю“. Младшій сынъ опять положилъ деньги туда, гдѣ взялъ, и легъ спать. Поутру рано лягушка разбудила его и сказала: „Вотъ сапоги готовы!“

Всѣ три сына явились къ отцу съ работою своихъ женъ. Работа старшихъ невѣстокъ отцу не понравилась, а сапоги очень понравились, и отецъ дивился, что въ нихъ не видно даже шва.

Отецъ дѣлаетъ еще заказъ, чтобы старшая невѣстка приготовила булку, средняя—сухарь, а младшая—ржаной хлѣбъ.

Когда это все было изготовлено, сыновья опять явились къ отцу. Отецъ, увидѣвши ржаной хлѣбъ, отъ удивленія спросилъ: „что это такое бѣлое?“— „Это хлѣбъ, изготовленный моею женою-лягушкою“,—отвѣчалъ младшій сынъ. Отецъ похвалилъ искусство младшей невѣстки, а булку и сухари, приготовленные старшими, бросилъ собакамъ.

Въ третій разъ всѣ три невѣстки, по приказанію отца, явились къ нему пѣть. Лягушка, превратившись въ красавицу, пришла послѣ всѣхъ. Пѣніе ея до того очаровало отца, что онъ сдѣлалъ ее старшею надъ всѣми, а мужа ея—своимъ наслѣдникомъ, старшихъ же сыновей заставилъ пасти скотъ, а ихъ женъ опредѣлилъ быть кухарками. Значитъ:

Человѣка не узнаешь по одеждѣ,
А коня по потнику.

Алтіан-Саіи-Саламъ.

Жили-были старикъ со старухою. У нихъ были сынъ да дочь. Старики умерли: братъ и сестра остались сиротами. Они плакали и говорили: „какъ мы будемъ жить? Ѣсть нечего и носить нечего“. Мальчикъ сдѣлалъ небольшой лукъ съ деревянною стрѣлою и отправился на звѣриный промыселъ. Сестра сдѣлала себѣ веретено и стала прясть коноплю. Братъ убилъ какого-то звѣрька и, возвратившись съ нимъ домой мясо звѣрька отдалъ сестрѣ, та сварила это мясо и оба поѣли. Мальчикъ подумалъ: „хотя бы одинъ былъ конь у меня, я на немъ и возилъ бы звѣриную добычу, а то на себѣ таскать ее—спина заболитъ“. Заплакалъ и уснулъ. На другой день опять отправился на промыселъ и застрѣлилъ лось. Отрѣзавши кусокъ мяса отъ лося, принесъ его домой. По возвращеніи домой, онъ видитъ привязаннаго къ дереву коня съ золотымъ сѣдломъ. Конь этотъ имѣлъ кличку: рыжій Айкымъ-Сайкымъ. Юноша, отвязывая коня отъ коновязи, замѣтилъ, что изъ травы виднѣется чорный, крѣпкій лукъ съ желѣзною, большою стрѣлой. Юноша взялъ этотъ лукъ, натягалъ—натягалъ и сказалъ: „ахъ! если-бы этотъ лукъ былъ моимъ!“ И думаетъ: „какого-же богатыря этотъ конь и лукъ?“ Вошелъ онъ въ домъ и тотъ-же вопросъ задаетъ сестрѣ своей. Сестра отвѣтила: „Вѣроятно, и конь и лукъ твой“. Юноша, побывши немного дома, садится на Рыжку-Айкым-Сайкыма и поѣхалъ такъ быстро, что пыль изъ-подъ копытъ поднималась съ земли къ небу, а съ неба падала на землю. Юноша на короткое время остановился и поправилъ на себѣ доспѣхи: лукъ надѣлъ себѣ на спину, а стрѣлу взялъ въ руку. Наѣхавши на звѣриное стойбище, онъ перебилъ всѣхъ случившихся тутъ лосей, мясо ихъ положилъ на коня и, возвратившись домой, передалъ оное своей сестрѣ, а самъ опять на Рыжку-Айкымъ-Сайкыма и на промыселъ. Но эта вторая поѣздка кончилась несчастіемъ: конь упалъ и юноша не успѣлъ на немъ и, при паденіи, сломилъ себѣ шею и умеръ. Конь безъ сѣдока возвратился домой. Сестра юноши встрѣтила коня, который ей провѣщалъ: „оставшись безъ сѣдока, я рысью прибѣжалъ домой“. Сестра заплакала. Рыжка, увидавши это, подошелъ къ ней и палъ на колѣна. Дѣвушка поплакала-поплакала и сѣла на коня. Рыжка побѣжалъ рысью, направляя путь своей хозяйкѣ. Сестра доѣхала до того мѣста, гдѣ упалъ братъ, увидала, что у него шея сломлена и опять заплакала. Поплакавши, обратилась она къ близъ-стоящей скалѣ: „Горькій камень, раскройся! Гладкая скала, расколись! Я положу въ тебѣ моего брата“. Скала раскрылась и сестра положила въ нее своего брата, а сама переодѣлась въ его одежду и отправилась къ Царю-Солнцу. Только пыль пошла столбомъ кверху, сверху падала на землю. Ѣхала-ѣхала и увидѣла, что нѣсколько богатырей состязаются въ стрѣльбѣ. Цѣлью поставлена игла, утвержденная въ желѣзной лопатѣ, а въ вознагражденіе побѣдителю обѣщана красавица—средняя дочь

царя. Когда она подъѣхала къ богатырямъ, они сказали ей: „глазъ у тебя огневый, а спина что-то тонковата. Ты кто такой, ловкій молодецъ? Не угодно-ли тебѣ попробовать стрѣлять въ цѣль?“ Переодѣтая дѣвица приняла на себя и имя брата своего: Алтаін-Саін-Саламъ, и сказала богатырямъ: „Стрѣлять-то я готовъ, только мнѣ еще не до стрѣльбы: я ѣсть хочу.“ Богатыри дали ей кусокъ мяса и чашку бульона. Мнимый Алтаін-Саін-Саламъ когда насытился, взялъ лукъ, натягалъ его съ утра до вечера и на слѣдующее утро все еще натягалъ. Когда окончательно натянулъ, прицѣлился, спустилъ тетиву и стрѣлою отшибъ ухо у иглы и раскололь желѣзную лопату. Послѣ этого подвига мнимый Алтаін-Саін-Саламъ пришелъ къ Царю-Солнцу и потребовалъ себѣ въ жены дѣвушку, изъ-за которой было состязаніе. Царь-Солнце согласился, но выдачу еще отсрочилъ на нѣкоторое время. Алтаін-Саін-Саламъ поѣхалъ далѣе. Ѣхалъ-ѣхалъ и пріѣхалъ во владѣніе Царя-Мѣсяца, гдѣ опять попалъ на состязаніе въ стрѣльбѣ за среднюю дочь этого царя, и выигралъ ее. Взявши съ собой дочь Царя-Мѣсяца и заѣхавши съ нею за дочерью Царя-Солнца, всѣ втроемъ прибыли домой. Но здѣсь произошло недоразумѣніе: обѣ жены требовали супружескихъ правъ въ раздѣленіи ложа, но этихъ правъ не добились. Поэтому отпросились на нѣкоторое время въ домы своихъ родителей, и уѣхали. По отправленіи своихъ женъ, мнимый Алтаін-Саін-Саламъ поѣхалъ къ скалѣ, въ которой погребенъ былъ братъ. Пріѣхавши къ скалѣ, сестра заплакала и сказала: „Горькій камень, раскройся! Гладкій камень, откройся. Я возьму моего единственнаго брата“. Скала раскрылась и сестра вынула оттуда своего брата, привезла его домой и положила въ бѣлую кочму. На ладони брата написала записку: „У Царя-Солнца и Царя-Мѣсяца я взяла двухъ среднихъ дочерей: пусть онѣ будутъ тебѣ женами, а сама я, сдѣлавшись зайцемъ, ушла въ чащу лѣса“.—Двѣ жены мнимаго Алтаін-Саін-Салама, погостивши у своихъ родныхъ, возвратились къ своему мужу. Подъѣхавши къ дому и еще не входя въ него, жены закричали: „Алтаін-Саін-Саламъ, выходи сюда! Не слышитъ!“ Въ другой разъ закричали: „Алтаін-Саін-Саламъ, выходи!“ Опять не слышитъ. „Это что такое?“ Дочь Царя-Мѣсяца вошла въ домъ и думаетъ, что Алтаін-Саін-Саламъ спитъ. Жена кричитъ: „вставай!“ Онъ не встаетъ. Опять закричала: „вставай!“ Опять не встаетъ. Жена потрясла его одежду: Алтаін-Саін-Саламъ лежитъ, какъ мертвый. „Теперь нѣтъ никакой надежды разбудить его“, говоритъ дочь Царя-Мѣсяца, и заплакала: „въ былое время никакіе богатыри не могли открыть его подола, а теперь злой вѣтеръ его открываетъ“. Вышла изъ дома, а на мѣсто ея вошла другая жена, дочь Царя-Солнца. „Вставай!“ Не встаетъ. Дочь Царя-Солнца начала бить плетью своего мужа, отчего тотъ, какъ будто пошевельнулся. Обѣ жены попеременно входили, выходили, плетями били своего мужа и, наконецъ, достигли того, что онъ всталъ. Алтаін-Саін-Саламъ, проснувшись, сказалъ своимъ женамъ, чтобы онѣ дали ему воды умыться. Но только онъ приготовилъ

ладони для принятія воды, какъ сейчасъ же замѣтилъ письмо своей сестры—*Кары*. Умывшись, онъ послалъ своихъ женъ въ чащу лѣса, чтобы онѣ крикомъ выгнали оттуда бѣлаго зайца, а самъ, взявши лукъ со стрѣлою, сталъ дожидаться этого зайца на чистомъ мѣстѣ. Когда жены выгнали зайца изъ чащи, Алтаін-Саін-Саламъ подстрѣлилъ его въ ногу, поймалъ, принесъ домой и приказалъ обѣимъ женамъ хорошо кормить его.

Заяцъ однажды обрызгалъ подолы одежды женъ Алтаін-Саін-Салама. Жены рассердились и, въ отсутствіе своего мужа на промыселъ, убили зайца. Алтаін-Саін-Саламъ, возвратившись съ промысла, узналъ, что заяцъ убитъ, оплакалъ его, положилъ въ три ящика (ящикъ въ ящикъ) и на верхнемъ ящикѣ золотыми буквами написалъ: „Лекарь, вылечи этого зайца!“ Этотъ тройной ящикъ пустилъ онъ въ море. Теченіемъ воды ящикъ принесло къ владѣніямъ Царя-Мѣсяца, и онъ остановился въ томъ мѣстѣ, гдѣ подданные этого царя обыкновенно берутъ воду. Слуга царя, пошедши по воду, замѣтилъ ящикъ, вынулъ его изъ воды и принесъ къ царю. Царь прочелъ надпись, вскрылъ ящикъ, вынулъ зайчика, пригласилъ лекаря и оживилъ его. Заяцъ, по оживленіи, превратился опять въ дѣвушку, и на ней женился сынъ Царя-Мѣсяца.

По прошествіи 7 лѣтъ, Алтаін-Саін-Саламъ отправился на поискъ своей сестры, заѣхалъ и во владѣнія своего тестя, Царя-Мѣсяца, гдѣ увидалъ, что сноха царя держитъ на рукахъ ребенка и забавляется съ нимъ. Рыжка-Айкым-Сайкымъ, увидавши молодую жену съ ребенкомъ, сильно заржалъ. Кара узнала своего коня и заплакала, встрѣтила своего брата. Сначала оба поплакали, потомъ убили скотину и сдѣлали пиръ. Послѣ пира Алтаін-Саін-Саламъ возвратился домой.

Кара-Кан.

Жилъ-былъ царь по имени *Кара-Кан*. У него было много народу и скота, а дочь только одна, по имени *Алтын-Арыгъ*. Царь состарился и говоритъ: „сыновей у меня нѣтъ, силы не стало; дочь моя управлять многочисленнымъ народомъ не можетъ и усмотрѣть за всѣмъ скотомъ не съумѣетъ. Пусть же половину моего народа и половину моего скота возьметъ себѣ подземный отецъ“. Дочь возразила: „почему-же мнѣ не управить всѣмъ народомъ и скотомъ?“—„Потому что не можешь“.—„Если ты не отдашь мнѣ мой народъ и мой скотъ, то я жить у тебя не буду, уйду въ другую землю“. И отправилась. Отецъ и мать оплакали свою дочь. Она пріѣхала въ царство одного богатыря, зашла къ нему въ домъ, оба поздоровались. Богатырь спросилъ: „Скажи мнѣ, чья ты дочь?“ Дѣвица отвѣчаетъ: „Я—дочь Кара-Кана, по имени Алтын-Арыгъ; а тебя какъ зовутъ?“—Богатырь отвѣчаетъ: „Дѣвица! мое имя: Благомыслящій Алтын-Канъ. Куда ты ѣдешь?“ Дѣвица отвѣчаетъ: „Я пріѣхала сюда издалека и отсюда поѣду далеко; мнѣ нужно найти и убить

Царя-Змѣя. Если ему назначено умереть — умреть, если мнѣ, то я умру. Онъ—царь сильный, побѣдилъ многихъ царей, собираетъ дань съ разныхъ земель, чужестранные богатыри его боятся, плачутъ и платятъ дань."— Много-ли—мало-ли Алтын-Арагъ ѣхала, но достигла до владѣній Царя-Змѣя и самого его увидала на необитаемой долинѣ. Одна губа пасти Царя-Змѣя лежала на землѣ, а другая на небѣ. Подойдетъ-ли богатырь, звѣрь или птица—все лѣзетъ ему въ ротъ. Алтын-Арыгъ тоже подошла и вошла въ пасть, какъ и другіе. И видитъ тамъ много живыхъ людей, звѣрей и птицъ. Алтын-Арыгъ дошла до сердца Царя-Змѣя, взяла это сердце и, обращаясь къ богатырямъ, говоритъ: „какъ бы его убить?" Одинъ изъ богатырей отвѣчаетъ: „госпожа! мы убить его не можемъ, не попытаешь-ли ты свои силы?" Дѣвушка попросила мечъ. Богатырь подалъ. Она ударила по сердцу Царя-Змѣя, но не умертвила его, потому что мечъ изломался. Дѣвушка взяла свой собственный мечъ и закричала богатырямъ: „смотрите теперь, что будетъ!" Съ этими словами ударила мечомъ и змѣй издохъ. Когда Царь-Змѣй умеръ, дѣвушка вышла изъ его пасти, птицы вылетѣли, звѣри выбѣжали и богатыри вышли и сказали: „Да будетъ жизнь твоя долговѣчна и могила твоя возвышена! Ты сдѣлала для насъ благодѣяніе, ты спасла насъ, тебѣ мы будемъ платить дань". Дѣвушка отвѣтила: „Богатыри! дани вашей мнѣ не нужно; гдѣ вы прежде жили, тамъ и живите". Простой-же народъ и скотъ Алтын-Арыгъ взяла себѣ и возвратилась въ домъ отца и матери. По случаю ея возвращенія учинили пиръ: пили, ѣли, веселились. Отецъ спросилъ ее: „гдѣ ты была, дочь моя?" Дочь разсказала, гдѣ она была и какъ убила Царя-Змѣя. Отецъ похвалилъ ее и сказалъ: „хорошо, что есть у тебя сила, и ты избавила души птицъ, звѣрей и богатырей; отдаю тебѣ и мой народъ и мой скотъ, потому что я уже сталъ слабъ и думаю умирать". Дѣвушка получила полное наслѣдство, а отецъ скоро померъ. Дочь похоронила отца, сдѣлала поминки, плакала, рыдала и горевала о своемъ одиночествѣ. Послѣ того много-ли, мало-ли прошло времени, какъ приходитъ къ ней богатырь, поздоровался и говоритъ: „пойдешь-ли ты за меня?" Дѣвушка отвѣчаетъ: „что ты за человѣкъ? Есть-ли у тебя отецъ съ матерью?" Богатырь говоритъ: „нѣтъ у меня ни отца, ни матери, имя мое: ѣздящій на львѣ-конѣ *Катканчыла*". Алтын-Арыгъ согласилась. Сдѣлали пиръ. Послѣ пиршества богатырь признался, что у него нѣтъ своихъ владѣній и согласился жить въ имѣніи своей жены. Жена отвѣчала: „народъ-ли мой, имѣніе-ли мое,— пусть будетъ въ твоемъ распоряженіи". И стали жить.

Айманысъ. *)

Жилъ-былъ мальчикъ. У него не было ни отца, ни матери, онъ былъ сирота. У него не было одежды—онъ былъ нагъ. У него не было пищи— онъ былъ голоденъ. У этого мальчика была тетка вдова, которая его вскормила. Немного подросши, мальчикъ отправился на промыселъ, и на его счастье попались ему 9 оленей; онъ выстрѣлилъ въ нихъ и убилъ всѣхъ. Добычу свою онъ взвалилъ себѣ на спину и принесъ домой: шкуры сняли и пошили себѣ одежды изъ нихъ, а мясо съѣли и стали сыты. Мальчикъ сожалѣлъ, что у него нѣтъ коня. Но вотъ онъ однажды, послѣ утренняго пробужденія, вышелъ на улицу и видитъ тамъ, что стоитъ конь, впрочемъ безъ узды и безъ сѣдла. „Здравствуй, молодецъ,—говоритъ конь,—можешь ли ты сѣсть на меня"? Юноша отвѣтилъ: „почему-же и не сѣсть"? Конь подошелъ къ нему. Юноша сѣлъ. Тетка, увидѣвши это, заплакала, зарыдала и говорила: „не садись, конь убьетъ тебя; нѣтъ у тебя ни сѣдла, ни узды, какъ-же ты удержишь его"? Но юноша простился съ теткой и отправился въ дальній путь. Ѣхалъ—ѣхалъ и пріѣхалъ къ морскому берегу. На берегу стоитъ красивая береза. Конь говоритъ: „вотъ стоитъ хорошее дерево, ночуемъ подъ нимъ". Конь остановился, юноша сошелъ съ него и тотчасъ заснулъ подъ тѣнью березы. Когда онъ пробудился—разсвѣло: солнце взошло. Конь стоялъ уже въ уздѣ и сѣдлѣ. Юноша всталъ, поздоровался съ конемъ, обрадовался и говоритъ: „вѣрно, Богъ намъ помогаетъ: не было пищи, и явилась вкусная пища; не было одежды, и явилась отличная одежда; не было коня, и добрый конь явился; не было ни узды, ни сѣдла, а вотъ теперь нашлись превосходная узда и сѣдло". Юноша заплакалъ и продолжалъ: „нѣтъ у меня ни отца, ни матери, кто дастъ мнѣ имя?—Не кому". Конь говоритъ: „Богъ дастъ тебѣ имя".

—„А гдѣ этотъ Богъ? Если бы онъ здѣсь былъ, то далъ бы мнѣ имя".

—„Садись живѣе на меня: намъ торопиться надобно".—Юноша сѣлъ на коня, отъѣхалъ 5 саженъ и услышалъ, что изъ-за березы кто-то закричалъ: „Стой, юноша, не ѣзди"! Юноша остановился, посмотрѣлъ на дерево и видитъ, что на березѣ сидитъ бѣловласый старецъ и говоритъ: „стой, сынъ мой, я нареку тебѣ имя; пусть оно будетъ: *Айманысъ*",—и съ тѣхъ поръ юноша сталъ называться Айманысомъ. Юноша спросилъ: „что ты за человѣкъ, нарекшій мнѣ имя"?

—„Что я за человѣкъ? Я—Творецъ-Богъ! Я нарекъ имя сиротѣ, у котораго нѣтъ отца. Твоего отца убилъ богатырь Чеекъ, взявшій себѣ народъ его и угнавшій скотъ его. Ты, кажется, намѣреваешься выручить свое наслѣдство, но если ты погонишься за нимъ, то умрешь, такъ-какъ у тебя силы мало".

—„Я рѣшился возвратить свой народъ и свой скотъ; смерти не боюсь, потому-что плакать о мнѣ некому: я—человѣкъ одинокій". Съ этими словами Айманысъ сѣлъ на коня и отправился. Много-ли, мало-ли онъ ѣхалъ и наконецъ подъѣхалъ къ высокой горѣ. У этой горы конь заплакалъ. Айманысъ спросилъ: „конь мой! о чемъ ты плачешь"? Конь отвѣчаетъ: „я плачу о томъ, что кости твоего отца сдѣлались горою, поэтому я и плачу". Айманысъ поздоровался съ горою и отправился далѣе. Много-ли, мало-ли

*) См. выше, стр. 146 и 148.

онъ ѣхалъ, какъ увидѣлъ множество народа и табуны скота. Этотъ народъ и скотъ принадлежали отцу его. Подъѣзжая къ воротамъ дома, принадлежащаго владѣльцу, Айманысъ увидѣлъ здѣсь множество богатырей, сдающихъ дань. Онъ сошелъ съ коня, вошелъ въ домъ и видитъ въ немъ растянувшагося хозяина, котораго и привѣтствуетъ: „Здравствуй, другъ“! Хозяинъ, не вставая, съ пренебреженіемъ спрашиваетъ: „ты кто такой“? Айманысъ его перебиваетъ: „нѣтъ, тебя какъ зовутъ, убійца моего отца“?

— „Меня какъ зовутъ? Я—богатырь Чеекъ, ѣздящій на рыжемъ конѣ“.

— „За что ты убилъ моего отца?“

— „За то, что твой отецъ не платилъ мнѣ дани; впрочемъ, твой народъ и твой скотъ здѣсь, и если угодно, то возьми ихъ и будемъ друзьями“.

— „Ты убилъ моего отца, а теперь я убью тебя, и тогда уже уведу народъ и скотъ“.

— „Чтобы намъ не убивать другъ друга,—возьми мою сестру за себя“.

— „Нѣтъ, будемъ драться на смерть,“ и ударилъ Чеека. Завязалась борьба: стали драться, стрѣляться. Долго-ли, коротко-ли они бились, какъ подошла къ нимъ сестра Чеека и говоритъ: „перестаньте драться; я пойду за Айманыса“. Айманысъ посмотрѣлъ на дѣвушку и замѣтилъ, что она красавица, и потому пересталъ драться, вошелъ въ домъ и задали пиръ. Послѣ пиршества Чеекъ говоритъ: „Айманысъ! У тебя теперь есть жена а у меня нѣтъ; мнѣ нужно жениться. Я знаю одну дѣвицу, поѣдемъ, посватаемъ ее за меня“. Отправились. Много-ли, мало-ли они ѣхали, доѣхали до невѣсты, у которой народа и скота премногое множество. Невѣста, по имени Царь-дѣвица, вышла къ нимъ навстрѣчу и говоритъ: „богатырь Чеекъ! давай сначала подеремся: если ты одолѣешь меня, то я пойду за тебя, а если я одолѣю тебя, то убью“. Вышли они на поединокъ: стали драться, стрѣляться, сражаться въ продолженіе 7 лѣтъ. Чрезъ 7 лѣтъ богатырь Чеекъ былъ побѣжденъ. Потомъ вышелъ Айманысъ, схватился съ дѣвицей и тоже дрались, боролись, стрѣлялись и сражались въ теченіе 7 лѣтъ. Чрезъ 7 лѣтъ и Айманысъ былъ побѣжденъ. На смѣну его опять подошелъ Чеекъ и схватился съ дѣвицей: стали драться, барахтаться, стрѣляться въ теченіе 3 лѣтъ. Чрезъ 3 года Чеекъ сказалъ: „много было во мнѣ силы, но теперь, кажется, не могу одолѣть эту госпожу;“ впрочемъ, опять схватились. Дѣвица ослабѣла и сказала: силы моей не хватаетъ, пойду за тебя“. Бой кончился; пришелъ Айманысъ; сдѣлали пиръ; сыграли свадьбу; ѣли мясо, пили вино, пировали 7 дней. Богатырь Чеекъ сказалъ: „пора намъ ѣхать домой;“ забрали народъ и скотъ и втроемъ отправились въ домъ Чеека. Много-ли—мало-ли они ѣхали, и доѣхали. Подъѣзжая къ воротамъ дома Чеека, Айманысъ замѣтилъ, что тутъ стоитъ вороной конь. Айманысъ говоритъ своимъ спутникамъ: „вы здѣсь подождите, а я посмотрю: кто тамъ пріѣхалъ—богатырь или простой человѣкъ“. Айманысъ входитъ въ домъ и видитъ, что тамъ сидитъ богатырь, который сказалъ: „здравствуй, другъ

Айманысъ! Ты взялъ мою невѣсту“. Айманысъ спросилъ: „какъ тебя зовутъ и кто твой отецъ?“

— „У меня нѣтъ ни отца, ни матери, мое имя: *Алтын-Эргек*, ѣздящій на ворономъ конѣ“.

— „Жену мою я не отдамъ; подеремся, кто изъ насъ будетъ сильнѣе, тотъ ее и возьметъ“.

Они схватились, дрались, стрѣлялись. Много-ли—мало-ли прошло времени, Айманысъ ослабѣлъ, заплакалъ отъ досады, что не могъ убить Алтын-Эргека и сказалъ: „убей меня скорѣе, и жену мою возьми!“ Но подошелъ къ нимъ Чеекъ и сказалъ: „не убивай его (Айманыса), лучше меня убей“. Алтын-Эргекъ дрался, боролся съ Чеекомъ 3 года: Чеекъ погибъ. Опять пришелъ Айманысъ на борьбу: стали драться, изъ луковъ стрѣляться, мечами биться. Айманысъ опять ослабѣлъ, но убить его не довелось, хотя онъ и повторялъ, чтобъ Алтын-Эргекъ убилъ его и взялъ себѣ его жену. Въ то время, какъ Айманысъ ослабѣлъ, подошли къ противоборцамъ два пѣвца и стали пѣть: „пусть не умираетъ Айманысъ, насъ убей вмѣсто его“. Они пѣли—пѣли, какъ вдругъ Алтын-Эргекъ и конь его превратились въ каменныя скалы. Айманысъ подошелъ къ пѣвцамъ, поздоровался и спросилъ:

— „Откуда вы?“

— „Мы люди твоего отца. У насъ нѣтъ ни отца, ни матери; мы сами собою появились на свѣтъ“.

Старцы эти оживили Чеека, вошли въ домъ, ѣли мясо, пили вино, боролись, пировали 3 дня. Послѣ пиршества Айманысъ съ своею женою, своимъ народомъ и скотомъ возвратился въ юрту своей тетки и здѣсь задали пиръ, на которомъ жена Айманысова раздавала бѣднымъ одежды. Послѣ пира жили мирно и никуда уже не странствовали.

Царь-дѣвица.

Въ давнее время жилъ-былъ царь. У него былъ сынъ—юноша. Отецъ говоритъ сыну: „узнай глубину моря и хозяина неба“. Сынъ поѣхалъ и встрѣчаетъ на дорогѣ одного старика, который сообщилъ ему, что „лучшій конь царя томится взаперти, возьми его и ѣзди на немъ“. Юноша отправился въ то мѣсто, гдѣ заключенъ былъ конь, нашелъ его, пересѣлъ и отправился. Ѣхалъ—ѣхалъ, пріѣхалъ въ другое царство и пришелъ къ царю. Царь сдѣлалъ ему порученіе—ѣхать къ Царь-дѣвицѣ и привести отъ нея винокурную чугунную чашу. Юноша отправился, пріѣхалъ къ Царь-дѣвицѣ и попросилъ у нея эту чашу. Царь-дѣвица не отдала, но когда заснула, юноша похитилъ чашу, привезъ ее и отдалъ пославшему его царю. Царь сказалъ юношѣ: „если ты привезешь отъ Царь-дѣвицы ея винокурный чугунный кувшинъ, тогда я выдамъ за тебя дочь свою“. Юноша во второй разъ отправился къ Царь-дѣвицѣ и, по ея несогласію отдать добровольно кувшинъ,

отнялъ его и привезъ къ царю, но, вмѣсто дочери царской, получилъ отъ царя новое порученіе опять отправиться къ Царь-дѣвицѣ и привесть отъ нея золотой самоваръ, за что, въ вознагражденіе, подтвердилъ свое обѣщаніе—выдать дочь свою. Юноша въ третій разъ отправился къ Царь-дѣвицѣ и попросилъ у нея самоваръ, но она не согласилась отдать его. Когда Царь-дѣвица уснула, юноша похитилъ у нея самоваръ и съ нимъ отправился. Но Царь-дѣвица, проснувшись, узнала о похищеніи, погналась за юношею, догнала его на дорогѣ и спросила:

— Ты увезъ у меня золотой самоваръ?

— Увезъ.

— Этого самовара ты не отдавай никому другому. Взявшій мой самоваръ непремѣнно долженъ жениться на мнѣ. А когда придетъ къ тому время—я извѣщу тебя письмомъ.

Послѣ этого разговора они разстались. Но юноша не поѣхалъ къ тому царю, отъ котораго было порученіе о самоварѣ, и не женился на его дочери, а отправился къ своему отцу и привезъ ему золотой самоваръ. Чрезъ нѣсколько времени Царь-дѣвица прислала юношѣ ожидаемое письмо, и онъ женился на ней.

Стоженецъ Ханъ Бежітты.

Жилъ-былъ Ханъ Бежітты, имѣвшій 100 женъ. Однажды залетѣлъ въ его владѣнія орелъ. Ханъ спрашиваетъ птицу:

— Зачѣмъ ты прилетѣла къ намъ?

— На краю есть Царь-богатырь, у котораго растетъ дочь, подобная солнцу и мѣсяцу. Ступай къ Богатырю-царю и возьми его дочь.

Ханъ Бежітты, и безъ того имѣвшій уже 100 женъ, самъ не поѣхалъ за предлагаемою дѣвицей, а поручилъ привести ее сыну своему. Сынъ, по приказанію отца, отправился, поднялся на край неба и достигъ до царства Богатырь-царя. Богатырь-царь спрашиваетъ гостя:

— Зачѣмъ ты пріѣхалъ, сынъ мой?

— Я пріѣхалъ свататься за твою дочь.

— Согласенъ. Но только, если ты желаешь имѣть меня своимъ тестемъ, то сначала привези мнѣ золотаго песку съ большаго озера, находящагося на краю неба. Если-же этого не исполнишь, то дочери моей не получишь.

Юноша исполнилъ порученіе будущаго своего тестя: съѣздилъ на большое озеро, привезъ оттуда золотаго песку, получилъ дочь Богатырь-царя и отправился съ нею въ домъ свой. За 1 версту отъ своего дома вышелъ къ нему навстрѣчу отецъ его и, когда увидѣлъ дѣвицу, заплакалъ оттого, что была красавица, сіяющая, какъ солнце, блестящая, какъ мѣсяцъ. Когда они вошли въ домъ, отецъ сказалъ сыну:

— Эту жену слѣдуетъ взять мнѣ.

— Нѣтъ, я привезъ ее для себя, а не для тебя.

— Если ты хочешь получить жену свою, то выдерни и привези мнѣ рога чернаго быка, который пасется на краю неба, за 7 горами, при истокахъ 7 рѣкъ.

Юноша, взявши трехъ-конечное копье, поднялся на небо, переѣхалъ тамъ 7 горъ, пріѣхалъ къ истокамъ 7 рѣкъ и увидѣлъ чернаго быка. Кровожадный быкъ съ яростью выскочилъ навстрѣчу юноши. Юноша, впрочемъ, не устрашился, но и самъ пошелъ навстрѣчу быку, вонзилъ въ него копье, убилъ его и выдернулъ его рога. Но рога были столь тяжелы, что юноша не могъ поднять ихъ, а привелъ 5 лошадей, взвалилъ рога на сани и повезъ ихъ. Везъ онъ, везъ и домой привезъ. Бежітты обрубилъ топоромъ широкіе концы роговъ и съ боковъ обтесалъ ихъ. Потомъ приказалъ своимъ 100 женамъ насидѣть вина и надѣлать чегеня (кумысъ изъ коровьяго молока), и вылить эти жидкости въ рога, сталъ угощать всѣхъ своихъ домашнихъ. Всѣ опьянѣли. Но самъ Бежітты поддержался и взялъ мечъ, убилъ опьянѣвшихъ сына своего и 100 женъ своихъ и женился на красавицѣ — своей снохѣ.

ПѢСНИ.

Алтайцы очень склонны къ пѣнію и музыкѣ. Много изъ нихъ импровизаторовъ. Тонъ пѣсенъ заунывный, выражающій грусть и безнадежность. Стихъ начинается скороговоркой, далѣе — продолжительное повышеніе на одной нотѣ, потомъ — еще повышеніе, и кончается каждый стихъ крутымъ обрывомъ. Поютъ алтайцы и хоромъ, но всякій про свое и на свой ладъ; рѣдко-рѣдко они нечаянно сойдутся въ мотивѣ, и всѣ голоса сольются въ одинъ печальный гулъ. Въ пѣсни непремѣнно требуется два условія: 1) чтобы она имѣла сравненіе и 2), чтобы строфы изъ двухстишій или четырехстишій начинались всегда съ одной и той-же буквы. О хвостахъ (риѳмахъ) алтаецъ не тужитъ, у него были-бы согласны головы. Пѣсни часто поются у сѣверныхъ инородцевъ подъ звуки балалайки, а у южныхъ—двухструнной скрипки, которая по формѣ есть ничто иное, какъ длинный деревянный уполовникъ или поваренка. Внутренность этого инструмента закрыта бараньей кожей, имѣющей на срединѣ кружекъ и 6-ть малыхъ отверстій, между которыми укрѣплены подставочки подъ струны. Дискантовая струна сдѣлана изъ трехъ конскихъ волосъ, а басъ—изъ шести. Смычекъ тоже изъ волосъ. Подъ эту-же скрипку алтайскіе импровизаторы обыкновенно сказываютъ сказки дребезжащей октавой, растягивая каждое слово. У алтайцевъ, какъ и у всякаго отдѣльнаго племени, есть свои народныя пѣсни: религіозныя, историческія, печальныя, веселыя, плясовыя и проч. Вотъ нѣсколько экземпляровъ разнаго содержанія:

1. О раззореніи Алтая.

Устьуртун курёрдо,
Уч толукту Каан Алтай.
Тоорозынан курёрдо,
Тогус пулунду Каан Алтай.
Каадаю узынан курёрдо,
Камчі сынду Каан Алтай.
Кайран Алтаім-деп
Камыгым каны тюгульгэнь!
Тон пудакту карагай;
Канка ярдак айлазын.—
Кайран путкэнь Алтаім!
Куску конгон юртуна,
Канка ярдын яйлязын!
Курэн чепкэнь тюжогондын Каан Алтай,
Тобул таткэнь Алтаім!
Тонго юрдон яйлязын!

Когда посмотришь (на Алтай) сверху,
Ханъ Алтай показывается треугольнымъ;
Если взглянешь на него со стороны,
Девяти-граннымъ кажется ханъ Алтай.
Если со ската горы смотрѣть будешь,
Какъ плеть расплетенная, тянутся хребты твои, ханъ Алтай.
За тебя, славный Алтай нашъ,
Многое множество крови пролито!
Красныя сосны твои окомолены,
Лучше-бы не смотрѣть на такое оголеніе!
Величественные кедры твои стоятъ обнаженные отъ зеленыхъ вѣтвей;
Лучше-бы не видать такого обнаженія
Нашего стройнаго батюшки—Алтая!
Какъ коричневымъ сукномъ, весь покрытъ ты (т. е. вызженъ);
Какъ-бы не видать впередъ такого опустошенія!
Какъ мрачная осень, въ жилищахъ твоихъ, ханъ Алтай;
Лучше-бы не видать намъ такого обезглавленья
Нашего прекрасно-устроеннаго, царственнаго Алтая!

2. Тюремная пѣсня алтайскаго богатыря Канзы.

Каштан туруп агыткан,
Канзанын ады баж алды
Кандалепкэ эттырбей,
Казак ады баш пурды.

Пущенный въ бѣгъ со склона горы,
Конь господина Канзы первенство взялъ.
Конь русскаго, не достигши кандалепа,
Вернулся назадъ.
Турдан туруп агыткан
Канзанын ады баж алды.
Тытту айра эттырбей
Казак ады баш пурды.
Съ горы пущенный въ бѣгъ,
Конь Канзы первенство взялъ.
Не достигши и рѣчки Титту,
Конь русскаго вернулся назадъ.
Кускун яман, куш болун
Кууды тэптым, тэгэйле,
Казак юрты бай болды
Канзаны тудтым, тэгэйле!
Воронъ негодный, сдѣлавшись птицей,
Ужъ скажетъ: „я лебедя сшибъ".
Русскій народъ, ставъ господиномъ,
Скажетъ, на-вѣрно: „Канзу я поймалъ".
Карга яман, куш болуп
Касты тэптим тэгэйле.
Казак яман юрт болуп
Канзаны тудтым тэгэйле.
Злая ворона, сдѣлавшись птицей,
Ужъ скажетъ: „я гуся сразила".
Русскій невидный, въ народы попавъ,
Какъ-же не скажетъ: „Канзу я поймалъ".
Орустын эткэн туразы
Оорчокъ башту болуп-тыр;
Орус більгэнъ Канза бій
Орус колына яйнады.
Русскій построилъ теремъ
Съ верхомъ, покрытымъ шатромъ;
Русскимъ владѣвшій Канза-господинъ
Въ русскія руки несчастно попалъ.
Казактын эткэн туразы
Каірчак башту болуп-тыр
Казак більгэн Канза бій
Казак колына яйнады.
Русскій построилъ шатеръ
Съ верхомъ, покрытымъ, какъ ящикъ.

Русскимъ владѣвшій Канза-господинъ
Въ русскія руки несчастно попалъ.
Тӧрт толыктан уй кескэн,
Тӧбэлю палта курч эмтыр
Тӧрт-ӧн аймак јунадкан
Тӧре-бій куч эмтыр.
Тяжелый топоръ, остеръ, вѣрно, онъ.
Срубилъ онъ мнѣ домъ въ четыре угла.
40 народовъ собравшій въ одно
Русскій Владѣтель, силенъ, вѣрно онъ.
Алты толыктан уй кескэн,
Аймакты мізы куч эмтыр.
Шести-угольной, срубившей мнѣ домъ,
Широкой сѣкиры остро лѣзвіе.
Собравшій въ одно 6 десятковъ племенъ
И дань съ нихъ берущій царь, силенъ, знать, онъ.
Камду чілап кар челіп,
Казынып чігар кунь кайда?
Кыжі колон пек тартып,
Канзы янар кунь кайда?
Но гдѣ мой тотъ день, чтобъ выйти подраться,
Какъ роется выдра въ снѣгу?
Гдѣ-же тотъ день, чтобы, крѣпче подпругу стянувъ,
Канзѣ воротиться домой?
Кумдус—чілап кум казып
Кубулуп чігар кунь кайда?
Куішкан колон пек тартып
Канзанын янар кунь кайда?
Гдѣ мой тотъ день, чтобъ могъ я скрыться,
Какъ кроется бобръ, копаясь въ пескѣ!
Гдѣ-же тотъ день, чтобы, крѣпче подпругу стянувъ,
Канзѣ воротиться домой?
Архамдагы ак яргак
Алты оролор болзочі!
Алты карындаш бар болуп,
Артымнан келер болзочі!
О, если-бъ на плечахъ мой бѣлый кожанъ
Кругомъ-бы меня обвился шесть разъ!
О, если-бъ шесть братьевъ моихъ,
О, если-бъ они прибѣжали за мной!
Пелімдэгы пек яргак
Беш оролар болзочі!

Беш карындаш бар болуп,
Кіінімнэн келер болзочі!
О, если-бъ на спинѣ мой крѣпкій кожанъ
Кругомъ-бы меня обвился пять разъ!
О, если-бъ пять братьевъ моихъ,
Идя по слѣдамъ, сыскали-бъ меня!
Алты уэлю сыр комыргай
Кель абазын тарталы,
Ай, чолмон чіхкажін
Кель абазын кайталы!
Въ шести-составную дудку,
Прійди, поиграемъ, отецъ;
Когда-же мѣсяцъ съ зарницей взойдетъ,
Прійди, побѣжимъ, мой отецъ!
Эты-уэлю сыр комыргай
Кель абазын тарталы,
Эттыгэн чолмон чіхкажін
Кель абазын кайталы!
Въ семи-составную дудку,
Прійди, поиграемъ, отецъ;
Когда-жъ взойдетъ семизвѣздье,
Прійди, побѣжимъ, мой отецъ!
Торсу пік ар пулан
Энэ Том косьтой эле-берь.
Ада торолі туштаза
Эзень салам айдып-бар.
Трехлѣтняя лось, съ длинною бабкой,
Къ матери Томи, направясь, бѣги;
Если-же встрѣтишь родныхъ гдѣ-нибудь,
То миръ и поклонъ скажи отъ меня.
Торсугу пік тор булан
Тобыл косьтой эле-берь,
Боім торогон туштаза
Эзень салам айдып-бар.
Длинная голень—трехлѣтняя лось,
Къ Тоболу направься и рысью бѣги;
А встрѣтятся гдѣ родные мои,
Имъ миръ и поклонъ скажи отъ меня.
Агаштан яныс чіхпазын,
Ададан яныс сыспазын,
Эмэльдэн яныс туубазын.
Пусть не выходитъ отъ дерева отрасль одна,

Пусть одиноко струя не течетъ отъ отца,
Пусть отъ Эмиля отрасль одна не растетъ,
Пусть не родится отъ матери сынъ одинокій.

Ак карчіга бар болзо
Шаншігай эдэ кіінімнэн
Ада торолін бар болзо,
Сурагай эдэ юртымнан.

Если-бы бѣлый ястребъ здѣсь былъ,
Онъ прожужжалъ-бы слѣдомъ за мной;
Если-бъ кто былъ мнѣ родной по отцу,
То спросилъ-бы онъ обо мнѣ въ народѣ моемъ.

Кок карчігам бар болзо,
Шанжагай эдэ кіінімнэн
Кокшін торолім бар болзо,
Сурагай ада юртымнан.

Если-бы синій ястребъ здѣсь былъ,
То прожужжалъ-бы онъ слѣдомъ за мной;
Если-бъ по дѣду кто былъ изъ родныхъ,
То про меня-бъ онъ спросилъ у людей моихъ.

Орустын сокон содон палта
Oнчо агашка откурун,
Орустын айткан тільдэрі
Омырткам тозін йоктойдыр.

Скованный русскимъ остроконечный топоръ
Всѣ деревья проходитъ насквозь;
Русскія рѣчи, что сходятъ у нихъ съ языка,
Больно скребутъ по хребту моему.

Казактын сокон палта
Кату агашка откурын
Казактын айткан тільдэры
Кабыргам тозін йоктодыр.

Скованный русскимъ топоръ,
Проходитъ сквозь твердыхъ деревъ.
Русскія рѣчи, что сходятъ у нихъ съ языка,—
Ноетъ отъ нихъ въ подреберьи моемъ.

Канза мінгэн кара калтар,
Кастыка лба каткайля
Калыгын більгэн Канза бій
Казак эріндэ ольгойля.

Конь черный мухмортый, что ѣздилъ Канза,
Поводъ закинутъ ему,—изсохнетъ теперь.

Владѣвшій народомъ Канза-господинъ—
Теперь уже умретъ онъ на русской землѣ.

Орустын эткэн тэрезе
Канза кыйналар тэрезе
Казактын эткэн тэрезе
Канзанын ӧлӧр тэрэзе.

И эта тюрьма, что выстроена русскимъ,
Тюрьма для страданья Канзы,
И эта тюрьма, что построилъ казакъ,
Тюрьма, гдѣ Канзѣ умереть.

3. Бородастый Тень-бегей [1]).

Тюльгу сень бергэн
Тюменгей кагам тюльгу бергэн
Камду бергэн канакай кагам,
Пасмадам куйнек кійдергэм
Торгодо куйнек кідергэн
Булан эть тіін-деп
Мунгайганъ кунгэ болды
Позого тэн кар чіхты
Пазадым теліп йол чіхты
Булан пажім бурдумгет;
Эль эть тіін деп
Энгейгэн куньгэ болды
Ілік бажім пургаймнет
Інэгенем пой кар чіхты
Эки ады теміп йол чіхты
Сармай берзе тібей-зен
Сарын мень ухнай-зен
Сагалдан тарза турбай-зен
Тень-бегей сагал-йок—ульды.

Ты привезъ мнѣ лисицу;
Я сшила шапку, и народъ моей шапкѣ дивился.
Привезъ и выдру, я сшила опять шапку.
Привезъ кусокъ шелковой ткани—
Я сшила себѣ шелковую рубаху,

---

[1]) *Тень-бегей* былъ богатырь и отличный звѣроловъ. За жестокосердіе къ людямъ, по волѣ Ульгэня, былъ взятъ съ земли на луну. Телеуты и теперь его видятъ тамъ, подобно какъ наши русскіе простолюдины видятъ на лунѣ Каина и Авеля. *Тень-бегей* и на лунѣ продолжаетъ гонять лосей и козъ. Посмотрите попристальнѣе, говорятъ Телеуты,—ясно видно.

Захотѣлось мнѣ ѣсть лосинаго мяса,
Но, видно, въ несчастный день:
Выпалъ снѣгъ вровень съ порогомъ.
На сивомъ конѣ дорогу онъ топчетъ,
Ѣдетъ Тень-бегей лосей гонять.
Захотѣлось мнѣ мяса козлинаго,
Но, видно, въ несчастный день:
Ѣдетъ онъ козловъ гонять,
Но опять падаетъ снѣгъ еще глубже.
Уже на двухъ коняхъ онъ дорогу топчетъ,
Но теперь — вотъ даю тебѣ мясо — не ѣшь.
Пою тебѣ пѣсни — не слушаешь,
Дергаю тебя за бороду — не встаешь.
Бородастаго Тень-бегея не стало: онъ умеръ.

4. Плачъ о потерѣ мужа.

Баяным барда кійгэм тоным,
Яказы алтын тон, мандык тон эды
Боярым йохта кійгэнъ тоным
Кулдар кійбесь куяру болды!
Баярым барда ічкэн ажім
Кытайдан кыларду эді!
Баярым йокто ічкэн ажім
Кулдар ічпесь саалу кочо
Чікчечек байлу баярым сылу.
Ой ордымнын толозы эды
От алказынын толозы эды;
Куу тюжурбесь колюнэ,
Кускун яман тюшкеля.
Тужуна кельбесь умандар,
Турганы мені тейгеля.
Кас тюжурбесь колюлэ!
Карга яман тюшкейля.
Кажіна кельбесь ямандар,
Тапхынын: мені тейгейля;
Сенін Баян-батыр Эртістэ!

Когда былъ у меня Баянъ-богатырь, носила я шубу
Канфовую съ золотымъ воротникомъ.
Не стало боярина моего, стала я носить—
Какой и рабыни не носятъ—бѣдный кожанъ.
Когда былъ мой бояринъ, ѣла я хлѣбъ,

Китайское просо (рисъ) я ѣла.
Не стало моего боярина, ѣмъ хлѣбъ мой —
Какого не ѣдятъ рабы—крупу нетолченую.
Баянъ—бояринъ былъ статный, красивый собою,
Постель моя съ нимъ была полна утѣхъ;
Кладовыя мои были полны богатствъ,
Лебеди не смѣли сѣсть на его озеро.
Теперь прожорливыя вороны будутъ садиться.
Лиходѣи мои не смѣли подходить близко,
Теперь придутъ и скажутъ: „все, что есть, наше!"
Гуси не смѣли садиться на его озеро,
Теперь нечистыя вороны будутъ садиться.
Люди, близко подойдти не смѣвшіе,
Мнѣ скажутъ: „и ты наша,
А твой Баянъ-богатырь въ Иртышѣ!"

5. Жалоба влюбленныхъ.

Казым! кажі талбійзын,
Канадын тёзін талдырып?
Кайраным! Кажі баразын,
Калаган тюрекъ каладып?
Куум кажі талбійзын,
Куркунын тёзін талдырып?
Кубуйлу! Кажі баразын,
Куік тюректы куйдюрюп?

Гусь мой! Куда ты машешь,
Утомляя мышцы крылъ твоихъ?
Сердечный мой! Куда идешь ты,
Обожженное мое сердце обжигая?
Лебедь мой! Куда ты машешь,
Утомляя мышцы вертлуговъ твоихъ?
Утѣха моя! Куда идешь ты,
Опаленное сердце мое опаляя?

6.

Яскы куйгэнь эрт-ошкоп,
Ялыйдыр менін тюрегым.
Яскыда кельгэн куш-ошкоп
Яйнайдырь менін ол козім,
Кускудэ куйгэн от-ошкоп,

Куйэдырь менэн тюрегым
Кускудэ кельгэнь куш-ошкоп,
Куйнедырь менін ол козім.
Какъ палы, весною горящіе,
Пылаетъ къ тебѣ мое сердце.
Какъ птица весною ищетъ гнѣзда,
Тоскливо ищутъ тебя глаза мои.
Какъ огонь, пылающій осенью,
Горитъ къ тебѣ сердце мое.
Какъ птицамъ, отлетающимъ осенью,
Завидуютъ глаза мои твоимъ спутникамъ.

7. Похвала супругѣ.

Алтын-дый пюрю тюгульгэнь,
Ак каін бедырь, бу бе дырь?
Архадагы чачін яінган,
Алганым бедырь, бу бе дырь?
Кумуш-тый пюрю тюгульгэнь
Кок терек, бедырь, бу бе дырь?
Коксіньдэгы чаачін яінган,
Курьгэным бедырь, бу де дырь?
Какъ золотолиственная
Береза бѣлая—не она-ли это?
Распустившая по спинѣ волосы,
Не моя-ли это взятая (т. е. жена), не она-ли это?
Какъ сребролиственная
Тополь зеленая—не она-ли это?
По плечамъ волосы распустившая,
Не моя-ли это усмотрѣнная, не она-ли это?

8.

Ак таш пойлодым, пойлодым,
Ак таштан сызык таппадым,
Аймак ылгадым, ылгадым,
Ай сенен сылу таппадым,
Кок таш пойлодым
Кок таштан сызык таппадым.
Ходилъ я, ходилъ по бѣлому камню,
Трещины въ бѣломъ камнѣ не нашелъ.
Выбиралъ я, выбиралъ породу,

Ахъ, красивѣе тебя я не нашелъ!
Ходилъ я, ходилъ по синему камню,
Щели въ синемъ камнѣ не нашелъ.
Выбиралъ я, выбиралъ изъ многихъ,
Тебя умнѣе не нашелъ.

9. Разлука съ супругою.

Аг элён бажін курч капкан
Акпозым, кайда тюрезін?
Архадаа чачі саргарып,
Алганым, кайда тюрезін?
Ког элён бажін коп капхан,
Кок пором, кайда, тюрю-не?
Коксіндеэ чачі саргарып.
Кургэным, кайда, тюрю-не?
Верхушки сочной травы жадно хватавшій,
Сивка мой, гдѣ ты находишься?
Съ желтѣющими по спинѣ волосами,
Взятая моя, гдѣ ты находишься?
Верхушекъ зеленой травы много хвативщій,
Сѣрко мой, гдѣ ты, живъ, что-ли?
Съ желтѣющими по плечамъ волосами,
Подруга моя, гдѣ ты, жива, что-ли?

10. Грустныя чувства на чужбинѣ.

Ясхыда Какан салкынна
Яргакту туруп, чідабас
Ятын ічіндэ тюргэндэ,
Яман айттырза, чідабас.
Куськи салгын каканда,
Кунекчен туру, чідабас.
Коптын ічіндэ тюргэндэ
Коп яман айтса, чідабас.
Весенняго вѣтра
Въ Коканѣ не стерпишь;
Находясь на чужбинѣ,
Злословія нельзя терпѣть.
Противъ осенняго вѣтра
Въ одной рубахѣ не устоять;
Находясь между чужими,
Многаго злословія не вытерпѣть.

11.

Эκы агаш тімырыт
Элім каспезін тюээнен;
Эльдын ічіндэ тюргэндэ,
Элім айтпазын кійнімнен.
Янызак агаш тімырыт,
Ядым кеспезін тюээнен;
Ятын ічіндэ тюргэндэ,
Ядым айтпазын кійнімнен.
Два деревца черемухи
Не срубилъ-бы кто подъ корень;
Тогда, когда нахожусь въ народѣ,
Народъ не сказалъ-бы чего (худаго) въ слѣдъ.
Одинёшенька стоитъ черемушка,
Съ корня ее чужіе не срубили-бы;
Тогда, когда нахожусь среди чужихъ,
Чужіе не сказали-бы мнѣ чего во слѣдъ!

12. Признательность къ родителямъ.

Торконын тюрдын курап,
Тон эткэнь устар;
Томыкчаны кыжі эткэнь
Торынбаган энейлер.
Камканы тюрдын курап,
Каптал эткэнь устар;
Камікчаны кыжі эткэнь
Кайран арынбаган адалар.
Скропавъ шелковые лоскутки,
Мастера составили шубу;
Насъ, бывшихъ съ колѣнную чашечку, сдѣлали людьми
Неутомимыя матери.
Скропавъ канфовы лоскутки,
Мастера составили халатъ;
Насъ, бывшихъ съ бабку, вывели въ люди
Сердечные, не изнуримые отцы.

13. Безполезность имѣнія по смерти.

Яныдан тыкэнь бу тоным,
Ямгурлу куньдэ не туза?
Яйнап тапхан малымнын

Ядар куньдэ не туза?
Эскындэн тыкэнь тоным,
Эрігэнь куньдэ не туза.
Энэліп тапхан малымнып
Эрьтэр куньдэ не туза.
Хоть и новая на мнѣ шуба,
Но въ дождливый день что пользы въ ней?
Отъ трудоваго имѣнія моего
Какая польза, когда я умру?
Старая моя шуба
И въ жаркій день мнѣ безполезна.
Трудовое мое имѣніе
Въ день моей смерти также безполезно.

14. Жалоба на одиночество.

Аркада тоным тюкачак,
Аясха тонуп калбаін,
Ада туганым аскынчак
Айдышпай улюп калбаін,
Коксюмде тоным тюкачак
Куруга тонуп калбаін,
Кокшін туганым аскынчак
Курюшпей улюп калбаін.
На спинѣ шуба у меня тонехонька,
Какъ-бы и въ-вёдро мнѣ не замерзнуть!
По отцу родныхъ маленько у меня,
Чтобы не умереть, не поговоривши,
На груди шуба моя тонехонька,
Не замерзнуть-бы отъ инея?
Старшихъ родныхъ у меня маленько,
Не умереть-бы, не видавшись!

15. Воспоминаніе о товариществѣ.

Аг-элён-былян бірьгэ ӧскӧнь,
Ак сыргаак ачу эмесь бе?
Аргыжа бірьгэ тэн ӧскӧнь
Аргажім! Ачу эмесь бе?
Ког элен-білен бірьгэ ӧскӧнь
Кобыргэн ачу эмесь бе?
Курюже бірьгэ тэн ӧскӧнь
Курьгэным, ачу эмесь бе?

Съ хорошею травою вмѣстѣ выростая,
Бѣлая чемерица развѣ не горька?
Въ товариществѣ вмѣстѣ ровней взросшій,
Товарищъ мой, не жалко-ли тебя?
Съ зеленою травою вмѣстѣ выросшій,
Луковый бутонъ развѣ не горекъ?
Въ дружествѣ вмѣстѣ ровесникомъ взросшій,
Пріятель мой, не жалко-ли тебя?

16. Воспоминаніе о родныхъ и знакомыхъ.

Ада Алтай такырчак,
Ак пором тізі тадучак.
Ада тууганым асхынчак
Айдыжіп кельзек, якынчак!
Куню Алтай такырчак,
Кок-пором тізе, тадучак
Курьгэн тууганым асхынчак;
Курюжуп кельзе,— якынчак!
Батюшка-Алтай малотравенъ,
А поѣстъ мой сивка сладко.
По отцу родныхъ моихъ маленько,
Какъ сойдемся, поговоримъ славно!
Почтенный Алтай низкотравенъ,
А поѣстъ мой сивка сладко.
Родныхъ, которыхъ я знаю, мало у меня,
На свиданіе придемъ,—любо!

17.

Терсінен салкын каканда
Терменгэй камыш каканда
Терменгэй камыш баштары?
Текші тууганды саназам,
Тежільгэнь косьтон яш келет.
Онынан салгын каканда
Оішкай камыш баштары
Ончо тууганды саназам
Оілган косьтон яш келет.
Когда вѣтеръ дуетъ снизу,
Какъ не колыхаться вершинамъ камыша?
Если подумаю о родныхъ моихъ,
Изъ худыхъ (продыравленныхъ) глазъ слеза идетъ.

Когда вѣтеръ дуетъ сверху,
Какъ-же не пригнутся вершины камыша?
Если подумаю обо всемъ родствѣ,
Изъ худыхъ (проколотыхъ) глазъ слеза идетъ.

18.

Казакъ яланна каразам
Кара тал бажі курюнет,
Карындажім саназам
Кабыргам тёзі кайжат.
Орус яланнан каразам
Ончо агаш бажі курюнэт,
Ончо туганым эзэзэм
Омыртхам тёзі оіжат.
Какъ смотрю я на крестьянское поле,
Видны только вершины чернотала;
Какъ помыслю я о братѣ,
Основанье реберъ моихъ гнется.
Какъ смотрю я на русское поле,
Видны вершины всѣхъ деревъ.
Какъ вспомню все мое родство,
Основаніе хребта моего изгибается.

19.

Туманду куньдэ кыштезе,
Тулбарым уню таньлу,
Тушман эріндэ тюргэндэ,
Туганым уню таньлу
Карачкы тюньдэ кыштезе,
Калтарым уню таньлу
Калык эріндэ тюргэндэ,
Карынташ уню таньлу.
Если въ туманный день заржетъ
Мой заводскій конь, его голосъ я узнаю.
Въ чужой землѣ находясь,
Голосъ родственника я узнаю.
Хоть-бы и въ темную ночь заржалъ
Мухмортка мой, я его узнаю.
Находясь въ землѣ другаго народа,
Братнинъ голосъ узнаешь.

20. Ожиданіе роднаго.

Сандыгаш учат саз—заію
Саска пюктэнь тал—заін,
Санаган тууган келет деп.
Сахтап—курерым йол—заін.
Куйкэнек учат коль заін
Кольго пюткэнь тал—заін
Курьгэн тууган келет—деп
Курергэ чіхтым йол заін.
Ястребокъ летаетъ по болотамъ,
По тальнику, растущему на топяхъ.
Идетъ-де родственникъ, занимающій мысль мою;
Ожидая его, буду смотрѣть по дорогамъ.
Стрепетъ, летящій по озерамъ,
По при-озернымъ талинамъ,
Идетъ, слышно, мой близкій родственникъ,
Вышелъ я смотрѣть по дорогамъ.

21. Плачъ о потерѣ сына.

Адан ак чечек, ак чечек,
Анарбас эрьгэ чігыпсын
Ада балазы тууганым
Айдышпас эрьгэ барынсын!
Курюмзюлю кок чечек
Колюнгы эрьгэ чігыпсын
Кокшін балазы пірь тууган
Курюшпесь эрьгэ барапсын!
Ахъ ты, бѣлый цвѣтъ, бѣлый цвѣтъ,
Взошелъ ты въ мѣстѣ неизвѣданномъ,
Дитя мое, любимое отцемъ,
Ушелъ ты въ страну, не имѣющую сообщенія!
Прелестный голубой цвѣтокъ,
Вышелъ ты въ мѣстѣ отѣненномъ.
Дитя старости, единородное,
Ушелъ ты туда, гдѣ нѣтъ свиданія!

22. О дружелюбіи и согласіи.

Язым! Келезін ярланып;
Яш агаш бажі пюрьленып
Яш углындар ойноільдар

Яман айдыжіп керек—йок.
Кузюм! Келезін курленып,
Коп агаш бажі шужалып,
Кучу улгындар ойноільдор!
Коп айдыжіп керек—йок.
Весна моя, ты, приходя, сіяешь,
Свѣжія деревья одѣваешь листьями.
Молодые ребята, станемъ-те играть,
А ссориться не должно.
Осень моя, ты, приходя, тучнѣешь,
Верхи многихъ деревьевъ оголяешь.
Малые ребята, будемъ-же играть,
Много вздорить не надобно.

23.

Карчіга куштын незі артык?
Канатха пюткэнь тімы артык
Карындаштын незі артык?
Какшін айтхан сёзь артык.
Посторкой куштын незі артык?
Поюна пюткэнь тімы артык
Поюм туганым незі артык?
Постоп—айтхан сёзь артык.
Что всего лучше у птицы сокола?
Перья въ его крыльяхъ—лучше.
У брата что лучше?
Съ чувствомъ произносимое слово.
У птицы жаворонка что лучшее?
Перья, его покрывающія.
Въ своемъ родномъ что лучше?
Съ мольбою сказанное слово.

24. Нужда въ пѣсенникѣ.

Сайга чабак туюнаптыр
Сайбыр чортоны кайда—тырь?
Сайдуут улус тюунап—тыр
Сарынчізы кайда тыр?
Кумга чабак тюунан—тырь
Куйбыр чартоны кайда—тыр?
Кубуйлу улус тюунап—тыр
Кубуйлу сарынчі кайда—тыр?

Собрались чебаки къ плесу,
Гдѣ-же щуки этого плеса?
Собрались хорошіе люди,
Гдѣ-же пѣсенникъ?
Собрались чебаки на мель,
Гдѣ-же ловкая щука?
Собрались люди веселые,
Гдѣ-же весельчакъ-пѣсенникъ?

25. Надежда сироты.

Кулунчак таім ат оской
Куйрюгы ялы тэн оской
Кокшінэн калган бісь кучу
Кунуга тюре, тыжі ӧскӧй
Ябага таім ат ӧскӧй
Ялы куйрюгы тэн ӧской
Яхшідан калган бісь яштар
Яйнай—іляй кыжі ӧскӧ.
Молодой мой жеребенокъ выростаетъ съ коня,
Хвостъ и грива выростутъ.
Мы, отъ стариковъ оставшись малыми,
Живя въ печали, сдѣлались людьми.
Однолѣтній мой жеребчикъ будетъ конемъ,
Выростутъ въ разъ хвостъ и грива его.
Отъ добрыхъ людей оставшись въ малолѣтствѣ,
Мы, умоляя-плача, выростемъ и тоже будемъ людьми.

26. Ожиданіе родителей.

Айга тыкэнь кожогон
Алтын курюнзін козюнгэ,
Алгап—берьгэнь ардабісь
Ада юртында эш болзын.
Куньгэ тыкэнь кожогон
Кумыш курюнзін козюнгэ.
Кузеп—алган эжінэр
Курьгонінэ эш болзын.
По мѣсяцу сшитый твой занавѣсъ
Золотомъ пусть покажется глазамъ твоимъ;

Съ благословеніемъ выданное чадо наше
Въ юртахъ мужниныхъ родныхъ другомъ пусть будетъ.
При солнцѣ сшитый твой занавѣсъ
Серебромъ пусть покажется глазамъ твоимъ.
Съ сердечнымъ желаніемъ взятая
Мужу своему подругой пусть будетъ.

27. Разлука съ дочерью.

Алды балазын таабалбай
Арынып—тюре, кунь алгай
Ардазын юртха тюжурюп,
Адазы ійляк, кунь алгай.
Элік балазын таабалбай
Энэліп-тюре, кунь алгай
Эркезін юртха тюжурюп,
Энезі ійляк, кунь алгай.
Звѣрь, не находя своего дитяти,
Въ сокрушеньи ходя, дни проводитъ;
Взлелѣянное свое въ люди выдавая,
Отецъ въ слезахъ проводитъ дни;
Нѣжное свое въ люди отпуская,
Мать въ слезахъ проводитъ дни.

28. Состраданіе къ птицамъ.

Карчіга куштын уязы
Капчалда, тэжет, балазы
Качалан салгын какажін,
Какшійдыр анын балазы
Каробарчіктын уязы
Кактыйда, тэжет, балазы
Карый салгын какажін,
Каактайдыр балазы.
Гнѣздо птицы сокола
И дѣти его, слышно, на утесѣ.
Какъ подуетъ вѣтеръ холодный,
Вопіютъ птенцы его.
Гнѣздо скворца
И дѣти его, говорятъ, въ дуплѣ.
Когда подуетъ завывающій вѣтеръ,
Жалобно пикаютъ птенцы его.

29. Орадый или Урей.

(Поздравительная пѣснь вечеромъ въ Рождество).

Аг—алтында ак шолбан
Орадый! [1])
Сустан турган уюн
Тендыбень турзун.
Чардык булка ма берьзын
Чардык шулан мал болзын
Ай чiгар яны пюрь шiхсын
Кунь чiгаттан янынан бюрь чiхсын
Туюк булка ма берьзын
Туюк шулап мал болзын.
Алтын топчi, шiр топчi
Карган кыжiнэ кут болзын
Кумюш топчi, шiр топчi
Алган кыжiнэ кут болзын.
Аркты толтра кеп болзын
Уйгэ толтура бала болзун.
Сундука толтра акча болзын
Тэпшi—быле сень берьзе
Тендыбень конзун
Кумюш-тiй бек болзын
Пуру айгыр мал болзын
Чайбал пайдуруп пай болзын
Тiбекты тынын пек болзын
Айга тыкэнь уюнды
Алтын курчалзын,
Куньгэ тыкэнь уюнды
Кумюш—была курчалзын
Орадый!
Какъ передъ мѣсяцемъ зарница.
Сiяя, стоитъ твой домъ.
Живи-же безъ ошибки!
Пол-булки дай мнѣ,
Пол-двора у тебя пусть скота будетъ.
Съ той стороны, гдѣ восходитъ мѣсяцъ съ солнцемъ,
Пусть у тебя все растетъ и зеленѣетъ.

---

[1]) У сѣверныхъ инородцевъ *орадый*, у телеутовъ *урей*—припѣвъ послѣ каждаго стиха. Напечатанные курсивомъ стихи взяты у телеутовъ.

Цѣлую булку дай мнѣ,
Цѣлый дворъ у тебя пусть скота будетъ.
Золотая пуговка, моржанная пуговка!
Старику твоему счастье да будетъ.
Серебряная пуговка, моржанная пуговка!
Женѣ твоей счастье да будетъ.
Полная жердь одежды пусть будетъ.
Полный домъ пусть будетъ дѣтей.
Полный сундукъ денегъ пусть будетъ.
Если ты дашь сельнице,
Живи безъ ошибки, не плошай!
Если ты дашь чашкой,
Живи не на вѣтеръ (не расплескивай)!
Будь крѣпокъ, какъ серебро.
Пусть будутъ у тебя коней табуны,
Всегда будь богатъ, никогда не разоряйся.
Душа твоя пусть будетъ крѣпка, какъ толчинка,
По мѣсяцу ставленный, твой домъ
Пусть золотомъ подпояшется;
По солнцу, солнцу ставленный, твой домъ
Серебромъ пусть обовьется!

ПОСЛОВИЦЫ.

Тенгэренын кужiн тудаiн—деп, не занайзын?
Тэныстын балыгын тудаiн-деп, не санайвын?
Что мнишь схватить небесную птицу?
Что думаешь схватить морскую рыбу?

—

Тэкэнын муузi тэнгерез тэкэнiн кэм курьгэн?
Теонын куйрюгы эрьгэ теткэнiн кэм курьгэн?
Кто видалъ у козы рога до неба?
Кто видалъ у верблюда хвостъ до земли?

—

Карчiганын учужiнан таныльу,
Калабастын пазыгынан таныльу.
Соколъ видѣнъ по полету,
Молодецъ по походкѣ.

—

Тертолбос йол пузар,
Айдалбас сёзь пузар.

Не ѣздокъ дорогу портитъ,
Не говорокъ слово портитъ.

—

Алабугада мінь—йок
Алу кыжідэ ой—йок.
Отъ окуня ухи,
Отъ дурака ума—не жди.

—

Паганын пазыгын курь-туруп,
Телегын не сурадын?
Видя прыть лягушки,
Что требуешь прыти отъ нея?

—

Атпасты оогы алты кулаш.
У не-стрѣльца стрѣла въ шесть саженъ.

—

Неэны кійзэн, аны кій, аркан куньгэ куйбезін.
Что-бы ни ѣлъ, то ѣшь, только зубами объ камень не хвати;
Что-бы ни надѣлъ, то надѣнь, лишь-бы спина отъ солнца не горѣла;
На чемъ-бы ни ѣхалъ, на томъ поѣзжай, только-бы не бить о землю ноги.

—

Ат карызы сугумтык,
Эрь карызы элімтык.
Старый конь—на убой,
Старый мужъ—на смѣхъ.

—

Куру калбак ууска ярашбас.
Сухая ложка ротъ деретъ.

—

Кеэ сюлегэнь кечкэ этпесь,
Кере алтаган уйгэ этпесь.
Высокоумный до вечера не доживетъ,
Широкошагающій до порога не дойдетъ.

—

Тёо-че, кара санаганнан
Тёонь-че ак санаганы артык.
Лучше добрая мысль съ *ядно*,
Нежели худая дума съ верблюда.

—

Карга касха тэмежін,

Пуду чупчінган тэгэнь.
Ворона, равняясь съ гусемъ,
Ногу оторвала-де.

—

Яианы курюп, япсыба,
Эськіны курюп эрікпе.
Видя новое, не льстись,
Видя старое, не скучай.

—

Тандагы казы-была картадан,
Бугуньгы опко якші.
Сегодняшняя печенка съ легкимъ
Лучше завтрашняго сычуга съ жиромъ.

—

Пойдонын моінын піт тіэрь
Тапхан-тартынганын іть тіэрь.
Шею холостаго вошь заѣстъ,
А имѣніе его собака съѣстъ.

—

Отпёсьты пілебе,
Укпасты сулебе.
Тупицу не точи,
Неслуха не учи.

—

Уледым-деп, этпёгын тёгэсьпе,
Кочодым-деп, кочон тегэсьпе.
Собираясь умирать, хлѣбъ не бросай;
Собираясь скочевать, щи не выливай.

—

Карынын сёзін капка сук,
Яанын сёзін янчіка сал,
Улудын сезін укка сук.
Слово старика въ мѣшокъ прячь,
Слово набольшего въ карманъ клади,
Слово начальника за чулокъ заткни.

—

Тон ічіндэ эрь тюрек; аны кэмбілер?
Токым-алдында ат тюрер; аны кэмбілер?
Человѣка по одеждѣ,
А коня по потнику не узнаешь.

—

Эльдын эпчізы, тонын топчізы.
Миротворецъ въ народѣ, что твоя пуговка у шубѣ.

—

Коп болуп чоп болгынча,
Ас болуп ус болзын.
Хоть мало, да будь дѣльно,
Чѣмъ много, да какъ соръ.

—

Яныны язап-кій,
Эськіны эптеп-кій.
Новое съ бережью надѣвай,
Старое съ починкою носи.

—

Салкынду куньдэ энчу—йок,
Сагышту куньдэ уютку—йок.
Буря покой отнимаетъ,
Дума сна лишаетъ.

—

Яман-даа болзо, уюн болзын
Яман-даа болзо, кочон болзын.
Хоть худая, да была-бы изба,
Хоть постныя, да были-бы щи.

—

Алтын башту кадыттан
Арык башту эрь артык.
Мужчина и съ пустой головой
Лучше женщины съ золотой головой.

—

Эрь тыскіні узун-тэгэнь,
Ат туйгагы язы тэгэнь.
Мужской поводъ дологъ-де,
Конское копыто широко дескать.

—

Арык-даа болзо, семіскэ паала
Ас даа болзо, копко паала.
Хоть и тощій, да за жирнаго почти,
Хоть и мало, почти за велико.

—

Ажі-тузым ас болды,
Боюм бажі тас болды.
Какъ только хлѣба-соли моей стало мало,
Такъ и голова моя стала плѣшива.

—

Соок-былан мельдешкэнь кулагы-йок,
Бій былан мельдешкэнь бажі-йок.
Кто борется съ морозомъ, тотъ будетъ безъ уха;
Кто тяжется съ начальствомъ, тотъ будетъ безъ головы.

—

Аргалу алты конор,
Текелю беш конор.
Гдѣ честный человѣкъ живетъ 6 сутокъ,
Тамъ плутъ живетъ только 5-ть.

—

Йобош башты кылыш кеспесь.
Покорную голову мечъ не сѣчетъ.

—

Яныс атту ярыгічі,
Яргак тонду курегічі.
Кто объ одномъ конѣ, тотъ охотникъ до бѣговъ;
У кого шуба-хожанъ, тотъ охотникъ до борьбы.

—

Керкын тудунуп керішкэ чіхпа,
Уругун тудунуп урушха чіхпа.
Держась за кинжалъ, не выходи на ссору;
Держа петлю въ рукѣ, не выходи на драку.

—

Су курбейчі, эдюк чечпе.
Не видавши воды, обуви не скидай.

—

Теміръ тонду улюп-тыр,
Тере тонду калып-тыр.
Въ желѣзномъ одѣяніи умираетъ,
А въ овчинной шубѣ остается.

—

Аш ічкынче мендэбе,
Атха мюньзе тохтобо.
Пока не поѣлъ, не торопись;
Сѣвши на коня, не мѣшкай.

—

Угу-йок кыжі болбос,
Ульгузі-йок эдюк болбос.
Человѣкъ не безъ роду,
Обутокъ не безъ наметки.

—

Кіік болзо, тюкту болор,
Кыжі болзо, адту болор.

Если звѣрь, то—съ шерстью,
Если человѣкъ, то—съ именемъ.

—

Яманнын колына берьгынче,
Яхшінын йолына сал.
Чѣмъ злому въ руки отдавать,
Лучше доброму на дорогу положить.

—

Яманга якші этпе
Тюурга пок сюртпе.
Не дѣлай добра злому,
Гнилую рану не мажь пометомъ.

—

Яман кыжі тюуда туза тэгэнь.
Злой человѣкъ на войнѣ годенъ-де.

—

Яхшаа янашхан, яхшізы тюгар
Яманга янашхан яманы тюгар.
Съ добрымъ поведешься, добро переймешь;
Съ худымъ поведешься, худое переймешь.

—

Тіль тюгурюгы башха,
Аяк тюгурюгы ашха.
Скоръ на языкъ—себѣ на голову,
Скоръ на ногу—будешь съ хлѣбомъ.

—

Аілаш-даа болзо, йол кугын,
Айлю-даа болзо, кыз алгын.
Хоть и вокругъ, все-же дорогой ступай;
Хоть и беременную, да дѣвку возьми.

—

Балык андыган, байбас,
Тюбедэгы кургабас.
Рыбакъ богатъ не будетъ,
Хотя подолъ у него и не просыхаетъ.

—

Темірьды болзо, кысха кесь,
Агашты болзо, узун кесь.
Если желѣзо, то отсѣкай короче;
Если дерево, то отсѣкай длиннѣе.

—

Атазы—йохто уул баштак,
Энезі—йохто кыс баштак.
Безъ отца—сынъ шалунъ,
Безъ матери—дочь.

—

Ат май—былян,
Кыжі кепь—былен.
Конь беретъ жиромъ,
Человѣкъ—платьемъ.

—

Коп адын мергэнь болбос
Коп адын чечень болбос.
Отъ многаго стрѣлянья не будешь стрѣлецъ,
Отъ многаго болтанья не будешь краснорѣчивъ.

—

Кыжі тоны кырчі,
Кыжі ады терчі.
Чужое платье марко,
Чужой конь потливъ.

—

Ойлап бергэнь, сійрып алар.
Кто сначала подаритъ, тотъ послѣ обдеретъ.

—

Энезі яманын кызын алба,
Эжігы яманын уюнэ кырбе.
Не бери дочь худой матери,
Не входи во дворъ худаго человѣка.

—

Каба-тонду, бій эмтыр,
Кабын суразa, кул эмтыр.
Тюльгу тонду бій эмтыр
Тубін сураза іт эмтыр.
По дохѣ похожъ на господина,
А провѣдай карманъ—сталъ слуга.
По лисьей шубѣ можно почесть господиномъ,
А если спросить о происхожденіи,—вышелъ собака.

—

Чін улерды кам албас,
Торо улерды бай албас дедын-бе?
Кому назначено умереть, того камъ не отниметъ;
Кому съ голоду умереть, того и богачъ не спасетъ.

—

Артык айтпа,
Ажіра паспа.
Лишняго не говори,
За границу не шагай.

—

Балыкчінын колу ак,
Малчінын тюзю ак.
У рыболова бѣлы руки
У скотовода—лицо.

—

Улуду уюпта,
Янды убырба.
Стараго не поноси,
Большаго не топчи.

—

Тіль балуу онбос,
Агаш балуу онор.
Рана отъ дерева заживаетъ,
Отъ злаго языка—никогда.

—

Яхші аільчі кельгэньдэ, эззі тойор.
При хорошемъ гостѣ и хозяинъ сытъ будетъ.

—

Яхші тіль ярым аттын паазы.
Хорошее слово стоитъ половину лошади.

—

Рак саларкын,
Тюухтан аларзын.
Дальше положешь,
Ближе возьмешь.

—

Амырлаган айлік,
Кудпаурегэнь куньдюк.
Миромъ—на мѣсяцъ,
А насиліемъ—на день.

—

Ажін-тузун ійіп-отур,
Агылын айдып-отур.
Хлѣбъ-соль ѣшь,
А правду рѣжь.

—

Каза пасхан-яза базар.
Задравши голову, тотчасъ споткнешься.

—

Яман іть тюбедэн кабар,
Яман кыжі якадан тудар.
Злая собака хватаетъ за подолъ только,
Злой человѣкъ—за воротникъ.

—

Уюннун яхшізы курьбесь,
Ажі-тузунду курерь.
Не красна изба углами,
Красна она пирогами.

Кунь яманы кітар,
Кыжі яманы кітмесь.
Худая погода пройдетъ,
А злоба человѣческая—никогда.

—

Саяк тюрьзе, таяк тіирь.
Будешь жить худо, будешь грызть палку.

—

Яман кыжінын аягы сегыз, бажі тогуз.
У худаго человѣка восемь ногъ и девять головъ.

—

Ялку кыжіз ялгудун ажі этпесь.
Лѣнивому человѣку нѣтъ и корки огорѣлой.

—

Эськы наньджіны курюп-эрікпе,
Яны наньджіны курюп-япсыркаба.
Стараго друга увидишь—не отрекайся,
Къ новому не прилѣпляйся.

—

Яхші яманды більбэйт,
Яман кыжі яхшіны більбэйт.
Добрый человѣкъ зла,
А худой добра не помнятъ.

—

Буӧрку яхшіны курюп-алгынча,
Куӧгу яхшіны субар ал.
Не смотря на благовидность стана,
Уважай родъ добрый.

—

Яныс котурлу кой мун койны атартты.
Одна паршивая овца-цѣлое стадо портитъ.

—

Актак курьзюн тігебас,
Согур курьзюн, кыбакурь.
Видишь-ли хромаго, прихрамывай,
Видишь-ли слѣпаго, прищуривайся.

—

Ас кыжіде теп-была
Агын суда сал-была.
Въ малолюдствѣ легко соблюсти согласіе,
По теченію воды легко плотомъ плыть.

—

Он катап кэндэ,
Пірь катап кэсь.
Десять разъ примѣряй,
Однажды отрѣжь.

—

Акырын барган абра тау усьтюньдэ болор.
Тише ѣдешь, дальше будешь.

—

Кадын-кыжінын чачі узун, агылы кысха.
У женщины волосъ долгъ, да умъ коротокъ.

—

Кайзі ілгадан акан су,
База кайдып-агар.
Если вода побывала на лугу,
То и опять разольется.

—

Бал тутхан бармагын ялар.
Въ меду пальцы—всякъ самъ у себя оближетъ.

—

Ач катырын ток більбесь
Ярлы катырын бай більмесь.
Сытый голоднаго,
Богатый бѣднаго—не разумѣютъ.

—

Ынгыры улянган акылдан эртэнкы улянган акыл артык болор.
Утро вечера мудренѣе.

—

Агач тюмжагын курт пазар;
Юбаш кыжіны сёзь пазар.

Мягкое дерево червь точитъ;
Смирнаго человѣка—грубое слово.

—

Кыжі сені таш-былан атса,
Сень аны май-былян адыныс.
Когда бросятъ въ тебя камнемъ,
Ты брось масломъ.

—

Кыжінын куназын ачма
Узінын кунанябылар.
Чужой кровли не раскрывай,
Своя будетъ закрыта.

—

Кыжіэ чунурчак касма,
Узін чунурчака тюжерзін.
Не копай для другаго ямы,
Самъ въ нее ввалишься.

—

Кыжі йол курьзедырь
Азык берьмесь.
Чужой человѣкъ дорогу укажетъ,
А запасу не дастъ.

—

Ачуга ачінба
Сюунюшкэ сюуньбе.
Въ горести не унывай
И радости не слишкомъ предавайся.

—

Йіргал ілы-былян этпесь
Ачу аяг-алдынан чігар.
Радость въ годъ не придетъ,
А горесть изъ-подъ ноги выскочитъ.

—

Эткерь тен-учунда,
Коромжо кол учунда.
Несчастье только въ рукавъ,
А убытокъ уже въ руку лѣзетъ.

—

Улу-Бійды рактэбе, Кутайды біiктэбе,
Кудай öрё болзо, кузю тюмень,
Улу Бій рак болзо, бісь анын алыканда бісь
Кутайдын колунда бісь.

Не думай, что до Царя далеко, до Бога высоко;
Богъ хотя и высоко, но внизу Его око;
Царь и далеко, но у него на ладони,
А у Бога въ рукѣ.

—

Баш ярылза, бюрюк-ічіндэ,
Кол сынза йен-ічіндэ.
Голова-ли проломлена,—подъ шапку ее;
Рука-ль переломлена,—въ рукавъ ее.

—

Атазы яман озо сёгорь
Ады яман озо чабар.
У кого худой отецъ, тотъ ругаться любитъ;
Худой конь любитъ впереди ѣхать.

—

Бій білерды кул білер,
Сулемыкэ эрькы йок.
Рабъ иногда знаетъ и больше господина,
Да воли его языку нѣтъ.

—

Кускун кускунун кузюн тешпесь.
Воронъ ворону глазъ не выколетъ.

—

Уюку кось тежерь,
Уят баш ярар.
Лишній сонъ глаза выколетъ,
А постыдное дѣло голову сломитъ.

—

Тандагызын тан білер
Тан-аткажін кутай білер,
Завтрашнее завтра знаетъ,
Что будетъ на разсвѣтѣ, Богу извѣстно.

—

Бала куш учат-учат,
Конорго агажін таппайт.
Молодая птица и летаетъ,
Да гдѣ ночевать, не знаетъ.

—

Кудайга іженззн,
Боюн янылба.

На Бога надѣйся,
А самъ не плошай.

—

Унчукпаган кыжі уйче кара таштан кылар.
На молчаливаго человѣка хоть черный камень съ избу упадетъ,
онъ и тогда цѣлъ останется.

—

Кымчадан кынільган кырык іл тюрерь.
Отъ бѣдоваго часа уцѣлѣвшій, 40 лѣтъ будетъ жить.

Майдайдын тэрін палтырга сюртэрь,
Палтырдын тэрін мандайга сюртэрь.
Потомъ лица мажь икры у ногъ,
Потомъ икръ мажь лобъ,
Если такъ будешь трудиться, будешь богатъ.

—

Тюльгу тюнь конор,
Йол табар.
Лисица и ночь переночуетъ,
А слѣдъ найдетъ.

—

Яман атха мун камчі,
Яхші атха пірь камчі,
Яман кыжіэ мун сёзь айт
Яхші кыжіэ пірь сезь айт.
Худой лошади—тысяча плетей,
Хорошей лошади—одна плеть.
Худому человѣку тысячу словъ говори,
Доброму—одно слово скажи.

—

Ачуду курьбейчі татуды тібесь,
Соока тонбойчі, тюлуды кыйбесь.
Не видавши горькаго, не будешь ѣсть сладкаго,
Не померзнувъ на холодѣ, не узнаешь тепла.

—

Яказы-йок тон болбос,
Яргазы-йок бій болбос.
Шуба безъ воротника,
А начальникъ безъ разсудка—негодны.

—

Эртэ пасхан кыжі,
Экы казан ічерь.

Ранняя птичка носикъ очищаетъ,
Поздняя лишь глаза продираетъ.

—

Бій бірьгэнын тыжін
Ачіп курьбесь.
Князь не смотритъ въ зубы тому,
Кто даритъ ему.

—

Кöсь кычу тöбю тэрэн.
Глазъ и малъ, да дно глубоко.

—

Сагалда санаа-йок.
Бородой ума не мѣряютъ.

—

Суудагы санызын,
Эзрігэньдэ тілі-былан чігарат.
Что у трезваго на умѣ,
У пьянаго на языкѣ.

—

Эзюм менін ят болды,
Ойогум менін сырт болды.
Грудь моя спиною стала,
Родственникъ—бужанырюмъ.

—

Сыйляжарда ят якші,
Сыхтіжарда усь якші.
При пирѣ, при бражкѣ всѣ дружки,
При горести нѣтъ никого.

—

Дерт туйгакту ат-даа сюрнузет.
Конь и о четырехъ ногахъ, а спотыкается.

—

Найджіны мекелерзін,
Курсакты мекелебесін.
Друга обманешь,
А брюха не обманешь.

—

Колун-былан берегеле,
Пудан-была йоборзын.
Отдаешь (въ домъ) руками,
Устанешь ногами (выхаживать).

—

Кэдэ барардын кэльдынэн,
Ільгэры кэлердын ітьтінэн.
Подальше отойдешь отъ снохи,
Счастливо придешь отъ собаки.

—

Атхан ок таштан янбас,
Іігэнь эльчі йолдон янбас.
Пущенная стрѣла не ворочается отъ камня,
Посолъ не возвращается съ дороги.

—

Апсак одунун куль ачу,
Яман кыжінын тіль ачу.
Зола осиноваго дерева ѣдка,
Еще злѣе худой человѣкъ.

—

Яй кэлет, яіныл,
Кыш кэлет, кылыжін тудунуп.
Весна приходитъ—крылья распускаетъ,
Зима приходитъ—саблю держитъ.

—

Отхо салза, куйбесь
Туга салза, акпас.
Въ огонь тебя положить—не горишь,
Въ воду положить—не тонешь.

—

Кысха болгынча узун болзын,
Яман болгынча, якші болзын.
Чѣмъ быть короткимъ, лучше—долгимъ,
Чѣмъ быть худымъ, лучше—добрымъ.

—

Тонун эдэгынен тудул-кыйбесь,
Яказнан тудуп-кыэрь.
Не съ подола одежду надѣваютъ, а съ воротника,
Не у глупаго совѣта просятъ, а у умнаго.

—

Су ярнан ажіп талай болбос,
Кыжі бажін таштап каан болбос.
Рѣка, вышедшая изъ береговъ, не будетъ море,
Человѣкъ, бросивши умъ, не будетъ ханомъ.

—

Алды мойнун ок кэзерь,
Эрьнын мойнун йок кэзерь.

Шею звѣря пуля рѣжетъ,
Шею человѣка—бѣдность.

—

Арам бар болуп йон таныдым,
Адым бар болуп йол таныдым.
Отецъ у меня былъ—народъ зналъ,
Конь былъ—дорогу зналъ

—

Колун берзін, бажін анда.
Гдѣ твоя рука, тамъ и голова твоя.

—

Учінны бек тут,
Конжонны уру тутма.
Держи себя крѣпко,
Сосѣда воромъ не зови.

—

Сеньнын сыгыргынды,
Мень мунда біліп-аларым.
Ты тамъ только свистни,
А я здѣсь ужъ и смыслю.

—

Пірь ат эдэрь,
Мун ат алар.
Одна лошадь догонитъ,
Возьметъ 1000 лошадей.

Загадки.

Барып, барып йол йок; кезіп, кезіп кан йок.
Ѣду, ѣду—слѣду нѣтъ; рѣжу, рѣжу—крови нѣтъ.
(*Кэмэ-біле эштык.*
Лодка и весло).
Калтырь, култур, кочуп раат; кара йорго бош праат.
Стучитъ, гремитъ, сивый иноходецъ напередъ идетъ.
(*Мус барып-ят.*
Вскрытіе рѣки—ледъ идетъ).
Кур курдейт; кузень чарлайт; арык тёо пелін пурат; адырган тілан узун-ачат.
Вѣтеръ дуетъ; хорекъ кричитъ; сухой верблюдъ хребетъ сгибаетъ; полевой змѣй ротъ разѣваетъ.

1) *Узую эль урэні;* 2) *темір сарлаганы;* 3) *курюк;* 4) *кыскаш.*
1) *Воздухъ изъ кузнечнаго мѣха;* 2) *раскаленное желѣзо шипитъ;* 3) *мѣхъ кузнечный* и 4) *кузнечные клещи.*
Пырь мынчагак немечек, рак эрьгу чукулдаш.
Крохотная вещичка, а далеко видна.
(*Кунь, ілдыс.*
Солнце и звѣзды)
Тэнгэредэн тюшкендый тэмір-быле кыргандай.
Съ неба упала, какъ желѣзомъ выскоблена.
(*Тімыртка, яйцо*)
Мусха пудай текты.
По льду насѣяно пшеницы.
(*Тэнгэредэ ілдыс.*
Звѣзды на небѣ).
Айры агашха кар іікпас.
Къ развилистому дереву и снѣгъ не льнетъ.
(*Тандууду муузі.*
Рога у животныхъ).
Тілан тілып-ят, каігі качырып ят.
Змѣя ползетъ, за собой ремень волочетъ.
(*Інэ учугу-быле.*
Игла съ ниткой).
Тыэбызе тапкаяп; алып-тізе татучак.
Пну ногой—щепка; въ ротъ возьмешь—сладко.
(*Канза, курительная трубка*).
Эжіктэгы тапкай терю чарчабас.
Изъ-подъ порогу щепка въ передній уголъ не проходитъ.
(*Кэлін, сноха*).
Курендыктэ кумыш чеочель.
Въ оградѣ моей серебряная чаша.
(*Ай. Мѣсяцъ*).
Экы чочко орожуп-ят; ак кобугу чаачілып-ят.
Двѣ свинки дерутся, изо рта у нихъ бѣлая пѣна бьетъ.
(*Экы тэрмен-дээ талкан. Жернова и мука*).
Тыжі йок куртьяк кузук казан-ят.
У старухи нѣтъ ни одного зуба, а орѣхи щелкаетъ.
(*Соку. Ступка*).
Йенігіндэ турган чал-каін; он-беш салазы оре, он-беш салазы тюбэнь.
Передъ дверями стоитъ береза, пятнадцать вѣтвей къ верху, пятнадцать—къ низу.
(*Ай кэмі. Мѣсяцъ времени*).

Югурюк, югурюк, не югурюк?
Что быстрѣе всего?
(*Тіль. Языкъ*).
Тату, тату, не таду?
Что всего слаще?
(*Уюу. Сонъ*).
Ачу, ачу, не ачу?
Что всего горячѣе?
(*Улюм. Смерть*).
Кызыл ілік яткан эрьдэ элён чікпас.
Гдѣ полежитъ красный козелъ, тамъ и трава не растетъ.
(*От. Огонь, пожаръ*).
Тура туруп-ят, эжік-йок кыжі коп турада.
Безъ оконъ, безъ дверей, полна изба людей.
(*Кузук. Кедровая шишка*).
Кол-йок, пуд-йок, эрё чагап-яты.
Безъ рукъ, безъ ногъ, а на гору идетъ.
(*Тюдунь. Туманъ и дымъ*).
Баж агач, ічі кэндырь, пут таш.
Голова деревянная; брюхо льняное, ноги каменныя.
(*Сюзюрмэ. Неводъ*).
Бош чулан кыжі эрмектэжін-ят чідарга больміньят.
Полонъ дворъ людей; сидятъ тѣсно, а выйдти не могутъ.
(*Тыш уустаы. Зубы во рту*).
Энэкэмнын куськузюнь элю кыжі эрбесь.
Зеркало моей матушки пятьдесятъ человѣкъ не поднимутъ.
(*Эдырэнь. Гумно*).
Отус эки сар-ат ойлок эрін-ат.
Тридцать двѣ лошади бѣлыя—смирны, одна рыжая дурная.
(*Тыш, тіль. Зубы и языкъ*).
Белем-белем, белем-ат пелічіка куреп-ат; тулгачіка талбазат; талактізе эль-без-ат.
У бурой лошади тоненькая спинка; она на гору идетъ, не устаетъ; дождь пойдетъ, ее не вымочитъ.
(*Чімалы. Муравей*).
Эрегö аіл уркум коркум,
Ортодо аіл ізрак,
Тюменьго аіл алмын.
Верхнее жилье боязливо,
Среднее бурливо,
Нижнее жилье болтливо.
(*Кось, тумчук, тіль. Глаза, нось и языкъ*).

Примѣты.

Отъ рожденія мѣсяца до полнолунія (14 дней) не благополучные. Въ это время чистымъ духамъ не камлать, никакого дѣла не начинать, на промыселъ не пускаться. Въ промежуткахъ между старой и новой луной тоже ничего не дѣлать. (Когда-же работать-то?)

— Если палы весною горятъ недружно, то урожай хлѣба будетъ плохъ.

— Посѣвъ хлѣба опредѣляется печенью первой, попавшейся весною по разливѣ воды щуки. Если конецъ печени къ головѣ толще, предпочитается посѣвъ ранній; середка толще—средній; конецъ къ хвосту толще—поздній. Осѣдлые инородцы опредѣляютъ время посѣва тяжестію трехъ первыхъ куриныхъ яицъ, снесенныхъ весною. Тяжелѣйшее служитъ указателемъ.

— Если ноги рябчика оперяются, скоро будетъ зима.

— Много комаровъ—много роевъ.

— Кукушка закукукала на талой лѣсинѣ (почки не распустились)—ворамъ неудача.

— Кони валяются зимою къ бурану, лѣтомъ—къ дождю.

— Копыта у коней потѣютъ—къ теплу.

— Земляные черви выползаютъ изъ земли—къ дождю.

Рецензія на „Образцы народной литературы Тюркскихъ племенъ, живущихъ въ южной Сибири и Дзюнгарской степи", собранные В. В. Радловымъ. С.-Петербургъ, 1866 г.

Трудъ этотъ, безъ сомнѣнія, почтенный и заслуживаетъ полнаго вниманія филологовъ.

Содержаніе слѣдующее:

Первая глава грамматики, которую обѣщаетъ авторъ издать позже.

Пословицы въ количествѣ 91

Сказки 8

Житіе діакона Алтайской миссіи изъ инородцевъ, М. В. Чевалкова.

Повѣстей 15

Посланіе Чевалкова къ автору.

Десять заповѣдей Божіихъ.

Молитва Господня.

50 и 90 псалмы Давида.

Есть у г. автора и предисловіе, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „издаваемая нынѣ первая часть литературныхъ образцовъ заключаетъ въ себѣ поднарѣчія Алтая: алтайцевъ, телеутовъ, черневыхъ и лебединскихъ татаръ, шорцевъ и саянцевъ“ (стран. XII). Здѣсь дѣленіе поднарѣчій представляется намъ неправильнымъ, потому что Лебединскіе татары и шорцы суть Черневые-же инородцы, и какъ жители Большаго и Малаго Алтая суть алтайцы-же; притомъ Лебединскіе татары не могутъ быть представителями языка, такъ какъ однимъ языкомъ говорятъ съ ними и Кузенцы, и Кондомцы, а еще менѣе могутъ стать во главу Шорцы, ибо такое предпочтеніе будетъ обидно Каларцамъ, Изушерцамъ, Кызыльцамъ, Кійпамъ, Кобійцамъ, Каргинцамъ, Бежбояковцамъ, Барсоятцамъ и Абинцамъ, говорящимъ однимъ языкомъ. Поэтому, чтобы не противополагать Алтайцевъ Алтайцамъ-же и Черневыхъ инородцевъ Черневымъ-же, изслѣдователю поднарѣчій Алтая всего цѣлесообразнѣе раздѣлить жителей Алтая на слѣдующія группы:

1) Алтайскіе калмыки, по собственному ихъ названію *Ойротъ*; 2) Телеуты, по собственному ихъ произношенію *Телеңет*; 3) Кумандинцы, оставленные авторомъ въ тѣни, *Куманды кыжі* и 4) Черневые татары, по собственному названію *Туба кыжі*, также *ıыш кыжі*; *ıыш* значитъ лѣсъ, посибирски *чернь*.

Послѣдняя группа подраздѣляется: а) на *Бійцевъ*, по рѣчной системѣ р. Біи, сюда войдутъ и Лебединцы и Ь) *Мрасо-Кондомцевъ*, или Бирюссинцевъ, которые, по стран. 261 Географическо-Статистическаго словаря Росс. Имп. г. Семенова (С. П. Б. 1862 г. Томъ 1. Вып. 2) *исчезли*, а по странице 147 того же словаря *возродились* (см. ст. Аскызское село). Сюда войдутъ и Шорцы съ поименованными мною выше племенами.

„Сохранившій болѣе первоначальный Тюркскій характеръ, Алтайскій языкъ (т. е. языкъ Алтайскихъ калмыковъ) избранъ мною исходною точкою для изслѣдованія остальныхъ нарѣчій“ (стр. XII). Но это еще вопросъ? Напротивъ, въ Мрасо-Кондомскомъ поднарѣчіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе выдержанъ характеръ тюркскаго языка, нежели въ другихъ поднарѣчіяхъ. Наприм., только здѣсь въ концѣ словъ буква *г* удерживаетъ свое мягкое произношеніе: *іаг*—масло, *іеріг*—войско, *алыг*—глупый, *аг*— сѣть, *агыч*—горькій, *ізіг*—жаръ, *іізіг*—гнилой, *іыдыг*—острый, *іылыг*—теплый; *катыг*—жесткій, твердый, *куруг*—сухой, *кырыг*—берегъ, *олуг* — мертвый, *ойтуг*—врагъ, *палыг* — рана, *пaг*—веревка, *сурунуг* — любезный, *таг* — гора, *улуг*—великій, *агрыг*—большой, *щіӥіг*—опухоль и проч.

Тюркская форма множественнаго числа *лар* чаще удерживается въ Мрасо-Кондомскомъ нарѣчіи, нежели въ другихъ.

Звукосочетаніе *агы* у телеутовъ и алтайскихъ калмыковъ нерѣдко измѣняется слѣдующимъ образомъ: гортанная буква ослабляется до исчезновенія и затѣмъ бѣглая *ы* уподобляется предшествующей *а*: тюркское *агыз* — ротъ, *агыр*—тяжелый, *тагы* и, даже, вполнѣ сохранены только въ Мрасо-Кондомскомъ нарѣчіи, а въ другихъ измѣнились въ *аас*, *аар*, *таа*.

Звукосочетаніе *ыг* въ коренныхъ словахъ, въ концѣ или срединѣ слова, удерживается только Мрасо-Кондомцами, а въ алтайско - калмыцкомъ и телеутскомъ это *ыг* измѣняется въ *у*. Напр., изъ *іыг* (собери) вышло *іу*.

Въ производной приставкѣ притяжательныхъ или относительныхъ именъ *лыг*, гортанная *г* удерживается только у Мрасо-Кондомцевъ, у телеутовъ-же и алтайскихъ калмыковъ это *ы* измѣняется также въ *у*; напр., *ат*— лошадь, *атлыг*—имѣющій лошадь, у мрасо-кондомцевъ—*аттыг*, у телеутовъ и калмыковъ—*атту*.

Въ отглагольныхъ именахъ дѣйствія окончаніе бываетъ или *аг*, когда глагольная основа оканчивается на *а*, напр. *сураг*—спросилъ, отъ *сура*— спроси (объ измѣненіи этого окончанія сказано выше) или окончаніе бываетъ *ыг*, когда глагольная основа оканчивается на согласную или на бѣглую *ы*. Опять это окончаніе *ыг* удерживается только Мрасо-Кондомцами, а въ телеутскомъ и алтайско-калмыцкомъ измѣняется въ *у*. Отъ глагола *сат*— продай, *сатыг*—торговля, у Мрасо-Кондомцевъ—*садыг*, у телеутовъ и калмыковъ—*саду*.

Кажется, довольно и приведенныхъ примѣровъ, чтобы видѣть, что языкъ Алтайскихъ калмыковъ менѣе сохранилъ первоначальный тюркскій характеръ, нежели сохранилъ этотъ характеръ языкъ Мрасо-Кондомцевъ.

„Сказка о свѣтопредставленіи заимствована изъ Томскихъ Губернскихъ вѣдомостей“. Оттуда-же могли быть безвозбранно заимствованы: пословицы, пѣсни и загадки.

„Для точнѣйшаго обозначенія звуковъ татарскихъ поднарѣчій приняты мною слѣдующія буквы:

10 гласныхъ:

а, а, е, о, у, у, і, ы, у“ итого 9, а не 10, да и изъ этихъ двѣ буквы лишнихъ, именно *а* и *у*.

Буква *е* въ алфавитѣ показана, а въ текстѣ вездѣ замѣнена, и неудачно, буквою *а*. Двоеточіе, поставленное надъ буквами: *у* и пропущенною авторомъ въ русскомъ текстѣ *о*, смягчаетъ эти буквы. Это резонно. Но надъ буквою *а* то же двоеточіе уже не смягчаетъ, а измѣняетъ самый звукъ

изъ *а* дѣлаетъ *е*—букву, начертаніе которой уже существуетъ въ русскомъ алфавитѣ.

Для выраженія всѣхъ гласныхъ звуковъ Алтайскихъ поднарѣчій достаточны слѣдующія буквы:

толстыя:	соотвѣтственныя имъ тонкія:
а	е
о	о
у	у
ы	і

„30 согласныхъ" продолжаетъ авторъ. Переписывать ихъ не будешь, да это и неудобно по закорючковатости нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вмѣсто 30 согласныхъ, въ которыхъ почему-то не обрѣтается буквы г, достаточно слѣдующихъ 18:

к, г, н, J, р, л, т, д, ч, ч, н, с, з, ш, ж, п, б, м.

Слѣдовательно, оказываются излишними: *к*, имѣющее глубоко-гортанное произношеніе и, по мѣсту своего образованія въ гортани, близко къ русскому *х*. И простую букву *к* можно произносить глубоко-гортанно, по требованію языка, если знать правило, гдѣ она такъ произносится.

Произносится же она глубоко-гортанно тогда, когда предшествуетъ или послѣдуетъ толстой гласной буквѣ. Напр., *кара* — черный, *ак* — бѣлый, *кон*—ночевать, *ок*—стрѣла, пуля, *ку*—лебедь, *ук*—слышать, *кызык*—сельдь.

Если-же эта буква находится въ соединеніи съ тонкими гласными, то произносится по-русски. Напр., *керек* — потребность, *кок* — голубой, синій, *куук*—кукушка, *кірбік*—рѣсница.

Буква *х* излишняя потому, что ее вполнѣ замѣняетъ буква *к*, поставленная въ связи съ толстыми гласными.

Два *г* съ закорючками и латинское *h* излишни потому, что самъ авторъ въ одномъ и томъ-же словѣ употребляетъ и гортанное *г* и мягкое. Напр. стр. 314 въ строкѣ 112 *кыгырды* написано гортанно (съ закорючкой), а въ слѣдующей строкѣ тоже *кыгырды* мягко.

Буква *н* съ запятою внизу, загнутою въ правую сторону, необходима, но ее, какъ составляющую сліяніе двухъ согласныхъ *н* и *г*, логичнѣе изображать такъ, какъ она изображается въ сочиненіяхъ Алтайской миссіи—*н*.

Буквя *н* съ запятою вверху излишня, потому что нѣтъ того звука въ Алтайскихъ поднарѣчіяхъ, который бы выражала эта буква.

Изъ трехъ *j* достаточно на всѣ потребы одной. *J* основное значеніе имѣетъ подобное латинскому *j* и русскому *й*. Въ поднарѣчіяхъ Алтайскаго языка этотъ звукъ въ началѣ словъ представляетъ слѣдующія перемѣны: у Алтайскихъ калмыковъ—произносится какъ смягченное, едва слышное *т*, у Телеутовъ смягченный звукъ *т* слышенъ совершенно ясно; у Мрасо-Кондомскихъ татаръ произносится какъ смягченное *ч*.

Лучше-бы сдѣлалъ г. Радловъ, если бы во всѣхъ поднарѣчіяхъ принялъ эту букву, выговаривая ее въ каждомъ поднарѣчіи согласно съ сейчасъ сдѣланнымъ замѣчаніемъ. Единство начертанія намъ кажется предпочтительнѣе въ томъ отношеніи, что наглядно представляетъ происхожденіе и тожество словъ въ разныхъ алтайскихъ поднарѣчіяхъ. Напр., хотя и разными буквами начинаются, но совершенно тожественны слѣдующія слова:

Стран.	Строк.		Стран.	Строк.
330	149	чакшы=іакшы	44	495
326	8	чок=іок	85	863
380	146	чадыр=іадыр	104	633
318	253	чер=іер	5	70
313	97	чурду=іурду	12	51
339	269	чедіп=іедіп.	17	236
325	496	чіп=ііп.	20	341
314	133	чуртуна=іуртуна . . .	67	257
329	123	чажы=іажы	84	862
350	47	чуре=іуре	86	25
397	58	чалын=іалын.	—	41
329	132	чадар=іадар	88	119
347	157	черге=іерге.	14	115
324	475	чаткан=іаткан	16	187
325	478	чатты=іатты.	23	24
339	246	чыл=іыл.	25	106
350	43	черіне=іеріне.	26	126
324	469	чоным=іоным	40	347
350	43	чаізан=іаізан	42	430
331	191	чон=іон	52	757
349	2	чус=іус	61	71
347	175	чолда=іолда	64	179
348	203	четпен=іетпен	67	267
347	145	черден=іерден	70	360
—	149	чоктап=іоктап	83	149
326	3	чоны=іоны.	—	825

и т. д.

Латинская буква *l* совершенно излишня *Л*, какъ въ русскомъ языкѣ, такъ и въ алтайскихъ поднарѣчіяхъ, имѣетъ иногда толстый звукъ, какъ *лъ*, иногда тонкій, какъ *ль*. Именно, если оно предшествуетъ или послѣдуетъ толстой гласной буквѣ, тогда произносится толсто. Напр., *ал*—взять, *лап*—точно, отчетливо, *ол*—онъ, *оітоло*—возвращаться, *улу*—великій, *ылга*—выбрать, *палык*—рыба. Если же эта буква находится въ связи съ тонкими гласными, тогда и сама произносится тонко. Напр: *ел*—свой народъ, отече-

ство, *келегі*—заимка, *ол*—умереть, *олон*—трава, сѣно, *улгер*—притча, мудрое изрѣченіе, *олум*—смерть, *піл*—значить, *пілік*—знаніе. Поэтому, еслибы вмѣсто *кіжілар калді* (стр. 341, строка 329) стояло: *кіжілер келді* убытка оттого никому не было-бы.

Ч у алтайскихъ калмыковъ и телеутовъ не имѣетъ соотвѣтствующаго мягкаго звука, а у мрасо-кондомцевъ иногда слышится такой звукъ, подобный смягченному *дж*. Чтобы точно произносить этотъ звукъ, должно языкомъ едва только дотрагиваться до неба. Для начертанія его всего лучше можетъ служить *ч* съ принятымъ уже знакомъ смягченія въ другихъ буквахъ двоеточіемъ: *ч*, а неизвращенная буква *п* съ хвостикомъ внизу.

Въ алтайскомъ языкѣ не находится русскихъ звуковъ: *ц* и *в*, а потому и буквы эти излишни, что извѣстно, и „*Пазілаі Пазілаібыч* (у)"; см. стр. 113, 2 строка сверху.

При чтеніи текста книги бросаются въ глаза слѣдующія погрѣшности:

1) Не вездѣ соблюденъ *законъ созвучія*, состоящій въ томъ, что въ каждомъ словѣ гласные звуки должны быть или всѣ толстые, или всѣ тонкіе. Этому-же закону неуклонно подлежатъ всѣ грамматическія приставки: если къ слову толстыхъ звуковъ прибавляется приставка съ гласнымъ *а*, то въ словѣ тонкихъ звуковъ *а* замѣняется гласнымъ *е*, точно также *о* замѣняется *о*, *ы*—*і* и т. д. Словомъ, замѣняются одинъ другимъ гласные звуки, состоящіе въ одной парѣ. Примѣры: *аба*—отецъ, *абаларга*—отцамъ; *ене*—мать, *енелерге*—матерямъ; *кол*—рука, *колго*; *кол*—озеро, *колго*; *ат*—лошадь, *адым ет*—мясо, едім. Поэтому вмѣсто:

Стран.	Строк.	
325	110	полаін слѣдуетъ болаіын
358	318	тудужаін—тудужаіын
360	394	пажоннын—пежоннін
363	471	сагізон—сегізон
365	39	алаін—алаіын
366	60	табаін—табаіын
367	105	нанаін—нанаіын
369	171	чаттон—четтон
370	198	сілады—сылады
1	1	тудаін—тудаіын
4	46	уіадаір—уіадаіыр
4	76	мактаір—мактаіыр
—	78	каінаір—каінаіыр
352	100, 103, 97	аккал—а-кел
343	20	саін—заіын.

Исключеніе изъ приведеннаго правила *о законѣ созвучія* составляетъ притяжательная приставка 1-го лица множественнаго числа *біс*, которая не измѣняется въ толстые звуки и при словѣ толстыхъ звуковъ, но при этомъ слѣдующія за ней падежныя приставки согласуются съ самымъ словомъ: *адабіска*—нашему отцу.

Противъ этого исключенія погрѣшаютъ слѣдующія слова:

Стран.	Строк.	
351	64	аітпаспыс—аітпасбіс
—	69	таппамыс—таппабіс
355	224	поларбыс—боларбіс
366	180	парбаспыс—парбасбіс
270	216	канызыжарбыс—каныгыжарбіс
—	217	саларбыс—саларбіс
374	335	полгамыс—болгабіс

2) *Законъ смягченія* буквъ еще болѣе нарушенъ авторомъ, нежели законъ созвучія. Жесткіе согласные и соотвѣтствующіе имъ мягкіе замѣняются одни другими, смотря по ихъ мѣсту въ составѣ слова и соотношенію словъ. Въ началѣ слова, въ концѣ слова, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ жесткимъ согласнымъ звукомъ можетъ стоять только жесткій звукъ; напротивъ, между гласными, послѣ мягкаго согласнаго и въ то же время предъ гласнымъ долженъ стоять звукъ мягкій. Поэтому, когда слово, оканчивающееся на жесткій согласный звукъ, принимаетъ, напримѣръ, притяжательную приставку *ы* или *ым*, тогда жесткій звукъ замѣняется однороднымъ по органу произношенія мягкимъ. Точно также, если слово, начинающееся жесткимъ звукомъ, стоитъ за словомъ, оканчивающимся на гласный или мягкій согласный звукъ,—въ такомъ строѣ, при связномъ произношеніи, на мѣсто жесткаго звука является соотвѣтственный ему мягкій. Поэтому, слѣдующія слова изображены неправильно:

Стран.	Строк.	
314	131	паза парды вм. база барды.
320	340	полды—болды
321	378	тадір—дедір
322	383	параін—береін
323	416	паза—база
223	430	пажатты—божатты
325	488	пірга—бірге
325	497	пардiлар—берділер
327	54	парып—барып
329	126	паралік—берелік
—	131	пурунда—бурунда
334	105	полган—болган

Стран.	Строк.	
343	14	пала—пала
344	69	тап—деп
348	196	полза поги—болза болги
351	67	піска парар—біске берер
—	69	таді—деді
363	477	тадір—дедір
168	25	таш—даш
343	20	саін—заіын и проч.

3) Буква *j* въ срединѣ слова часто, а въ концѣ—всегда замѣняется буквой *i*.

Стран.	Строк.	
314	112	кыігырды—каігырды
319	282	каізы—каізы
320	345	каіда—каіда
322	413	аідар—аідар
348	193	пагі коі—пагі коі
371	240 241 245	тоі, тоіды—тоі, тоіды
—	240	аі—аі
1	1	санаізын—санаізын
—	2	куіругу—куіругу
—	4	аідалбас—аідалбас
—	6	оі—оі
2	12	уіку—уіку
—	15	паі—паі
—	16	куібазін—куібазін
—	17	каіназам—каіназам
2	22	туігагы—туігагы
3	30	поідондын—поідондын
—	—	моімын—моімын
—	39	полбоіттон—полбоіттон
4	47	аімагы—аімагы
6	84	саігакчы—саігакчы
		и т. дал.

4) Буква *е*, изгнанная окончательно изъ текстовъ, замѣнена буквою *о*.

Стран.	Строк.	
366	166	одургон—одурген
338	215	удуго—удуге

Стран.	Строк.	
340	311	олбон—олбен
342	369	чурбон—іурбен
344	65	корсо—корзе
—	66	устуно—устуне
345	99	олтургон—олтурген
347	165	олбос—олбес
350	50	тундо—тунде
373	322	кунго—кунге и т. под.

5) Употребленіе въ Мрасо-Кондомскомъ поднарѣчіи вмѣсто *м* буквы *б*.

Стран.	Строк.	
324	454	каморта—каборта
332	33	азанма—езен-бе?
—	34	паларзынма—паларзын—ба?
333	52	парганма—парган—ба?
346	141	тарынмас—тарыбас
356	231	мындазынма—мындазын-ба?

и наоборотъ *б* вмѣсто *м*:

344	69	кічігбін—кічіг-мін

6) Неотдѣленіе послѣ слоговъ и другихъ частицъ:

Стран.	Строк.	
323	440	пазок вм. баз—ок
—	449	кылышпыла—кылыш—пыла
325	513	абакаіыбыла—абакаіы—была
333	65	чуганбіла—іуген—біле
339	274	алыппа—алып—ба
—	—	кіжіба—кіжі—бе
341	320	окпыла—ок—пыла
346	140	чоныбыла—іоны—была
—	—	малыбыла—малы—была
347	158	полдыба—болды—ба
351	79	соспіла—сос—піле
352	117	чыдабыла—чыда—была
354	165	колбыла—кол—была
366	57	азакпыла—азак—пыла
5	67	маібылан—маі—былан
6	88	поручілап—пору—чілеп
—	—	ширічілап—ширі—чілеп
199	12	тагаіла—тегеі—ле
200	19	ползочы—ползо—чы
—	20	калзачі—келзе—чі

7) Нѣтъ единства въ написаніи глаголовъ, стоящихъ рядомъ и служащихъ одинъ другому вспомогательными. Иногда эти глаголы соединяются между собою чертою (—), иногда нѣтъ.

Стран.	Строк.	
		а) соединены:
321	352	тіргізіб—алды
320	338	туруб—алды
—	357	парыб—оттурза
333	51	парыб—юсты
345	81	орлаб—олган
146	130	шаб—ыза—берді
347	167	ага—берді
347	169	шагыб—алды
350	55	туб—алтыр
353	146	атпан—дыр
4	49	олуп—тір
—	—	калып—тір
37	267	туруп—іаткан
15	163	адыжып—іатканын
14	130	іуруп—іадым
15	162	парып—іадала
16	188	адып—іат
16	304	пазып—іат
21	376	оінодып—іат
24	76	туруп—іатты
26	1	чап—іап
27	14	чап—іатты
29	72	алып—іадым
—	87	чагып—іат
31	49	санап—іазынар
37	267	туруп—іаткан
		б) не соединены:
320	332	ылгап чадыр
—	333	сыктап чадыр
—	337	чалбіп чадыр
334	83	аіт чар
—	106	сурап чар
343	8	пар чар
345	93	пар тыр
146	132	кіріп парды
347	149	чоктап тыр
—	150	кал іур

Стран.	Строк.	
349	22	кал чар
350	58	пілар тап
354	181	чат калді
3	4	сурап ал
20	341	ііп салды
37	266	келіп іат
50	707	кечіп чыкты
83	796	іедіп калді

8) Въ словахъ десятословія (стран. 192): тургуспагын, башко ібогын, аітпагын, езенгін, кылынгын, кундулегін, олтурбегін, чаігактагабагын, урлабаган, саіактабаган, качаланбагын—окончаніе *ын*, означающее просьбу, моленіе, а не заповѣдь или повелѣніе, слѣдуетъ откинуть, а въ 50-мъ псалмѣ (стран. 194 ст. 13) къ слову: *кедерлетпе*, напротивъ, прилично прибавить *гін*. Въ этомъ же 13 стихѣ слово „духъ“—*тын* переведено *сагыш*. Но *сагыш* значитъ: душевныя способности и нравственныя качества вообще: умъ, мысль, дума, сердце, расположеніе къ чему-нибудь. *Сагышка кірбеіт*—не понятно *сагышту тунде амыріок*—въ думную ночь нѣтъ покоя. *Аксагышту*—добродѣтельный, благочествый; *кара сагышту* — злонамѣренный, злодѣй; *сагыжі іетпес*—глупый. *Едерге сагыш іок*—нѣтъ расположенія дѣлать.

Не смотря, впрочемъ, на указанные мною недостатки, благое желаніе автора и цѣль его труда—обогатить запасъ свѣдѣній о Тюркскомъ нарѣчіи (см. стр. XXII)—достигнуты.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Ц.

Ч.

Ш.

Ю.

Я.

Э.

Ы.

Труды Этнографическаго Отдѣла

содержатся въ слѣдующихъ томахъ „Извѣстій Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи".

„Извѣстія". „Труды".
Томъ. Томъ.

VII. I*. **Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ, ей прилежащихъ. Кн. I-я.** (Публичныя лекціи передъ открытіемъ Этнографической выставки 1867 г.: Я. И. Вейнберга, П. И. Медвѣдева, А. С. Петровскаго, А. П. Богданова, Н. Д. Никитина, М. Н. Капустина, В. Н. Лешкова, Ѳ. И. Буслаева, И. К. Бабста, С. М. Соловьева, И. Д. Бѣляева, П. К. Щебальскаго, К. К. Гёрца, А. С. Владимірскаго). *Изд. В. А. Дашкова.* 1868 г. Ц. 3 р.

XII. II*. **Сборникъ антропологич. и этнографич. статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Кн. 2-я.** (Народныя пѣсни латышей, Ѳ. Я. Трейланда-Бривземніаксъ. Съ прил. 6 табл. хромолитогр. типовъ народностей). *Изд. В. А. Дашкова.* 1873 г. Ц. 4 р.

XIII, в. 1. III, 1. в. **Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1867—1874 гг. (засѣд. 1—12), съ приложеніемъ статей.** 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.

Статьи: 1) Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, Стеф. Верковича.—2) О появленіи ламаизма въ Забайкальѣ и о вліяніи его на бытовую жизнь бурята-кочевника, Н. Г. Керцелли.—3) Программа этнографическаго народнаго календаря, А. Л. Дювернуа.—4) Объ этнографическихъ трудахъ митрополита Иннокентія, докладывалъ Н. А. Поповъ.—5) Обзоръ этнографической литературы о чехахъ и словакахъ (двѣ статьи), Колоусека.—6) Одежда каменнобродскихъ русскихъ и мордвиновъ, А. Примѣрова.—7) Домашній бытъ маріупольскихъ грековъ, А. Анторинова.—8) О пермякахъ, П. Вологдина.—9) Свадебные обычаи у болгаръ, Жинзифова.—10) Раскопки коломенскихъ кургановъ, Анастасьева.—11) Проектъ этнограф. изслѣдованія о-ва Эзеля, бар. Зассъ-Касселя.—12) Этнографическія замѣтки, Н. Г. Керцелли.—13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодской губ., К. Попова.—14) О Мезенскихъ самоѣдахъ, Н. Г. Керцелли.—15) Сельскіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Суражскаго у., Дударева.—16) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ въ 1873 г., Е. В. Барсова.—17) Объ историческомъ значеніи праздника въ честь бурхана Майдори, совершаемаго бурятами, Н. Г. Керцелли.—18) Сѣверныя сказанія о лембояхъ и удѣльницахъ, Е. В. Барсова.—19) Замѣтка изъ этнографіи Сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—20) Обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ у., Е. П. Добрынкиной, съ замѣткой Е. В. Барсова.—21) Изъ исторіи народнаго двоевѣрія, Н. А. Покровскаго.—22) Юрьевъ день, Е. В. Барсова.—23) О кладоискателяхъ въ Зубцовск. у., Квашнина-Самарина.

XIII, в. 2. III, в. 2. **Зыряне и Зырянскій край.** К. А. Попова. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.

XXVIII. IV. **Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1874—77 гг. (засѣд. 13—25), съ приложеніями.** Ц. 2 р.

Статьи: 1) О французскомъ художникѣ-этнографѣ Теодорѣ Валеріо, Н. А. Попова.—2) Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, П. В. Шейна, съ замѣчаніями В. Ѳ. Миллера.—3) Вѣрованія и обряды бѣлоруссовъ, В. и А. Зенковичей.—4) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ Сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—5) Этнографическія наблюденія по Волгѣ, Ф. Д. Нефедова.—6) Васильевъ вечеръ и Новый годъ въ Муромскомъ у., Е. П. Добрынкиной.—7) Обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей на р. Орели, Е. В. Барсова.—8) Обворъ этнограф. данныхъ, помѣщенныхъ въ „Нижегородск. Сборникѣ", И. Ф. Кудрявцева.—9) Охотничье право собственноети у Зырянъ, К. А. Попова.—10) Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской г., А. Ѳ. Можаровскаго.—11) Крестьянская свадьба въ Мценскомъ у., П. М. Апостольскаго.—12) Башкирское преданіе о лунѣ, Л. В. Лосіевскаго.—13) О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Спенсера, П. М. Апостольскаго.—14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, В. Ѳ. Миллера.

XXX, в.1,2. V, в.1,2. **Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ.** П. С. Ефименка. 1877—1878 гг. Ц. 6 р.

Вып. 1. Описаніе внѣшняго и внутренняго быта. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Вып. 2. Народная словесность. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к.

XL. VI. **Матеріалы по этнографіи латышскаго племени.** (Пословицы, загадки, пого-

„Извѣстія". Томъ.	„Труды". Томъ.	
		ворки, врачеваніе и колдовство). Ѳ. Я. Трейланда (Бривземніаксъ). 1881 г. Ц. 3 р. 50 к.
XLVIII, в. 1.	VII.	**Протоколы засѣданій Этнограф. Отдѣла за 1877—84 гг. (засѣд. 26—48), съ приложеніями.** 1886 г. Ц. 2 р. Статьи: 1) Потеряла-ли законную силу бытующая старина въ сознаніи русскаго народа? Н. А. Покровскаго.—2) Малорусская свадьба въ Константиновскомъ у., Сѣдлецкой губ., Н. А. Янчука.—3) Приговоры и причеты о табакѣ, П. В. Шейна.—4) О гиляцкомъ языкѣ, д-ра Зеланда.
XLVIII, в. 2.	VIII.	**Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла за 1885—87 гг. (засѣд. 49—65.)** 1888 г. Ц. 2 р. Статьи: 1) Гр. Ал. Серг. Уваровъ (некрологъ), В. Ѳ Миллера.—2) Н. И. Костомаровъ (некрологъ). Его-же.—3) А. Л. Дювернуа (некрологъ). Его-же.—4) Характерныя дѣтскія игры нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ, Е. А. Покровскаго.—5) О юридическомъ бытѣ татовъ, М. М. Ковалевскаго.—6) Слѣды языческихъ вѣрованій у маньзовъ, Н. Л. Гондатти.—7) Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири. Его-же.—8) Программа для собиранія этнограф. свѣдѣній, сост. Н. А. Янчукомъ.—9) Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ, сост. М. Н. Харузинымъ.
LXI.	IX.	**Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I.** 1889 г. Ц. 2 р. Содержаніе: 1) Памяти М. Н. Харузина (съ прил. портрета), В. Ѳ. Миллера.—2) Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи, П. М. Богаевскаго.—3) О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ., В. Кандинскаго.—4) О доказательствахъ на волостномъ судѣ, А. Паппе.—5) Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда, А. П. Звонкова.—6) Объ участіи сверхъестественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ., П. И. Астрова.—7) По Минской губерніи (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 году), Н. А. Янчука.—8) Петербургскія балаганныя прибаутки, записанныя В. А. Кельсіевымъ, А. Кельсіева.—9) Изъ русской народной космогоніи, передано С. Я. Деруновымъ.—10) Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Николая Харузина.—11) Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ., В. П. Тихонова.—12) О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ, В. Н. Аршинова.—13) Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. (прилож. къ ст. П. М. Богаевскаго).—14) Напѣвы бѣлорусскихъ пѣсенъ (прилож. къ статьѣ Н. А. Янчука).
LXVI.	X.	**Русскіе Лопари (Очерки прошлаго и современнаго быта)**, Н. Харузина. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.
LXIX, в. 1.	XI, в. 1.	**Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вп. II.** 1890 г. Ц. 2 р. Содержаніе: Матеріалы по этнографіи Вологодской губ., Н. А. Иваницкаго. — Вологодскіе напѣвы, записан. М. М. Куклинымъ.—Замѣтка о Вологодскихъ пѣсняхъ, Ю. Н. Мельгунова.
LXIX, в. 2.	XI, в 2	**Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. III.** 1891 г. Ц. 2 р. Содержаніе: Матеріалы для изученія обычнаго права среди крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ., В. П. Тихонова.—Указатель къ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, помѣщенныхъ въ „Трудахъ Коммиссіи по преобразованію Волостныхъ Судовъ", В. П. Племянникова.
LXXV, в. 1.	XII, в. 1.	**Шаманство (Сравнительно-этнографическіе очерки). Вып. I** В. М. Михайловскаго. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Циркулярнымъ предложеніемъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія гг. Попечителямъ Учебныхъ Округовъ, отъ 20 мая 1889 г., за № 8790, „Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ", **рекомендованы** для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднеучебныхъ заведеній съ уступкою **40%**. Изданія Общества и его Отдѣловъ продаются въ книжныхъ магазинахъ и въ складѣ при канцеляріи Общества: **Москва, Политехническій Музей.**

*) Томы I и II „Трудовъ" остались въ небольшомъ количествѣ только у издателя В. А. Дашкова. Обращаться въ Московскій Публичный и Румянцевскій Музеи.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Этнографическаго Отдѣла.

ОЧЕРКИ БЫТА АСТРАХАНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ.

Этнографическія наблюденія 1884—86 г. ***Ир. А. Житецкаго.***

(„Извѣстія" Общества Любител. Ест., т. LXXVII, в. 1. „Труды" Этнографич. Отдѣла, т. XIII, в. 1).

I. Бытовая обстановка Астраханскихъ калмыковъ.
II. Обычно-обрядная жизнь Астраханскихъ калмыковъ.
III. Ламаитское духовенство у Астраханскихъ калмыковъ.
IV. Ламаитская религія, науки и искусства среди Астраханскихъ калмыковъ.

Въ приложеніи 12 таблицъ рисунковъ и фототипій.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ВСКОРѢ ВЫЙДЕТЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ СБОРНИКЪ

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

Русскія былины старой и новой записи,

издаваемый Этнографич. Отдѣломъ подъ редакціей акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ѳ. Миллера.

ВЪ ЭТОТЪ СБОРНИКЪ ВОЙДУТЪ:

I. Былины изъ рукописныхъ сборниковъ XVIII в.
II. Былины, записанныя въ недавнее время, не изданныя раньше.
III. Былины, появившіяся въ печати въ разныхъ изданіяхъ и не вошедшія въ прежніе сборники.

ПЕРВЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ,

устроенный Этнографическимъ Отдѣломъ 11-го марта 1893 г.

ТЕКСТЫ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ

(великорусскихъ, бѣлорусскихъ, малорусскихъ, болгарскихъ, польскихъ, литовскихъ, грузинскихъ, армянскихъ, киргизскихъ, сартскихъ, чувашскихъ и ново-греческихъ), съ переводомъ инородческихъ на русскій языкъ.—

Цѣна 15 коп.